

ГЕНРИХ V

ГЕНРИХ V

Десмоуң Сьюард

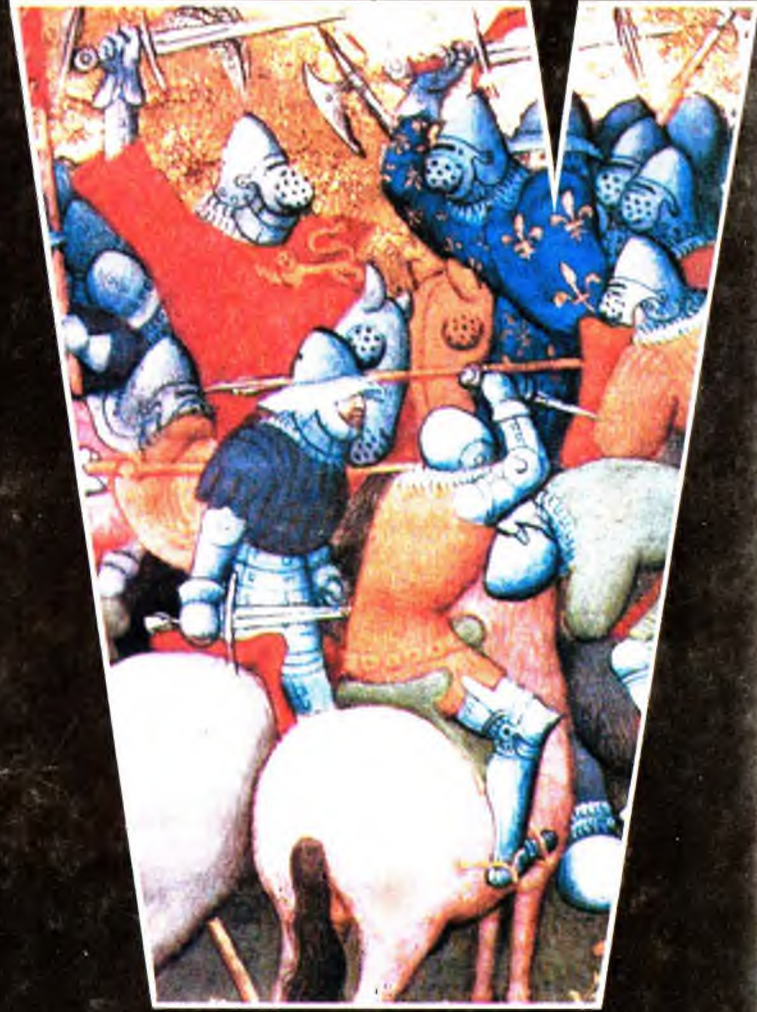
ТИРАНИЯ

ТИРАНИЯ

ГЕНРИХ V

Десмоуң Сьюард

ГЕНРИХ V

Десмонд Сьюард

ТИРАНИЯ

Десмонд Стьюарт

ГЕНРИХ V

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1996

ББК 63.3 (4Г) 6

С 96

УДК 943. 0 (093)

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *Т. Н. Замиловой*

Под общей редакцией *И. П. Щерова*

Научный редактор *Ю. Е. Ивонин*

Художник *А. А. Шуплецов*

Сьюард Д.

С 96 ГЕНРИХ V/Пер. с англ. Т. Н. Замиловой. Под
общ. ред. И. П. Щерова; Худож. А. А. Шуплецов.—
Смоленск: «Русич», 1996.— 400 с.— (Тирания).

ISBN 5-88590-394-8.

В книге современного английского историка дается новая трактовка образа одного из самых известных монархов, годы правления которого пришлись на первую половину XV века. Под пером Д. Сьюарда Генрих V предстает не просто тривиальным тираном, но также и талантливым дипломатом и полководцем. Данное исследование дает достаточно ясное представление о личности английского короля на фоне бурных событий далекой эпохи, приближает читателя к разгадке «феномена» Генриха V.

С 9430000000

ББК 63.3 (4Г) 6

- © by Desmond Seward, 1987
- © Перевод. Т. Н. Замилова, 1995
- © Составление, разработка серии.
«Русич», 1995
- © Оформление. А. А. Шуплецов,
1996

ISBN 5-88590-394-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Английский король Генрих V (1437-1422 г.г.) обычно ассоциируется в сознании большинства наших читателей с образом этого монарха в исторических хрониках великого английского драматурга Уильяма Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V». В первой хронике Генрих, тогда еще принц Уэльский, веселый, остроумный, собутыльник легендарного шекспировского персонажа Джона Фальстафа (пьяницы и острослова), в чем-то обаятельный и, в общем, далекий от того сурового и величественного воина и властелина, каким он предстает в «Генрихе V».

Современный английский историк Десмонд Сьюард дает уже новую трактовку образа этого короля, отличающуюся от обычных его характеристик в английской и французской исторической литературе. Впрочем, читатель сам может об этом узнать при чтении книги Сьюарда.

Автор этой книги известен как мастер историко-психологического жанра. Он написал более десятка разнообразных биографий (от средневековых королей до Наполеона и Гитлера) и имеет хорошую репутацию как автор научно-популярных книг. В этом смысле его можно сравнить, пожалуй, с французскими историками Эрланжером и Бордоновом и еще несколькими известными представителями подобного жанра.

Генрих V под пером Сьюарда предстает не просто каким-то тривиальным тираном с психопатологическими отклонениями, параноиком или невропатом. Отнюдь нет! Он достаточно разумный государь, пекущийся о благе Англии и ее народе, умный администратор, тонкий дипломат и блестящий полководец. Но было в нем все же нечто, что заставляло его непреклонно осуществлять задуманное им покорение Франции с необычайными даже для того отнюдь не гуманного времени жестокостью и беспощадностью. Сьюард показывает, что Генрих V пытался завоеванием Франции доказать, что он имеет полное право на английскую корону и что узурпация английского трона его отцом была вполне оправданной и являлась проявлением божественной воли. Заметим, что последнее было ярким проявлением средневекового мышления людей этой эпохи.

В работе Сьюарда заметна еще одна мысль о том, что политика Генриха V во Франции создала взаимное недоверие между англичанами и французами, которое сказывалось на протяжении многих столетий. Ведь французы долгое время опасались вторжения со стороны англичан. Да и англичане не исключали возможности французской интервенции.

Думается, что основанная на хорошем знании источников и специальной литературы книга Сьюарда дает достаточно ясное представление о личности и политике одного из самых известных европейских монархов XIV-XV вв. и, может быть, приближает нас к разгадке «феномена» Генриха V.

Ю. Е. ИВОНИН

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Написать эту книгу мне посоветовал мистер Майкл Дормер. Ему я выражаю наибольшую благодарность.

В большом долгу я перед графом и графиней Пьером де Монталембер, а также графом Артуром де Монталембер за то, что они предоставили мне бесценные сведения о Столетней войне в Нормандии и Мене и за разрешение использовать фотографию их замка в Лассайе. Особую благодарность я приношу Сюзанн, виконтессе Мунгарре, за помощь в работе, читку машинописи, за фотографии, за то, что показала мне те места Франции, которые связаны с Генрихом V и его сподвижниками. Я также премного обязан Питеру Друммонд-Мюррею из Мастрика за читку корректуры.

Кроме того, мне хотелось бы выразить свою благодарность персоналу Британской и Лондонской библиотек за помощь в работе, а также общественным библиотекарям Брукса, мистеру Пьеру Диксону и мистеру Жану Самарезу Смиту.

Восстание Глендоуэра

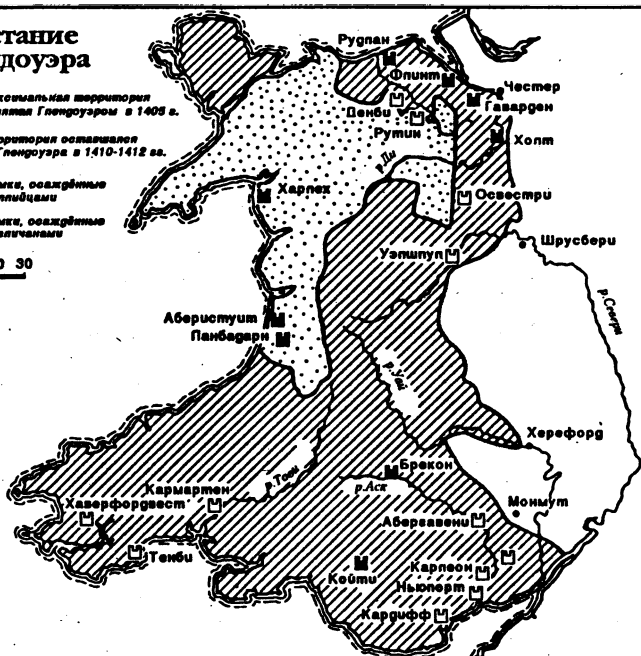
 Максимальная территория
завлечена Глендоуэром в 1400 г.

 Территория оставшаяся
у Глендоуэра в 1410-1412 гг.

 Замки, осажденные
валлийцами

 Замки, осажденные
англичанами

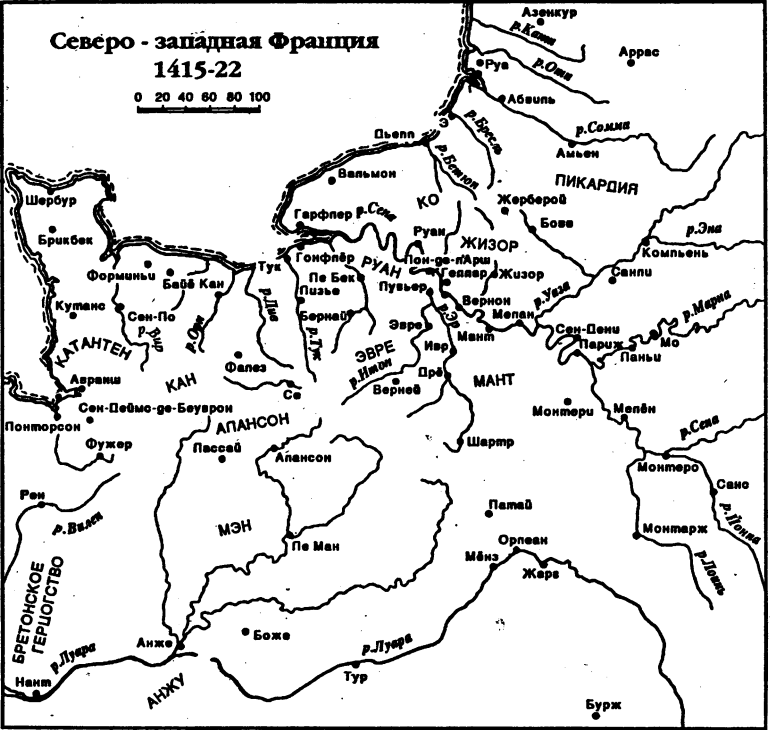
0 10 20 30

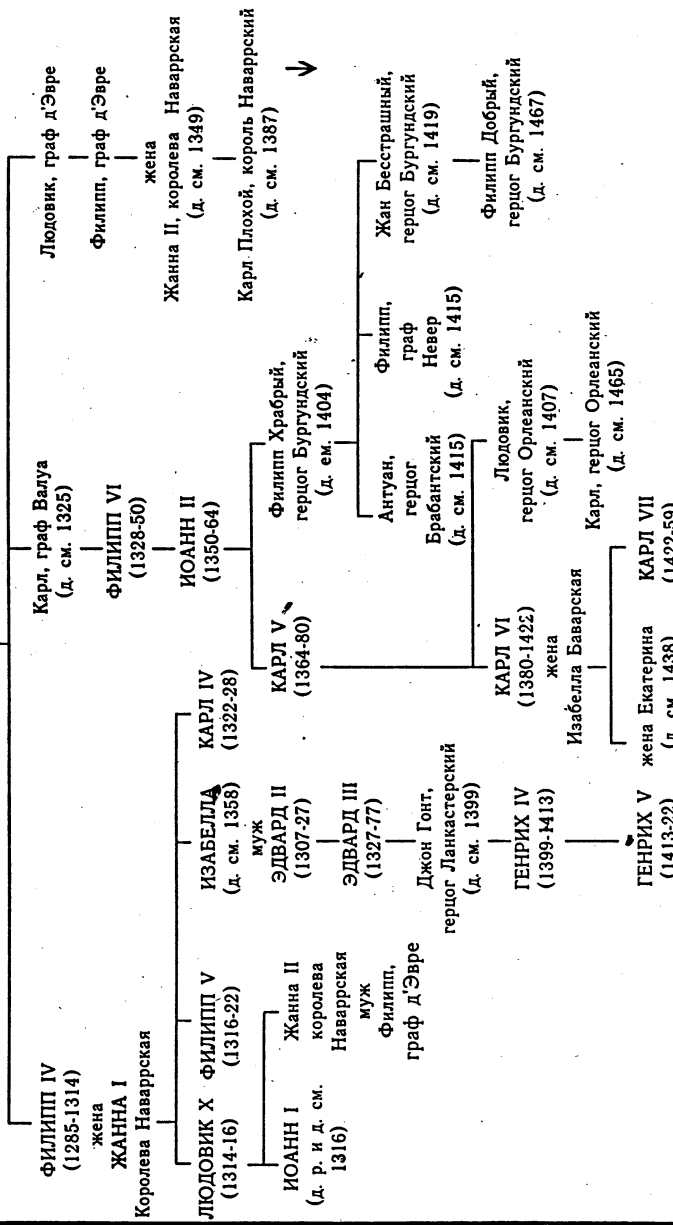
Северо - западная Франция

1415-22

0 20 40 60 80 100

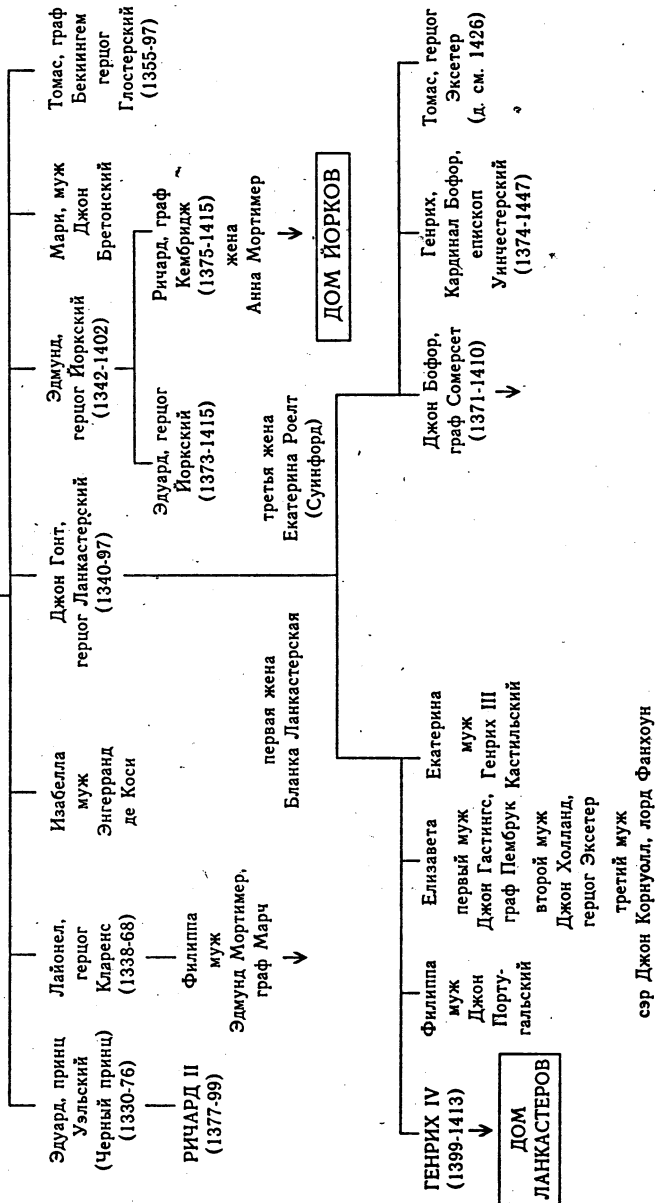

ФИЛИПП III (1270-85)

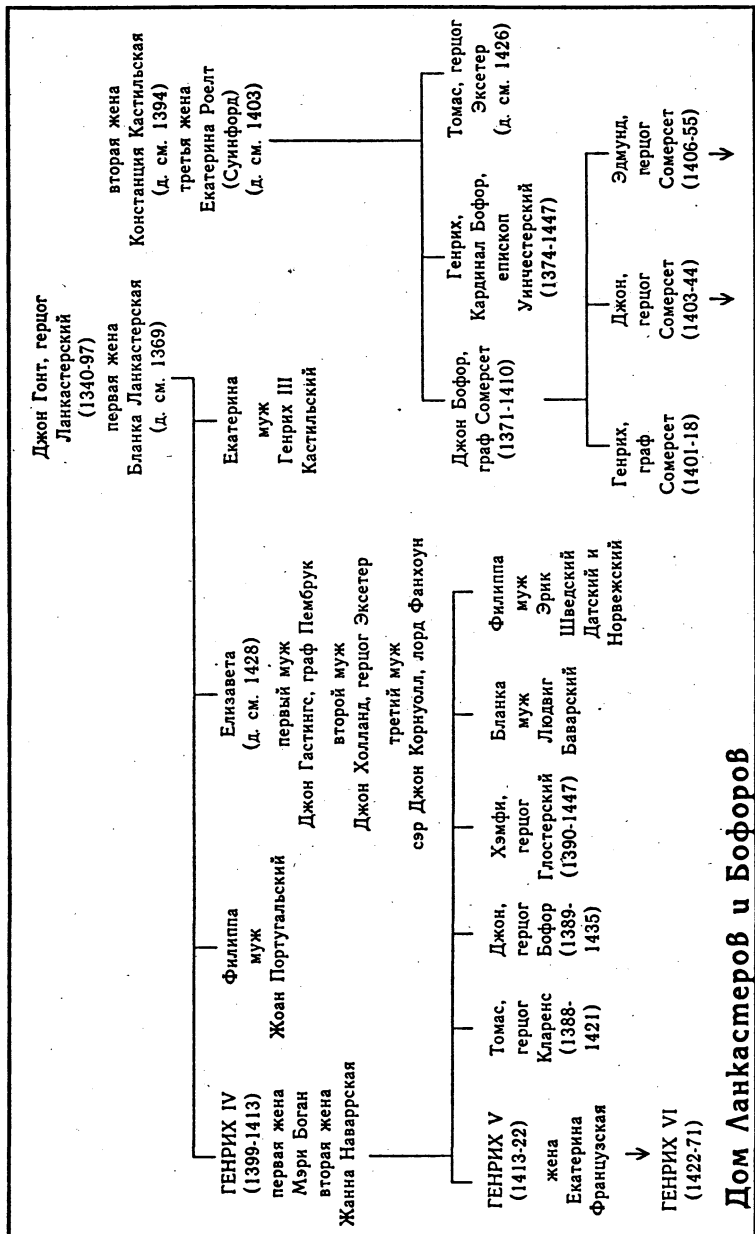

Права Генриха V на трон Франции

ЭДУАРД III (1327-77) женат на Филиппе Геннегау

Дети и внуки Эдуарда III

Дом Ланкастеров и Бофоров

ХРОНОЛОГИЯ

- 1387 16 сентября рождение Генриха в Монмуте.
- 1394 Смерть его матери.
- 1398 Изгнание его отца, Болингброка.
- 1399 Сопровождение Ричарда II в Ирландию. Болингброк смещает Ричарда II и занимает трон под именем Генриха IV. Генрих становится наследником трона и получает титул принца Уэльского.
- 1400 Убийство Ричарда II. Поход с отцом в Шотландию. Бунт Оуэна Глендоуэра, провозглашение его принцем Уэльским. Поход с отцом в Уэльс.
- 1402 Генрих и Хотспер снова захватывают Конви. Осенний поход Генриха с отцом на Уэльс.
- 1403 Назначение его заместителем короля во время кампании в Уэльсе. Весенние походы в Уэльсе, поджог домов Оуэнов. 21 июля — ранение в битве против Хотспера у Шрусбери. Осенние походы в Уэльсе.
- 1405 Заговор с целью возведения на трон графа Марча. Подавление восстания архиепископа Скроупа. Вторжение в Англию франко-валлийской армии. Осенние кампании в Уэльсе.
- 1406 Назначение Генриха помощником короля в Уэльсе. Летние кампании в Уэльсе. Осада Аберистуита. Осенние походы с отцом в Шотландию.
- 1408 Поражение и смерть графа Нортумберлендского при Бремхем Муре. Сдача Аберистуита.
- 1409 Сдача Гарлеха.
- 1410 Становится главой Королевского Совета во время болезни своего отца.

- 1411 Выздоровление отца и увольнение его из Совета. Английская экспедиция во Францию с целью оказания помощи Бургундии.
- 1412 Английская экспедиция во Францию с целью оказания помощи арманьякам. Заподозрен в заговоре против отца.
- 1413 Смерть в марте Генриха IV, возведение на трон Генриха V.
- 1414 Подавление в Лондоне мятежа лоллардов.
- 1415 Саутгемптонский заговор против Генриха V и попытка восстановить на троне Марча. Августовское вторжение в Нормандию. Сентябрь. Падение Гарфлера. 25 октября – поражение Франции при Азенкуре.
- 1416 Визит в Англию императора Сигизмунда.
- 1417 Августовское вторжение в Нормандию. Сентябрь. Взятие штурмом Кана.
- 1418 Февраль. Взятие Фалеза. Июль. Начало осады Руана.
- 1419 Январь. Падение Руана. Английское завоевание всей Нормандии. Июнь. Переговоры с герцогом Бургундским и королевой Франции. Июль. Захват Понтуаза. Сентябрь. Убийство арманьяками герцога Жана Бургундского. Сентябрь. Заключение договора между Англией и Бургундией.
- 1420 Мирный договор между Карлом VI и Филиппом Бургундским в Труа, согласно которому первый признается «наследником и регентом Франции». Июнь. Женидьба Генриха V на Екатерине Валуа, дочери Карла VI. Оккупация Парижа, введение английского гарнизона. Осада Мелена с июля до его падения в ноябре.
- 1421 Январь в Нормандии. Февраль. Возвращение Генриха V с Екатериной в Англию. Поражение и смерть в Боже герцога Кларенского. Июнь. Возвращение Генриха V во Францию. Англичане в Париже. Начало осады в Мо. Рождение сына, будущего Генриха VI.
- 1422 Продолжение осады Мо. Его падение в мае. Июнь. Серьезная болезнь. 31 августа. Смерть в Винсенне.

ВВЕДЕНИЕ

«Я – бич Божий»

ГЕНРИХ V

«Я – англичанин, а значит, твой враг»

THOMAS HOCCKLEVE, THE REGEMENT OF PRINCES

19 октября 1449 года торжествующая толпа открыла ворота Руана, столицы Нормандии, и под крики радости в город въехал король Франции – Карл VII, когда-то лишенный наследства дофин, а теперь «Победоносный король Карл». Руан был оккупирован англичанами на протяжении тридцати лет. Но не пройдет и года, как они будут изгнаны из всей Нормандии. Это был не только конец английского владычества в Нормандии, но и англо-французской двойной монархии. Еще это был конец мечты одного человека. Этим человеком был Генрих V, оставивший после своей смерти в 1422 году несчастливое наследство, пережить которое нам не удалось еще и сегодня.

Никто не может отрицать всей сложности отношений между французами и англосаксами. Известна и былая недоверчивость ко всем, кто говорит по-английски. Одной из первых, но немаловажных причин возникновения этой подозрительности стало поведение английских войск во второй половине Столетней войны, войны, которая продолжалась благодаря Генриху V. Мож-

но не сомневаться в том, что французские войска тоже вели себя не лучшим образом, но во Франции они были французами, а не оккупантами, говорящими на иностранном языке. Англичане завоевали северо-западную Францию, воспользовавшись гражданской войной. Ситуацию можно было бы сравнить с тем, как, если бы во времена Войны Роз французский король вступил в сговор с Йорками, оккупировал юго-восточную Англию и разместил в Лондоне французский гарнизон, при этом объявив себя наследником английского престола, превратив одновременно Кент в отдельное англо-французское княжество, конфисковав в нем и раздав французам более 500 поместий, поселив в Дувре более 10000 колонистов*. Забыть такое унижение и жестокости было бы трудно. У французов была цепкая память.

Генрих V является одним из героев Англии. Победитель при Азенкуре, он был возведен в идолы еще при жизни. Память о нем вдохновила Шекспира на написание одной из самых волнующих (если не сказать великих) пьес. Викториаанцы считали его идеальным христианином. «Он был религиозен, чист помыслами, умерен в поведении, либерален, осторожен и просто великолепен, — сказал о нем епископ Стаббс, — милосерден, правдив, честен, не бросался словами, дальновиден в совете, благоразумен в суждениях, внешне скромнен, великодушен в поступках, истинный англичанин». Уже

* Война Алой и Белой розы — война между двумя крупнейшими феодальными группировками в Англии: Ланкастерами и Йорками (в гербе Ланкастеров была алая роза, а в гербе Йорков — белая). Война длилась с 1455 по 1485 гг. Это было время наибольшего разгула феодального своеволия и беззакония в Англии. (Прим. ред.)

в нашем веке сэр Уинстон Черчилль назвал его «сиятельным королем».

Блестящий историк, специалист по английскому средневековью, покойный К. Б. Мак Ферлейн считал Генриха «величайшим из людей, кто когда-либо правил Англией». Его достижения были необыкновенными. У себя в стране он не только усмирил Уэльс, уничтожив Оуен Глендоуэра, но и вернул раздираемому распрями королевству закон и порядок. За Ла-Маншем он завоевал одну треть Франции, женился на дочери французского короля и был признан наследником и регентом Франции. Столь велико обаяние этой личности, что не было такого историка, который не восхитился бы его гением и динамизмом и не закрыл бы глаза на некоторые его недостатки. Любую критику со стороны французских ученых их английские коллеги склонны приписывать англофобии.

Тем не менее, его завоевание Франции и притязание на престол сопровождалось грабежами, массовыми убийствами, поджогами и насилиями. По всей Англии шла бойкая распродажа французского добра. Все это было похоже на нормандское завоевание Англии, только наоборот, и длилось оно всего тридцать лет. Подобно Вильгельму the Bastard (незаконнорожденный), он захватил земли французской знати и роздал их своим солдатам*. На протяжении трех десятилетий английские торговцы, зачастую щеголявшие французскими

* Вильгельм I Завоеватель (1066-1087) – потомок викингов, герцог Нормандии. Он в 1066 году разгромил дружину короля англосаксов Гарольда и стал королем Англии; приступил к массовой конфискации земли у англосаксов и разделе ее нормандским воинам. Параллельно шло закрепощение английских крестьян. (Прим. ред.)

титулами, распродали не одну сотню французских поместий, начиная от мелких усадеб и кончая некоторыми крупными графствами. Однако жизнь их постоянно была в опасности, а благополучие зависело от английских стрелков. Он прогнал из своих замков не только французскую знать, но и лишил дома простых людей. Из завоеванных Генрихом V территорий бежали бесчисленные толпы французов всех классов и сословий. Когда его упрекнули в том, что во Франции он погубил столько христианских душ, он ответил: «Я — бич Божий, посланный людям Богом в наказание за их грехи»¹.

Несчастья, которым подвергли военные кампании Генриха французов, неоспоримы. В северо-западной Франции любой местный историк может показать вам город, замок, аббатство или церковь, разграбленную его солдатами. Жизнь в сельских районах превратилась в ночной кошмар. Когда англичане делали налеты на вражеские территории, они убивали все, что двигалось, уничтожали урожай и продовольствие, угоняли домашний скот, стремясь ослабить своего противника за счет доведения до голода гражданского населения. Положение на оккупированных землях было немногим лучше из-за вымогательства, которое проводили английские гарнизоны. Деревни были вынуждены платить непомерные дани провизией и вином, а также деньгами. В случае отказа следовали расправы, казни и поджоги.

Все же амбиции Генриха подогревались чем-то более сложным, чем простое стремление к завоеванию. В нем жила потребность доказать, что он был настоящим королем Англии. Отец его узурпировал трон и, как это показали Йорки во время Войны Роз, существовали другие кандидаты на английский престол с более весо-

мыми правами перед законом. Если бы он сумел реализовать мечту своего прапрадеда Эдуарда III — завоевать трон Франции, то в борьбе бы показал, что Бог подтверждает его право на английскую корону.

В девятнадцатом веке французские «патриотически настроенные» историки с однозначной суровостью относились к Столетней войне, давая столь же искаженный портрет Генриха V, как и английская миниатюра. В англосаксах пятнадцатого века они видели первых «бошей». В свою очередь, английские историки на этот ксенофобический взрыв отреагировали с неменьшим шовинизмом, который сочетался у них с холодным допущением объективности (хотя найдется немного авторов, которые в меньшей степени позаботились бы о том, чтобы скрыть свою неприязнь ко всему французскому, чем это сделали высокочтимые Вили и Во в своем колоссальном труде об эпохе короля). Даже сегодня у англичан и французозов на этот счет имеются разные суждения. Харрисс считает, что Генрих «понимал», что французская корона «могла надежно оставаться в руках только того человека, которого французы примут как короля в том смысле, как это понимают англичане... будь в его распоряжении годы, то он со своей энергичностью и везением мог бы придать развитию обеих наций новое направление точно также, как за короткое время ему удалось добиться определенной удачи в Англии».² Напротив, Эдуард Перруа приписывает успехи Генриха «его преждевременной смерти в самом расцвете его беспримерной славы, которая вознесла его так высоко, даже слишком высоко в глазах потомства». Он говорит также о его лицемерном фанатизме, двурушничестве, притворстве в соблюдении за-

конности и заглаживании обид, к которым он прибегал только для того, чтобы добиться своих целей». Таким образом, равновесие сохраняется.³

В английских исследованиях, посвященных этому королю, в основном, игнорируются французские хронисты за некоторым исключением той дани, что была отдана ему уже после его смерти. Следует, однако, не забывать о том, что некоторые из их хроник были заимствованы друг у друга, а некоторые были сделаны уже годы спустя после смерти короля. Тем не менее, все они жили во время его правления (Жювеналю дез Юрсену, монаху из Сен-Дени, и Монстрелею в момент смерти короля было за тридцать) и разговаривали с теми людьми, которым довелось быть участниками описываемых ими событий. И если эти летописцы были настроены против короля, то английские историки, напротив, были лишены объективности к Генриху V. Обычно люди предпочитают в большей степени доверять свидетельствам оккупированных, а не оккупантов. Также и события во Франции 1940-1944 годов предпочитают рассматривать с точки зрения французов, а не немцев.

Английские историки отказываются воспринимать Столетнюю войну в пятнадцатом веке как конфликт между французами и англичанами. Свою точку зрения они аргументируют тем, что, если у англичан имелось развитое национальное чувство, то у французов отсутствовала единая общность людей, а были только отдельные группы, населявшие те или иные районы Франции. Несмотря на то, что Франция в те дни не воспринималась такой, какой она воспринимается сегодня, тем не менее идея французского государства все же существовала и выражалась фразой «честь цветка лилии». К

пятнадцатому веку национализм французов развился до такой степени, что своих соседей за проливом Ла-Манш они воспринимали как своих кровных врагов. Если сам Генрих не мыслил национальными категориями, для него вся Франция была «моим наследством», то его подчиненные, наоборот, мыслили именно этими категориями, отчего и родилась ксенофобия. Большая часть несчастий Франции этого периода была вызвана французами, но все же все французские хронисты едины в одном: их лютыми врагами были англичане. Если к тому времени, когда Генрих вторгся в их страну, французы обладали слабым чувством национального самосознания, то в борьбе с ним это чувство получило стремительное развитие. Короля они воспринимали именно так, как он и говорил: «Я – бич Божий», разве что считая его скорее бичом Дьявола, а не Бога.

ГЛАВА ПЕРВАЯ УЗУРПАТОРЫ

«Бог ведает какими, милый сын, Извилистыми, темными путями Достал корону я, как Весь мой Век Она мне лоб заботой тяжела».

ШЕКСПИР, «КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV»

«[Генрих IV], чтобы завладеть честью и славой короны упомянутого королевства Англии, в прошлые времена, пустив в ход некие бесчестные средства, лишил этого звания своего первого кузена Ричарда, короля Англии.

ЭНГЕРРАД ДЕ МОНСТРЕЛЕ, «ХРОНИКИ»

Существует легенда, согласно которой в сентябре 1387 года Генрих Болингброк, граф Херфорд, — будущий король Англии Генрих IV, — спешил из Виндзора в Уэльс, чтобы успеть к рождению своего первенца. Когда он переплывал через реку Уай возле Волфорда, паромщик сообщил ему о том, что его жена родила сына. Его радость была так велика, что он тотчас дал этому человеку право на все паромные пошлины и сборы.

Мальчик родился в надвратной башне замка Монмута в Южном Уэльсе. (По иронии судьбы человек, которому было суждено принести столько несчастья валлийцам, родился в Гвенте.) Его отец был сыном

Джона Гонта, герцога Ланкастерского, который, в свою очередь, был третьим сыном Эдуарда III; следовательно, Болингброк был первым кузеном короля Ричарда II, отцом которого был Черный Принц, старший сын Эдуарда. Все же ребенку не дали имя Ричарда или Эдуарда, а назвали, как и Болингброка, Генрихом. По всей вероятности, это было следствием брака Гонта с наследницей графов Ланкастерских, которые являлись младшей ветвью Плантагенетов, потомков Генриха III. Как в тесном кругу утверждал Гонт, они являлись правомочными наследниками трона Англии.

Мать маленького Генриха, Мэри Боган, была одной из двух невероятно богатых наследниц последнего графа Херфорда. Первоначально ей была уготована участь быть заточенной в монастыре, но Гонт не мог допустить, чтобы такой лакомый кусок уплыл из его рук и попросил ее руки для своего сына, которому был гарантирован титул его покойного тестя. Мэри подарила Болингброку еще трех сыновей и двух дочерей. В 1394 году в возрасте всего 24 лет она скончалась.

Она принадлежала к одному из наиболее августейших семейств средневековой английской знати. Боганы имели нормандское происхождение и прибыли в Англию вместе с Завоевателем из Богони в Нормандии*. С Плантагенетами их связывали различные брачные связи. Мэри была потомком Эдуарда I. Ее отец имел передаваемый по наследству титул высшего коннетабля** Англии, он был графом Херфордом, графом Нортгемптоном и графом Эссексом. Он вступил в брак с дочерью графа Арунделя и был самым тесным образом

* Вильгельм I Завоеватель (прим. ред.)

** коннетабль — титул военачальника в средневековой Англии и Франции. (Прим. ред.)

связан с каждым благородным домом страны. Ее сестра была замужем за младшим братом Гонта, Томасом Вудстоком, герцогом Глостерским, который был дядей мужа Мэри. Все огромное наследство Боганов было поделено между двумя девушками: все валлийские поместья отошли к Мэри, по этой причине Болингброк был графом Херфордом и Генрих родился в Монмуте. Воспоминания о ней сына были весьма смутными, но, тем не менее, став королем, он немедленно приказал на могиле матери в Лестере поставить ее скульптурное изображение. Это было, по-видимому, реакцией на то, что за скульптурой его отца в Кентерберийском соборе возлежала величественная фигура его мачехи.

Кроме короля из «Дома Ланкастеров» (именно такое позвище он получит в скором времени) происходила еще одна видная родовая ветвь — Бофоры. Это было левостороннее ответвление семейства — дети Гонта от его третьей жены, Екатерины Роелт (обычно называемой Екатериной Суинфорд), появившиеся на свет задолго до того, как их родители сочетались браком. Имя «Бофор» они получили по названию замка Гонтов во Франции. Их было три довольно способных сына — Жан, Генрих и Томас, и дочь, Джоан, ставшая женой богатого, могущественного и тщеславного герцога Вестморланда.

В «тихие годы» буйного правления короля Ричарда жизнь Генриха Монмутского была довольно спокойной. У него и братьев была одна спальня и одна воспитательница на всех, хотя в более поздние годы они жили отдельно. Еще у него была нянька, к которой он был очень привязан. Заняв место на троне, он установил для нее приличное содержание. До 1419 года была жива его бабка, Джоан, графиня Херфорд, которую он

очень любил и часто навещал. В завещании, которое ему пришлось составить в 1415 году, он дважды упоминал ее, называя «наша дражайшая бабушка». Нам известно, что в детском возрасте, когда ему было восемь лет, в Лестере он перенес, по крайней мере, одну опасную болезнь. Каких-либо других подробностей о его раннем детстве, кроме некоторых деталей, не сохранилось, поскольку никто не видел в нем будущего короля Англии. Единственным исключением, пожалуй, был Гонт, его не слишком везучий дед, который, несмотря на тонкий расчет в женитьбе и постоянное участие в интригах, все же не сумел, как предполагал, обеспечить себе трон Кастилии или Португалии.

Нет никаких сомнений в том, что внук часто навещал Гонта в его загородном дворце в Кенилуорте в Йоркшире. Герцог из-за того, что ему некуда было тратить свои огромные богатства, перестроил массивный замок из красного песчаника. Несмотря на то, что он был частично разрушен во время Гражданской войны, все же уцелевшие стены обеденного зала дают нашему современнику представление о том, каким величественным зданием был замок в дни Генриха V. К сожалению, давно ушел в небытие балочный банкетный зал, известный под названием «The Plesauce» (радость, удовольствие), что располагался на территории поместья рядом с озером. Во времена своего правления Генрих часто с двором навещался в Кенилуорт, который, несомненно, был его любимой резиденцией.

Главным наставником Генриха стал его богато одаренный молодой дядя Генрих Бофор. Однако достоверных сведений о том, что он находился в Оксфорде в то время, когда Бофор был в университете почетным ректором, не имеется. Согласно Вестминстерским хрони-

кам мальчик получал все развлечения, в которых участвовала знать того времени. Особенно ему нравились разведение охотничьих птиц и соколиная охота, страсть к которой он сохранил на всю жизнь. Очевидно, его обучали также и военному искусству. Кроме того, он учился играть на арфе и гитаре. В отчетах герцогства Ланкастерского имелась статья о расходах на струны для его арфы, что составляло 8 пенсов. Отсюда началась его любовь к музыке. (Известно, что он играл на арфе во времена военных кампаний во Франции.)¹ Он умел читать и писать по-английски и по-французски. В возрасте восьми лет он также начал изучать латынь. Предполагается, что подобно другим мальчикам своего круга, видется с отцом ему приходилось нечасто.

В октябре 1398 года одиннадцатилетний «лорд Генрих Монмутский» был призван своим кузеном Ричардом II ко двору. Несмотря на то, что мальчик получил «королевский дар» в 500 фунтов, он фактически был заложником и жизни его грозила опасность. Его отец Болингброк был изгнан за роль, которую он сыграл в уничтожении любимцев Ричарда за десять лет до этого, а также потому, что был наследником Джона Гонта, богатейшего человека Англии. Всего один год прошел с тех пор, как в тюрьме в Кале по распоряжению Ричарда был убит его дядя, герцог Глостерский. Он, несмотря на «кроткие и смиренные» мольбы о милосердии, был задушен в своей пуховой постели. Поэтому молодой Генрих не слишком уютно себя чувствовал рядом с тронном.

Его отец, Генрих Болингброк, граф Дерби и герцог Херфорд, был красивым, хорошо сложенным мужчиной, носил завитые усы и небольшую раздвоенную бороду на королевский манер. Он родился в 1367 году

и был всего на три месяца моложе Ричарда. Как мы уже говорили, в его роду было две ветви Плантагенетов. Несмотря на то, что Генрих никогда не отказывал своим желаниям и был дамским любимцем, он одновременно оставался хорошим солдатом, который прекрасно умел фехтовать и любил рыцарские поединки, участвовал в крестовых походах. Он посещал госпитальеров* на Родосе и находившееся в осаде королевство Кипр. На стороне тевтонских рыцарей сражался в Пруссии и Литве против последних язычников в Европе. Пожалуй, из всех Плантагенетов ему довелось путешествовать больше, чем кому бы то ни было. Он побывал в Венеции, Милане, Вене и Праге. Куда бы он ни ехал, всегда брал с собой домашний оркестр, состоявший из барабанщиков, трубачей и волынщиков (дудочников). Сам он тоже был настоящим музыкантом. Кроме того, он был на удивление хорошо начитан. Ему были знакомы английские и французские книги, хотя предпочтение он отдавал французскому языку. Иногда он цитировал что-нибудь из латыни.

Несмотря на все эти изысканные манеры, у Болингброка мало было общего с королем Ричардом, который так и не простил графу участие в мятеже против него в 1387 году, а также то, что в 1388 году тот участвовал в сражении против армии его фаворитов при Редкоут

* госпитальеры — официальное название «Орден всадников госпиталя св. Иоанна Иерусалимского». В 1113 году этот духовно-рыцарский орден официально признан римским папой. Эти рыцари принимали 3 обета: бедности, целомудрия и послушания. Символом ордена стал восьмиконечный белый крест. В 1307 году госпитальеры штурмом захватили остров Родос. С XVI века проживали на острове Мальта и стали называться Орденом мальтийских рыцарей (при. ред.).

Бридж, где все они были уничтожены. Кроме того, у короля были подозрения, что Болингброк строил планы свержения его с трона. Несмотря на факт, что Ричард в 1398 году дал графу титул герцога Херфорда, он был преисполнен решимости не позволить Болингброку завладеть бесчисленными богатствами Гонта. В тот же год, немного погодя, Болингброк посредством Гонта сообщил королю, что герцог Норфолкский предупредил его о том, что король не простил им участия в событиях при Редкоуте. Тогда же в присутствии короля он обвинил Норфолка в предательстве. Герцог с выдвинутыми против него обвинениями не согласился, и Ричард передал спор на рассмотрение парламентского комитета. Комитет, который, как всем было известно, находился под контролем короля, вынес решение разрешить спор в единоборстве.

Поединок должен был состояться в Ковентри в день Св. Ламберта (16 сентября) 1398 года и стать важным событием года. Болингброк был фаворитом из-за своей силы и мастерства. В назначенный день он появился в доспехах на белом боевом коне, покрытом синими и зелеными роскошными бархатными попонами, на которых золотой нитью были вышиты лебеди и антилопы. Боевая лошадь его противника была украшена алым бархатом, расшитым серебряными львами и тузовыми деревьями. Но король, бросив со своего помоста жезл, остановил поединок. Он осудил герцога Норфолкского на пожизненное изгнание, а Болингброка — на десять лет. Ему не нужна была победа ни одного из них, он хотел уничтожить их обоих.

Любой мальчик, доведись его отцу принимать участие в таком единоборстве, почувствовал бы священный трепет. Несомненно, молодой Генрих Монмутский ис-

пытал немалое разочарование по поводу того, что поединок не состоялся. Несомненно, изгнание отца не могло не удручить юношу. С другой стороны, именно оно послужило причиной его призвания ко двору.

Король Ричард был опасной фигурой, нервным и властным, недоверчивым и не вызывающим доверия, подверженный приступам яростного гнева. Расправы над дядей мальчика — Глостером ему показалось мало и он в том же 1398 году без суда и следствия приказывает обезглавить в Тауэре графа Арундела. Кроме того, он приговаривает к вечному изгнанию архиепископа Кентеберийского (брата Арундела) и графа Уорвика. Последнему удалось спасти собственную жизнь только благодаря тому, что он валялся в ногах короля и молил о прощении. Все они, как и Генрих Болингброк, принимали участие в мятеже 1388 года. С Болингброкком король еще до конца не рассчитался. В этот период правления Ричарда бывали дни, когда он сидел в короне на троне с обеда, который начинался в 9 часов утра, и до сумерек. Такой порядок мог продолжаться изо дня в день, в полной тишине и при всем дворе. Любой, кто попадался ему на глаза, должен был падать на колени. Вот уже целый год длились дебаты о провозглашении его императором Священной Римской империи (вместо императора Венцеля Пьяницы, которого должны были в скором времени сместить). Эстет, чей двор считался в Европе одним из самых элегантных, с его утонченными манерами, несомненно, не мог не изумить юного заложника. Удивительным было и начало применения при дворе носовых платков — «маленьких кусочков (ткани), предназначавшихся для того, чтобы король мог носить их в руке и по мере надобности вытирать и прочищать свой нос». Но деликатные манеры короля никогда не

останавливали его против кровопролития. Несмотря на то, что внешне Ричард как будто полюбил юного Генриха, мальчик не мог не испытывать волнения и беспокойства в присутствии этой внушающей священный страх коронованной и помазанной на царство особы. Мальчик, осознававший свое собственное величие, не мог не понимать, что эта особа была врагом его, Генриха Монмутского, сына изгнанного отца.

Несмотря на то, что Ричард проявлял все признаки мании величия, он был далеко не глупым, более того, он был довольно умен, особенно в вопросах, когда речь шла о его собственном благе. Это хорошо просматривается по его отношению к Столетней войне, в которой себе снискали славу и его дед, и его отец. Конфликт между Англией и Францией разгорелся еще в начале века. Он возник при попытке французской монархии распространить свою власть на герцогство английских королей Гиень в юго-западной Франции, столицей которого был город Бордо. Частично причиной его послужили также притязания Эдуарда III на французский трон, обоснованные тем, что он был наследником своего деда по материнской линии Филиппа IV Красивого. После нескольких ошеломляющих побед Эдуард согласно мирному договору 1360 года в Бретиньи утвердил за собой власть над большей частью юго-западной Франции. Кроме Гиеня, под его владычество подпадали Пуату и Лимож, а также некоторые другие районы. За эти земли он согласился отказаться от своих притязаний на французский трон. Однако ему не удалось отвоевать во Франции все земли, в которых в XII веке правил его предшественник Генрих II. Особенно заметной была потеря герцогства Нормандского. Более того, тонкий расчет Карла V и коннетабля дю Дюгеклена быстро

помогли вернуть Франции все территории, потерянные в Бретани.

Ричард вскоре понял, что Англия просто не может себе позволить продолжать войну, поскольку расходы на нее были источником ослабления английской монархии. В восьмидесятые годы XIV века парламент неоднократно отказывался вводить налоги, необходимые для ее содержания, проявляя тем самым нескрываемое желание в большей степени контролировать центральную власть. Он восхищался французской цивилизацией и французской роскошью, проявляя странное для его возраста безразличие к воинской славе. Он был совершенно прав, полагая, что сравнительно бедная Англия с ее немногочисленным населением не должна была пускаться в заморские авантюрные завоевания. Тем не менее, он явно переоценивал силу Франции, иллюзорное представление о которой создавалось блеском и богатством монархов Валуа* и французской знати. Последняя была не только куда богаче и независимее своего короля, который к тому же страдал продолжительными приступами безумия, случавшимися с ним все чаще и чаще. Вследствие этого во Франции не было сильного национального руководства. Ведутся даже споры о том, что в этот период своего развития Франция была не единой нацией, а собранием отдельных национальностей. Однако, несмотря на обилие всевозможных диалектов и традиций, это все же преувеличение. Несмотря на свою независимость, высшая знать, тем не менее, как и остальное дворянство, взирала на короля

* Валуа — династия французских королей (1328-1589 гг.). Первым королём этой династии был Филипп VI (1328-1350). При нем началась Столетняя война (1337-1453). (прим. ред.)

как на главную политическую фигуру в стране, хотя во Франции и не существовало такой тесной связи между ними, какая была между короной и парламентом в Англии. Ричард был настолько серьезно настроен на установление мира между Францией и Англией, что обдумывал вопрос об отделении Гиени от английской короны, посадив там независимым sovereignом своего дядю — герцога Джона Гонта. Его план ничего не дал. Однако английскому королю удалось добиться компромисса — двадцативосьмилетнего перемирия. В доказательство своей доброй воли он даже женился на дочери французского короля, Изабель. Более того, он пошел еще дальше, пытаясь заставить английскую церковь порвать с папой Урбаном VI в Риме и подчиниться папе Клименту VII в Авиньоне, поскольку французы поддерживали последнего.

Ричард был крайне непопулярен во всех кругах Англии, разве что за исключением отдельных районов страны. Особое негодование вызывали его попытки освободить монархию от диктата палаты лордов и общин, его властное обращение с высшей знатью и лондонским Сити, его беспомощное правление и личная экстравагантность, но более всего — его своевольное обложение налогами, что в конце концов привело к крестьянскому восстанию. Его профранцузская политика, хотя она могла привести к облегчению налогообложения, была ненавистна. Его убитый дядя, герцог Глостерский, возглавлял антифранцузское лобби, которое, несмотря на то, что принимало участие в крестовом походе, немало порадовалось, услышав, что в 1396 году при Никополе турки устроили «этим редким хвастунам французам» кровавую бойню. Англичане с гордостью вспоминали завоевания Эдуарда III и Черного Принца,

победы при Креси и Пуатье, когда был пленен и доставлен в Лондон король Франции. Они также с острой ностальгией вспоминали о награбленном добре и выкупах, которые потекли обратно через пролив; теперь больше не существовало перспективы, открытой ранее для всех слоев общества, — разбогатеть на французской добыче. Более того, теперь достаточно было прочитать Чосера (чьи стихи особенно были популярны при дворе и кто родился всего на полвека раньше Генриха), чтобы понять, что французский язык перестал быть языком правящих классов и даже ученых, хотя в официальных кругах в некоторых формальных случаях его все же использовали. Когда королем был Генрих, вся его переписка велась по-английски. Слишком широко распространилась ненависть и отвращение ко всему французскому. В одном из произведений поэта этого времени Юсташа Дешама английский солдат кричит: «Французский пес, ты ничего не делаешь, лишь только весь день напролет пьешь вино!»²

Существовал также и элемент страха. Французские пираты постоянно преследовали английские суда и совершали налеты на южное побережье острова. По сообщению Фруассара, англичане открыто заявляли о том, что их может погубить их собственный король: «у него такое французское сердце, что он не может скрывать это, но придет день, и ему придется сполна заплатить за все».³

Неудавшийся план Ричарда сделать из Гонта независимого герцога Гиенского основывался до некоторой степени на надежде, что тот покинет Англию и обоснуется в Бордо. Он был опасно близок в престолонаследию. Детей у короля не было, и в 1398 году его жене, Изабель Французской, было всего девять лет, в то

время, как предполагаемому наследнику трона, Эдмунду Мортимеру, графу Марчу, потомку сына Эдуарда III по материнской линии, было семь. В то время ходил слух о том, что Гонт изготовил фальшивую хронику, из которой явствовало, что у его сына были все права на трон. Жена Гонта, Бланка Ланкастер, была старшей из потомков Эдмунда Горбатого, графа Ланкастера, который, как считалось, был вторым сыном Генриха III и младшим братом Эдуарда I. На самом же деле, по слухам, Эдмунд был старшим сыном Генриха III, который был представлен младшим только из-за своего уродства. Следовательно, все правившие Англией короли с тех пор были незаконными, а настоящим, законным престолонаследником был Генрих Болингброк. Хардинг указывает также на то, что копии поддельной хроники Гонт поместил во многие влиятельные монастырские библиотеки. Мы не знаем, был ли Гонт действительным автором этой версии, тем не менее в 1399 году такая легенда, несмотря на ее абсурдность, действительно была в ходу.⁴

«Старый Джон Гонт, освященный веками Ланкастер», великолепный, королевских кровей, дед Генриха умер в феврале 1399 года в возрасте 59 лет, что по стандартам того времени считалось преклонным возрастом. В Англии никогда еще не было такого богатого и могущественного принца крови. У него наряду с многочисленными поместьями имелось тридцать замков, располагавшихся, в основном, на севере, в центральных графствах и Уэльсе. В военное время он мог сразу выставить для королевского войска 1000 вооруженных рыцарей и 3000 стрелков. Его герцогство Ланкастерское было практически независимым государством, в пределах которого предписания короля не значили ро-

вным счетом ничего. В Лондоне его дворец Савой был столь же великолепен, как и любой дворец его царственных племянников. В марте Ричард, несмотря на свои заверения о том, что Болингброку будет разрешено унаследовать имения отца, объявил, что земли и вся собственность покойного герцога Ланкастерского переходят в собственность короны и что изгнание Болингброка вечно.

После того, как король таким существенным образом пополнил свои ресурсы, он решил предпринять экспедицию в Ирландию, где большая опасность угрожала крошечной территории Пейл, в районе Дублина, и Килдара, единственной области, находившейся под непосредственным управлением англичан. В 1398 году возле Келлса попал в засаду и был убит О'Тулами и О'Брайенами вице-король Ирландии, граф Марч (предполагаемый престолонаследник). «Дикие ирландцы», возглавляемые Артом Мак Мурроу, королем Ленстера (провинция Ирландии), вторглись в Пейл, где продолжали жечь дома, убивать и грабить население. Ричард II на острове с армией высадился в январе. Вместо себя «Хранителем Англии» он оставил своего робкого и безвольного дядю Эдмунда, герцога Йоркского. В качестве заложников он взял с собой Генриха Монмутского, единокровного брата Болингброка Генриха Бофора и Хэмфри Глостера, сына убитого герцога. Он намеревался также взять сына графа Арундела, но молодой человек сбежал во Францию, где присоединился к Болингброку. Ричард провозгласил сына Марча будущим престолонаследником.

Английская армия маршем прошла по Килкенни и Виклоу до Дублина, потеряв при этом много людей. Каждую ночь ирландцы совершали налеты на лагеря

англичан. Во время этой своей первой военной кампании у Генриха, должно быть, -создалось мнение, аналогичное Фруассару, что Ирландия из-за ее густых лесов, озер и топких болот была не слишком хорошей страной для ведения военных действий. Несомненно, он с восхищением смотрел на длинноусых с непричесанными гривами ирландских вождей, полуобнаженные тела которых прикрывали желтые мантии. Босые, на примитивных седлах из стеганных одеял, сидели они верхом на пони, отдавая своим солдатам приказы на странном гортанном языке. В то время, как более важный военачальник мог нанять сотню-другую наемников, которые сражались пешими и были вооружены огромными боевыми топорами (были похожи на топоры шотландцев из горных районов), но большую часть ирландских солдат составляли легковооруженные пехотинцы, в распоряжении которых имелись только кинжалы и связки дротиков. Конечно, они не могли противостоять традиционному войску, однако от их воинственных криков волосы вставали дыбом и особенно искусны они были в засадах и неожиданных атаках. (Они не вырывали человеческие сердца и не поедали их, как утверждал Фруассар, тем не менее они, наверняка, отрубали головы своих противников и предъявляли их как военные трофеи.) Провизия кончилась, и к тому времени, когда солдаты Ричарда достигли Дублина, они уже начали голодать. Арт Мак Мурроу потребовал безоговорочного мира, что привело короля в дикую ярость, и он снова устремился за своим врагом сквозь леса и болота, пока, наконец, не оказался снова в Уотерфорде.

Об этой бесславной кампании нам известно из поэмы французского поэта Жана Кретона, состоявшего при дворе на службе. Он рассказывает нам о том,

как Ричард призвал сына герцога Ланкастерского, которого посвятил в рыцари с такими словами: «Мой прекрасный юный кузен, будь отныне доблестным и храбрым, ибо только победителя называют мужественным».

До слуха короля докатились, задержанные плохой погодой, тревожные вести. На побережье Англии высадился Болингброк и претендовал теперь на герцогство Ланкастерское. Ричард хотел вернуться немедленно, однако сын герцога Йоркского, граф Рутленд, убедил его остаться и собрать все свои силы, послав вперед за армией в Уэльсе графа Солсбери. Летописец Томас Оттербурн сообщает, что король при этом сказал своему молодому кузену: «Генрих, мой мальчик, видишь, что твой отец наделал со мной!» Потом он добавил: «Из-за этих необдуманных поступков ты, вероятно, потеряешь свое наследство.» Генрих ответил, что за деяния отца не отвечает. Когда Ричард отбыл в Англию, Генрих вместе с Хэмфри Глостером был заключен в Тримский замок в графстве Мит.

Своей попыткой усилить власть короны король стал чрезвычайно непопулярен среди всех слоев населения. Почти во всех районах, за исключением нескольких, люди были обеспокоены его своевольным правлением, убийствами Глостера и Арунделя, а также захватом герцогства Ланкастерского. Он так перессорился с жителями Лондона, что всерьез подумывал о переносе столицы в Йорк. У него были сторонники, но даже у его врагов не было помыслов о том, чтобы свергнуть этого коронованного и помазанного на царствие монарха. Себя он погубил тем, что оставил Англию на милость своего неумелого дядюшки и забрал с собой своих военачальников.

Болингброк в сопровождении архиепископа Арундела и молодого графа Арундела 4 июля высадился в Реавенсперге, графство Йоркшир, и поцеловал землю. Его встретили бывшие офицеры поместья Гонта с вооруженными вассалами. Вскоре к ним присоединились его зять граф Уэстморленд и граф Нортумберленд — два наиболее могущественных человека Северной Англии. Вокруг него стали спланиваться вельможи всей страны. 27 июля подоспел герцог Йоркский, с собой он привел много солдат. На следующий день Болингброк вошел в Бристоль, где были арестованы и немедленно обезглавлены наименее популярные из советников Ричарда, включая его казначея Уильяма Скропа, графа Уилтшира. В этот день король только оставил берега Ирландии, и к тому времени, когда он высадился в Южном Уэльсе, от его сторонников не осталось и следа. Он скрылся в замке Конви, откуда его хитростью выманил Нортумберленд, сказав, что трон будет оставлен за ним, если Ричард согласится вернуть Болингброку герцогство Ланкастерское. Но стоило ему оставить замок, как Ричард немедленно попал в засаду и 19 августа был доставлен к Болингброку во Флинт. Потом его доставили в Лондон, где короля встретила ликующая толпа, которая с крыш домов бросала в него мусор и отбросы, в Лондоне монарх был заключен в Тауэр. Генриху Болингброку понадобилось всего пятьдесят дней, чтобы захватить короля и королевство.

Болингброк сумел взять под контроль всю страну. Первоначально он только надеялся вернуть себе свое герцогство. Но, скорее всего, когда он увидел, что все идет в нужном направлении, он полагал сделаться регентом при Ричарде или предполагаемом наследнике, молодом графе Марче и Ольстере. Но теперь он решил

добиться трона. 29 сентября короля заставили отречься от короны. На следующий день в присутствии Генриха Болингброка в Вестминстерском зале собрались все члены Палаты лордов: епископы и светская знать, а также представители Палаты общин. Болингброк сидел на том месте, которое занимал Гонт как герцог Ланкастерский. Были зачитаны обвинительные статьи королю Ричарду, после чего было объявлено о его смещении. Тогда поднялся Болингброк и, перекрестившись, заявил о своих притязаниях на трон. Он говорил по-английски: «Я тот, кто является потомком правой линии крови нашего доброго господина короля Генриха III». Адам из Аска сообщает нам, что комиссия из правоведов и священников отвергла версию о том, что Эдмунд Горбатый был первым сыном Генриха III, однако Болингброк, высказывая свои притязания на трон, не преминул упомянуть, что королевство в результате плохого правления находилось на грани падения и что он был единственным человеком, который мог восстановить порядок и закон. О графе Марче не было сказано ни слова. Тогда архиепископ Арундель за руку подвел Болингброка к королевскому трону, где собрание провозгласило его королем Англии и Франции.

Генрих IV, как теперь стали называть его, настоял на том, чтобы его сыновья получили право наследовать корону после него. Он уже снарядил корабль, чтобы вернуть своего наследника из Ирландии. После путешествия по бушующему морю юный Хэмфри Глостер не вынес его тягот и умер, а Генрих высадился в Честере, откуда верхом поскакал в Лондон. Здесь в воскресенье 12 октября в Тауэре вместе со своими братьями и еще сорока пятью скайерами он во второй раз был возведен в рыцари, на этот раз своим отцом.

Во время коронации, состоявшейся на другой день, он нес меч, именуемый «Куртана» (см. примеч.: тупой меч милосердия, в отличие от меча правосудия, его обычно несли перед королем во время проведения церемонии коронации английского короля). 15 октября с одобрения парламента он был удостоен титулов, которые когда-то носил сын Эдуарда III, Черный Принц, а именно: принц Уэльский, герцог Корнуэлл и граф Честер. Он встал на колени перед отцом, который возложил на его голову маленькую золотую корону, усеянную жемчугом, на палец надел кольцо, а в руку дал золотой скипетр, после чего герцог Йоркский за руку отвел его к более низкому трону рядом с королевским, где он и сел как будущий престолонаследник. Неделю спустя он получил титул герцога Аквитанского, при этом парламент ходатайствовал о том, чтобы его не посылали туда немедленно ввиду его молодых лет. Наконец, 10 ноября он получил титул герцога Ланкастерского.

Что касается Ричарда II, то его содержали в «надежном и секретном месте». 28 октября переодетого в платье лесника, на лодке, его тайно вывезли из Тауэра и доставили в Лидский замок в Кенте, а оттуда в Понтефракт, в Йоркшире. Не ведающий жалости Адам из Уска информирует нас о том, что «лорда Ричарда, бывшего короля, после свержения перевозили по Темзе в тишине темной ночи. Он плакал, громко сожалел о том, что был рожден на свет. Маленький граф Марч также содержался в секретном и надежном месте».

Во время коронации наблюдались дурные предзнаменования. Когда осуществляли помазание Генриха, то оказалось, что его голова кишмя кишит вшами. Потом во время дароприношения он уронил золотой нобль, который укатился от него прочь.⁵

После коронации король Генрих и его сыновья, как того требовал обычай, открыто пиршествовали в Вестминстерском дворце. На нем была корона, а головы его принцев тоже украшали их диадемы. В самый разгар пиршества в зал в полном боевом вооружении и доспехах въехал королевский защитник Томас Диомок, который в личном поединке должен был отстаивать права короля на корону. Его меч с золотой рукояткой был вложен в черные ножны. Герольд протрубил четыре раза, вызывая на бой любого, кто считает возможным оспаривать права короля на престол Англии. Генрих IV громко произнес: «Если будет нужда, я сам, сэр Томас, освобожу тебя от этой службы». Это стало открытым признанием ненадежности положения новой династии Ланкастеров.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИНЦ ГЕНРИХ И ПРИНЦ ОУЭН

«...В Весь этот шум Вокруг короля Ричарда»

ГЕНРИХ IV

«... Мортимера.

Едва он это имя услышал,

Как Вздрогнул и позеленел от злости.»

ШЕКСПИР, «КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV»

Несмотря на то, что он получил корону Англии, Генрих IV находился в очень незавидном положении. Узурпация им власти опасно ослабила монархию. Кроме того, ему пришлось столкнуться с теми же проблемами, что были и у его предшественника. Более того, на протяжении первых шести лет своего царствования он находился на грани банкротства.

Покупка шерсти, которая являлась главной доходной статьей короля, в 1402-1407 гг. упала до 20000 фунтов в год, в сравнении с 46000 фунтов во времена царствования Ричарда II. Средний годовой доход Генриха составил 90000 фунтов, в то время, как при Ричарде эта сумма равнялась 116000 фунтов. А в мирное время на нужды королевства требовалось, по крайней мере, 140000 фунтов. Он не мог заплатить щедрое вознаграждение, как обещал во время перехода из Ревенсперга, не говоря уже об обещании снизить налоги. Он ничего

не сделал, чтобы улучшить ситуацию, а просто брал займы у вельмож, купцов или прелатов, в результате чего долг короны стал просто неисчислимым.

Генрих забрал герцогства, которые Ричард отдал своим фаворитам: графам Солсбери, Кенту, Хантингдону и Рутленду, но трогать их не стал, надеясь, в случае чего использовать их против других вельмож. В декабре 1399 года по приглашению настоятеля монастыря графы вместе с другими приверженцами Ричарда собрались на тайную встречу в Вестминстерском Аббатстве, монахи которого выступали в поддержку бывшего короля. Среди заговорщиков находился бывший капеллан дома Ричарда, некий Моделин, странным образом похитивший на своего хозяина. Двенадцать рождественских дней Генрих проводил в Виндзоре. Праздник должен был завершиться турниром, обычно проходившим в день Крещения (6 января). Конspirаторы договорились встретиться с небольшим вооруженным отрядом в Кингстоне-на-Темзе 4 января, а оттуда ночью направиться в Виндзор. Там их должны были поджидать другие заговорщики, проникшие в замок под предлогом участия в турнире. Им предстояло взять на себя охрану и открыть ворота. Генриха с сыновьями предполагалось сразу убить. Затем графы решили объявить королем Ричарда, изображать которого до освобождения его из Понтефракта предстояло Моделину.

У Рутленда, известного своей ненадежностью и двурушничеством, возникли дурные предчувствия и он сказал о задуманном отцу, герцогу Йоркскому, который в последний момент известил о заговоре короля. Генрих с сыновьями в сопровождении всего двух слуг галопом поскакал в Лондон, который, как он знал, был предан ему. За два дня он собрал армию численностью

в 20000 человек, состоявшую, в основном, из лондонцев. Графы со своим войском успешно захватили Виндзор всего двенадцать часов спустя после побега Генриха. Однако, услышав о том, что король движется в их направлении с большой армией, они были вынуждены отступить на запад. После короткой перестрелки их воинство разбежалось, а изменники были казнены на месте. Генрих с триумфом возвращался в Лондон. Впереди себя в корзине, как рыбу, приготовленную для рынка, он отправил засоленные головы своих врагов, которые надлежало выставить для всеобщего обозрения на Лондонском мосту. В соборе Св. Павла исполняли «Te Deum», а архиепископ Арундель прославлял пресвятую деву Марию за то, что «спасла самого христианского из королей от волчьих когтей и клыков диких зверей, что пыхтят злобой; за своими спинами соорудили виселицу и ненавидели нас лютой ненавистью».¹

Друзья Ричарда подписали ему смертный приговор. Генрих IV не мог чувствовать себя в безопасности, пока Ричард был жив. К 17 февраля бывший король Англии был мертв. Адам из Уска говорит о том, что тот встретил ужасную смерть, «когда лежал в оковах в замке Понтефракта, страдая от голода, на который обрек его сэръ [Томас] Суинфорд».² Согласно одному из французских источников, Ричард, умирая голодной смертью, содрал мясо со своих рук и начал поедать его. Другие же английские источники утверждают, что он сам уморил себя голодом, что представляется маловероятным. Не приходится сомневаться в том, что Ричард был убит, либо заморен голодом, либо задушен, и произошло это в 1400 году, вскоре после смерти его друзей. Его тело на протяжении двух дней было выставлено в соборе Св. Павла. Открыто было только лицо

бывшего короля, чтобы любой мог узнать его. Все остальное тело было заключено в свинцовый ящик. Затем он был похоронен в небольшом монастыре, принадлежавшем черным монахам в Кингс Линне в Херфордшире. Однако на протяжении всего царствования Генриха IV ходили упорные слухи о том, что ему все же удалось скрыться. Многие считали, что он пребывал в Шотландии, где вплоть до 1419 года шотландцы держали в заточении сумасшедшего, удивительно похожего на короля, известного под именем «Шотландский безумец».

В августе 1400 года Генрих IV предпринял неудачный поход в Шотландию, желая заставить короля шотландцев отдать ему должное. Принц Уэльский командовал отрядом из 17 вооруженных воинов и 99 стрелков. Как только они, несолоно хлебавши, вернулись из похода, до их слуха докатилась весть о беспорядках в Уэльсе. Особая благосклонность Ричарда к Северному Уэльсу сделала его самым популярным правителем в этой маленькой стране среди всех предыдущих английских монархов. Новый режим был здесь ненавистен; здесь он был не только совершенно чужд, но и нелегален. Некоторое время там велись земельные распри между хорошим другом Генриха, лордом Греем Рутингом, агрессивным лордом с пограничной зоны, и Оуэном Глендоуэром (Dwg of Glindyfrdwy), который был самым богатым землевладельцем Уэльса. Сорокалетний Оуэн не был просто горным вождем, но был весьма образованным и воспитанным вельможей, который хорошо говорил по-французски и по-английски и читал закон в домах правосудия (четыре корпорации барристеров) в Лондоне. По линии своего отца он был представителем старейших правящих принцев Повиса Фейдога, по ли-

нии матери — потомком южных принцев Deheubarth. 16 сентября 1400 года Оуэн объявил себя принцем Уэльским и прогнал Рутину, обращая в пепел все на своем пути до Шропшира, где его остановили и заставили повернуть назад и укрыться в горах.

В начале октября король и принц Генрих провели в Уэльсе карательную экспедицию, которая продолжалась немногим более недели. Тринадцатилетний принц был оставлен в Честере для управления своим княжеством, в чем ему должен был помогать совет, возглавляемый сыном графа Нортумберленда Генрихом Перси, известного под именем Генриха Хотспера (прим. что означает горячая шпора), которого Адам из Уска величает не иначе, как цвет и слава рыцарства христианства. Он должен был фактически взять на себя всю полноту власти. Но пока еще никто не понял, насколько серьезной была ситуация в Уэльсе. Не только простой люд Уэльса, но также валлийские студенты, выпускники Оксфорда — все спешили домой, чтобы с оружием в руках сражаться на стороне Оуэна.

Предполагается, что Рождество принц встретил с отцом в Лондоне. Здесь он повстречался с самым экзотическим гостем, с которым приходилось пиршествовать кому-либо из Плантагенетов. Просить помощи у англичан прибыл константинопольский* император Мануил II Палеолог. Ему нужна была поддержка в борьбе с турками, которые грозили покончить с жалкими остатками его империи. Он вместе со своей свитой остановился во дворце короля Генриха IV в Элтеме, за пределами Лондона, где их развлекали играми и турнирами. Адам из Уска говорит нам: «Этот император

* т.е. византийский. В то время Византийская империя называлась Римской (ромейской). (прим. ред.)

никогда не расставался со своими солдатами, которые все до единого носили одинаковые длинные одеяния, похожие на плащи рыцарей и были все одного цвета — белого. Адама глубоко взволновал визит римского императора, гонимого неверными, который пришел на запад искать помощи и поддержки. «На что тебе древняя слава Рима?»³ По всей видимости, желание будущего Генриха V отправиться в крестовый поход против турок родилось именно после встречи с Мануилом. Его отец ничего не смог тогда сделать для императора, разве что дать ему 2000 фунтов.

У Англии, кроме Уэльса, была и другая проблема — еретики. Учение Джона Виклефа нашло последователей. Наряду с тем, что он учил первичности священного писания и неизбежности предначертанного, Виклефф, профессор Оксфорда, отрицал «священство»,* таинства и власть папы и кардиналов. Архиепископ Арундель убедил короля принять меры. В январе 1401 года парламент издал законодательный акт под названием «De Heretico Comburendo», который позволял отныне епископам наиболее упрямых еретиков передавать в руки светских властей для предания их «смерти на костре». Первое сожжение лолларда (таким именем окрестили учеников Виклефа) состоялось в марте того же года.**

* «Священство» — учение католической церкви об особых, сверхестественных дарах («благодати»), которыми будто бы обладает духовенство и которые дают ему силу отпускать грехи и «спасать» души. (Прим. ред.)

** Лолларды — бедные священники, одетые в грубые шерстяные рясы, они странствовали по Англии и проповедовали учение Виклефа. В своих выступлениях осуждали богатую церковь, злоупотребления королевских чиновников и феодальной знати. Они говорили, что бог сотворил людей равными: «Когда Адам пахал и Ева пряла, кто тогда был дворянином?» (Прим. ред.)

В феврале 1401 года Палата общин предупредила власти о том, что в Уэльсе грозит разгореться настоящая война. Барды распространяли предания о том, что пришествие Оуэна было предсказано Мерлином (англ. или ирл. бард, живший в 5 в.). В страстную пятницу валлийцы захватили замок Конви. Когда в конце мая принц Генрих и Хотспер снова овладели им, были немедленно казнены 9 валлийцев, обвиненные в предательстве. Сначала их вздернули на виселице, где они были полупридушены, затем их кастрировали, вспоролы им животы, вынули внутренности и тут же сожгли их, затем несчастных обезглавили и четвертовали. Предполагается, что юный принц присутствовал при казни. От Адама из Уска мы знаем, что во время проведения Генрихом IV карательной экспедиции в Уэльсе принц имел уже возможность лицезреть такую расправу в Ландовери. Тогда был казнен Ливелин ап Груффидд Фишан из Кайо за то, что умышленно повел англичан не тем путем. Записи Адама об этой экспедиции повествуют о том, как «англичане заповалили те районы [Повис] огромной силой, практически не оставив от них камня на камне, предав все огню, мечу и голоду, превратив все в пустыню, не пощадив ни детей, ни храмы, ни монастырь Страта Флориды, что дал когда-то приют самому королю; церковь его, включая хоры и высокий алтарь, была разграблена, украдены были даже жалованные грамоты, а само помещение использовалось как конюшня; в Англию в качестве слуг было вывезено более тысячи детей обоого пола». Но мало что было достигнуто этим, а принц Генрих, к тому же, подвергся унижению, когда солдатами Оуэна были захвачены его лошади и палатки. В конце месяца отец и сын отступили.

2 ноября 1401 года знамя Оуэна Глендоуэра с золотым драконом на белом поле развевалось уже у стен Карнарвона. Вместе с ним стояла целая армия валлийцев, но гарнизон города вместе с жителями принял вылазку и прогнал их прочь. Тем не менее, Оуэн продолжал полностью контролировать всю близлежащую территорию. В начале 1402 года он предал огню Рутин, в апреле взял в плен своего старого врага лорда Грея. К этому времени Оуэн уже отправил послания королю шотландцев и «диким вождям» Ирландии, прося помощи в борьбе против их смертельных врагов, саксов.

Король предпринял попытку укрепить свое положение, заключив союз с другими влиятельными королевскими семействами. В апреле 1402 года он женился на Жанне Наваррской, вдове герцога Жана IV Бретонского, сестре короля Карла III Наваррского. В июле его дочь Бланка становится женой Людовика Наваррского, сына Руперта, герцога Баварского, который только что стал римским королем. Уже велись переговоры о заключении брака младшей дочери Генриха с юным королем Дании и Швеции Эриком, однако бракосочетание состоялось только в 1406 году.

В августе 1402 года шотландские силы перешли границу, но у Гомилдонского Холма были истреблены силами Перси. В плен попало пять графов. Учитывая жалкий список боевых подвигов короля Генриха IV, такая победа привела его в смущение. Он отдал приказ, согласно которому пленникам было запрещено платить за себя выкуп, что лишало Перси, которому король уже и без того был должен 10000 фунтов, огромной суммы неожиданного дохода. Они и без того считали его неблагодарным, король словно забыл, кто помог ему об-

рести корону. Хотспер отказался передать монарху самого важного своего пленника, графа Дугласа. Впоследствии король еще больше разозлил Перси своим предательством Эдмунда Мортимера, зятя Хотспера. В предыдущем июне Мортимер, важный вельможа из пограничных Уэльских районов, потерпел поражение при Пиллете, возле Найтона. Его разбил Рис Гетин, один из ближайших сподвижников Глендоуэра, при этом потери в живой силе составили 1100 человек. Самого Мортимера захватили в плен и отправили в логово Оуэна в горах Сноудонии. Это обстоятельство нисколько не опечалило короля, так как оно означало для него, что дядя наследника Ричард II был убран с его пути. (У самого сэра Эдмунда было куда больше оснований, чем у Генриха, претендовать на престол Англии.) Он с самого начала запретил всякие попытки выкупить пленника. Когда Хотспер предложил ему сделать это, король выкрикнул: «Предатель!», ударил его и едва не выхватил свой кинжал. Затем последовало нечто вроде временного перемирия.

Осенью 1402 года Оуэн нанес удар в Южном Уэльсе, атаковав Абергавенни, Карлеон, Уск, Ньюпорт и Кардифф. Адам из Уска жалуется, как «тот, подобно второму ассирийцу, Божьему гневу, мечом и огнем творил неслыханные зверства». В ответ король Генрих IV собрал несметную силу в 100000 человек, если не больше, конечно, если можно верить Адаму, и скомплектовал три армии. Одной командовал принц Генрих. Адам пишет, что Глендоуэр вместе со «своими бедолагами» скрывался по лесам и пещерам. Но погода была скверной, шли дожди, град и даже снег. Англичане подозревали, что это было делом рук «того великого мага, проклятого Глендовера». Они верили в то, что он

был некромантом и вызвал злого духа, полагая также, что у него был волшебный камень, который выплюнул ворон и который позволял ему и его валлийцам становиться невидимыми. Ночью 7 сентября поднялся такой неожиданно сильный ветер, что королевский шатер был снесен, и если бы монарх спал не в доспехах, то был бы убит.⁴ От холода и болезней солдаты стали умирать. «Воинство его сильно полегло», — записывает хронист Капгрейв. В сентябре после третьей неудачной попытки сокрушить валлийцев Генриху IV опять пришлось вернуться в Лондон. За исключением королевских замков и также замков пограничных лордов (так назывались лорды, жившие на границе с Уэльсом и пользовавшиеся относительной независимостью), которые продолжали удерживать их крошечные гарнизоны, Оуэн стал подлинным правителем Уэльса. Эдмунда Мортимера настолько разочаровал отказ короля выкупить его, что он женится на дочери Глендоуэра, создав тем самым союз, еще более осложнивший ситуацию. В декабре своим арендаторам в Мелайнидде он пишет письмо, в котором заявляет о том, что присоединился к Оуэну «с тем, чтобы, если король Ричард жив, немедленно вернуть ему корону, в противном случае пусть королем Англии станет мой благородный племянник, являющийся законным наследником указанной короны, а упомянутый Оуэн получит свои права на Уэльс».

В марте 1403 года принц Генрих был назначен вице-королем пограничных областей Уэльса, став при этом в свои шестнадцать лет фактически главнокомандующим. 15 мая в Шрусбери он продиктовал Королевскому совету рапорт. В Сихарте и Глиндифдове он сжег дома Оуэна, хотя при этом «мы не обнаружили ни души». На следующий день он захватил в плен одного важного

валлийского вельможу, одного из военачальников Оуэна, который за свою жизнь предложил выкуп в 500 фунтов. «Но предложение его принято не было и он встретил смерть, как и его пойманные соратники». Он опустошил Мелайнидд, благодатный и густонаселенный край, хотя Повис был настолько скуден, что он заставил своих солдат самим добывать овес для своих лошадей. Две недели спустя из Шрусбери он отправляет новый доклад, в котором говорит, что так поиздержался, что ему пришлось продать свои драгоценности. Еще он предупредил о том, что валлийцы готовят серьезное наступление, а ему пришлось отвести войска, чтобы облегчить тяжелое положение замков в Харлехе и Аберистуите. Несмотря на то, что обстановка, по его словам, была очень суровой, он настаивал, чтобы «война по возможности продолжалась, так как победа над мятежниками еще не была такой близкой, как сейчас».

В начале июня Оуэн снова нанес удар. О том, насколько опасной была ситуация, говорится в постскриптуме к письму, датированному 8 июля, что было написано королю архидиаконом Херфорда, Ричардом Кингстоном:

«И ради любви к Господу, мой властительный господин, подумай о себе и своей вотчине, иначе, скажу по чести, все пропало. Но если ты сам поспешишь сюда, остальные все последуют за тобой. В пятницу пал уже и был сожжен последний город Кармартен и замок отдан Ричардом Вигмором, и замок Эмелин тоже отдан на милость врага, а в городе Кармартене вырезано более пятидесяти человек. Пишу в огромной спешке, в воскресенье, и молю тебя о милости, и прости мне

великодушно, что написал так кратко, ибо то, с чем к тебе взываю, даю слово, не терпит отлагательств».⁵

Как бы то ни было, но четыре дня спустя Глендоуэр потерпел поражение, которое оказалось достаточно серьезным, чтобы отложить его вторжение в Англию. Эта задержка спасла дом Ланкастеров от полного падения. Валлийцы задумали объединить свои усилия с новыми английскими союзниками.

Против Генриха IV ополчились его явные и скрытые враги: Перси, жители Чешира и Шропшира, которые всегда поддерживали Ричарда II, а также Оуэн и Мортимер. Основным стержнем этого альянса стал Хотспер, подстрекаемый своим дядей, графом Вустером, главным камергером двора. Первой целью Хотспера был Шрусбери, где он намеревался взять в плен принца Генриха и объединить свои усилия с войском Оуэна. Затем они полагали объявить о том, что Ричард был еще жив и являлся все еще королем. После поражения Генриха IV они собирались возложить корону на голову графа Марча.

Впервые известие о заговоре достигло ушей короля в Ноттингеме 12 июля. Догадываясь о том, что Хотспер и Вустер направятся в Шрусбери, он немедленно двинулся туда сам и за три дня преодолел расстояние в шестьдесят миль. Принц, должно быть, страшно обрадовался, когда увидел его, потому что многие из его людей, включая нескольких из собственной челяди, перешли на сторону противника. Когда 20 июля Хотспер и Вустер прибыли в Шрусбери, вид развевающегося над стенами королевского знамени поразил их подобно грому.

Неустршимый Хотспер умело выбрал боевую позицию на склоне холма, известным под названием Хей-

тли Филд; его правый фланг был защищен рекой Северн, тыл – крутым обрывом, фронт – густыми хлебами и небольшими водоемами. Выбранная позиция располагалась в двух милях к северу от города по соседству с маленькой деревушкой под названием Бервик, где он и провел ночь со своими людьми. Согласно преданию, когда следующим утром Хотспер потребовал подать ему меч, оказалось, что тот был оставлен в Бервике. Глубоко потрясенный, он вскричал: «Мы вспахали нашу последнюю борозду, ибо колдун на моей собственной земле предсказал мне в Бервике смерть!» Генрих IV тоже нервничал. Опасаясь, что с минуты на минуту придут валлийские войска, он предложил Вустеру униженно выгодные условия. «Ты – незаконный наследник, – ответил ему Вустер. – Мы не можем доверять тебе».

Сражение не начиналось до полудня. Королевская армия насчитывала, примерно, 5000 человек. Ее правым крылом командовал принц Генрих, а передовые части возглавлял граф Стаффорд. Король двум своим рыцарям предложил надеть королевские накидки, чтобы походить на него и ввести врага в недоумение. Войска Хотспера имели почти такое же количество солдат, особую опасность представлял отряд чеширских стрелков, одежду которых украшал Белый Олень, бывший эмблемой короля Ричарда. Генрих IV отправил своих солдат на вершину холма, где на опасно узкой полоске земли должна была произойти их встреча с противником. Находившиеся вверху чеширские лучники с короткого расстояния выпустили в них стрелы, внося в их ряды смертельную сумятицу. Как записал летописец Уолсингем, солдаты, сражавшиеся на стороне короля, падали, как осенняя листва, прихваченная

жестким заморозком. Был убит граф Стаффорд, и часть королевских войск, спасая жизни, обратилась в бегство. Принц Генрих был тяжело ранен в лицо стрелой. Тем не менее, покинуть поле боя он отказался. Пал королевский знаменосец и штандарт короля повалился на землю. На мгновение показалось, что враг должен победить. Потери со стороны приверженцев Генриха IV были страшными. Пленник Хотспера, граф Дуглас, ставший его другом и союзником, поразил обоих рыцарей в королевских одеждах. Внезапно упал Хотспер, поверженный «человеком, которого никто не видел». Его солдаты обратились в бегство. Вустер и Дуглас были взяты в плен. По меньшей мере 1600 человек было убито, раненых насчитывалось 3000 человек, позже многие из них также скончались от ран. На следующий день, в воскресенье, Вустер оплакивал тело своего племянника. В понедельник он был обезглавлен. Посыпанное солью, подпертое двумя мельничными жерновами, тело Хотспера было выставлено у позорного столба в Шрусбери. Впоследствии его голова была доставлена в Йорк, где была посажена на кол у Миклгейт Бар, остальные части его тела были отправлены в другие города.

Но Оуэн не унимался. Он предпринял новые атаки, сконцентрировав на этот раз все силы против Херфорда и Монмута. У короля же, чтобы организовать достойную защиту против валлийцев, просто не было денег. Осенью на помощь Оуэну прибыла экспедиция из Франции. В ноябре 1403 года замок Кидвелли был атакован французскими кораблями со стороны моря. В январе французы для проведения осады Конви доставили пушки. Весной 1404 года валлийцы захватили Харлех и Аберистуит. Первый стал резиденцией Оуэна, а

последний – его административной штаб-квартирой. Его войска взяли Кардифф, Карпхилли, Уск, Карлеон и Ньюпорт. В Махинлете он собрал валлийский парламент. В конце мая в Париже король Карл VI принимал послов «Owynus, dei gratia, princeps Walliae»,* которым пожаловал золотой шлем для своего «брата», – этой чести удостаивались только суверены. В следующем месяце между валлийцами и французами был подписан союзнический договор, объединявший их в борьбе против «Генриха Ланкастера».

Принц Генрих стал заместителем короля в Южном Уэльсе, получив титул герцога Йоркского (Рутленда) и графа Арунделя, став его заместителем на севере. Его валлийские недруги были настроены героически, но лишены сплоченности и силы. Высшая валлийская знать имела такое же вооружение, какое было у английских гвардейцев (men-at-arms): большую часть войска составляли лучники, копьеносцы и солдаты, вооруженные одними ножами. Женщины с варварской жестокостью обращались с английскими ранеными и мертвыми. (После одержанной ими победы в Пиллете в 1402 году, по словам брата Капгрейва, «валлийские женщины опозорили английских мужчин, отрезав их члены и засовывая их им в мертвые рты».⁶⁾ Войска Генриха взирали на «валлийских псов» точно так же, как впоследствии их потомки будут рассматривать краснокожих индейцев или зулусов.

В своем сообщении отцу в 1404 году принц говорит о том, что валлийцы готовятся к нападению на Херфордшир, он обещает: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы противостоять мятежникам и сохранить англий-

* «Оуэна, милостью Божьей, князя Уэльса»

скую землю». В тот же день он пишет Совету, предупреждая его о том, если он не может оказать ему поддержку деньгами, то «мы должны постыдно, с позором отойти, бросив страну на погибель, что Бог нам делать не велит». С наступлением зимы опасность временно миновала. Но в следующем марте он уже сообщает, что 8000 валлийцев атаковали Гросмонт, он отправил воевать с ними лорда Тальбота с небольшим отрядом. «Как известно, победа на стороне не тех, кто велик числом, а на стороне тех, с кем Бог, что и было доказано». Тальбот уничтожил примерно от 800 до 1000 человек из вражеского лагеря. В мае в местечке Певелл Мелин, под Уском, англичане уничтожили еще 1500 неприятельских солдат, включая и брата Глендоуэра, Тьюдура. Было захвачено большое количество пленных, среди которых был сын Оуэна, Груффидд. Его отправили в лондонский Тауэр, в то время, как другие, менее знатного происхождения были обезглавлены на месте. Две недели спустя войско принца снова одержало победу, пленив валлийского канцлера д-ра Груффидда Йонге.

В феврале 1405 года из Виндзорского замка с двумя мальчиками внезапно убегает воспитательница графа Марча и его брата, леди Деспенсер, чей муж погиб во время заговора 1400 года. Она намеревалась присоединиться к их дяде Мортимеру и Оуэну, которые собирались объявить Марча королем. В погоню за ней отправился сам Генрих IV. Она была поймана неделю спустя в Челтенхеме. На допросе она обвинила своего родственника герцога Йоркского в том, что тот замышлял убийство Генриха. Йорка отправили в Тауэр, но вина его не подтвердилась и он был освобожден. За обоими мальчиками Марчами было установлено более пристальное наблюдение.

Старый уже отец Хотспера, Нортумберленд, тем не менее, был еще очень опасен. Он связался с Глендоуэром и Мортимером. В феврале 1405 года их посланники подписали в Бангоре тройственное соглашение, по которому они намеревались поделить Англию между собой на три части. Нортумберленду надлежало получить Англию севернее Трента, куда входили центральные графства Лестершир, Нортемптоншир, Йоркшир и Норфолк; Оуэн, кроме Уэльса, получал все земли, лежащие к западу от Северна и к югу от Мерсея; Мортимер приобретал южную Англию.

Союзниками Нортумберленда на севере были граф Маршал (лорд Мобрей), лорд Бардольф, лорд Клиффорд и архиепископ Скроуп Йоркский. По всему Йорку распространили манифест, в котором шла речь о непомерном бремени, возложенном на духовенство, о разорении дворянства, невыносимых налогах, которые были вынуждены платить землевладельцы и простой люд. В Шиптон Муре, близ Йорка, архиепископ с друзьями собрал небольшое войско. Но от решительных действий их удерживал граф Вестморленд, который затем обманул Скроупа и Мобрея, заманив их на ложные переговоры, где 29 мая они и были арестованы. Несмотря на протесты со стороны архиепископа Арунделя и королевского прокурора Гаскони, Генрих IV обезглавил не только Мобрея, но и Скроупа. Последний, узнав о той участи, что была ему уготована, сказал: «Я умру за то, чтобы в Англии восторжествовал закон и правопорядок». К месту казни Мобрей был отправлен верхом на кобыле, привязанный в знак бесчестия задом наперед. Брут рассказывает, что король был немедленно поражен проказой, а на могиле архиепископа стали твориться всевозможные чудеса. Только папский раскол спас

короля от отлучения от церкви. Нортумберленд и Бардольф поспешно бежали в Шотландию, чтобы впоследствии присоединиться к Оуэну.

Это восстание помешало Генриху IV разбить валлийцев. В августе 1405 года в гавани Мильфорда высадился маршал Жан де Ре. С собой он привез 800 вооруженных солдат, 600 арбалетчиков и 1200 легковооруженных всадников. Франко-валлийская армия прошла маршем вглубь Англии и остановилась не доходя 8 миль до Вустера. Французы вернулись домой только следующей весной.

В стране возник кризис доверия королю Генриху. У себя дома он не сумел разбить валлийцев, за проливом постоянная опасность угрожала Бордо. Французские и кастильские каперы угрожали жизни каждого английского моряка. Король слишком много средств расходовал на содержание своего двора, расточая доходы Короны, все более увязая в долгах. В 1406 году парламент, заседавший в период с марта по декабрь не менее 139 дней (включая и первое всенощное заседание Палаты общин), вынудил его назначить Совет, которому надлежало контролировать финансовую политику в целом и королевские расходы в частности. Формально, несмотря на свое отсутствие там, главой Уэльса являлся принц, а спикер Палаты общин сэр Джон Типтофт, член парламента от Хантингдоншира, был назначен Королевским казначеем.

Типтофту, ставшему казначеем Англии в следующем году, было суждено сыграть важную роль в жизни принца Генриха. Приближенным Болингброка он стал, будучи еще молодым человеком. Вместе с ним он проделал путь от Ревенсперга. В 1403 году он стал рыцарем королевского двора. В том же году он стал членом

парламента. Против своей воли, но к большому облегчению короля, он в 1406 году был избран спикером Палаты общин. Он оказался непревзойденным дипломатом, а также отличным администратором, чем завоевал доверие со стороны Генриха и Палаты общин.⁷

Принц Генрих вернулся домой в апреле 1406 года, незадолго до того, как валлийцы потерпели одно из самых тяжелых поражений, потеряв при этом несколько тысяч человек. В июне лорд Повис разбил Нортумберленда и Бардольфа, которым пришлось искать укрытия во Франции. К концу года Оуэну пришлось занять оборонительную позицию. Применяв политику кнута и пряника, принц Генрих хитростью переманивал людей Оуэна на свою сторону, обещая всем амнистию. Все свои силы он сконцентрировал на возвращении захваченных валлийцами замков.

Со дня своего падения в 1404 году Аберистуит служил Оуэну его штаб-квартирой. В июне 1407 года, располагая 600 рыцарями и 1800 стрелками, принц Генрих начал его осаду. Морем из Бристоля было доставлено 6 больших пушек, остальные, в том числе и одно наиболее любимое Генрихом IV орудие под названием «Kinge's Gonpe» весом в четыре с половиной тонны, прибыли сушей. Из Ноттингема было прислано 971 фунт селитры, 303 фунтов серы и 538 фунтов готового пороха. В Херфорде было сосредоточено бесчисленное множество пушечных ядер, луков, тетив, стрел и арбалетов. Но замок оборонял неустрашимый Черный Рис, один из наиболее одаренных военачальников Оуэна, и заметного успеха англичане не добились, потеряв при этом две из наиболее крупных своих пушек. В сентябре Рис принял решение сдаться, если ко дню Всех Святых (1 ноября) не получит помощи. Оуэн,

угрожая тому отрубить голову, все же немедленно доставил подкрепление в Аберистуит. В замке начался голод и осажденные стали подумывать о сдаче. Помочь им не могла ни наступившая зима, одна из самых суровых на памяти людей, ни густые леса.

В 1406-1407 гг. была покорена житница Северного Уэльса, Энглси. Вследствие этого обреченным оказался не только Аберистуит, но недостаток в провианте стал испытывать и Оуэн со своими солдатами, находившийся в своей Сноудонской цитадели. Свою и без того сумбурную карьеру (пребендарий в Уэльсе, преуспевающий адвокат в Лондоне, уличенный конокрад, изгнанник, папский капеллан в Риме, бродяга во Фландрии) Адам из Уска увенчал тем, что стал двойным агентом и присоединился к ним. Благодаря его записям, у нас имеется представление о том образе жизни, который вел Оуэн со своим войском: «горько страждущие от бесчисленных смертельных опасностей, ложных братьев, голода и жажды, многие ночи они проводили без сна, страшась нападения врагов своих».

Несмотря на то, что к этому времени возраст Нортумберленда приближался к семидесяти, он все же предпринял последнюю попытку поднять Англию против дома Ланкастеров. Суровой зимой 1407-1408 года он вместе с лордом Бардольфом пересек скованный льдом Твид, но 19 февраля в снегах Брехем-Мура, близ Тадкастера, его маленькая армия, состоявшая, в основном, из жителей земель Перси, была истреблена шерифом Йоркшира. Граф был убит, и той же ночью от полученных ран скончался Бардольф. Это значило, что трону Генриха IV больше ничто не угрожало. Сторонники Ричарда II и графа Марча были либо уничтожены, либо вынуждены скрываться. Перси также потерпели

поражение, теперь король все силы мог направить против валлийцев. По дороге во Францию был схвачен наследник шотландского трона, будущий Яков I. Последующие восемнадцать лет ему было суждено провести в английском плену. Король Генрих пошутил, что говорить по-французски он выучит его сам. Возможности помогать валлийцам у французов больше не было.

Во Франции титул герцога включал не только имя, как это было в Англии (за исключением Ланкастера), но он подразумевал, что под началом герцогов находилось целая армия вассалов и множество богатых поместий. Герцоги Бургундские и Орлеанские давно уже вели нескончаемый спор о том, кому из них взять под контроль безумного короля. Спор завершился тем, что одним темным ноябрьским вечером в Париже от руки убийцы, нанятого Жаном Бургундским, пал Людовик Орлеанский. Случилось это на улице Вьей-дю-Та. Тело с отрубленными ладонями, чтобы не дать некромантам использовать их для вызова злых духов, было брошено в канаве. Преемник Людовика Шарль (герцог-поэт), ввиду того, что его женой стала вдова Ричарда II, Изабелла, хотел начать с Англией войну. В отличие от него, герцоги Бургундские хотели мира, поскольку война могла помешать их торговле с Фландрией. Когда в 1409 году Изабелла умерла, Шарль женился на дочери Бернара, графа Арманьяка, который был нестигаемым представителем южной знати и обладал таким личным могуществом, что приверженцы герцогов Орлеанских были переименованы в Арманьяков. Жан Бургундский был маленьким человечком безобразной наружности, циничным и вероломным. Кроме своего герцогства, он правил также графством во Фландрии и с королевской pompой содержал два двора в своих обеих столицах —

в Дижоне и Брюсселе. Обе управляемые им территории (огромная область в восточной Франции и территория сегодняшней Бельгии и Голландии) не имели общей границы. Власть его могла бы несказанно возрасти, если бы ему удалось приобщить к своим землям и те, что лежали между его владениями. С каждым днем стычки между сторонниками герцогов Бургундских и Арманьяков становились все кровавее и кровавее.*

Тем временем принц Генрих занимался окончательным разгромом Оуэна. Летом 1408 года Аберистуит, чтобы избежать голодной смерти, наконец-то, был вынужден сдаться. Отчаявшийся Черный Рис скрылся в горах. В начале 1409 года Харлех тоже пал. Вся семья Глендоуэра, за исключением одного сына, была взята в плен. Сэр Эдмунд Мортимер «свои дни, полные печали», закончил в замке. Он умер во время осады. С этих пор за событиями в Уэльсе Генрих стал наблюдать издали. Свою последнюю кампанию Оуэн предпринял в 1410 году, но его солдаты были буквально растерзаны в клочья. Его главные военачальники, включая и Черного Риса, были казнены на месте: сначала повешены, затем выпотрошены и четвертованы. Сам Глендоуэр с вооруженным отрядом на протяжении еще трех лет скитался по горам. О том, когда и как он умер, ничего неизвестно.

Валлийские кампании Генриха V подготовили его к завоеванию Франции. Он овладел искусством осады и

* Феодальная усобица двух знатных семей Франции за власть под названием «борьбы между бургундцами и арманьяками». Во главе одной из них стояли герцоги Бургундские — младшая ветвь Валуа, во главе другой — герцоги Орлеанские и их родственники графы Арманьяки, по имени которых они получили название «арманьяков».

артиллерии (хотя не мог не согласиться со своим отцом, что защищать крепость было гораздо дешевле, чем осаждать ее). Кроме того, он научился контролировать огромные завоеванные территории силами небольших гарнизонов. Чтобы удержать враждебно настроенное население в смирении, он применял систематический террор, искусственно вызванный голод и тонко просчитанные умиротворительные мероприятия. Прибрежным крепостям Эдуарда I, что были возведены во времена завоевания Уэльса в тринадцатом веке, он вернул их былое назначение, укрепив их и оснастив кораблями, чтобы в случае необходимости можно было использовать их для пополнения изолированных гарнизонов свежими силами и проведения внезапных атак. Когда придет время, он точно таким же образом использует и внутренние реки Франции.

Теперь он знал, как с максимальным эффектом распорядиться весьма ограниченным контингентом живой силы. Так, в Харлехе пять англичан и шестнадцать валлийцев на протяжении нескольких лет обороняли замок против Глендоуэра, и на каком-то этапе всего 28 человек защищали город и замок Карнарвон. Он научился мобильно использовать смертоносную силу атаки своих лучников, посадив их на лошадей. Возя с собой фураж, при необходимости за короткий промежуток времени они могли преодолевать огромные расстояния. Спешившись, они могли вступать в бой по первому приказу.

Чрезвычайно важное влияние на него оказала книга Вегеция «Военное дело», которая для средневековых полководцев имела такое же значение, как учебник по военному искусству для современных командиров. Ввиду того, что ее автор, живший в четвертом веке, особое

внимание уделял пехоте, труд этот стал особенно популярен в Англии, когда пешие солдаты научились истреблять кавалерию градом стрел. Имелось несколько переводов этой работы; некоторые дошедшие до наших дней рукописи были сложены так, чтобы во время кампании их можно было носить с собой в кармане. Особенно популярным был третий раздел, в котором шла речь о стратегии и тактике. Можно ничуть не сомневаться в том, что Генрих проштудировал его особенно тщательно. Он взял на особую заметку рекомендации Вегеция по применению голода как средства борьбы с противником.

Англия, напуганная перспективой независимого Уэльса, не могла не признать того факта, что война с ним была выиграна принцем. Наконец, появилось обещанное королем твердое правление. Подобно многим другим одаренным наследникам, Генриху не терпелось заполучить власть, для которой он подходил куда больше, чем его хилый отец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ОН МОГ БЫ УЗУРПИРОВАТЬ КОРОНУ»

«... король подозревал, что он мог бы узурпировать корону еще при его жизни, и эта подозрительная ревность стала причиной того, почему, в свою очередь, он лишил принца своего расположения и отцовской любви».

«ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ ГЕНРИХА V»

«Мой милый сын, откуда могут быть права на это у тебя, когда я сам, как хорошо ты это знаешь, их не имею?»

ЭНГЕРРАН ДЕ МОНСТРЕЛЕ «ХРОНИКИ»

Свою болезнь Генрих IV считал наказанием, ниспосланным ему Богом за убийство архиепископа Скроупа (который стал известен в Йоркшире как «Св. Ричард»). Многие из его поданных думали так же. «После этого король утратил красоту своего лица, — пишет брат Капгрейв. Как гласила народная молва, с того самого времени и до своей смерти он стал прокаженным, становясь безобразнее день ото дня.»¹ Его лицо и кисти рук были усеяны огромными пустулами, «большими, как соски, прыщами», и если его статуя в Йоркском кафедральном соборе (начала 1425 года) являет действительное портретное сходство, то величина его носа стала просто ужасной. Болезнь, несомненно, име-

ла либо венерическое происхождение, либо была туберкулезной гангреной, хотя не исключена возможность, что причиной ее была эмболия той или иной этиологии. Первый приступ заболевания, заставивший его воскликнуть, что он весь горит огнем, миновал довольно быстро, но недугу в сопровождении с другими недомоганиями через определенные интервалы времени суждено было возвращаться. Пострадало не только его тело, но и разум, так что править государством он уже не мог. Его придворный лекарь, мастер Мальверн, был не в силах помочь ему, поэтому из Италии специально для него были выписаны два специалиста-еврея, мессеры Пьетро ди Алькобассе и Давид ди Нигарелльо. Но и они оказались столь же беспомощными. В 1408 году с ним случился удар, и двор на протяжении нескольких часов полагал, что он мертв.

Когда он бывал совершенно обессилен болезнью, что в последние годы его царствования случалось с ним особенно часто, он пытался управлять посредством своего друга, архиепископа Арунделя. Однако в конце 1409 года архиепископа отстранили от власти, отправив его с должности советника в отставку. Немалую роль в закате Арунделя сыграл принц Генрих вместе с Бофорами — своим старым наставником епископом Бофором и сэром Томасом Бофором, ставшим к этому времени адмиралом Англии.

Бофоры были незаурядным явлением при английском дворе. Одаренные и энергичные, они в такой же степени были и тщеславны. Их мать Екатерина Розэлт состояла воспитательницей при первой жене Джона Гонта. Оба они родились в то время, когда она была любовницей их отца, а его вторая супруга была еще жива. Но узаконены папой и королем Ричардом II они были позже,

когда в 1396 году Екатерина стала третьей женой Гонта. Когда церемонию узаконивания проводил их единокровный брат Генрих IV, по совету Арунделя в пожалованную им грамоту были вписаны слова «за исключением королевского достоинства». Их близкое кровное родство с королем, в сочетании с отсутствием каких-либо прав на трон, делали их существенной силой, противопоставленной крупным землевладельцам и принцам дома Йорков. Старшим среди них был Джон Бофор, но в 1410 году он умер, а его вдова вышла замуж за принца Томаса, второго сына короля. Генрих Бофор, второй брат, родился в 1375 году. Прекрасный знаток законов (как гражданских, так и канонических), получив образование в Аахене, он в 1398 году стал епископом Линкольна, а в 1404 году — Винчестера. Кроме того, он обладал гением финансиста, который позволил ему из доходов священнослужителя сколотить приличное состояние. Стиль его жизни был вполне светским. Он имел любовницу и вел себя скорее как знатный вельможа, чем прелат. Надменный и горячий, он обладал даром наживать себе врагов, среди которых был и архиепископ Арундель (у которого были все основания недолюбливать его еще и потому, что тот стал отцом незаконнорожденного ребенка его племянницы). Томас Бофор, третий брат, получивший в 1412 году титул графа Дорсета, а позже герцога Экстера, был способным и надежным воином, который впоследствии стал одним из наиболее ценных полководцев Генриха. Впервые он сражался со своим кузеном в Уэльсе в 1405 году. В тот год он сыграл решающую роль в смерти архиепископа Скроупа. Его жена была из рода Невилей Хорнби и приходилась дальней родней его могущественному шурина, графу Вэстморленду, бывшему надежным союзником Бофоров.

После ухода Арунделя ведущей фигурой в Совете, объединившись со своими наиболее доверенными друзьями: Бофорами, графами Арундемом и Уорвиком, лордом Бурнеллем и Скрупом, стал принц Генрих. Особый интерес вызывает личность последнего, так как он был единственным человеком, понять которого до конца принц так и не смог.

Генрих, третий лорд Скроуп Машамский, был блестящим и привлекательным человеком. Он родился в 1373 году в очень богатой и знатной семье. В 1387 году Рыцарский Двор описывал Скроупов как «*grandes gentilhommes et de noblez*» (высшая дворянская знать) со времен нормандского завоевания. Будучи родственником архиепископа, в 1405 году он твердо отмежевался от мятежников, за что был вознагражден имениями в Терске и Ховингеме. Он вместе со своим зятем, лордом Фицугом, чрезвычайно интересовался христианским мистицизмом. Известно, что они сообща прочитали «*Fięe of Love*» (Огонь любви) Ричарда Рола Хампольского. Огромные суммы расходовал он на свою часовню, убранство которой включало более 90 риз и 83 книги, что было исключительным явлением для светской личной библиотеки того времени. Принц находился под сильным впечатлением «своего доброго лорда Мешема», иногда он приглашал его разделить с ним постель. Скроуп сопровождал леди Филиппу, сестру Генриха в Швецию, когда в 1406 году она отправилась туда, чтобы сочетаться браком с королем Эриком XIII. Этого одаренного, сложного и таинственного йоркширца из Дейлса принц назначает казначеем Королевского двора.² Его успехи были так велики, что архиепископ Арундель, вновь добившийся власти, был вынужден оставить ее.

Скроуп вскоре заявил Совету, что управлять страной будет не так-то легко. Долг короны был огромен, вследствие многолетнего дефицита бюджета. Он подсчитал, что дефицит в предстоящем году должен был превысить сумму в 16000 фунтов, не считая жалования. Принцу снова пришлось изымать деньги из Палаты общин. После горячих споров он сумел убедить их в том, что, в конце концов, деньги были нужны ему, чтобы гарантировать «хорошее правление», и они согласились субсидировать его.

Должно быть, он сам согласился с решением Совета обесценить денежные знаки, поскольку это служило дополнительным источником дохода. В это время в Европе разразился кризис драгоценных металлов, возникла резкая нехватка серебра и золота. В 1410 году нобль (главная золотая монета, находившаяся в обращении) был уменьшен в весе на 12 гранов, а серебряный пенс — на три. В соответствии с этим была проведена деноминация и остальных денежных знаков. Об эффективности реформы свидетельствовал тот факт, что Английскому монетному двору удалось продержаться на этом уровне более полувека. Как бы то ни было, но это мероприятие популярностью не пользовалось.

Палату общин очень волновала безопасность крепости и порта Кале, который с 1347 года был английским военным и торговым плацдармом в Северной Франции. Среди жителей города преобладало английское население. В 1410 году принц Генрих назначил себя капитаном Кале. Он выяснил, что жалование гарнизону регулярно запаздывало, а правительство задолжало ему более 9000 фунтов. Среди солдат начинались беспорядки. Тем не менее, он приказал произвести

расчеты и определить, сколько будет стоить содержание Кале в случае войны.

В своем общении с человеком, который представлял для него наибольшую опасность в королевстве — графом Марчем, он проявлял незаурядную хитрость и стальную выдержку. Король был так напуган самим фактом существования законного наследника Ричарда II, что все время держал его в заключении. В отличие от отца, он освободил семнадцатилетнего графа и привязал его к собственному двору, поступив с ним точно так же, как когда-то с ним самим поступил король Ричард II. Отец его был слишком ослаблен болезнью, чтобы воспротивиться этому. Этот формально примирительный, но точно рассчитанный ход будет использоваться и позже во время восхождения Генриха на королевский престол в его обращении с другими вельможами.

К этому времени полноправным правителем Парижа стал герцог Бургундский, снискавший надежную поддержку в кругах не столь знатных горожан, образованных людей и толпы. (Ему противостояли богатые горожане и правительственные круги, а также приверженцы и сочувствующие другим принцам крови.) Герцог Жан убедил Сорбонну посмертно клеймить покойного Людовика Орлеанского как тирана, чтобы он на том основании, что совершил убийство тирана, а не смиренного человека, мог добиться у короля прощения и признания своей невиновности. Он расположил к себе парижан тем, что осыпал щедрыми подарками гильдии (в частности, мясников, которые впоследствии стали его наиболее кровожадными приверженцами), снизил налоги, введенные арманьяками, и казнил нескольких мздоимцев. Стало известно, что граф Армань-

як задумал план, как с помощью оружия изгнать его из Парижа. Герцог Жан предложил Генриху руку своей дочери, а также четыре фламандских порта в придачу и будущую поддержку в завоевании Нормандии. За это он просил оказать ему незамедлительную военную помощь. В октябре 1411 года граф Арундель возглавил двигавшееся из Кале в Париж войско, состоявшее из 800 рыцарей и 2000 стрелков. Они сражались бок о бок с бургундцами, стремясь помочь им узнать засевших в своих укреплениях Арманьяков, которые блокировали мосты Сен-Клу и Сен-Дени. Эта интервенция в Англии далеко не всем пришлось по вкусу.

Еще меньше людей радовала она во Франции. Мало кого из французов могло обрадовать появление англичан в глубине их страны. Еще свежа была память о Креси, Пуатье и других городах, налеты на которые были совершены всего четверть века назад, когда «исконный враг» сжигал селения, убивал, насиловал и грабил. Более того, Арундель сам по себе был особенно агрессивной и неприятной личностью. В своих «Хрониках Карла VI» Жювеналь де Юрсен, епископ и граф Бове рассказывает нам о том, что англичан настолько не любили, что в Париже они не могли найти место для отдыха; десятилетия спустя в письме от 1440 года экспедицию графа он с горечью назовет началом анархии и опустошения Франции.³ Вероятно, именно в том 1411 году один из секретарей короля Карла, Жан Монтрейль, написал в его адрес «A tout la chevalerie de France» (Всеми рыцарству Франции):

«Когда я вижу, что они [англичане] хотят только одного, чтобы опустошить и разрушить это королевство, отчего, может быть, Бог убережет нас, и что они ведут войну, что несет погибель всем их соседям, я

питаю к ним такое отвращение и ненависть, что люблю тех, кто ненавидит их и ненавижу тех, кто любит их».⁴

Политика принца Генриха во многих отношениях отличалась от политики его отца. Ему противостояла оппозиция, называемая некоторыми историками «партией короля», возможно, так оно и было на самом деле. В оппозицию входили не только архиепископ Арундель и зять короля, граф Вэстморленд (несмотря на его верность Бофорам), но и младший брат Генриха Томас Ланкастер. Принц Томас перессорился с Бофорами из-за наследства своей жены, вдовы их брата. На год моложе Генриха, будущий герцог Кларенс, был вице-королем Ирландии. Солдат до мозга костей, страстно увлекавшийся геральдикой, обожавший своего побочного сына, в ком души не чаял, он был яростным противником. В светлые моменты сознания король переживал, что после его смерти пути братьев разойдутся. Он предупреждал Генриха: «Я опасаюсь, что он своим хитрым умом предпримет против тебя какой-нибудь опасный шаг».

В ноябре 1411 года Генрих IV выздоравливает и увольняет Бофора, возвращая Арунделю пост канцлера. Место брата в Совете занимает принц Томас. Своим предложением отречься от престола принц Уэльский и его друзья сильно разгневали короля.

Тем временем между арманьяками и бургундцами велись переговоры. Принц Генрих понял, что больше пользы ему можно было ожидать от вторых. Но в марте 1412 года Арманьяки предложили Аквитанию, поскольку раньше большая ее часть находилась во владении Черного Принца. В августе принц Томас, только что получивший титул герцога Кларенса, вместе со своим кузеном, герцогом Йоркским, возглавил экспедицион-

ную армию, состоявшую из 800 рыцарей и 300 стрелков, с которой он пересек Ла-Манш и пришел на помощь Арманьякам. Высадившись в Нормандии, они маршем прошли до Блуа, оставляя после себя пепелища, убивая и грабя население. В Блуа, однако, они получили сообщение о том, что Арманьяки сдались на милость бургундцам и в их «помощи» больше не нуждались. Герцог Бургундский от их услуг также отказался. «Герцог Кларенс и англичане творили неисчислимые бедствия, на какие только был способен враг, они говорили, что не покинут королевство до тех пор, пока не получат полного удовлетворения и причитавшегося им жалования,» — читаем мы в записках Жювнала де Юрсена. Им удалось добиться огромных выплат, общая сумма достигала 35000 фунтов, одна треть которой была выплачена драгоценностями. Сам Кларенс получил 40000 золотых крон и драгоценный крест стоимостью в 15000 крон, герцог Йоркский — 5000 крон и крест достоинством в 40000 крон. Менее знатные вельможи разделили трофеи, получив также и компенсации, но уже меньшего размера. Далее они двинулись в Бордо, снова, как и раньше, сжигая и истребляя все на своем пути. Кроме того, они похищали детей, намереваясь продать их в Англию в качестве слуг. Их подвиги и военная добыча вызвала дома большой интерес. Однако принц Генрих был очень недоволен походом, поскольку это означало разрыв с герцогами Бургундскими, союз с которыми, по его мнению, имел большую стратегическую ценность, нежели то, что могли предложить арманьяки.

Оппозиция принца не понравилась его отцу, который начал подозревать сына в заговоре против него. Конечно, он мог бы замыслить переворот, но был слиш-

ком щепетилен, чтобы поддаться искушению. Тем не менее, он был лишен всех прав участия в управлении государством до самого конца царствования отца. В июне 1412 года, чтобы изложить свои взгляды, он прибыл в Лондон с целым сонмом своих сторонников, а затем отправился в вояж по Англии. Король опасался, что сын готовил государственный переворот. В Ковентри 17 июня принц публично объявил о своей невинности в таких намерениях, сказав, что собирает силы для того, чтобы помочь отцу завоевать Аквитанию. Вскоре в сопровождении своих людей он вернулся в Лондон. Между Генрихом IV и наследником состоялось официальное примирение, которое, правда, не принесло удовлетворения никому из них. В сентябре после того, как его обвинили в краже жалования, предназначенного для гарнизона Кале, он снова прибыл в Лондон. На этот раз его сопровождал большой вооруженный отряд. Он напрямик отправился к отцу и после слезных объяснений они примирились во второй раз.⁵

У Генриха IV были все основания опасаться за свою корону. Он сверг Ричарда, пообещав избавить страну от неумелого правления, но к настоящему времени сам был недееспособен. Несмотря на недостаточный доход в казну и беспорядок во всем, принц был совершенно уверен в том, что смог бы заставить систему работать и обеспечить страну лучшей властью и более праведным судом.

Несмотря на то, что Генрих не по годам рано начал жизнь солдата и политика, тем не менее это не мешало ему принимать участие в развлечениях, подобно другим молодым людям. Слишком многие летописцы пишут о беспутном образе жизни необузданного юнца, так что не принимать это в расчет нельзя. Даже придержива-

ющиеся во всех отношениях канонического описания биографии Генриха «Деяния» и те замечают, что «тот, оставив узы скромности, был таким же горячим воином Венеры, как и Марса; еще в ранней юности она опалила его пламенем своих факелов». ⁶ В «Первой английской жизни» говорится: «Он умеренно упражнялся в подвигах Венеры». ⁷ Но сведений о его побочных отпрысках не имеется. Возможно, это связано с тем, что все его три брата в браках были бесплодны, только Томас, герцог Кларенс, умудрился прижить незаконное дитя.

Предполагается, что принц Генрих имел и другие развлечения, включая старинную игру в переодевание, когда переодетые нападали на собственных чиновников, избивали и грабли их, но упоминания о развлечении такого рода появилось только в XVI веке. Несомненно, много времени проводил он в Лондоне, где у него был большой городской дом, принадлежавший когда-то Черному Принцу, — «Холодная гавань», возле Лондонского моста, рядом с церковью Всех Святых. Мы знаем также о том, что 23 июня 1410 года его братья, Томас и Хэмфри, участвовали в шумном ночном скандале в одной из таверн в Истчипе, где проводили время, и потасовка была такой буйной, что для наведения порядка пришлось призвать мэра и шерифов. В следующем году Томас снова участвовал в подобных беспорядках. Однако никаких сведений о том, что Генрих был молодым дружкой Фальстафа (персонаж хроники Шекспира «Король Генрих IV») не имеется. И какие бы порочные друзья не окружали принца, Фальстафа среди них не было. (Настоящий Фальстаф, сэр Джон Фастольф, был стойким профессиональным воином, времени на проделки у которого не было.) Возможно, ему

нравилась компания сэра Джона Олдкасла, который однажды организовал для принца состязания по борьбе. Но едва ли можно обвинять сэра Джона в пороке. Тем не менее, даже такой признанный историк, как Мак-Ферлейн также принимает истории о необузданности принца за подлинные, указывая при этом, что, когда тот стал королем, то «не ведавший законов, развеселый юнец в одну ночь стал фанатичным приверженцем порядка и дисциплины».⁸

Тогда волей-неволей напрашивается вопрос о том, откуда Шекспир списывал портрет своего Генриха? Долгое время считалось, что главным источником для него были «Хроники» Холиншеда, основывающиеся, в свою очередь, на записях Эдуарда Холла «Союз двух благородных и прославленных семейств Ланкастеров и Йорков» 1548 года и на переводе официальной биографии Тито Ливия 1437 года, копия которого имелась в собственности антиквара Джона Стоу. (Этот перевод, содержащий детали, переданные семейством графа Ормонда, бывшего с Генрихом во Франции, представляет собой «Первую английскую жизнь») Шекспир рисует довольно традиционный портрет героического короля, однако в силу своего гения он более глубоко прочувствовал образ и не мог не разглядеть мании величия и жестокости монарха, на которые он раз или два намекает в своей хронике.

Существует доказательство того, что Генрих был религиозным фанатиком еще до своего восшествия на престол. Несмотря на то, что оно датируется шестнадцатым веком, своими корнями оно уходит в традицию лоллардов. Из «Книги мучеников» Фокса мы знаем, что принц играл ведущую роль в подавлении еретиков. В 1409 году он самолично руководил сожжением портно-

Печать Генриха, принца Уэльского

го-лолларда Джона Бэдби, который отрицал «священство», утверждая, что святой дух еще хуже жабы или паука. Когда Бэдби начал кричать, Генрих приказал вытащить его полумертвого из бочки, в которой того сжигали, и предложил ему пожизненное содержание, если тот отречется. Человек отказался, тогда принц собственноручно снова посадил его в бочку.⁹

Король Генрих IV умер 20 марта 1413 года в комнате, известной под названием «Иерусалимская палата» в жилых помещениях Вестминстерского аббатства. Летописец Джон Капгрейв рассказывает нам о том, что королевский исповедник Джон Тилль умолял Генриха покаяться в убийстве архиепископа Скроупа и в том, что узурпировал трон. На что король ответил, что отпущение грехов за убийство архиепископа он получил от папы, но сын его никогда не позволит ему признаться в узурпации. Даже у Тито Ливии* имеется упоминание о том, что за несколько месяцев до своей

* Итальянский хронист, автор «Жизни Генриха V» на латинском языке.

кончины Генрих IV заметил сыну: «Я горько раскаиваюсь в том, что возложил на себя бремя короны этого королевства». Ангерран де Монстреле донес до наших дней рассказ о том, как принц, когда король был на смертном одре, взял лежавшую на столе подле него корону, но тот очнулся и потребовал вернуть ее. Умиравший тогда спросил сына, по какому праву тот поступил так, когда такого права не было у него самого. Принц Генрих ответил: «Как ты удерживал ее мечом, так и я не выпущу ее из рук до тех пор, пока во мне теплится жизнь».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ «НИКАКОГО ПРАВА»

«... У Вас нет никакого права, даже права на королевство Англии, что принадлежит законным наследникам покойного короля Ричарда.»

АРХИЕПИСКОП БОЙСТРЕТЬЕР ГЕНРИХУ V

«Джон [Олдкасл] имел намерение в Элтеме убить короля и его лордов, в ночь на двенадцатое.»*

ХРОНИКА ЛОНДОНА

Генрих V был настолько удачливым королем, что невероятно трудно поверить в тот факт, что в начале своего прихода к власти жизни его грозила опасность. Два месяца спустя после его вступления на престол к воротам Вестминстерского Аббатства был прибит плакат, провозглашавший, что король Ричард II был жив и находился в Шотландии. Плакат этот был написан Джоном Уайтлоком, йоменом, который распространив эту историю по всему Лондону вместе с тремя своими сообщниками, нашел убежище в аббатстве. Конечно, Ричард II уже давным-давно был мертв, но был жив граф Марч, который более не был в заточении. За исключением нескольких приближенных, в это время в

* последний день рождественских святок.

королевстве было немного людей, кто питал бы лояльность к Ланкастерам.

Он не стал рисковать Груффиддом (сыном Глендоуэра), Мердоком, графом Фафским (регентом сына Шотландии) или Яковом, королем шотландцев. Первым делом Генрих вернул всех троих на попечение констебля лондонского Тауэра, несмотря на то, что они и без того довольно комфортабельно были устроены в Виндзоре, Кенилуорте и Тауэре, который в те времена был и крепостью, и королевским дворцом, где часто пребывал королевский двор. Стало ясно, что теперь они находились под неусыпным надзором. Дальнейшая судьба Груффидда неизвестна. Мердок был выкуплен отцом за огромную сумму в 16000 фунтов, в то время, как королю шотландцев не повезло. В заточении он оставался на протяжении семи лет с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать. Пока Генрих был жив, надежды на освобождение у него не было. Несмотря на то, что англичане предпринимали некоторые меры для проведения переговоров, свободу он обрел только в 1423 году, год спустя после смерти короля, проведя в английском плену 18 лет. Позднее он напишет с болезненной горечью, как сильно завидовал птицам, лесным зверям и морским рыбам, которые были свободны, в то время, как он вел «мучительную жизнь, преисполненную боли и страдания», и что он «был лишен всех радостей и утешения». Когда он вернулся в Шотландию, то оказался исключительно способным правителем, а сильная Шотландия менее всего была выгодна Генриху. Шотландцы были традиционными союзниками Франции, поэтому он был решительно настроен использовать все средства власти, чтобы только воспрепятствовать им в оказании помощи его добыче, которую он

высмотрел себе за Ла-Маншем. Следовательно, угрызений совести по поводу того, что причинял королю Якову «боль и страдания», он не испытывал.

Коронация Генриха происходила в страстное воскресенье (9 апреля). На царствование его венчал архиепископ Арундель в самый разгар снежной бури. «В тот день, — записывает Адам из Уска, — над горной страной королевства разразилась нежданная буря чрезвычайной силы, в которой гибли и люди, и звери, и домашний скот, она затопила долины и болота, грозя человеку опасностями и потерями сверх всякой меры». Очевидец коронации, рассказал монаху из Сен-Дени, что большая часть собравшихся считали, что венчаться на царство должен был граф Марч и что гражданской войны теперь не миновать.¹ Было отмечено, что во время церемонии король был странно мрачен и во время пиршества к еде не притронулся. Ходили слухи, что он и после этого не ел еще на протяжении трех дней.² Вывод напрашивается сам собой: совесть его была неспокойна, как у человека, который в глубине души понимал, что был узурпатором.

Эти слухи имеют важное значение для понимания психологии Генриха V и мотивов его поступков, того, что в действительности двигало им. Не приходится сомневаться, он слишком хорошо осознавал тот факт, что если у графа Марча не было сторонников, готовых с оружием в руках отстаивать его право на престол, и народу сам граф был неугоден, тем не менее существовало немало людей, которые не хуже его понимали, какая произошла вопиющая несправедливость, так как законного наследника лишили его наследства. Во время царствования Ричарда II парламент не единожды, а дважды публично подтверждал притязания Марча на

престол, сначала в лице его отца, а потом и самого графа. Именно это признание парламентом сыграло ключевую роль в узурпации власти домом Ланкастеров. Если в поведении Генриха иногда и проскользнул намек на угрызения совести и беспокойство, то это было тогда, во время церемонии коронации, и, возможно, на смертном одре. Но историки его беспокойству не уделили сколько-нибудь должного внимания.

Тем не менее, с самых первых дней своего царствования Генрих проявил незаурядное самообладание и самоуверенность. С самого начала он начал проводить политику тонко просчитанного примирения, которой он научился в Уэльсе. Графам Хантингтону, Оксфорду и Солсбери, сыновьям заговорщиков 1400 года, вернули их родовые поместья. Были также предприняты шаги, чтобы убедить сына Хотспера вернуться из Шотландии домой и унаследовать графство его деда Нортумберленда. Лорд Мобрей, брат мятежного вельможи, погибший вместе с архиепископом Скроупом в 1405 году, получил передаваемый по наследству титул графа-маршала Англии. Также было дано позволение совершать в соответствии с обетом жертвоприношения в гробнице архиепископа в Йоркском кафедральном соборе. Брат и наследник беспринципного герцога Йоркского получил титул графа Кембриджа. Останки Ричарда II были извлечены из тайного места захоронения и перевезены в великолепную гробницу, которую он сам заказал в Вестминстерском Аббатстве. Этим жестом раз и навсегда было покончено со странными слухами о том, что Ричард был жив и находился в Шотландии.

Архиепископ Арундел был смещен с поста канцлера и на его место был назначен епископ Бофор. Племянник старого архиепископа, граф Арундель, стал

казначеем. Несмотря на страхи покойного короля Генриха IV, никаких трений с герцогом Кларенсом, ставшим наследником трона, не возникло. Хотя новый монарх до некоторой степени урезал его права, присвоив своим младшим братьям, Джону и Хэмфри, титулы герцогов Бедфорда и Глостера.

Судя по всем сообщениям, в свои двадцать пять лет Генрих V производил сильное впечатление. Он был высок ростом, хорошо сложен и довольно красив. Если картина, выставленная в Национальной галерее (копия шестнадцатого века), сохраняет портретное сходство, то у него было цветущее, гладковыбритое лицо с высоким лбом, длинным, выделяющимся носом, полными яркими губами, карими глазами и каштановыми волосами, подстриженными по военной моде того времени — под горшок. Должно быть, так он выглядел до того, как бесконечные военные походы прежде времени состарили его, и он отпустил бороду. Его современники также были едины во мнении, что он был необычно строен и мускулист. Свои доспехи он носил «как легкий плащ». Рассказывают, что он мог догнать оленя. Тем не менее, согласно французскому астрологу Жану Фюзори, который был представлен королю летом 1415 года, несмотря на властные манеры и благородную осанку, он был больше похож на прелата, чем на солдата. Сложный, подвижный и жизнелюбивый, сдержанный и таинственный, холодный, с ледяным самообладанием, он был недоступен для понимания. Говорил он мало, а слушал много. Он говорил и писал на латыни, а также по-французски и по-английски. По всей вероятности, ему знаком был и валлийский. Он обладал обширной библиотекой, продолжая все время пополнять ее, он много и жадно читал. Среди его книг были книги по истории

крестовых походов, трактаты по охоте, религиозные трактаты, а также труды его современников, такие как: «Troilus and Criseyde» («Троил и Крисейда») Чосера, «Life of Our Lady» («Житие богородицы») Лидгейта и «De Regimine Principum» Хокклива. Две последних работы были посвящены ему, поскольку он был покровителем обоих авторов. Согласно Тито Ливио, «он находил удовольствие в пении и игре на музыкальных инструментах».³

Генрих с почти фанатичной одержимостью придерживался традиций и был ортодоксален. «У каждого века свой образ мыслей», – утверждает Юнг. Если это так, то король на все сто процентов соответствовал своему времени. В его поведении не было ничего эксцентричного, если не считать его динамизма. Он всецело отдался модному тогда культу пессимизма. «На исходе средних веков тень меланхолии коснулась людских душ, – говорит Йоанн Хейзинга. – Все, что нам известно о состоянии духа дворянства, указывает на сентиментальную потребность облачать свои души в одежды скорби». Хейзинга особо указывает, что «вся жизнь аристократов в период позднего средневековья является попыткой разыгрывать грезы», объясняя при этом, что «страстный и жестокий дух века, находившийся в вечном колебании между слезливой набожностью и холодной жестокостью... не мог обходиться без суровых правил и строжайшего формализма». Это отношение проявлял король на протяжении всех лет своего правления. Лежа на смертном одре, он заявил, что, останься он жив, то обязательно пошел бы на повторное завоевание Иерусалима, что было выражением не его личного полета фантазии, а долга, общепризнанного всеми современными ему монархами Запада.⁴

При случае он постоянно пользовался знаками рыцарского отличия, не забывая символику для усиления рыцарского достоинства. После его смерти, сторонник дофина Жювеналь де Юрсен, который всегда враждебно относился к нему, заметил, что король всегда с одинаковой долей справедливости относился и к бедному люду, и к знати. Королевская справедливость к униженным (кому он и его походы принесли столько несчастья) зиждилась на рыцарской морали, которая была особенно популярна в те годы. Суть ее сводилась к тому, что долг рыцаря состоял в защите слабых. Это гораздо в большей степени, чем все утомительные проповеди Лидгейта и вирши Хокклива укрепляло его искреннюю убежденность в том, что монарх должен обеспечивать «хорошее правление». Все же после всех этих слов и дел Генрих должен оставаться такой же загадкой для историков, каким он был для своих современников. Единственное, что можно сказать о нем с большой долей уверенности, так это то, что его друзья и враги восхищались им и боялись его, но никто из них не любил Генриха. Единственными качествами, какие хронисты приписывали ему, были военное искусство, строгая и суровая справедливость и показное благочестие.⁵

Его религиозный опыт в своей традиционности был доведен до крайности. Он разделял модное в ту пору уважение к картезианским монахам, но вкус лорда Сироупа к мистической литературе ему был непонятен. Он часто совершал паломничества к гробницам чудотворных святых, его метафизическая религия носила совершенно не сформировавшийся характер. В день он слушал несколько месс, пел псалмы во время церковных обрядов и никогда никому не разрешал прерывать

свои молитвы. Как только отец его умер и он стал королем, Генрих, как нам известно из «Первой жизни»:

«призвал к себе для святой беседы добродетельного монаха, которому исповедался во всех своих прегрешениях, дерзких поступках и преступлениях. Он в этот период во многом пересмотрел и изменил свою жизнь и поведение. Так, после кончины отца, он больше ни разу не проявил той ребячливости и необузданности, что таились еще в нем, вдруг все его поступки стали серьезными и благоразумными».⁶

Тот же источник с восхищением отмечает, что «со дня смерти короля, его отца, до самой своей женитьбы он не познал ни одной женщины».

Это благочестие Генриха больше всего поразило воображение современников. Хронисты единодушны во мнении, что после восхождения на престол произошло религиозное преображение Генриха, в результате которого он бросил всех своих прежних развеселых дружков. Некоторые историки (типа Эдуарда Перруа.) считают его лицемером, однако по всем признакам Бог для Генриха был весьма реален. Тем не менее, его верования могут показаться странными и чуждыми даже самому ортодоксальному католику двадцатого века. Он горячо поклонялся эксцентричному сверх всякой меры Святому Джону из Брайдлингтона, который был канонизирован только в той местности. (Он был известным чудотворцем из Йоркшира, скончавшимся еще в 1379 году.) У него была репутация святого, который мог излечивать физические уродства, а также изгонять злых духов. Еще рассказывали, что он мог ходить по воде. Однако в духовной жизни Генриха имелись кое-какие зловещие подводные камни, названные покойным Э. Ф. Джекобом «его темной жилой суеверия».⁷ Конеч-

но, ничего странного не было в поведении короля, когда он даже великим мира сего не разрешал отрывать себя от слушания мессы или совершал паломничества к святым гробницам и беседовал с отшельниками. Но наряду с этим, в нем была сильна вера в демонов и колдовство.

Темная сторона верований Генриха, возможно, хорошо проявлялась в его выборе исповедников. Предпочтение он отдавал тем, кто сочетал в себе выдающийся ум и фанатичную ортодоксальность. Еще Джон Гонт стал родоначальником традиции, когда в качестве исповедников и посланников привлекали братьев кармелитов, а не доминиканцев. Эту роль для дома Ланкастеров они исполняли на протяжении целого столетия. Своим первым духовным наставником после помазания Генрих назначил образованного жителя провинции из «белых братьев», Стивена Патрингтона, который был одним из первых противников Виклефа в Оксфорде. Однако после того, как в 1415 году он был назначен епископом Сен-Дэвида, встречаться с ним стало не так-то просто.

Место Патрингтона как духовника Генриха занял другой кармелит из провинции, Томас Неттер, который во многих отношениях казался словно сошедшим со страниц готического романа. Неттер (которого иногда по месту его рождения в Сафрон-Уолдене именовали Уолденом) был одержим ненавистью к лоллардам. В собственном ордене его называли «молот еретиков» и «самый быстрый огонь, что когда-либо охватывал тело ереси». Совместно с братом Патрингтоном он написал «*Fasciculi zizaniorum Magistri Joannis Wycliff*». В те дни эта работа считалась одним из наиболее важных трудов по опровержению ереси лоллардов. Позже он подгото-

вил еще одну солидную компиляцию, которая защищала католическую веру от грядущей протестантской ереси. Почти сразу после помазания короля на царствование, на богослужении в Полз Кросс, священник обвинил его в том, что тот не слишком ревностно преследовал лоллардов. Возможно, он почувствовал при этом, что его упрек вызвал чувство, противоположное негодованию. Вскоре Генрих объявил, что, являясь наследником «патриарха Моисея, убившего египтянина за то, что тот мог сдать Иерусалим,» он поднимает знамя своей церкви, поскольку было известно, что некоторые священники извращают слово Божье, сея разлад распространением семени лоллардизма. Очень быстро оценил он брата Неттера.⁸

Благочестие Генриха нашло материальное воплощение в двух монастырях, основанных им в первый же год правления. Оба предназначались для орденов, популярных в то время. Картезианцам он пожаловал Чартерхаус в Шине близ Лондона за их святость, которая повсеместно почиталась. Любили их также за силу молитв, направленных на спасение человека от греха. Они гораздо в большей степени были активны и связаны с внешним миром, чем современные картезианцы, обладая глубоким и повсеместным влиянием на паству. В своих монастырях они оказывали приют тем, кто желал отойти от мирской жизни и давали духовные советы серьезным мирянам. В тот же год он начал строительство монастыря Бригитты в Сайоне близ Твикенхема (позже переехавший в Brentford), который предназначался для ордена женщин и мужчин, основанного менее четверти века до этого Св. Бригиттой, королевой Швеции. Также король намеревался возвести в Шине монастырь для цистерцианцев, монашеского

ордена, придерживавшегося строгих правил Св. Бенедикта, но потом был вынужден отказаться от затеи, поскольку этот орден имел слишком обширные связи с французами.⁹

Для лоллардов, если преданию, записанному Фоксом можно верить, его благочестие было чрезмерно фанатичным. Они с горечью называли Генриха «принцем священников». Лолларды или «Люди Библии» твердо заявляли, что религию нельзя учить по Писанию. (По этой причине в Англии, единственной из всех стран Западной Европы в 1408 имелись запретные переводы Библии.) Они считали, что среди священников папа был антихристом, а епископы, канонники, монахи и братья нарушали десять заповедей. Братья, в частности, согласно Виклефу (основателю лоллардов), были детьми Каина, вероотступниками и идолопоклонниками, не брезговали убийствами, грабежами и развратом. Кармелиты, к которым относились Патрингтон и Неттер, по их мнению, очень походили на четвертого из апокалиптических зверей Даниила с железными зубами, когтями и десятью рогами. Все организованные группы внутри церкви были явлением, противоречащим учению Христа. Основное же назначение священника состоит в том, чтобы доносить до людей слово Божие. Учение лоллардов было сведено в «Двенадцати выводах», которые были прибиты к дверям собора Св. Павла в 1395 году. В них отвергалось «священство», тайное исповедование, молитвы к святым, паломничества, отпущение грехов, безбрачие (что, по их мнению, вело к неестественной похотливости и детоубийству), а также богатство церкви. Кроме того, «Выводы» нападали на торговлю ювелирными изделиями и доспехами, что было непозволительной роскошью и грехом. В этих выводах

содержались ростки не только религиозного, но и социального бунта, который мог ввергнуть Англию в такие же кровавые долгие войны, которые сотрясали Чехию.* Одной из причин крушения этой секты была невозможность привлечь на свою сторону приверженцев из правящего класса, за исключением небольшой горстки рыцарей и мелких землевладельцев, большая часть которых были скорее антиклерикалами, чем религиозными реформаторами.¹⁰ Хотя встречались исключения.

Лидером этих «проклятых трусов, наследников тьмы» был сэр Джон Олдкасл из Херефордшира, который хорошо зарекомендовал себя во время валлийских походов. В «Деяниях» говорится, что «его выдвижению в рыцари в немалой степени способствовали учиненные им в Уэльсе убийства и грабежи». Он был другом короля, которого тот ценил, несмотря на его участие во французском походе, предпринятом герцогом Кларенским. В течение 1410 года он возглавлял в Парламенте группу своих сподвижников, рыцарей-антиклерикалов, выходцев из центральных графств Англии, большая часть которых вместе с ним прошла испытание войной против Глендоуэра. Один современный историк сравнил их с «железнобокими» Кромвеля. Тем не менее, неукротимый Джон Олдкасл мог бы сделать себе карьеру, он обладал недюжинным умом и состоял в пере-

* Имеются в виду гуситские войны в Чехии (1419-1434). После сожжения на костре Яна Гуса в Констанце в 1415 г., чешского национального героя, его последователи стали называть себя гуситами. Главное их требование — создание и развитие национальной чешской церкви. Их успешная борьба против крестоносцев привела к религиозным и социальным потрясениям в Центральной Европе. В результате противоречий между гуситами умеренными и таборитами гуситские войны завершились поражением. (Прим. ред.)

писке с божественным еретиком Гусом. Но неожиданно в марте 1413 года, почти сразу после восшествия Генриха V на престол, архиепископ Арундель информировал короля о том, что в лавке светильников в Патерностер Роу Лондона, которая принадлежала сэру Джону Олдкаслю, обнаружили книгу еретического содержания. Король и не подозревал, насколько серьезен был его друг в своей ереси. Тот только что прислал двадцать шесть борцов в Виндзор для развлечения Генриха. Король предпринял попытку уговорить столь нужного ему слугу отказаться от своих взглядов. От ответа Олдкасль уклонился и на приказ предстать перед Арунделем не отреагировал. Королю ничего не оставалось делать, как арестовать его и закованного в кандалы отправить в Тауэр. В суде сэр Джон настаивал на том, что во время посвящения Дух являлся простым хлебом и отрицал необходимость в тайной исповеди. А в конце трибунала он прокричал, что папа, прелаты и братья «утянут вас за собой в ад». Он был отлучен от церкви и отправлен в Тауэр. Вскоре в октябре 1413 года, при помощи своих друзей лоллардов, он совершил побег.

Скрываясь в Лондоне, Олдкасль начал готовить восстание лоллардов. Плакаты, прибитые к церковным дверям, утверждали, что за новые взгляды были готовы бороться «100000 человек». Не было такого английского графства, где бы его люди не призывали народ к восстанию, как это делали ремесленники и поденщики в 1381 году, призывая к Крестьянской революции. Программа лоллардов из-за жалкого состояния экономики и религиозных чувств нашла немало сторонников. Предполагалось, что сэр Джон будет регентом, в то время, как король, знать и священники будут отстранены от власти, аббатства распущены, а их добро поделе-

но. Многие лолларды, мечтая о новом Иерусалиме, принимали идеи таборитов Богемии. Олдкасл и его друзья, сэр Роджер Эктон, сэр Томас Тальбот, сэр Томас Чейн, были не просто антиклерикалами, желавшими очистить Церковь.¹¹

Свой государственный переворот сэр Джон планировал провести по модели, разработанной сторонниками Ричарда II в 1400 году. Лоллардов он предполагал провести тайно под видом участников рождественской пантомимы в Элтемский дворец, где Генрих намеревался встретить Рождество. Там в двенадцатую ночь (6 января) 1414 года сэр Джон задумал схватить короля и его братьев. Некоторые источники утверждают, что он собирался убрать их. На втором этапе восстания предполагалось ввести в Лондон лоллардскую армию; в среду 10 января народ со всей Англии должен был собраться на Фикетском поле, сразу за Темпл-Бар (ворота, стоявшие в течение нескольких веков на западной границе лондонского Сити) в Сен-Гайлских полях. Некий Томас Бертон держал короля в курсе происходящего, позже он был награжден как «шпион короля» 100 шиллингами. В 10 часов вечера 6 января мэр со своими вооруженными солдатами совершил налет на мастерскую плотника у знака топора возле Епископских ворот. Там они нашли плотника и еще семерых лоллардов, которые были одеты как ряженные, среди них находился и один из сквайров Олдкасла. Группа уже собиралась отправляться в Элтем. Несмотря на провал первой стадии заговора, сэр Джон не стал отменять на Фликетском поле сборище. Как говорится в хрониках, «вероломное воронье должно было слететься к нему, как было условлено, со всех концов Англии».¹² Король с войском уже ждал их. Незадолго перед рассветом, в серых сумерках, они стали

собирались и были арестованы. Из хвастливо обещанных «100000 человек» на поле прибыло только 300,80 из которых были схвачены. Остальные, включая и Олдкас-ла, скрылись в тумане. Через три дня, 13 января, семь пленников, оказавшихся лоллардами, подверглись смерти «через сожжение»; в цепях их подвесили на перекладине и развели под ними огонь. На протяжении последующих двух недель было повешено еще двадцать пять; с этой целью в Сен-Гайлских полях были возведены четыре новых пары виселиц, получивших в народе название «лоллардских виселиц». В конце января Генрих испытал некоторое облегчение, а оставшиеся узники после выплаты больших штрафов были освобождены. Среди казненных был сэр Роджер Эктон, главный помощник Олдкас-ла, «который на протяжении целого месяца болтался на перекладине», сообщает нам Адам из Уска. Однако главный организатор этого жалкого, потерпевшего неудачу заговора, был пойман только в 1417 году. В конце 1416 года автор «Деяний» говорит, что сэр Джон «прятался, и поныне прячется, по норам и углам, скрываясь от людского взгляда, подобно второму Каину, вечный скиталец и беглец на лике земли».¹³

Довольно странно, но Олдкас-л был тайно вывезен из Лондона архидиаконом Вестминстерским, а позже он нашел прибежище в аббатстве Шрусбери и монастыре Венлока — все три относились к ордену бенедиктинцев. Монашеская община в Вестминстере была известна своей упрямой приверженностью королю Ричарду II. Враждебный настрой их по отношению к ланкастерским узурпаторам был так силен, что ортодоксальные католики в своей борьбе с режимом были готовы даже объединиться с еретиками. Известно также, что в период пребывания в бегах сэр Джон был связан с

сыном Глендоуэра, Маредаддом, который не подчинился Генриху V и продолжал рыскать в холмах Уэльса.

Во время работы парламента, собравшегося в Лейстере в апреле 1414 года, против лоллардов был принят жестокий законопроект. Каждый светский чиновник, включая мэра, должен был принести клятвенные обещания искоренить ересь в своем районе. Он был уполномочен задерживать, проводить допрос и сажать в темницу всех подозреваемых. Даже если попавшие под подозрение были оправданы, на протяжении нескольких последующих лет за ними все же следовало продолжать наблюдение. В Лондоне продолжали пытать костры. Так, в 1415 году был сожжен скорняк Джон Клейдон. Движение лоллардов было сломлено и ушло в подполье.

Как писал Джереми Катто, «начиная с Лейстерского парламента 1414 года до триумфа терпимости в 18 веке, религия, поддерживаемая светскими властями, прочно обосновалась. Всякое инакомыслие строго преследовалось по закону. Такое положение отличалось от существовавшего до 1400 года закона, когда религия была вне пределов компетенции светской власти».¹⁴ В церковных делах, ставший во многих отношениях предтечей Генриха VIII, король начал проводить в жизнь концепцию государственной церкви. Частично реформа церкви брала свое начало в его благочестии, частично — в неприятии любого противостояния собственной власти. Почти за столетие до того, как была проведена церковная реформа, Генрих V уже действовал как глава церкви».¹⁵

В светских делах новый король оказался ничуть не менее сведущ. Одним из его наиболее впечатляющих достижений стало скорое восстановление правопорядка и законности. На протяжении всего царствования его

отца, несмотря на данное в 1399 году обещание «хорошего правления», Англия, погрязшая во взяточничестве и страхе, продолжала сотрясаться от бандитизма и мятежей. Проводимая Генрихом V политика характеризовалась смесью точно отмеренного умиротворения и беспощадного наказания. Его борьба с беспорядком началась на Лейстерском парламенте; по словам канцлера Бофора, все началось «с наказания мятежников, убийц и злоумышленников, которые, как никогда, расплодились по всему королевству». За этим последовало фанатичное оживление судебной активности. Поскольку убийства и грабежи особенно процветали в северо-западной части центральных графств, суд королевской скамьи в течение целого месяца проводил заседания в Личфилде и Шрусбери, разослав 1600 повесток. Комиссии по дознанию проводили работу в Дербишире, Девоне, Ноттингемшире, Йоркшире, Северном и Южном Уэльсе. В этих районах особенно распространены были государственные измены, уголовные преступления и другие правонарушения. К осени 1414 года в Суде королевской скамьи накопилось великое множество нерешенных дел. Король, пристально наблюдавший за судом, позволял себе иногда вмешиваться. Он объявил общую амнистию, распространявшуюся даже на убийц и насильников, при условии покупки грамот, дававших прощение. Было куплено более 5000 грамот. Во многих случаях предпочтение перед тюремным заключением отдавалось штрафам, при этом делался намек на то что военная служба могла бы помочь восстановить королевское расположение. Генрих сам прочитывал все адресованные ему прошения, с этой практикой он не расставался, находясь в походах за пределами государства. Успех его деятельности подтверждается тем фак-

том, что порядок сохранялся в Англии не только во время его нахождения в королевстве, но и во время его длительного пребывания во Франции.¹⁶

На первом месте, бесспорно, у него стояли законность и правопорядок, а не наказание преступников. Поскольку он смотрел на это сквозь призму подготовки к войне и нуждался в рекрутах для своей армии. В условиях строгой дисциплины преступники могут становиться отличными солдатами, поскольку их агрессивные инстинкты направлены на врага, а не против собственных граждан. Было подсчитано, что в армии Эдуарда III 12 процентов воинов составляли отбросы общества, которые рассчитывали хорошей службой заслужить прощение. Хотя подобный анализ в армии его правнука не проводился, тем не менее можно предположить, что процентное соотношение является таким же.

Такого успеха Генрих сумел добиться за 15 месяцев до того, как его флот отправился к берегам Франции, в основном, благодаря тому, что располагал необычайно одаренной командой государственных деятелей, состоявшей из людей, с которыми он проработал с 1409 по 1412 год. Сюда входили все ключевые фигуры его совета: епископ Бофор (канцлер), граф Арундел (казначей) и Джон Профит (хранитель печати), а также Ленгли, епископ Даремский и Чичел, епископ Сен-Дэвида, которых не зря называли министрами без портфелей.¹⁷ Они посещали довольно массовые собрания Королевского двора, куда вскоре получили доступ герцоги Бедфорд и Глостер, граф Марч, лорд Фицуг, сэра Томас Эрпингем и Ричард Куртней, епископ Норидж. Совет и двор регулярно встречались вместе для всевозможных обсуждений. Протоколы их заседаний порой читаются как запи-

си заседаний вполне современных комиссий. Так, 27 мая 1415 года совет встретился, чтобы произвести определенные назначения и создать специализированные комитеты; Чичелу, лорду Скроупу, сэру Джону Мортимеру и двум дипломатам из священнослужителей было поручено проинструктировать посланников к герцогу Бургундскому; Бедфорд и епископ Бофор должны были обсудить вопрос выкупа заложённых драгоценностей короны; епископу Бофору предстояло оказать давление на епископов, чтобы были проведены более крутые меры против лоллардов; были созданы также комитеты, которым предстояло заниматься вопросами политики, проводимой сенешалом Гиени, назначением военных комиссий в каждом графстве, материального обеспечения флота и жалования морякам. Совет мог быть довольно жестким, особенно там, где речь шла о деньгах; в прошлую пятницу непосредственно перед заседанием он пригласил десять итальянских купцов и приказал им предоставить военный заем в 2000 фунтов. Когда итальянцы отказались, их в сопровождении караула просто отправили во флотскую тюрьму.

Король, подчеркивая свою выдержку, желал заслужить сочувствие всей Европы. Он заявил, что готов отказаться от своих претензий на престол Франции, если французы отдадут ему Аквитанию, как это было в 1360 году после договора в Бретиньи. Где только не бывали его посланники, где только не излагали, жалуясь на несправедливость французов, дело своего хозяина. Тем временем, он неутомимо готовился к войне. Он был так занят, что просмотрел опасность, грозившую его дому.

Были районы в королевстве, где новую династию все еще презирали. Летом 1415 года, когда Генрих уже

собирался начать вторжение во Францию, едва не увенчался успехом еще один чрезвычайно опасный заговор против Ланкастеров. 1 августа в замок Порчестер, откуда король руководил погрузкой кораблей, внезапно прибыл граф Марч. Он потребовал аудиенции, где сообщил, что его зять, граф Кембридж, пытался вовлечь его в заговор, направленный на свержение Генриха, которого предполагалось объявить как «Генрих Ланкастер, узурпатор Англии». Позже Кембридж объяснит в признании: «Я преследовал своей целью без вашего согласия заполучить упомянутого графа [Марча] в Уэльсе, чтобы в случае, если человек, которого они именуют королем Ричардом II мертв, что я знаю очень хорошо, сделать графа сувереном этой земли». (Речь идет о псевдо-Ричарде в Шотландии.)¹⁸ Генрих Перси, не вступивший еще во владение графством своего деда, должен был вместе с шотландцами перейти границу Англии и поднять восстание на Севере страны, а Дейви Хоуэлл должен был осаждать королевские замки в Уэльсе, где старые последователи Оуэна все еще ждут удобного момента, чтобы взбунтоваться. Хоуэлл, выдающийся полководец, как будто ничего не знал о заговоре. Кроме того, сэр Джон Олдкасл со своими лоллардами должен был взбаламутить валлийскую границу и западную часть страны. Это был старый союз Перси, Мортимера и Глендоуэра.

Между Марчем, лордом Клиффордом, отказавшимся от участия в заговоре, и двумя другими лидерами заговорщиков, сэром Томасом Греем и лордом Скрупом, на Итческой переправе, под самыми стенами Саутгемптона велись долгие споры, которые не прекращались и на званых обедах в имении Марча в Кренбери, близ Винчестера. План поджечь готовящийся к отправ-

ке во Францию флот был отклонен. В конце концов, было решено убить короля Генриха в тот день, когда граф Марч получит аудиенцию.

Генрих ждать не стал. Он немедленно арестовал Кембриджа, Скроупа и Грея, в тот же день был составлен и список присяжных. На следующий день все они были признаны виновными и суд под председательством Кларенса приговорил их к смертной казни. Грей был казнен немедленно. Но поскольку Кембридж и Скроуп были лордами, то в соответствии со своим правом они потребовали, чтобы их судили пэры, многие из которых в тот момент находились в Саутгемптоне, поджидая отплытия во Францию. Вскоре под председательством Кларенса собралось двадцать пэров, которые подтвердили решение суда. В качестве меры наказания Генрих назвал обезглавливание, что было привилегией лордов. Скроупа, однако, в знак позора к месту казни у северных ворот, где были «снесены их головы», провезли на повозке по улицам Саутгемптона, что было сделано, несомненно, для побивания камнями.

Тем не менее, ввиду того, что заговор провалился, историки всерьез его не воспринимают (несмотря на то, что Уайли называет его «самым настоящим шоком»). Все же среди заговорщиков был один из членов королевской фамилии, вельможа, бывший хранитель сокровищ королевского двора, грозный и влиятельный воин. В руках Кембриджа и Скроупа была также сосредоточена реальная государственная сила, оба они были рыцарями ордена Подвязки и имели много друзей и приверженцев. Уолсингем пишет, что мягкосердечный король горестно оплакивал их участь. Хотя вероятнее, что его слезы были вызваны скорее их отказом признать его права на трон.

Ричард Конингсбург, граф Кембридж, был младшим братом того интригана, герцога Йорка, который, однако, в заговоре участия не принимал. Кроме того, что он был мужем сестры Марча, Кембридж был крестным сыном Ричарда II. Несомненно, Генрих полагал, что сделав его графом, заручится тем самым его поддержкой. Дочь графа была женой его старшего сына Томаса Грея из Хетонского замка (и Тауэрса из Варкон-Тайне и Несбита) в Нортумберленде, коннетаблем Бамборог и Норема в том же графстве. Оба они являлись ключевыми укрепительными пунктами. Грей был также зятем графа Вэстморленда, в то время как граф Нортумберленд был шурином его жены. Таким образом, он был весьма уважаемой личностью и имел обширные родственные связи во всем Северном графстве. «Деяния» указывают, что он был бы «рыцарем знатным и благородным, если бы не запятнал себя этой изменой».¹⁹

В особенности Генриха потрясло предательство Скроупа, блестящего человека, который был раньше одним из его ближайших друзей. Предполагается, что он мог поставить свою подпись под приговором, вынесенным братом Капгрейвом: «воздержанным был он человеком и в слове, и веселье, и под этой обманчивой личиной скрывалось сердце, источавшее яд». В самом деле, своим участием в попытке переворота лорд Скроуп в глазах истории заклеил себя позором. Весьма правдоподобную речь в уста Генриха вложил Шекспир, когда тот бросил графу свой упрек:

*«... Неблагодарный, дикий человек?
Ты обладал ключами тайн моих;
Ты ведал недра сердца моего;»*
(пер. Е. Бируковой)

Все же нам никогда не узнать тех подлинных мотивов, которые руководили Скроупом. Ходивший среди его современников слух о том, что он был подкуплен французами «за миллион золотом», не имеет под собой оснований. Сам он говорил, что заговорщики пригласили его присоединиться к плану потому, что он был племянником убитого архиепископа, что представляется наиболее вероятным объяснением; его благочестие тесно смыкалось с мистицизмом и его не мог не тронуть культ «Святого Ричарда» в Йоркском кафедральном соборе. Человек, наиболее близко знавший Генриха вне его семьи, не был готов к тому, чтобы воспринимать его как короля.

«Саутгемптонский заговор» оказался несостоятельным и плохо подготовленным. Благочестивый лорд Скроуп не смог заставить себя объединиться с лоллардами, которых ненавидел. Был момент, когда он даже попытался отговорить своих товарищей по заговору от его осуществления. Тем не менее, жизнь Генриха была спасена в самый последний момент и только потому, что Марч потерял самообладание. Если признанию Кембриджа можно верить, то священник графа настаивал, чтобы тот «потребовал для себя то, что называл своим правом», все его домашние были уверены, что он именно так и поступит. Но Марч, несомненно, боялся, что король собирается «погубить» его. Его совершенно потряс предшествовавший поступок короля, когда Генрих, чтобы заручиться лояльностью графа и его неучастием в политике, заставил его заплатить 10000 марок (около 7000 фунтов) за разрешение на брак. Во время последней попытки французов избежать войны астролог Жан Фюзори, находившийся вместе с посольством в Англии, слышал, что многие люди предпочли видеть своим коро-

лем Марча. Но тому либо не хватало тщеславия, либо самоуверенности. Он был удивительно дружелюбным и добрым молодым человеком, в меру одаренным, со здоровым чувством самосохранения. Он по вполне понятным причинам был сдержан и несколько подозрителен. Кроме того, к кузену, укравшему у него корону, он испытывал чувство священного страха. Изучая его личные счета, Мак Ферлейн обнаружил, что у него была слабость к азартным играм, — за период с осени 1413 по весну 1414 за картами, настольными играми, игрой в кости, в лотереи, петушиных боях и спорах он потерял 157 фунтов. «Кроме того, имеются подозрительно крупные выплаты некой Алисе из Поплара, а также другие признаки любви к низким и высоким компаниям».²⁰

Впоследствии во время французских кампаний Марч верой и правдой служил королю, хотя, по меньшей мере, еще один раз он снова попал под подозрение. В 1425 году, не оставив детей, он скончался. Тогда его право на трон перешло к его сестре, графине Кембридж (вдове графа, казненного в результате Саутгемптонского заговора). В 1460 году на трон должен был претендовать ее сын Ричард, герцог Йоркский. На вопрос, почему он не сделал этого ранее, он ответил: «Преданное до поры до времени забвению, оно, тем не менее, не подверглось тлену и не пропало».

Генрих V считал, что существует только один способ покончить со «всею этой шумихой вокруг короля Ричарда», как выразился его отец. Он должен был доказать, что благословение Господне было на его стороне. Единственный способ доказать — это выиграть военное сражение.

ГЛАВА ПЯТАЯ АНГЛИЙСКАЯ АРМАДА

«Мы страданиями Иисуса Христа заклинаем Вас совершить то, чему учит Евангелие, где сказано: «Брат, выполни свой долг и верни то, что незаконно отнял». И до самого конца, пока не пролилась невинная кровь, мы требуем праведного восстановления нашего законного наследия, которого Вы незаконно лишили Нас.»

ГЕНРИХ V ДОФИНУ, 1415 ГОД

«С Вами даже наш суверенный лорд не может без опасения вести переговоры».

АРХИЕПИСКОП БУРЖЕ ГЕНРИХУ V, 1415 ГОД

Подготовка Генриха к осуществлению его грандиозного замысла по вторжению и завоеванию Франции является еще одним доказательством его многогранного гения, который он уже продемонстрировал в военных кампаниях в Уэльсе и в управлении государствам во время болезни отца. С легкостью он решал многочисленные задачи по материально-техническому обеспечению и организации. Еще он показал себя искусным и безжалостным дипломатом.

Он начал готовиться к войне с Францией почти с первого момента своего восшествия на престол. Уже в мае 1413 года он распорядился, чтобы шотландцам, а

также другим народам прекратили всякую продажу луков и орудий. На протяжении 1413-1414 годов он вел интенсивную закупку луков, тетив и стрел. В Тауэре и Бристоле началось изготовление орудий. В больших количествах производился порох и пушечные ядра. Он также закупил или изготовил множество осадных башен и лестниц, боевых таранов и других средств для разрушения стен и пробивания брешей, разборных понтонных мостов. Бревна, веревки, кирки, кайла, топоры — все это были всевозможные приспособления для осуществления осады, от шипов до железных цепей, от битуминозного угля до древесины ясеня. В октябре 1414 года в Тауэр было доставлено 10000 пушечных ядер, стоимость которых равнялась 66 фунтам 13 шиллингам и 4 пенсам.¹

В то же время король проводил переговоры с французами. Между бургундцами и арманьяками шла уже настоящая гражданская война. Герцог Бургундский искал у англичан военной поддержки, вполне понятно, что арманьяки, в свою очередь, при английском дворе пытались обставить его.

Несмотря на то, что король жаждал войны, он тем не менее предпринял все меры предосторожности, чтобы переговоры, которые проходили в период с 1413 по 1415 годы, принимались французами всерьез. На этой стадии у него пока была весьма ограниченная цель. Он желал вернуть Аквитанию согласно договору 1360 года в Бретиньи, как это было во времена правления Черного Принца. В его притязания входили не только Гиень, Пуату и Лимузен, но также территория почти всей Франции между Луарой и Пиренеями к западу от Центральной Франции, что в общей сложности составляло треть всего королевства. Если бы посредством диплома-

тии он сумел обрести эти земли, то вряд ли решился требовать и другие области, что неминуемо привело бы к возникновению конфликта.

Первое, в чем нуждался Генрих до начала вторжения, были деньги. Он предпринял все, от него зависящее, чтобы улучшить сбор пошлин и налогов и обеспечить их использование с максимальным эффектом. Он увеличил доходность королевских земель, а также сумму сборов, которыми облагалось заключение брака и осуществление опеки. Прекрасные отношения, которые сложились у него с Палатой общин еще в то время, когда он был принцем Уэльским, сослужили ему добрую службу. Палата общин, находясь под впечатлением от его предприимчивости, доверяла ему. На заседании парламента 1414 года его решимость восстановить «наследство» получила всеобщее одобрение. Было, однако, поставлено неременное условие: прежде, чем начинать войну, необходимо опробовать всевозможные дипломатические пути. Одной из причин, которая легла в основу сотрудничества с ним парламента, стала объявленная им всеобщая амнистия. Но несмотря на все эти меры, пришлось все же залезать в долг. К сожалению, он не имел той огромной возможности, которая была у его прадеда Эдуарда III, благодаря флорентийским банкам, предоставлявшим ему кредиты. Его единственным источником кредита был собственный доход и личные ценности, причем в его распоряжении имелся только один годовой доход, поскольку ожидать будущие доходы он отказался.

С целью получения займа от прелатов и религиозных орденов, знатных вельмож и мелкопоместных феодалов, от городских корпораций, от крупных и мелких купцов по всей Англии были разосланы специальные

уполномоченные. Дик Уиттингтон, лондонский купец (бывший одно время мэром) дал займы сумму в 2000 фунтов, в то время как большинство ссуд не превышали 10 пенсов. Самым крупным кредитором стал епископ Бофор, ссудивший короне за время правления своего племянника сумму не менее 35630 фунтов. Тем не менее, королю пришлось заложить все свои драгоценности, причем не только «незначительной ценности», как это он делал в прошлом, но и убранство Королевской Часовни, даже ценности со своих корон: сэр Джон Колвил получил геральдическую лилию, украшенную рубинами, сапфирами и жемчугом с «Короны Харри»; Джон Пудси, эсквайер, — шпиль с сапфирами, квадратным рубином и шестью жемчужинами; Морис Брун — аналогично украшенный шпиль; Джон Стондиш — еще один подобный шпиль. Король продолжал брать деньги займы на протяжении всего своего правления и почти всегда сполна возвращал их.

В августе 1414 года, убедив герцога Бургундского занять нейтральную позицию, Генрих предпринял попытку объявить себя королем Франции и отправил в Париж посольство во главе с Ричардом Куртене, епископом Нориджа. Сначала послы потребовали для своего господина французскую корону и королевство, но потом снизили требование до Нормандии, Анжу, Мена, Туреня, Пуату и земли между Фландрией и р. Сомм, включая Аквитанию, согласно положению, существовавшему в 1360 году. В целом, притязания распространялись на всю Западную Францию. Кроме того, посланники потребовали до сих пор невыплаченный выкуп за короля Иоанна II (который был взят в плен при Пуатье в 1356 году), большую часть Прованса и руку дочери Карла VI, Екатерины, с приданым в 2 миллиона крон.

В ответ герцог Беррийский, ввиду того, что король Карл снова был не в себе, как полномочный регент Франции предложил большую часть Аквитании, но не всю ее территорию и приданое в сумме 600000 крон. Его условия приняты не были. В следующем месяце арманьяки снова заключили мир с бургундцами, и Генриху V пришлось пересмотреть свою позицию.²

В феврале 1415 года епископ Куртене возглавил новое посольство в Париж. На этот раз он просил только Аквитанию и приданое в 1 миллион крон. Французы отказались повысить свое предыдущее предложение за исключением того, что сумму приданого увеличили до 800000 крон. Это были вполне щедрые условия, однако, они снова были отклонены. По-видимому, рассказанная Шекспиром история о теннисных мячах уходит своими корнями именно в этот период, когда посольство вернулось в Англию и доложило, что эти заносчивые французы «опробочиво сказали им, что, поскольку Генрих был еще совсем молодым человеком, они пришлют ему теннисные мячи для игр и мягкие подушки для отдыха, чтобы он поднабрался сил до мужской зрелости».³ (Это сообщение взято почти дословно из современной хроники Джона Стречча, у которого при дворе было немало хорошо осведомленных друзей.) Эта история, правда, могла быть с таким же успехом придумана и пущена в ход с целью пропаганды агентами Генриха.

К июню король находился в Уинчестере и прежде, чем предпринять поход на Францию, готовился встретить из этого королевства еще одно, последнее, без надежды на удачу посольство. 30 июня он принял посланников во дворце епископа, создав при этом видимость серьезности всего происходящего. Одет он был

с головы до пят в расшитые золотом одежды. Он сидел облокотившись на стол, по одну сторону от него находились королевские герцоги, по другую – канцлер Бофор и многочисленные прелаты. Во время переговоров французы предложили к первоначальному варианту прибавить Лимузен, однако это никакого действия не возымело. Их глава Гийом Буастратьер, архиепископ Бурже, наконец, потерял самообладание, когда король заявил, что ввиду того, что Карл VI не удовлетворил его «насущные» требования, «поток христианской крови» будет на его совести. «Сир, – ответил прелат, – Король Франции, наш суверенный господин, является действительным королем Франции, а у вас нет никакого права на то, в чем вы усматриваете свои права, нет даже права на королевство Англии, которое принадлежит законным наследникам покойного короля Ричарда. С вами даже наш суверенный лорд не может без опасения вести переговоры». Услышав такое, Генрих стремительно покинул зал переговоров.

Канцлер Бофор зачитал подготовленный документ. Суть его состояла в том, что, если Карл VI отказывается немедленно передать Анжуйские земли Генриху, тот придет и возьмет ее силой, а вместе с ней и корону Франции, что на этот поступок его спровоцировали постоянные отсрочки Карла и отказ поступить с ним «по справедливости». На это заявление архиепископ ответил, что англичане ошибаются, полагая, что французы предлагали им уступки из чувства страха, а английский король может прийти к ним в любое время, как только ему захочется потерпеть неудачу, погибнуть или быть взятым в плен.

6 июля Генрих официально объявил Франции войну, к которой готовился на протяжении более двух лет.

Призывая Бога в свидетели, вину за это он возложил на Карла VI, который отказался поступить с ним «по справедливости». Автор «Деяний» указывает, что у короля были копии, сделанные с «пактов и соглашений, которые были заключены между самым благородным королем Генрихом IV, его отцом, и некоторыми из принцев Франции на предмет божественного права его притязаний на герцогство Аквитанское». Копии их он разослал Церковному Совету в Констанцу, императору Священной Римской империи Сигизмунду и другим монархам с целью, «чтобы весь христианский мир знал о том, какую несправедливость причинили ему в своей двуличности французы и что он нехотя, против своей воли, вынужден поднять против мятежников свои штандарты».⁴

В Саутгемптоне собралась армия, насчитывавшая свыше 10000 человек. Она состояла из 2000 полностью экипированных рыцарей и почти 8000 стрелков, в нее также входило незначительное количество уланов и людей, вооруженных ножами, без доспехов. Их сопровождала целая армия оружейников, кузнецов, коновалов, хирургов, кашеваров, инженеров, плотников, капеланов и строителей. Имелась также и команда рудокопов (саперов), чтобы осуществлять подкопы под стены вражеских крепостей, и 65 канониров, возглавляемых четырьмя голландскими мастерами-канонирами. Для изготовления луков и стрел была также набрана команда соответствующих специалистов. Сопровождал их и королевский оркестр, состоявший из трубачей, скрипачей и дудочников, во главе которых стоял королевский министр мистер Джон Стифф.

Аналогично тому, как позже английские армии включали колониальный контингент, многие из войска Генриха были выходцы из Уэльса, хотя их точное число

нам неизвестно. Наиболее видными из них были Дэви Гам Давид ап Левелли из Брекона, служивший у Генриха еще во время кампаний против Глендоуэра, убитый впоследствии при Азенкуре, и Дэви Хоуэлл, возможно, он был человеком, упомянутым Кембриджем в своем признании. Позже король назначил его капитаном замка Понт д'Ува возле Карентана. Отличился также Груффид Даун, который сражался под Азенкуром и после смерти короля остался во Франции. (Когда он стал капитаном Танкарвилля в 1438 году, под его командованием служило не менее 77 валлийцев.)⁵ Имея боевой опыт, полученный в многолетних сражениях против валлийцев, командуя ими в кампаниях против их же соплеменников, Генрих, вне всяких сомнений, немного понимал их язык, ему была знакома отвага валлийцев, их жестокость и способность к зверствам. В Уэльсе слишком много было разорившегося мелкопоместного дворянства, обладавшими древними родословными и дьявольской гордостью, шансы которых найти прибыльное место были равны почти нулю. Военная служба во Франции для многих из них была решением финансовых проблем и в то же время отвлекала их от нового восстания против английского ига. Те, кто мог себе это позволить, служили в качестве рыцарей, хотя большинство вступили в отряды лучников и, кроме луков, были вооружены своими огромными ножами. (Они носили ножи за спинами и те свисали сзади ниже спины, что, в свою очередь, породило легенду о том, что «у англичан были хвосты».) При Азенкуре на стороне французов также сражались валлийские дворяне. Они были из числа наиболее непримиримых ветеранов Оуэна.

Все войска, валлийские и английские, набирались на контрактной основе. Капитанам поручалось нанять

оговоренное количество человек на определенных условиях. Обычно первое жалование капитан выплачивал авансом, впоследствии их финансированием занимался казначей, в обязанности которого входило обеспечивать будущую выплату жалования наличными. Герцог Кларенс привел с собой 240 полностью экипированных солдат, 720 стрелков, герцог Йорк и граф Дорсет — 100 воинов и 300 стрелков каждый, граф Солсбери — 40 солдат и 80 стрелков. Менее доходные поместья дали меньшее количество воинов, так, Джон Фастольф дал 10 воинов и 30 лучников, а два королевских хирурга — только шесть стрелков. Герцог был обязан дать армии 50 лошадей, рыцарь — шесть, полностью экипированный солдат — 4. При каждой лошади должен непременно находиться грум (конюх), но чаще грумы находились среди стрелков. Герцогу в день платили 13 шиллингов и 9 пенсов, графу — 6 шиллингов 8 пенсов, барону — 4 шиллинга, рыцарю — 2 шиллинга, солдату — 1 шиллинг и стрелку — 6 пенсов. Эта плата для всех, за исключением самых крупных вельмож, кто очень часто оказывался в убытке, была довольно высокой. (На основании налоговых деклараций 1430 года мы знаем, что средний годовой доход крупного феодала составлял 865 фунтов, обеспеченного рыцаря — 208 фунтов, мелкопоместного дворянина или купца — от 15 до 19 фунтов, земледелец мог зарабатывать до 4 фунтов.) Кроме того, существовала перспектива получения выкупов и участия в грабежах. Представители всех классов помнили о том, какое состояние сколотили их деды во время французских кампаний в эпоху Эдуарда III. Король был безжалостно строг в полном соблюдении установленного порядка. Когда обнаружилось, что у герцога Глостера не хватает двух полностью вооруженных воинов, его

наказали тем, что лишили годового жалования, вследствие чего жалование своим войскам ему пришлось выплачивать из своего кармана. Еще в Уэльсе Генрих приступил к разработке эффективной системы «поверок и смотров». Он был преисполнен решимости снять с себя всякую ответственность за появление несуществующих воинов, известных «как мертвые души».

Королю повезло, что среди его знатных вельмож имелось достаточное количество уже готовых военачальников. Дж. Л. Харрис подсчитал, что «из семнадцати представителей высшей знати в 1413 году 11 были в возрасте от 18 до 32 лет, считавшимся оптимальным возрастом для воина. Самому Генриху в ту пору было 26 — как раз золотая середина».⁶ Многие из них в Уэльсе уже сражались рядом с ним против Глендоуэра, включая лорда Солсбери и лорда Уорвика, сэра Джона Холланда (он все еще не получил графства своего отца Хантингдона), а также седобородых воинов, подобных герцогу Йорку, которому было уже за сорок. Последний зарекомендовал себя отличным солдатом. То же можно сказать о герцоге Кларенсе, проявившем себя в Ирландии и во время французской экспедиции 1412 года. Более того, король был превосходным наставником хороших офицеров.

В рядовом составе Генриха имелось также довольно приличное ядро ветеранов, которые сражались с ним или против него в Уэльсе. Капитаны и их солдаты прибыли из самых разных концов королевства. Мак-Фарлейн считает, что все те, кто участвовал в войнах во Франции, были «по рождению дворянами и их слугами», но это едва ли соответствовало действительности. (Многие из тех, кто дослужился до капитанов, даже если в их жилах текла благородная кровь, первоначаль-

но вступили в армию как лишенные средств к существованию авантюристы.) «Слуги» на деле чаще оказывались арендаторами, которые работали на земле, а не служили в доме или в поместье. Существуют также свидетельства о том, что многие торговцы, — мясники, торговцы рыбой, цирюльники, красильщики побросали свои лавки и отправились воевать во Францию.

Может возникнуть вопрос, что двигало всеми этими людьми? Ответ может быть только один — надежда на наживу. МакФерлейн приводит бесчисленные примеры, что в той войне «на трофеях, раздобытых во Франции», разбогатели представители всех классов Англии. Однако М. М. Постан, проведя не менее тщательное исследование, смог дать ничуть не меньше примеров разорения англичан во время военной кампании во Франции. Это происходило, в частности, в результате задержки с платежами или попадания в плен, когда приходилось выплачивать крупный выкуп.⁷ Тем не менее, с большой долей уверенности можно сказать, что большая часть участников похода надеялась, вернее сказать, ожидала победить, нежели проиграть. Надежда на французскую добычу была тем маяком, что, как магнит, притягивала их к себе и заставляла идти на войну за Ла-Манш.

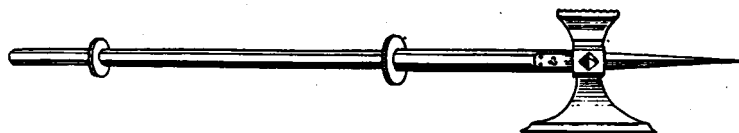
Большая часть полностью экипированных воинов лучших полков были выходцами из мелкопоместного дворянства, поскольку экипировка стоила немалых денег. С головы до ног они были закованы в латы, которые надевались поверх платья из толстого фетра, чтобы избежать синяков. Поскольку короткие юбочки уже стали выходить из моды, во время боя они казались ожившими статуями из полированной стали. На смену коническому легкому шлему с рылоподобным забралом

и отверстиями для дыхания пришли другие типы шлемов — круглый плотноприлегающий шлем с более простым забралом и шлем, который не соединялся с доспехами, который мог быть снабжен забралом, а мог быть и без такового. Он представлял собой нечто среднее между металлической каской Вермахта и металлической зюйд-весткой, которую можно было опускать на лицо. Кисти рук и стопы защищали соответствующей формы сочлененные латные перчатки и наколенники. Такие доспехи весили не менее 55 фунтов, но вес их равномерно распределялся по поверхности всего тела (На Фолклендских островах британским войскам пришлось «проковылять» многие мили по пересеченной местности, таща на своих спинах груз свыше 80 фунтов). Верхом на лошади или на ногах, но обладатели подобных доспехов испытывали завидное чувство собственной неуязвимости и могли отказаться от щитов. Тем не менее, если дорогие доспехи с хитроумными краями и волнистыми поверхностями для отражения ударов, изготовленные в любом месте от Милана до Нюрнберга, могли противостоять практически любому оружию, то более дешевые латы часто разлетались. Но самым главным их недостатком была жара. В солнечный день в своем фетровом костюме, полностью экипированный рыцарь в доспехах, несмотря на вентиляционные отверстия, истекал потом и очень скоро чувствовал себя совершенно истощенным.

В распоряжении воинов в доспехах имелись специальные привычные к перевозке тяжестей лошади, типа современных тяжеловесных гунтеров (охотничья лошадь. На лошадей этой породы похожи ирландские тяжеловозы и норманские пешероны.) В седле их основным оружием была массивная пика 12 футов

длиной, специальная конструкция которой позволяла сбрасывать противника с лошади. Тем не менее, при любой возможности английские воины в доспехах предпочитали сражаться в пешем порядке, что во Франции получило название «английский метод». Несмотря на то, что на левом боку такого воина висел прямой меч, а на противоположном — кинжал с круглой рукояткой для добивания смертельно раненых, на земле он предпочитал пользоваться коротким боевым топором с железными древком, боевым молотом, булавой или цепом. (Последний, часто именуемый утренней звездой, представлял собой шар с шипами, присоединенный при помощи цепи к короткой рукоятке.) Кроме всего прочего, воин в доспехах был вооружен бердышем, конструкция которого позволяла рубить вражеские доспехи, нанося противнику страшные раны и синяки. Фактически он представлял собой сочетание копья длиной в пять футов, металлического древка, которое заканчивалось шипом, и топора с молотом, который был насажен на древко. Пожалуй, это оружие было наиболее смертельным из всех, что применялось в эпоху средневековья. Неудивительно, что инструмент, применяемый мясниками на скотобойнях, обозначается по-английски тем же словом, что и боевой топор (pole-axe).

До тех пор, пока лучники Генриха могли стрелять с оборонительных позиций, почти никто не мог противостоять им. С другой стороны, не находясь они под защитой воинов в доспехах, вражеская кавалерия с легкостью могла бы смять их. Наиболее подходящим деревом для длинных луков, величина которых превышала 6 футов, был тис. Стрелы обычно изготавливались из ясеня, имели 30 дюймов в длину и были оперены

Бердыш (боевой топор) состоял на вооружении полностью экипированных воинов в доспехах, а также лучников. Он представлял собой сочетание топора, молота и пики. Покрытое металлом древко практически могло служить вечно.

гусиными перьями, взятыми из крыльев*. Наконечник был четырехгранным и был изготовлен из закаленной стали. Самые лучшие лучники в минуту выпускали до двенадцати стрел и с расстояния шестидесяти ярдов были способны пробивать доспехи. Только самые дорогие латы могли противостоять их убойной силе. Верховые лучники были вооружены также пикой, которая скорее походила на копье, чем на таран, который был на вооружении воинов в доспехах. Личным оружием лучников служили мечи и кинжалы, в придачу им полагался бердыш-алебарда или «кувалда», представлявшая собой свинцовую колотушку с длинной (в пять футов) деревянной рукояткой. Головы их защищали либо легкие шлемы, либо различные плетеные шапки, укрепленные железными пластинами. Кроме металлических или кожаных латных перчаток, а также кожаного нарукавника, защищавшего руку от тетивы лука, когда он натягивал ее, туловище стрелка прикрывала безрукавка, доходившая до половины длины бедра стрелка. Эта безрукавка чем-то смахивала на современный пуленепробиваемый жилет. Она была сшита из 25 сло-

* 1 фут — 30,48 см.

1 дюйм — 2,54 см. (Прим. ред.)

ев оленьей кожи, набита куделей и укреплена металлическими пластинами или шишечками.

В наступающей армии конных лучников было, по крайней мере, в два раза больше, чем пеших. Несомненно, этот факт отражал опыт короля Генриха, полученный в Уэльсе. Конное пополнение король рассчитывал получить во Франции. Особую важность имела мобильность войск. Лучники у короля Генриха действовали точно так же, как буры во время войны в Южной Африке или берейторы президента Теодора Рузвельта в войне против испанцев на Кубе: они были конной пехотой, которая спешивалась для того, чтобы стрелять. Поскольку всадники были вооружены пиками, они, оставаясь с седлах, могли участвовать в атаке с воинами в доспехах.

Можно предположить, что в интересах мобильности во время внезапного нападения или сражения мелкими отрядами основные воины вместо тяжелых доспехов могли быть одеты в кожаные безрукавки или неполные доспехи. Обычно, в рукопашном бою с участием лучников и рыцарей воины применяли бердыши так, как в двадцатом веке солдаты использовали винтовки со штыками. Французы из-за своего пристрастия к скорострельным арбалетам, которыми они вооружали своих стрелков, всегда были в проигрыше. Это оружие было не только тяжело для транспортировки, но и в бою вело настолько медленный огонь, что противостоять ему лучникам было все равно, что с обычным ружьем встать против магазинной винтовки.

На вооружении английской армии были тяжелые пушки, бомбарды, используемые для ведения осады, которые стреляли каменными или чугунными ядрами весом до 1000 фунтов, и легкие орудия, кульверины,

стрелявшие с переносных подставок свинцовой и бронзовой картечью и ставшие прототипом ружей. Первые обычно были установлены на мощных деревянных платформах, перевозимых бычьими упряжками. Несмотря на кажущуюся примитивность, они были довольно эффективным оружием. Их, как правило, отливали в лондонском Тауэре или Бристоле колокольных дел мастера, которые зачастую и командовали ими на поле сражения. Их основной недостаток состоял в низком качестве пороха, который часто распадался на свои составные части: серу, селитру и древесный уголь. Тем не менее, поскольку с 1370 года продолжало совершенствоваться литейное искусство, особенно бронзы, мастерство изготовления пороха тоже развивалось. Между пушечными ядрами и зарядом закладывались деревянные вкладыши из вяза. Можно не сомневаться, что скорострельность их была чрезвычайно низкой, поскольку после каждого выстрела требовалось промывать стволы шомполом, смоченным в уксусе, разведенном водой. Запал осуществляли с помощью раскаленного докрасна железного прута, который держали в жаровне с древесным углем. И скорость стрельбы, равная одному выстрелу в пять минут, считалась огромным достижением. Подобная пушка могла выстреливать увесистыми пушечными ядрами на расстояние в 2500 шагов, что особенно было эффективно против городских стен и замков. Выстрел каменным ядром был прототипом шрапнели, поскольку от удара камень рассыпался на массу острых, как бритва, осколков.

Артиллерия тех дней еще не слишком далеко ушла от вооружения допороховой эпохи. Если тяжелые пушки пришли на смену камнеметательным машинам, которые были когда-то главным орудием в ведении осад-

ной войны, то кульверины заменили баллисты (представлявшие собой огромные механические луки, заряжаемые стрелами невероятных размеров, которые были самыми надежными снарядами своего времени). Эти легкие орудия имели чрезвычайно хитроумное устройство. Хотя литейщики еще не могли изготавливать достаточно надежные бомбарды из железа, тем не менее, они умели отливать вполне подходящие, хотя и несколько неуклюжие орудия малого калибра, которые стреляли металлическими пулями весом всего в 21 фунт. Бронзовые или медные пушки, правда, считались лучше. Бронзовый экземпляр такого орудия, найденный в реке Марна в 1896 году, хранится в кафедральном музее в Мо. Предполагается, что он был потерян англичанами во время осады 1421-1422 годов. Этот образец представляет собой толстый восьмиугольный ствол длиной в пять футов с круглым жерлом и жутким, но вполне эффективным запальным отверстием, который был сделан во время отливки. Ствол удерживался на деревянной треноге и перевозился на повозке. Несмотря на то, что для его перезарядки требовалось довольно много времени и отсутствие хорошей прицельности, на коротких расстояниях эта пушка была довольно эффективным орудием. В Кастилии в 1453 году одним продольным выстрелом из такого орудия было поражено сразу шесть человек. Этот тип оружия стал прототипом ружья и аркебузы.

Обеспечение амуницией и продовольствием требовало воистину масштабной организации. Опыт короля, полученный при осаде Аберистуита, в этом плане оказался действительно бесценным. Летом 1415 года он не одну неделю провел в расположенном на побережье замке Порчестер, близ места погрузки судов в Саутгем-

птоне, руководя всей операцией. Амуниция включала всевозможные осадные приспособления (башни, складные лестницы и тараны), порох и его ингредиенты, пушечные ядра, заготовки для луков, завернутые в холстину, упакованные в бочках стрелы, тетива для луков, разборные деревянные и из промасленных кож лодки, инструменты для рудокопных работ, а также там находились строители, оружейники и другие ремесленники. Провизия включала хлеб, вяленую рыбу, солонину, муку, бобы, сыр и эль. Продукты поступали на склады со всех концов Англии. Для обеспечения армии свежим мясом было собрано огромное поголовье крупнорогатого домашнего скота, овец и свиней, которых пригнали из Йоркшира и западных земель. На складах были заготовлены также горы одежды и обуви. Все это следовало погрузить на корабли и переправить во Францию. Кроме того, прокормить и напоить водой нужно было и огромное количество лошадей.⁸

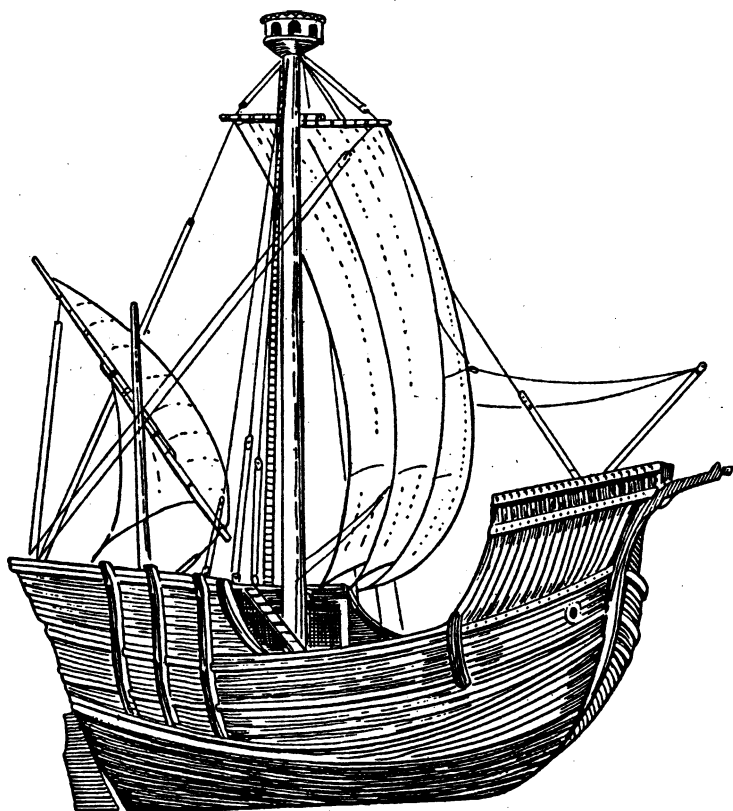
Некоторые источники утверждают, что готовившийся к вторжению флот состоял из 1500 судов. Однако в действительности среди крупных кораблей было немало мелких суденышек. Транспортные средства были либо наняты короной, либо вместе с хозяевами реквизированы королевскими адмиралами. Для их укомплектования командой осуществлялась насильная вербовка. Несколько судов были специально переоборудованы для перевозки лошадей. Двери в них были расширены и устроены стойла с барьерными перегородками. Корабли также были приспособлены для ведения боевых действий. На корме и носу были сооружены большие мостики или «замки» для размещения лучников, чтобы им было откуда стрелять по противнику. Несчастные владельцы судов потеряли изрядные суммы денег, когда

их грузы были выкинута из трюмов, а за то, что их суда находились в пользовании короля, хозяева четыре раза в году получали ничтожно малую плату. Корабли были доставлены из западной части страны, Пяти портов*, в Восточной Англии, портов Северного моря. Чтобы собрать такую армаду, понадобилось всего три дня. Корабли заняли всю акваторию порта Саутгемптона, все близлежащие гавани, а также стояли в устье реки до самого Госпорта.

Суда были нужны не только в качестве транспорта, но и для осуществления патрулирования и охраны морских пределов, чтобы не дать французам перехватить инициативу в свои руки. У Генриха имелись так называемые «Корабли короля», которые составляли королевский флот и были одним из наиболее замечательных его достижений. Когда Генрих пришел к власти, королевский флот насчитывал всего семь кораблей; к 1415 году их стало 15, а в 1417 — 34. В июле 1413 года на должность смотрителя королевских судов был назначен Уильям Каттон. В следующем году его помощником стал богатый торговец из Саутгемптона Уильям Соупер. Тотчас вступила в действие программа по закупке и строительству новых судов. В Саутгемптоне Соупер построил док и склад. Дополнительные склады были возведены им еще в соседнем Гамбле, а также укрепленные места швартовки кораблей, где те могли бы находиться в относительной безопасности в случае нападения противника. Он не только строил корабли, но и переоснащал старые. Под его руководством порт

* группа пяти портовых городов в графствах Суссекс и Кент на берегу Ла-Манша: Дувр, Гастингс, Сандвич, Ромни и Хайт.

превратился в самую настоящую военно-морскую базу. Война на море в то время представляла собой простое перенесение военных действий с суши на море, поэтому военные корабли служили только для перевозки людей. Наиболее надежными полагалось быть тем, на которых переправлялись лучники и основной состав

Клинкерный корабль, образец тех, что использовались Генрихом V для перевозки войск. Некоторые из них были водоизмещением до 1000 тонн и были специально переоборудованы для транспортировки лошадей.

воинов. Следовательно, первоочередная задача Соупера состояла в комплектовании флота кораблями с двумя мачтами водоизмещением от 500 до 1000 тонн, что по тем временам считалось огромными параметрами.

Все же военно-морской флот Генриха в 1415 году, в основном, состоял из давно позабытых барок с длинными корпусами, баллингеров*. Французы, и в меньшей степени англичане, для плавания в Ла-Манше пытались приспособить галеры, однако те, созданные для Средиземного моря, совершенно не годились для переменчивых вод пролива. Баллингер был специально сконструирован англичанами, как бы в ответ на невозможность использования галер. Это было довольно большое клинкерное судно с парусным оснащением и водоизмещением около 50 тонн. Дополнительно имевшее до 50 пар весел, судно идеально подходило для английских вод. С низкой осадкой оно с легкостью было способно проходить на самые узкие якорные стоянки и подниматься вверх по любым рекам. Прекрасно годилось такое судно и для пересечения Ла-Манша, а также для каперства. Французские купцы всецело находились в его власти. Команда судна состояла из 40 моряков, 10 полностью экипированных воинов и 10 лучников. К 1415 году в распоряжении короля имелось 10 таких проворных кораблей. Они и большие парусные суда обеспечивали Генриху V гарантию, что опасность со стороны военных кораблей его армии не грозит.⁹

Несмотря на всю уверенность в своем «праве», Генрих не знал, вернется ли он живым из этого предприятия и что Бог будет благосклонен к нему. Он составил завешание, в котором выразил надежду, что

* английские парусные, клинкерные барки, оснащенные 40-50 парами весел, имевшие низкую осадку.

благодаря молитвам, обращенным к Деве, святым и своему повелителю Джону Брайдлингтону, Авраам встретит его с распротертыми объятиями. В завещании содержалось распоряжение относительно места его захоронения в Вестминстерском Аббатстве, а также распоряжение относительно наследства. Довольно странно, но Кларенсу он не оставлял ничего. Оно было подписано 24 июля в Винчестере; сверху на нем имелась надпись по-английски: «Это мое последнее волеизъявление, подписанное собственноручно, Р. Н. (король Генрих) милостию Христа и с помощью Пресвятой Девы Марии».

Армада, назначение которой состояло в восстановлении «права» короля, отправилась в плавание в воскресенье, ясным солнечным днем 11 августа. Генрих находился на борту «Тринити Роял», где свое место он занял за день до этого. Но произошла непредвиденная задежка флота ввиду того, что на трех кораблях возник пожар, уничтоживший суда до ватерлинии, что для многих послужило дурным предзнаменованием. Тем не менее, капеллан, автор «Деяний», находившийся на борту того же корабля, что и король, вспоминает, что «когда берег острова Уайт остался позади, среди кораблей флота были замечены плавающие лебеди, которые были восприняты нами как хороший знак».¹⁰ Никто из команды, за исключением Генриха и его главнокомандующих, не знал пункта назначения армады. Известно было только, что путь их лежал во Францию. Некоторые полагали, что дело ограничится только Гийенью. Служба безопасности Генриха работала почти с современной основательностью.

У Генриха и мысли никогда не было о том, что свое наследное право за Ла-Маншем он может утвердить

мирными средствами. Дипломатию он использовал лишь для того, чтобы дискредитировать Францию в глазах всего света. Войны, которая ему была нужна для того, чтобы оправдать свержение домом Ланкастеров Ричарда II и лишение власти графа Марча, Генрих хотел любой ценой. Если Богу будет угодно даровать ему военную победу над Францией, тем самым будет подтверждено его «право» в этом королевстве, что автоматически и беспрекословно утвердит право и на престол Англии. Из записей, оставленных нам автором «Деяний», явствует, что он торопился «завериться постановлением высшего судии».

ГЛАВА ШЕСТАЯ «НАШ ГОРОД ГАРФЛЕР»

«Мы разными путями и неоднократно искали мира... Хорошо осознавая то, что Наши Войны несут мужчинам гибель, странам разорение, женщинам и детям страдания, а также множество другого горя... Мы вынуждены прилежно искать всевозможные пути, дабы избежать вышеупомянутых страданий и снискать одобрение Бога И Всего мира».

ВЫЗОВ ГЕНРИХА V ДОФИНУ

«Они изгнали из городов французов – мужчин, женщин, детей – и наводнили их английскими солдатами».

АНГЛИЙСКИЙ БРУТ

В пять часов пополудни во вторник 13 августа английский флот вошел в дельту Сены. У мелового мыса Шеф де Ко, в трех милях от цели Генриха – порта Гарфлер, корабли встали на якорь. Под «страхом смерти» он запретил своему войску высаживаться на берег, пока он сам не сойдет. Сам Генрих сошел на берег в том месте, где сейчас стоит Гавр. Стоял чудный закат, было между 6 и 7 часами вечера. Сойдя на землю, король пал на колени и помолился Богу, чтобы тот даровал ему «справедливость». К субботе высадка войск была завер-

шена. Он издал указы, согласно которым снова «под страхом смерти» запрещалось устраивать поджоги, трогать храмы, женщин и священников. Шлюхам не разрешалось приближаться к лагерю ближе, чем на три мили; после первого предупреждения любая шлюха, которая посмеет нарушить приказ, поплатится сломанной рукой. Запрещено было также сквернословить. По словам покойного профессора Э. Ф. Джекоба, Генрих постановил, «что отличительной чертой хорошего английского полкового офицера должно стать сочетание твердости и гуманности».¹ Свой лагерь он разбил на холме, на расстоянии, примерно, одной мили к северо-западу от злосчастного маленького городка. «Когда были возведены все палатки, павильоны и шатры, он превратился в самый настоящий большой и могущественный город».

Второй лагерь под началом Кларенса был основан на холме по другую сторону города, к востоку в направлении Руана. Когда «на рассвете в ясных лучах солнца» он вместе со своими солдатами поднялся из-за кромки холма, вид этот вызвал у осажденных «подлинное чувство страха и ужаса». Вдобавок, английский флот блокировал гавань. К 19 августа англичане окружили Гарфлер, взяв его в кольцо. В город никто не мог проникнуть и никто не мог выйти из него.

Все же оборонные возможности населенного пункта были велики. Окружавшая его стена была необычайно мощной, в форме многоугольника с двадцатью шестью башнями она имела протяженность в две с половиной мили. К трем его воротам можно было подойти, только воспользовавшись подъемными мостами, которые спускались с барбаканов*, которые стояли по другую сто-

* помещение над воротами

рону широкого, заполненного водой рва. Каждый из барбаканов вдобавок был укреплен окружавшей его со всех сторон круглой навесной башней, состоявшей из трех связанных между собой цепями частей. Для придания мощности они были отделаны бревенчатыми балками, покрытыми дерном, и имели амбразуры для орудий и арбалетов, чтобы вести обстрел. Кроме того, между стеной и рвом был возведен земляной вал. С северной стороны город защищала заполненная водой долина реки Лезард «шириной с четверть Темзы в Лондоне», на юге протекала сама река Лезард, на востоке лежали болота. Со стороны моря гавань была защищена двумя высокими башнями с заграждениями в виде исполинских столбов с цепми, которые вздымались со дна моря. В лице Жана д'Эстутвилля город имел профессионального командира. Следует признать, что гарнизоном города командовал Рауль де Гокур, стойкий боец, живший поблизости, которому удалось проникнуть в город с 300 полностью экипированными солдатами непосредственно перед тем, как осаждавшие отрезали его от внешнего мира.

Генрих был преисполнен решимости взять Гарфлер. «Ключ к морю всей Нормандии» (из «Первого описания жизни Тюдоров»), к тому же он был идеальным местом, откуда можно было готовиться к завоеванию Нормандии и угрожать Парижу. В нем король видел второй Кале, но имевший лучшее стратегическое расположение. Можно не сомневаться, что его лазутчики сообщили ему, что в городе имелись войска, и прибытие отряда Гокура могло сорвать планы Генриха. Очевидно, что прибытие новых сил вселило в сердца защитников надежду и укрепило их боевой дух. Когда Генрих предложил им сдать «его» город законному герцогу

Нормандскому, Эстутвилль ответил ему сардоническим отказом: «Ты ничего нам не оставил, за чем мы могли бы приглядывать, так что и отдавать нам нечего».

Сначала англичане попытались сделать подкоп под ровом, чтобы можно было подорвать стены. Но французы разгадали их планы и начали копать навстречу, после чего под землей атаковали рудокопов. Из рва к стенам нельзя было подойти вплотную, чтобы воспользоваться стенобитным тараном. Тогда Генрих все свои надежды возложил на артиллерию. Среди привезенных им орудий были пушки, которые он использовал в Уэльсе, такие, как «Посланник» и «Дочь короля». В целом, англичане располагали двенадцатью тяжелыми орудиями, однако, чтобы доставить их под стены города требовалось время, поскольку его защитники обстреливали их из собственных орудий, которые они установили на крепостных валах. Медленно англичане подкатили свои осадные пушки на исполинских деревянных платформах к тому месту, откуда можно было вести огонь и под прикрытием установленных деревянных щитов начали обстрел. Сами канониры скрывались в траншеях и за земляными сооружениями. Заградительный огонь продолжался и днем, и ночью. Пушка Генриха такого размера, какого французам видеть прежде не доводилось, внушала им ужас. Огромные ядра, размером с мельничные жернова, оставляли в городских стенах широкие бреши. Как информируют нас «Деяния», «действительно прекрасные здания, расположенные почти в центре города были либо полностью разрушены, либо грозили вот-вот развалиться».² Наблюдение за обстрелом король осуществлял сам, проводя все ночи напролет у орудий. Несмотря на то, что французы успевали заделывать бреши заборными досками и зем-

лей, Генрих был настроен оптимистично. 3 сентября он написал в Бордо и заказал 600 бочонков вина, указывая, что в течение 8 дней он сломит оборону Гарфлера, после чего намерен дойти до Парижа, а потом, минуя Монвильер, Дьепп и Руан, направиться в Гийень. Но прошло 8 дней, а город по-прежнему стоял.

Английский лагерь поразила болезнь. «Во время этой осады много людей погибло от ночных холодов и от того, что ели фрукты; далеко разносилось зловоние падали,» — записывает брат Капгрейв.³ Они гибли от кровавых поносов, дизентерии, причиной которых были зеленые фрукты, кислое молодое вино и местные моллюски. К тому же, часть продуктов была подпорчена морем. По данным Монстреле, погибло не менее 2000 англичан, еще 2000 были настолько больны, что их пришлось погрузить на корабли и отправить домой. Среди погибших оказались графы Арундел и Суффолк, епископ Куртене из Нориджа, верный слуга и близкий друг короля, погибший у него на руках; среди больных, отправленных назад в Англию, были герцог Кларенс и граф Марч. В стане англичан находилось также немало дезертиров. И все же ничто не могло заставить Генриха поколебаться.

Английская пушка, не зная жалости, продолжала обстреливать юго-западную башню, которая была ключевой для взятия города. В то же время английские рудокопы вели подкоп под стены, намереваясь разрушить их, путем поджога опор, заложенных под основание. К 16 сентября башня вместе с барбаканом, который защищал ее, лежала в развалинах. Ров по обе стороны был забросан землей. Гарнизон предпринял попытку вырваться из осады, подпалив английские баррикады. Вторая вылазка закончилась полнейшим кра-

хом. Англичане забросали башню пушечными ядрами, опутанными зажженной куделей, три части ее и деревянные балки загорелись, пожар продолжался на протяжении двух дней. Французы оставили башню и барбакан на милость осаждавших.

К этому времени в гарнизоне уже начался голод и не было ни малейшей надежды на облегчение нынешнего состояния. Как и осаждавшие, осажденные страдали от кровавых поносов. Тем не менее, несмотря на то, что англичане уже наводили через ров мосты, подкатывали к стенам города осадные башни и устанавливали лестницы, принять жестокие условия, навязываемые им Генрихом, они отказались. 17 сентября король отдал приказ подготовиться к генеральному штурму на следующий день, одновременно продолжив интенсивный обстрел городских стен, включая выстрелы горящими стрелами. 18 сентября совершенно измотанные, не знавшие сна защитники отправили к королю послов для проведения переговоров; они решили сдаться, если к 22 сентября не подоспеет помощь. Помощь не пришла. Соответственно в обусловленный день, в воскресенье, между рядами вооруженных англичан к тому месту, где их ждал король Англии, прошли командиры гарнизона и 66 заложников. Согласно его приказу, на них были надеты только рубахи и на шею были накинута петля. Прежде, чем они были допущены пред королевские очи, их вынудили на протяжении нескольких часов простоять на коленях. Король находился в большом шелковом шатре, на нем был золотой наряд и сидел Генрих на троне. По его правую руку в шлеме с короной и бердышем в руке стоял сэр Джильберт Умфравилль. Но прошло еще какое-то время, прежде чем Генрих соизволил взглянуть на них. Потом он упрекнул их в том,

что они «против воли Бога и справедливости не сдавали его город Гарфлер, «добрую часть его наследства»».⁴

Затем над городскими воротами вместе с королевским штандартом, украшенным леопардами и лилиями, был воздвигнут крест Св. Георгия. На следующий день король босиком прошелся до полуразрушенной приходской церкви Гарфлера, где вознес благодарение Богу за то, что даровал ему победу. Король принял решение, согласно которому Гокур вместе с 60 рыцарями и 200 благородными гражданами гарнизона были освобождены под честное слово, чтобы в Мартынов день (11 ноября) явиться, как подобает «честным пленным», в Кале, где им до выплаты выкупа предстояло оставаться в заключении. Наиболее богатые граждане в ожидании выкупа были немедленно отправлены в Англию. Около 2000 человек из «наиболее бедных слоев населения» «в горе, со слезами и причитаниями, ввиду потери привычного, хотя и незаконного места обитания» были изгнаны из города. Как объяснил им Генрих, ни один из них, ни богатый, ни бедный, не имел права на свой дом, поскольку все дома «по праву» принадлежали ему. Только нескольким гражданам Гарфлера было разрешено остаться при условии, что они принесут ему клятву верности. Все добро и деньги, найденные в городе, были разделены между воинами. Некий Боуклонд за то, что доставил осаждавшим два корабля с провизией, получил в награду «постоялый двор под названием «Кочет». 5 октября король отдал приказ, чтобы в Лондоне и других крупных городах было объявлено о том, что в городе Гарфлер имеются дома для торговцев и ремесленников, которые в случае прибытия и обустройства на новом месте получают денежные субсидии. За несколько лет в Гарфлер прибыло свыше 10000 английс-

ких колонистов. Документы, подтверждающие титулы прежних его граждан, были прилюдно сожжены на рыночной площади. Генрих преисполнился решимости превратить Гарфлер во второй Кале, сделав его еще одним английским городом на французском побережье. Тем не менее, в глазах ранних английских историков Генрих V заслужил всяческую похвалу за то, что не подверг город разорению, как того требовала буква закона, а снабдил изгнанных из него бедняков денежной компенсацией в сумме 5 су на душу для обустройства на новом месте.

С присущим ему почти современным чувством необходимости создания паблсити, Генрих отправил послание лондонским олдерменам, объявив о капитуляции Гарфлера и попросив их сообщать ему время от времени новости о себе. Эту переписку он вел на протяжении всех кампаний во Франции.

Гарфлер, бесспорно, стал ценным приобретением, что особенно проявится в последующие годы. Все же осада была для Генриха катастрофическим началом кампании; за это время он потерял около 1/3 своего войска. В тщательно составленном письме мэру Лондона, несмотря на то, что советники молили его как можно быстрее возвращаться домой и не продолжать завоевания Франции, пока французы не заперли их, «как ягнят в загоне», он пишет, что одержал большую победу. Тем не менее, король, хотя и оставил теперь идею идти на Париж, все же настаивал на том, чтобы со своим сильно поредевшим войском, все еще страдавшим от дизентерии, отправиться в Кале.

Немало чернил было потрачено на то, чтобы объяснить смысл этого безрассудно храброго предприятия. Казалось, что этот поход мало что мог дать в смысле

рекогносцировки, трофеев или репутации. В силу того, что французы собирают сильное войско, этот марш представлялся довольно авантюрным. Зачем войну с холодным объективным умом понадобилось так рисковать? Намек на ответ звучит в его словах, обращенных к Совету: «Даже, если наши враги соберут огромную армию, мы будем уповать на Бога, и они не принесут вреда ни моим войскам, ни мне. Я не позволю им, раздувшимся от гордости, ни возрадоваться в несправедливых делах, ни владеть моим добром против воли Бога». Можно даже не говорить о том, что Генрих пользовался лучшей для своего времени военной технологией, но психология его была типичной для средневековья. Во время осады Гарфлера дофину Людовику он отправил вызов на поединок, который мог бы разрешить, кому из них наследовать трон Карла VI, — «отдать решение спора между Нашей персоной и Вашей на волю Божью». Людовик, толстый и неповоротливый девятнадцатилетний увалень, благоразумно отказался. Поход на Кале был задуман Генрихом как военный променад под защитой Бога, который должен был продемонстрировать не только то, что Бог признает его притязания на трон Франции, но, что было более важно, и его право на корону Англии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ТОТ ЖУТКИЙ ДЕНЬ АЗЕНКУРА»

Крепко левая рука сжимает древко лука, Правая натягивает тетиву, крушит и бьет»

ИЗ ВЕГЕЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» (ПЕРЕВОД XV ВЕКА)

«Азенкур... для старого доброго викторианца – это школьный пикник, удовольствие, полученное от Шекспира, звук и свет, белый стих, Лоуренс Оливье В Военных успехах; Всего лишь эпизод, что может пробудить интерес школьника, которому всегда скучны уроки истории, наглядная демонстрация морального превосходства англичан и любезная сердцу частица угасающего национального мифа. А еще это повесть о кровавой бойне и неприкрытом зверстве».

ДЖОН КИГАН «ЛИК БИТВЫ»

6 октября Генрих V со своим войском вышел из Гарфлера. Кале располагался на расстоянии 160 миль, и он рассчитывал достичь его в восьмидневный срок. У него было, приблизительно, 900 конных тяжеловооруженных воинов и 5000 лучников, которые были сгруппированы в три «боевых порядка» со стрелками на флангах. Основную армию возглавлял король вместе с герцогом Глостером, сэр Джон Корнуэлл – передовой

отряд, и герцог Йоркский, и граф Оксфорд — арьергард. Генриху не терпелось двигаться как можно быстрее, поэтому воины его взяли с собой только то, что можно было погрузить на спины лошадей, оставив позади артиллерию и обоз, амуницию и провиант. Поклажа состояла, преимущественно, из снаряжения тяжеловооруженного воина и запаса пищи на восемь дней. Генрих намеревался идти в северном направлении до реки Соммы, а затем вдоль берега на юго-восток, пока они не достигнут Бланш-Таке, и уже оттуда следовать прямо на Кале. Чтобы обезопасить переправу, он отправил приказ находившимся в Кале силам взять под контроль брод. (Он был использован еще его великим дедом Эдуардом III в 1346 году на пути в Креси.) Не приходится сомневаться в том, что по дороге он рассчитывал на участие в мелких стычках, что дало бы ему ощущение победной проверки боем.

По пути следования, что было в духе того времени, англичане убивали и мародерствовали, оставляя после себя коридор из черного дыма, результат подожженных фермерских домов. Занялось огнем и аббатство Фекамп. Нашедшие там убежище женщины подвергались нападениям и насилию. Поскольку большая часть стрелков имела лошадей, англичане могли проходить в день до 20 миль, хотя такая скорость для пеших, несших колчаны, в которых было до 50 стрел, по всей вероятности, была тяжелым испытанием. При переходе через реку Бетюн они были обстреляны гарнизоном крепости Арке и Генрих пригрозил сжечь город, но вместо этого изъясил поставки хлеба и вина. Та же история повторилась у О (Eu) при переправе через реку Бресл. Армия надеялась на легкий путь через Сомму, достичь которую король предполагал к 13 октября.

Всего в шести милях от реки пойманный разведчиками короля пленный сказал им, что доступный во время отлива брод у Бланш-Таке был забаррикадирован острыми кольями и что по другую сторону реки их с 6000-й армией поджидал маршал Бусико. (Отряд из Кале был перехвачен и отброшен назад.) Пленного Генрих решил допросить сам, сказав ему, что тому не сносить головы, если он солгал, но задержанный повторил свою версию. Тем временем начался прилив и брод стал непроходимым. Король в поисках другого брода отправился в восточном направлении вдоль южного берега Соммы. Вот как описал подавленное состояние армии очевидец событий и автор «Деяний»:

«Поскольку иного выбора, как идти вглубь Франции к истоку реки (длина которой, говорят, была свыше 60 миль) у нас не было... в это время мы ни о чем другом не могли думать, кроме как о том, что после того, как истекли восемь дней, отведенные на поход, и провизия наша иссякла, враг, не терявший времени даром, проведет нас, изголодавшихся и остро нуждающихся в пище, и у истока реки, если Бог не пошлет нам подмоги, имея на своей стороне численное и моральное превосходство, а также военную технику и другие средства, он подавит нас, ибо нас так мало осталось, а те, кто есть, доведены усталостью и голодом до невероятного изнеможения».¹

Оказалось, что каждый брод контролировался французами, которые с такой же скоростью двигались по другому берегу реки. Армии англичан грозила реальная опасность потери дисциплины. У Бове они путем обычных угроз конфисковали вино у обитателей замка и так напились, что Генрих запретил впредь употреблять его. Когда же снисходительный командир сказал королю,

что солдаты просто наполняли свои бутылки, тот взорвался: «В самом деле, их бутылки! Они свои утробы превращают в огромные бутылки и страшно пьянеют». К этому времени от положенного им пайка ничего не осталось, кроме вяленого мяса, к которому они добавляли орехи и те овощи, что могли накопать в полях.

Воспользовавшись петлей, которую делала река, Генрих решил сократить путь и обогнать противника, которому в обход пришлось пройти большое расстояние. Генрих сумел восстановить дисциплину, на глазах у всей армии повесив человека, улченного в том, что совершил святотатство, похитив из церкви дешевую медную с позолотой дароносицу. (В последующем он не будет уже столь строг.) Наконец, 19 октября у Войенна и Бетенкура, близ Несля, было обнаружено два неохраняемых брода. Но приблизиться к ним можно было только, пройдя по небольшим дамбам, которые были разрушены французами. 200 стрелков с луками на спинах, борясь с трясинной, по пояс в воде, у Бетенкура с трудом перебрались на другой берег, чтобы закрепить ее по ту сторону реки. Аналогичная операция с успехом прошла и у Войенна. Проявлять милость к местным крестьянам, которые вывесили из окон красные тряпки и одеяла, как символ орифламмы (священного боевого знамени французских королей) и проявляли открытое неповиновение, Генрих не был склонен. Он отдал приказ сжечь дотла все дома, обитатели которых отказывались сотрудничать с англичанами. С помощью оконных рам, дверей, балок, лестниц, позаимствованных у крестьян из ближайших деревень, а также стволов и веток деревьев, соломы дамбы были восстановлены. Как только проложенная по дамбе дорога у Бетюна могла выдерживать вес лошади, сэр Джильберт Умфра-

вилль вместе с сэром Джоном Корнуэллом возглавили отряд из 500 тяжеловооруженных солдат и пересекли реку как раз вовремя, чтобы отбить атаку, предпринятую противником против плацдарма лучников. Час спустя после сгущения сумерек вся английская армия уже переправилась через Сомму, настроение солдат заметно улучшилось. Но они еще не знали, что основные силы французов находились всего в 6 милях от Перонна.

Точных сведений о численном составе французских войск нет, а имеющиеся данные значительно расходятся в цифрах. Однако с достоверностью известно, что они примерно в четыре раза превосходили силы англичан и насчитывали до 30000 солдат, из которых 15000 были тяжеловооруженными воинами. Командовали ими маршал Бусико и коннетабль Франции д'Альбре. Они были испытанными ветеранами, в задачу которых не входило чинить препятствия Генриху, они собирались отпустить его и позволить ему вернуться в Англию. Все их помыслы были сосредоточены на том, чтобы вернуть Гарфлер. Но над ними возобладал более воинственный дух менее опытных командиров. Среди них были не только арманьяки герцоги Орлеанские и Бурбоны, но также вельможи из приверженцев бургундцев типа герцога Брабанта и графа Невера, которые были братьями герцога Жана (Бесстрашного). Хотя сам он все еще проявлял нерешительность, но его сын, будущий герцог Филипп, на протяжении всей жизни очень сожалел о том, что не принимал участия в этой компании. Даже бургундцы не смогли смириться с вторжением англичан. Но Карл VI, бывший в тот момент в полном здравии, и дофин Людовик держались в стороне. Они

не хотели попасть в плен, как это случилось при Пуатье с дедом Иоанном (Добрым)*.

20 октября в лагерь английского короля прибыло три французских герольда. До того момента, когда им разрешили говорить, они оставались на коленях и молчали. «Праведный, могущественный принц, велика и великодушна твоя королевская власть, — начал говорить их представитель. — Наши повелители прослышали о том, что ты со своей армией намереваешься завоевывать большие и малые города и замки королевства Франции, опустошая французские города. По этой причине и во благо своей земли, во исполнение своих клятв поднялись многие из нашей знати на защиту своих прав; и посредством нас они просили уведомить тебя о том, что до того, как ты достигнешь Кале, они сойдутся с тобой и сразятся, чтобы отомстить тебе за твои дела». На это Генрих спокойно ответил: «Пусть свершится все по воле Божьей.» Все же в его ответе на вопрос герольдов о том, каким путем они будут следовать, промелькнула тень беспокойства. «Прямо в Кале и, если по дороге туда наш враг попытается задеть нас; ему это даром не пройдет. Мы не намерены искать с ним встречи, но не станем, страшась его, двигаться

* 19 сентября 1356 года при Пуатье произошло одно из самых крупных сражений Столетней войны. Несмотря на то, что армия французов была вдвое больше, чем армия англичан, они ее проиграли. Французский король Иоанн II Добрый и его 2000 соратников попали в плен. Эта битва стала настоящей трагедией для Франции. Армия была разбита, средств для создания новой не имелось. Требовалось еще выкупить из плена короля, а это обошлось стране в 3 миллиона золотых экю. В этой ситуации плененный король вынужден был заключить перемирие с Англией, которое узаконивало все их завоевания. (Прим. ред.)

быстрее или медленнее, чем желаем. Мы советуем им не мешать нашему движению и не искать того, в результате чего прольется христианская кровь».² Потом, наградив каждого из герольдов сотней золотых крон, он отправил их назад к своим господам. Он понимал, что его провели и ожидал, что атака последует на другой день. Генрих ожидал нападения со стороны Перонна, где раскинулся лагерь противника и приказал солдатам занять боевые позиции. Но когда стало ясно, что враг не собирается наносить удар, он отдал всем приказ отправляться спать и хорошенько отдохнуть перед продолжением похода.

Утром их разбудил накрапывающий дождь, под прикрытием которого они и отправились в путь. На протяжении нескольких дней никаких серьезных происшествий не случилось, хотя появились плохие признаки, как, скажем, развороченная дорога, словно по ней прошли ноги «невообразимого призрака». Дождь, заливавший глаза, не прекращался; спать тоже приходилось под дождем. Многие были до такой степени ослаблены дизентерией, что не успевали надевать штаны. Все страдали от недоедания. Боевой и моральный дух, как никогда, низко пал.

24 октября перепуганный насмерть разведчик сообщил герцогу Йорку о том, что сквозь пелену мороси заметил неприятеля. Англичане только что перешли вброд брод «реку мечей», маленькую речушку Тернуаз. Капеллан, очевидец событий, сказал, что «как только мы достигли гребня холма на другом берегу, то увидели, как из долины на расстоянии, примерно, в полмили от нас выходят ненавистные полчища французов». Они двигались в сторону англичан тремя «боевыми порядками» или колоннами, «похожие на несметные полчища

саранчи»³, с явным намерением перерезать им путь. Французские военачальники решили заставить Генриха остановиться и, лишив его возможности бежать, вынудить на сражение. В военном искусстве на этот раз его превзошли. По грязи и воде англичане с трудом дотащились до деревушки Мезонсель, где расположились лагерем, приготовившись провести еще одну ночь под проливным дождем. Даже дух короля пошатнулся. Он освободил пленных и отправил их во французский лагерь с предложением, что в ответ на безопасный путь до Кале, он согласен вернуть Гарфлер и возместить причиненные им убытки. Предложение было отвергнуто. Рыцарь из Сомерсета, сэра Уолтера Хунгерфорда, сказал Генриху, что они могли бы победить, имея в своем распоряжении еще 10000 лучников. На что король округлил глаза и ответил, что был глупцом, поскольку забыл, что его войска «состояли из солдат Бога». Далее с некоторым беспокойством в голосе он добавил, что человек с такой чистой верой в Бога, как его собственная, не может потерпеть неудачу.

Меньше всего хотелось Генриху встретиться с противником лоб в лоб. Прямое столкновение довелось ему видеть только раз в жизни, у Шрусбери, тогда он был на стороне, которая едва не потерпела поражение, а он сам едва не распротился с жизнью. Он придерживался мнения Вегеция: «исход сражения обычно решается в течение двух-трех часов, после чего у более слабой армии не остается ни малейшей надежды... момент неуверенности, гибельный для королевств». Король в большей степени был артиллеристом, сапером и штабистом, чем пехотным командиром. А предстоящие события обещали быть битвой пехот. Опасаясь самого худшего, он приготовился к генеральному сражению.

Из английских источников известно, что французы провели ночь, разыгрывая в кости английских лордов, которых предполагали захватить в плен, и богатый выкуп, который можно было бы за них потребовать. Как впоследствии было сказано, они были настолько самоуверенны, что даже привезли с собой раскрашенную повозку, в которой намеревались доставить плененного Генриха в Париж. У них было много вина и избыток провианта, а шум их пиршества долетал даже до английского лагеря. Пикардийский хронист, Монстреле (родившийся в 1390 году, современник описываемых событий) рассказывает нам, что французы провели полную уныния ночь, в течение которой даже их лошади не сомкнули глаз. Еще он говорит о том, что «англичане играли на трубах и других музыкальных инструментах, так что музыка эхом разносилась по всем окрестностям, в то время как они молились Богу».⁴ Все источники едины в одном, что англичане по вполне понятным причинам были напуганы и исповедовались в грехах друг другу, если очереди к священникам были слишком длинными. Король под страхом конфискации лошади или доспехов дворянина, отрезания правого уха для йомена или представителя другого, более низшего сословия, приказал им в течение ночи соблюдать тишину. (Такова была действительность, скрывавшаяся за шекспировским выражением «отметина Гарри в ночи».) Всю ночь трудились над приведением в порядок боевого оружия оружейники и мастера по изготовлению луков. После изнурительного восемнадцатидневного перехода все, насквозь промокшие и изголодавшиеся, были крайне истощены и все, без исключения, с ужасом ожидали наступления грядущего утра. Генрих с лихвой получил свое испытание сражением.

Капеллан, испуганный до смерти очевидец, описывает, как «ранним утром французы выстроились в боевом порядке колоннами и отрядами и заняли позицию на том поле, которое позже получило название поля Азенкур и по которому проходила наша дорога в Кале. Число их воистину было устрашающим». Это было огромное по площади поле, засеянное озимыми и достигавшее двух миль в длину и одной в ширину, сужавшееся посередине до тысячи ярдов, где к западу в небольшом лесочке скрывалось селение Азенкур, а к востоку в другом лесочке пряталась деревушка Трамкур. Король провел ночь в деревне Мезонсель, которая располагалась к югу от него, а французы стояли в Рюиссовиле и его окрестностях, к северу от предполагаемого поля боя. Местность эта близ дороги, ведущей из Гездена в Аррас, и сегодня на удивление все такая же, сохраняемая без изменений благодаря тому, что деревья из поколения в поколение сажаются на прежних местах. В тот день поле было засеяно, на протяжении вот уже нескольких дней лили дожди, оно превратилось в море грязи, которую еще предстояло замесить огромной массе людских и лошадиных тел.

Большая часть французов была в рыцарских доспехах и имела тяжелое вооружение. Они были выстроены в три шеренги, в каждой из которых было по шесть рядов. Первые две шеренги спешили и держали в руках укороченные пики. Третья шеренга оставалась на лошадях, как и два подразделения на флангах, в каждом из которых было по 500 тяжеловооруженных воинов. У них также было несколько орудий и даже катапульта, несколько арбалетчиков и лучников. Но места для их размещения не было. Французский план, если его можно назвать планом, состоял в том, чтобы

находившаяся на флангах конница смяла английских лучников, а пехотинцы должны были сойтись в рукопашной схватке с тяжеловооруженными воинами и подавить их. Они надеялись, что англичане облегчат решение этой простой задачи и пойдут в атаку, в результате чего их ряды расстроятся. Коннетабль д'Альбре и маршал Бусико заняли свои места в первой шеренге первой линии. Таким образом, французы оставались без должного командования, не говоря уже о возможности маневрирования.

Кроме капеллана Генриха, имелся еще один очевидец, оставивший свои записи. Это был «мессир Жан, побочный сын Варена, господин дю Форесталь», пикардийский дворянин, родившийся в 1394 году, сражавшийся на стороне французов, чей отец и брат были убиты во время того сражения. Варен вспоминает, как французские дворяне готовились к бою:

«И упомянутые французы были так обременены доспехами, что не только не могли двигаться вперед, но едва стояли на ногах. Во-первых, на них были длинные одеяния из стальных пластин, что спускались до самых колен или даже ниже, что были очень тяжелы, ноги под ними также были защищены латами, под которыми были надеты белые фетровые одежды, на большинстве из них были конические шлемы с «по-собачьи заостренными мордами»; тяжесть доспехов в сочетании с размякшим грунтом... значительно затрудняло их передвижение; с огромным трудом удавалось им поднимать свое оружие, поскольку, не считая всего этого неблагоприятного стечения обстоятельств, они и без того были ослаблены от недоедания и недосыпания. В самом деле, удивление вызывало даже то, как можно было установить знамена, под стягами которых они выстрои-

лись. Упомянутые французы, все до единого, укоротили свои пики, чтобы, когда время дойдет до рукопашной, им было удобнее владеть ими. У них было много лучников и арбалетчиков, только стрелять они не могли, так как поле было слишком узким, на нем было место только для тяжеловооруженных воинов.»⁵

На рассвете англичане тоже заняли свои боевые позиции. Теперь число их тяжеловооруженных воинов, в лучшем случае, упало до 800, а лучников стало чуть меньше 5000. Первые тоже спешили, в руках у них были укороченные, как и у французов, пики. Они сгруппировались в три «боевых порядка» по четыре ряда в каждом. С флангов эти формирования были защищены выдававшимся вперед клином лучников по пять-шесть рядов; с обоих флангов выстроились полумесяцем лучники, такое построение позволяло им пускать стрелы по направлению к центру. По приказу короля каждый лучник перед собой воткнул в землю длинный, заостренный с обоих концов шест длиной в одиннадцать футов, который служил им защитой от вражеской конницы. В резерве почти не оставалось воинов, так как слишком велика была разница в численности. Кроме того, десять тяжеловооруженных воинов и тридцать лучников были оставлены для того, чтобы охранять обоз. Но фронт англичан, по крайней мере, прикрывал весь центр, а фланги были защищены лесом.

В описаниях битвы при Азенкуре отсутствуют комментарии по поводу солидного возраста людей, которым двадцатишестилетний монарх поручил командование ключевыми позициями в критический момент противостояния. Правым флангом руководил его кузен Эдуард, герцог Йоркский, который в свои сорок два года был самым старшим членом королевского семейст-

ва; тучный и необыкновенно изворотливый, он был когда-то любимцем Ричарда II, единственный оставшийся в живых наследник, который был уже по стандартам средневековья в преклонном возрасте. Левое крыло находилось под командованием лорда Кэмойса, женатого на вдове Хотспера, которому уже доводилось встречаться с французами на поле брани еще в семидесятые годы четырнадцатого века. Несколько менее удручающей фигурой был «старый сэр Томас Эрпингем». Рыцарь Подвязки, 1357 года рождения, отвечал за лучников, он служил при дворе как Джона Гонта, так и Болинброка, вместе с последним отправился в ссылку в 1397 году, а впоследствии участвовал вместе с ним в марше из Равенсперга за королевской короной. В 1404 он стал главным камергером королевского двора и был человеком, которого король знал на протяжении всей своей сознательной жизни. Генрих как верховный главнокомандующий взял на себя центр. Знаменательно, что ни один из участков он не доверил своему брату Хэмфри. По всему было видно, что командование он стремился поручить во чтобы то ни стало только самым надежным и холодным головам.

Автор «Гесты» находился среди капелланов, больных и вспомогательных работников, которые оставались вместе с обозом. Он рассказывает, что он и остальные священники были настолько напуганы, что считали, что силы французов превосходили английскую армию в тридцать раз. Они, «дрожа от страха», продолжали молиться, не переставая. Он все же не потерял голову и наблюдал за битвой, так что смог дать одно из лучших описаний очевидца.⁶

Прежде, чем надеть сверкающие доспехи, Генрих прослушал три мессы и принял святое причастие. По-

верх доспехов он облачился в платье из бархата и шелка, расшитое золотыми леопардами и лилиями; шлем его украшала небольшая диадема, «удивительно богатая» по убранству, с рубинами, сапфирами и жемчугом. Далее на маленьком сером пони (крупного боевого коня его вел сзади паж) он объехал войска. В его речи накануне сражения прозвучали все те же знакомые мотивы: он «прибыл во Францию для того, чтобы вернуть законное наследство и что у него были все справедливые основания претендовать на него». Своих лучников он предупредил, что французы поклялись каждому взятому в плен английскому стрелку отрезать по три пальца на правой руке. «Господа и соратники, — пообещал он своей армии, — поскольку я являюсь настоящим королем и рыцарем, за меня Англии никогда не придется платить выкуп». Когда он закончил говорить, воины прокричали ему в ответ: «Господин наш, мы молим Бога, чтобы он даровал тебе долгую жизнь и победу над врагом твоим!»

Справедливо полагая, что сражение должны начать англичане, французы в 700 ярдах от них стояли неподвижно. Прождав четыре часа, Генрих решил, что эти замерзшие, мокрые и усталые люди простояли уже довольно долго, и было бы неплохо спровоцировать французов на атаку. Он велел Эрпингему вывести лучников вперед на расстояние полета стрелы. Когда сэр Томас уведомил его, что задание выполнено, подбросив в воздух командирский жезл, король отдал команду: «Знамена вперед! Во имя Христа, Марии и Святого Георгия!» Его воины, как требовал обычай, преклонили колена, поцеловали землю, осенив ее крестным знаменем и положив в рот щепотку земли в знак причащения. Прозвучали трубы и барабаны («что в сердце

каждого солдата вселило уверенность и надежду»), они настолько твердым маршем, насколько позволяла раскисшая почва, двинулись вперед, прокричав в унисон несколько раз: «Святой Георгий!» Теперь маленькая армия находилась от огромного полчища противника на расстоянии 300 ярдов. Многие воины в заляпанной грязью одежде имели неполное обмундирование, особенно это касалось лучников, которые из-за грязи пошли босиком. Последние, установив под определенным углом на уровне лошадиной груди заостренные шести, начали вести обстрел. Тучи стрел со свистом взметались в воздух и, пролетев сотни футов, с шумом опускались на французов, которые, чтобы защитить себя от смертоносного града, вынуждены были опустить головы. Несмотря на то, что немногие из них смогли пробить дорогие пластинчатые доспехи, стоявший стук, должно быть, не мог никого оставить равнодушным.

Теперь пришла в движение передовая шеренга противника, состоявшая из 8000 воинов. Они пошли вперед, из-под их плотно облежавших шлемов доносился традиционный боевой клич: «Montjoie! Saint Denis!» Одновременно с этим, под командованием Гильома де Савеза и Клиньи де Бребанта, на английские фланги бросились в атаку 500 тяжеловооруженных воинов на лошадях. Но лучники с легкостью отразили этот удар. Три лошади налетели на шести, а их всадники, среди которых находился и Савез, были убиты. Французских лошадей больше всего напугал град стрел, под которым бедные животные стали просто неуправляемыми, они с диким ржанием, нарушая ряды пеших воинов, опрометью неслись назад. Многих они опрокинули и внесли в стройные шеренги смятение. Перепуганные насмерть животные галопом промчались мимо орудий и ката-

пульт, потоптав заодно и резервный контингент французских лучников и арбалетчиков. Пример их оказался заразительным: произведя только один залп, французские артиллеристы предпочли отступить, только чтобы не встретиться с английскими стрелами.

Передовая шеренга спешившихся воинов противника, обремененная невероятной тяжестью доспехов, утопая порой по колено в жидкой грязи, мрачно продолжала движение вперед. Для тяжеловооруженных солдат выполнение этой задачи оказалось на пределе возможностей. Их ряды включали самые громкие имена Франции, как знатных вельмож, так и представителей королевского рода. Среди них были герцоги Бурбонский и Орлеанский. Английские лучники вели бесприцельный огонь по их флангам, с этого расстояния стрелы уже могли пробивать доспехи. Чтобы избежать смертоносного града, французы начали сбиваться к центру, сгучиваясь так, что шеренга вскоре превратилась в плотную возбужденную толпу. Несмотря ни на что, они продолжали упрямо двигаться вперед, стараясь при этом держаться как можно дальше от клиньев лучников, которые заполняли промежутки между боевыми порядками англичан и также вели их обстрел. Наконец, три плотно спрессованных колонны французской пехоты таким мощным ударом обрушились на английских тяжеловооруженных и облаченных в доспехи воинов, что отбросили последних на два-три ярда назад.

Но французы образовали настолько плотно сбитую толпу, что были не в состоянии не только воспользоваться оружием, но и поднять его. Задние ряды напирали на передние и теснили их. Те, кто потеряв равновесие, падали наземь, снова подняться на ноги уже не могли. Число упавших росло, образуя бесформенные

кучи; одни захлебнулись в грязи, другие же задохнулись под тяжестью навалившихся на них закованных в доспехи тел. (Джон Гардинг, бывший сквайр Хотспера, участвовавший в сражении, особо подчеркнул, что «больше людей погибло, будучи раздавленными; чем наши воины могли бы убить».) Как только запас стрел был исчерпан, английские лучники схватили, как пишет автор «Деяний», «мечи, топоры, кувалды, секиры, алебарды и другое оружие», даже заостренные шесты и устремились на врага. Легкоодетые, они, чтобы достать противника, проворно вскакивали на кучи распростертых французских воинов. Когда в движение пришла вторая шеренга французов, воины их стали терять равновесие и падать в еще больших количествах.

Подобная участь миновала англичан только потому, что число их было неимоверно мало. Исключение составил неповоротливый герцог Йоркский, которого сбили с ног и, вдавленный в грязь, он задохнулся. И они могли применять свое оружие в рукопашном бою с максимальным эффектом. Тито Ливию, встречавшийся со многими участниками сражения, говорит, что Генрих бился, «как гривастый лев, выскивающий свою добычу». Среди французов были такие же свирепые бойцы, и господин Тито, герцог Глостерский, «жестоко раненный мечом в зад», упал полумертвый навзничь. Король стоял над ним, отражая атаки нападавших до тех пор, пока его брата не подобрали и не унесли с поля боя.⁷

Герцог Алансонский, принц крови, который возглавлял вторую французскую шеренгу, был среди тех, кто сражался в непосредственной близости от герцога Глостерского. На мгновение он покинул плотную толпу, вскочил на лошадь и поскакал назад, пытаясь оста-

новить растущее число дезертиров. Когда ему это не удалось, он снова вернулся в гущу боя и с горсткой французских воинов атаковал отряд герцога Глостерского. Согласно одному источнику, он сорвал со шлема Генриха украшение в виде стилизованного цветка. Но поверженный на колени, герцог Алансонский сдался королю и снял свой шлем, в это время какой-то разошедшийся английский рыцарь нанес ему удар секирой, убив на месте.

Повсюду вздымались, порой выше человеческого роста, груды поверженных французов. Многие были живы, но под тяжестью своих доспехов не могли подняться. Некоторых, что лежали, как выброшенные на отмель черепахи, англичане приканчивали ударом кинжала под забрало, но большая часть их, возможно, около 3000, были поставлены на ноги и отправлены в тыл для получения впоследствии выкупа.

Внезапно пронесся крик, что третья шеренга французов, та, что была на лошадях, готовится к атаке. С опозданием прибыл герцог Брабантский, младший брат герцога Бургундского, второй принц крови. Не имея поверх доспехов платья, он одолжил плащ у своего герольда и попробовал ввести в действие французский резерв. В конце концов, он бросился в атаку почти в одиночестве, в результате, вскоре лишился лошади. Из-за плаща герольда его не узнали и перерезали горло. Возможно, что это событие произошло на более ранней стадии сражения. Наверняка известно, что после того, как начала движение вторая шеренга, двое французских вельмож, графы Марль и Фокемберг, поклялись либо убить Генриха, либо погибнуть и вместе с 600 воинами приготовились провести последнюю отчаянную атаку.

Король и без того чувствовал себя не слишком спокойно, имея в тылу такое огромное количество пленных. Незадолго до начала битвы, местные крестьяне уже предпринимали попытку напасть на его обоз, но были отброшены. Генрих не исключал возможности, что они могли повторить ее опять. Когда появились все основания серьезно опасаться удара со стороны третьей шеренги, а также велика была вероятность, что пленные могли освободиться и присоединиться к своим товарищам, король отдал приказ ликвидировать их. Люди его пришли в ужас, но не жалость лежала в его основе, а боязнь утратить такой громадный выкуп. Но Генрих поклялся повесить каждого, кто откажется повинаться. Расправиться с пленными он поручил 200 лучникам. По словам автора «Хроники» Тюдоров, они «были заколоты мечами, зарублены бердышами, забиты колотушками» и «выпотрошены самым свирепым и жестоким образом». ⁸ От оставшегося в живых Жильберта де Ланнуа нам известно, что одна группа пленников заживо была сожжена в хижине, куда их заточили. В живых были оставлены только те, за которых можно было получить изрядные суммы выкупов, а именно: принцы крови, типа герцога Орлеанского. Бойню король остановил только тогда, когда понял, что напрасно швыряет деньги на ветер, поскольку никакой опасности от третьей шеренги не исходит.

Это кровавое избиение пленных 1415 года считается всеми одним из незначительных проступков Генриха V. Почти все его английские биографы и историки стараются сложить с него вину, ссылаясь либо на отсутствие осуждения со стороны современных королю английских хронистов, либо на «традиции того времени». В действительности же, в соответствии с традици-

ями пятнадцатого века, избиеение плененных безоружных дворян, которые в соответствии с общепризнанными законами рыцарства вправе были ожидать выкупа за свою жизнь, если они сдались в плен официально, считалось страшным преступлением. Деяние это было тем более преступным, поскольку было совершено человеком, постоянно твердившим о том, что он был «настоящим рыцарем». Хронист Варен с ужасом замечает, что совершено это было «хладнокровно» («de froit sang»).

Атака Марля и Фокемберка была без особого труда отбита, поскольку теперь англичане не только имели численное превосходство, но и надежное укрытие в виде груд поверженных французов. Марль и Фокемберк были убиты. Остатки третьей шеренги дрогнули и, потеряв самообладание, покинули поле боя. За четыре часа английский король и его крошечная армия уничтожили противника, силы которого во много раз превосходили их. Потеряв, в лучшем случае, 500 воинов, они лишили жизни свыше 10000 солдат противника, если в это количество включить число перебитых пленных. Кроме Йорка, из английских вельмож погиб только еще один пэр, молодой граф Суффолк (отец которого умер от лихорадки в Гарфлере), а также горстка рыцарей, среди которых был стойкий валлийский ветеран Дэви Гам и два его зятя, Уолтер Ллойд и Роджер Воган. Французы потеряли герцогов Аласонского, Бара и Брабантского, графа Невера (еще одного брата герцога Бургундского), восемь других графов, девяносто два барона, 1500 рыцарей и бесчисленное число дворян. Среди пленников, переживших кровавую бойню, были герцоги Бурбонский и Орлеанский, графы О, Ришмон и Вандом, а также 1500 дворян. Весь следующий день

был потрачен на поиски незамеченных ранее живых, которых можно было взять в плен, а также на добывание смертельно раненых, искалеченных и тех, за кого получить выкуп не представлялось возможным. Тела погибших англичан перенесли в большой амбар в Мезонселле, где их уложили рядами вперемежку с хворостом и подожгли. Погребальный костер горел всю ночь. В тот вечер наиболее из достойных пленников Генриха прислуживали ему за ужином, преклонив колени. Этим испытанием в бою Бог выразил свою волю. Теперь Генрих знал, что он был истинным королем Англии и Франции тоже. Свою победу по имени ближайшего замка он назвал «Азенкурской».

Снова начался дождь. На следующее утро, уставшая еще больше, чем раньше, английская армия под проливным дождем возобновила свой марш на Кале. Войска были обременены тяжестью дорогих доспехов, которые сняли с убитых и пленников. Когда 29 октября армия достигла Кале, оказанный им прием оставил желать гораздо большего. Многим солдатам не разрешили войти, а те, кто был допущен в город, вынуждены были продавать свои доспехи, а также пленных, чтобы оплатить грабительские цены, которые с них запросили за провиант.

Король расположился в своем Гинейском замке за пределами Кале, там же он поместил своих наиболее ценных пленников. По вполне понятным причинам, он пребывал в прекрасном расположении духа, когда сказал герцогу Орлеанскому, что не стоит удивляться его победе, «ибо никогда еще во Франции беспорядок, распутство и порок не были так распространены, что и описать ужасно». Много лет пройдет, прежде чем некоторые из этих пленников вернутся домой; маршал Бу-

сико умрет в заточении в Метли в Йоркшире в 1421 году, герцог Орлеанский будет выпущен из своей темнице в Тауэре только в 1440 году. Все же им повезло гораздо больше, чем многим их несчастным товарищам, которых, когда выяснилось, что они не в состоянии заплатить выкуп за свою свободу, в качестве слуг продавали в Англии купцы из Кале, которые, в свою очередь, выкупили их у солдат.

Генрих V был настолько уверен в благосклонности к нему Бога, что предложил своим командирам совершить нападение на близлежащий французский городок. Они недоверчиво выслушали его, указав на то, что слишком мало было у короля сил. К тому же многие из его воинов были ранены, другие страдали от кровавых поносов и все мечтали побыстрее вернуться домой. Ему ничего не оставалось, как согласиться вернуться в Англию.

Монсеньоры д'Эстувиль и де Гокур, вместе с другими отпущенными под честное слово пленниками в Гарфлере, как «честные пленники», прибыли в Кале и сдались на милость короля. Теперь он был готов к отплытию, и в воскресенье 16 ноября он отбыл во время сильного шторма. Два корабля затонули, и французским пленникам на борту королевского судна морское путешествие показалось еще страшнее, чем самые жуткие моменты Азенкура. Глубокое впечатление при этом на них произвел, казалось, отлитый из железа желудок их победителя.⁹

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«НАУЧИТЬ ФРАНЦУЗОВ УЧТИВОСТИ»

«Так Велика была любовь, питаемая ими к королю, так ждали они его Возвращения домой, что значительное их число вошли в Воду и поднялись на борт корабля короля, предложив снести его на землю на своих руках».

• ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА V •

«Гигант был слишком мрачен на вид, Чтобы учить французов учтивости».

НАДПИСЬ НА СТАТУЕ, С КОТОРОЙ ВСТРЕЧАЛИ ЕГО
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНДОН

Дома вся Англия была глубоко взволнована судьбой короля и его армии. В течение трех недель от них не было никаких вестей, ходили тревожные слухи. Наконец, в тот день, когда Генрих вошел в Кале, канцлер, епископ Бофор, и мэр Лондона, Николас Уолтон, (известный в народе как «Безмозглый Ник») получили от него полные триумфа письма. Славные известия были зачитаны со ступеней собора Святого Павла, затем ударили колокола всех церквей города, звон которых не смолкал до самого захода солнца. Вскоре новость облетела всю страну, все с облегчением вздохнули и возликовали.

Король со своим изрядно потрепанным флотом прибыл в Дувр 16 ноября, едва только опустились сумерки. Чтобы не погибнуть в шторме, им пришлось обгонять ветер, именно по этой причине они так быстро переправились через пролив. Встречали их охваченные безумным ликованием толпы народа, отдельные люди из толпы бросились в волны и по пояс в воде направились к кораблю, чтобы на своих плечах доставить Генриха на берег. Воскресенье он провел спокойно в Дувре, а потом поскакал в Кентербери, оттуда отправился в Элтем, где провел два дня, вознося молитвы у гробницы Святого Фомы. В столицу он въехал в субботу 23 ноября.

У Блекхита его встретили несколько лондонцев, которые поджидали его там с рассвета. Процессию возглавлял Безмозглый Ник и двадцать четыре олдермена в красных одеждах. Все, кто только мог себе позволить, в знак радости надели в этот день красные одежды. Поздравив короля, горожане поспешили в Лондон, чтобы попасть туда раньше короля и не пропустить пышного зрелища, которое было заранее подготовлено. Когда Генрих в 10 часов утра вступил на Лондонский мост, со стороны Суррея его приветствовали исполинские фигуры гиганта и гигантессы, которые были воздвигнуты на вершине башни моста, и звуки труб. Гигант был вооружен боевым топором и протягивал огромные ключи, словно предлагая их королю. Надпись на нем, в которой чувствовалась ненависть к иностранцам, гласила:

*«Гигант был слишком мрачен на вид,
Чтобы учить французов учтивости».*¹

На башне имелась другая надпись: «Город короля справедливости». В середине моста возвышались две высокие колонны из поддельного мрамора и яшмы, на одной из них была золотая антилопа со щитом, где изображался королевский герб, на второй — золотой лев, в лапах которого был жезл, на нем развевался королевский штандарт. Над башней доминировала стоявшая на дальнем конце прекрасная статуя Святого Георгия в доспехах. Его левая рука сжимала свиток, свисавший над зубчатой стеной, на нем имелась надпись: «вся честь и слава Богу» (To god alone be honour and glory). В доме, который стоял рядом с мостом, хористы, разряженные как ангелы, с позолоченными крыльями и лицами пели «Благословен тот, кто пришел во имя Господа».

Башня акведука у Бочки в Корнхилле была покрыта алым стягом, по обе стороны ее стояли седоволосые проповедники в золотых ризах, которые, когда Генрих проезжал мимо, выпустили стаю воробьев и запели псалом. Башня акведука в самом начале Чипсайда, самой богатой улицы Лондона, имела зеленый полог, украшенный гербом Сити; рядом с ней стояли другие патриархи, являя собой двенадцать апостолов и двенадцать английских королей, которые также, когда король подъехал поближе, запели псалом ликования. Они предложили ему хлеб, завернутый в серебряные листья, и воду из акведука, как Мелхиседек предложил Аврааму, вернувшемуся после победы над четырьмя царями, хлеб и вино. За перекрестком на Чипсайте из дерева был построен настоящий замок с причудливыми башенками и крепостными валами. Из него поприветствовать Генриха вышли прекрасные девы и принялись пред ним танцевать и петь, подыгрывая себе на тамбуринах.

«...словно встречали нового Давида, повергнувшего Голиафа, который, как нельзя лучше, мог бы представлять напыщенных французов», — самодовольно замечает «Деяния». Девы по-английски пели «Добро пожаловать, Генрих V, король Англии и Франции», осыпая монарха листьями лавра и золотыми монетами, затем они начали исполнять «Те Деум». Башня последнего акведука перед собором Святого Павла была украшена нишами, в которых стояли «особенно юные девы», держа в руках золотые кубки, откуда они осторожно сдували на проезжавшего мимо короля золотые листочки. Затем монарх спешил и вошел в собор, чтобы во главе семнадцати разодетых прелатов отслужить мессу (обедню) благодарения.

«Сити был в богатом убранстве, много веселья было и среди народа,» — пишет Адам из Уска. Автор «Деяний», бывший очевидцем событий, которому мы обязаны большей частью данного изложения, не жалея слов живописует энтузиазм зрителей всех сословий: кроме плотной толпы мужчин, которые стояли спокойно или спешили вдоль улиц, и большого числа мужчин и женщин, глазевших из окон и всяких, даже самых малых отверстий на всем протяжении пути от моста, людское столпотворение на Чипсайде с одного ее конца до другого было так велико, что всадники не без труда едва могли протискиваться сквозь него. В комнатах на верхних этажах и окнах теснились благороднейшие дамы, женская половина королевства, а также славные и знатные мужчины, собравшиеся ради этого приятного зрелища, разодетые с такой элегантностью и вкусом в платья из тонких золотых и алых тканей и другие богатые облачения всевозможных фасонов, что никто не мог припомнить, чтобы раньше в Лондоне бывали

собрания более величественные или более благородные».²

Особое удовольствие доставлял вид плененного французского дворянина, шагавшего перед королем.

Для празднования этого замечательного торжества был написан знаменитый гимн или песнь радости:

*Король наш, рыцарь, изящный и сильный,
Отправился в Нормандию,
И Бог сотворил для него чудо,
Поэтому Англия может вскричать:*

Хвала тебе, Господи!

*Deo gratias Anglia redde pro victoria.**

Далее гимн поет славу за то, что

*Столько страха довелось им испытать,
Что Франция до Страшного суда
не прекратит рыдать.*

и ликует по поводу унижения своего исконного врага:

*Их герцоги и графы, лорды и бароны,
Кто был убит, а кто пленен,
А кто был в Лондон приведен
На радость и веселье, и веское вознагражденье.*

В нем также звучит явная нотка ксенофобии.

Среди всей этой радости и веселья автора «Деяний» поразило странное выражение лица Генриха V. Он выглядел очень сдержанным и задумчивым. Одет он был в пурпур — этот цвет монархи Англии использовали только в дни скорби. Вероятно, он уже тогда начал обдумывать план завоевания Франции и захвата французской короны. Тем не менее, большинство видевших

* И хвалу Богу Англия возносит за победу.

его зрителей приписывали это сдержанное поведение известному благочестию и смиренности короля.

Восторженные поданные Генриха встретили его не только пышным зрелищем. 24 ноября на специальной церемонии 200 важных лондонцев с Безмозглым Ником во главе преподнесли ему в дар 1000 фунтов золотыми монетами; дар был вручен в двух золотых чашах, стоимость которых равнялась еще одной 1000 фунтов. Еще до его возвращения в столицу, на заседании парламента под председательством герцога Бедфорда, Палата общин пожаловала королю пожизненную субсидию, выражавшуюся в мешках с шерстью на сумму в 4 марки (2 фунта 13 шиллингов 4 пенса), винных бочках на сумму 3 шиллинга, а также в виде другого добра на сумму в 1 шиллинг. Церковный синклит согласился, что он должен взимать налог в две дополнительные «десятины». Под словами гимна Азенкура, в котором сказано, что за эту чудесную победу Англия должна благодарить Всевышнего, могла бы подписаться вся страна в целом.

Репутация Генриха поднялась очень высоко и не только в его собственном государстве. Англия завоевала для себя важное место в европейской дипломатии, такое, которое ее правитель знал, как использовать наилучшим образом. Основной его целью было, случись новое вторжение во Францию, заручиться нейтралитетом со стороны герцога Бургундского. Он очень хорошо осознавал тот факт, что истинным кошмаром для герцога был антибургундский альянс между королями Англии и Франции и императором Священной Римской империи Сигизмундом. В то же время Генрих всеми силами стремился произвести на мир благоприятное впечатление как справедливостью своих притязаний на

Францию, так и своей сдержанностью. Мировое мнение в ту пору воплощал церковный собор, заседавший в Констанце. В достижении этой цели император был наиболее податливым инструментом.

Сигизмунд Богемский был братом смещенного императора Венцеля Пьяницы и, следовательно, дядей первой жены Ричарда II. Избранный в 1410 году королем римлян, он на следующий год провозгласил себя императором. Бывший король-консорт (король-супруг царствующей особы) Венгрии, он сам теперь был королем Чехии. Сидя в своей столице Праге, он жаждал поднять свой престиж, став столь титулованным верховным правителем для всего христианского мира. Он был жестоким и несдержанным человеком, который хотел снискать лавры победителя на поле брани, но неудачно, был любителем удовольствий, проводившим свое время в развлечениях с женщинами и рыцарских поединках. Но несмотря на это, он был исключительно умен, превосходно знал латынь и был покровителем литературы. План его был прост и лишен изменности: подогреть раскол Церкви и покончить со спорным папством, затем объединить все христианство в новом крестовом походе. Но его разнузданность и бесчестие подорвали веру в него.

Генриху план Сигизмунда, который соответствовал его благочестивым идеалам, пришелся по вкусу. Свыше тридцати лет существовало два папы, один был в Риме, второй — в Авиньоне. В 1411 году их количество возросло до трех — Бенедикт XIII в Авиньоне, Григорий XII в Риме и Иоанн XXIII в Пизе. Собор, собравшийся в 1414-1417 годах в Констанце, был преисполнен решимости покончить с создавшимся положением, когда одни страны признавали одного папу, другие — другого,

заставив всех троих отказаться от занимаемых постов. Епископ Галлум из Солсбери сообщил папе Иоанну XXIII, бывшему Балтассару Косса, профессиональному кондотьеру, что на его службу он накладывает опалу. В 1415 году Иоанн был смещен. По словам Гиббона, «наиболее скандальные обвинения были замяты; служитель Бога был обвинен только в пиратстве, убийстве, насилии, содомии и инцесте». Таким образом, собор обеспечил смещение всех трех пап (прервавшись только для того, чтобы сжечь еретика из Чехии, Яна Гуса, с которым Олдкасл состоял в переписке) и выборы признанного повсеместно римского папы, Мартина V (Колонны). Сигизмунд добился большого успеха и признания, поскольку это был именно он, кто заставил папу Иоанна созвать собор. А вот в том, как достичь второй цели плана — обеспечить мир между правителями Европы, английский король отличался от императора, несмотря на то, что был ярым поборником нового крестового похода.

Сигизмунд, начиная с 1414 года, настаивал на альянсе между им самим, Англией и Францией против возраставшей власти Бургундии, которая посягала на имперские территории. Преследуя свою цель, император ездил по всей Европе. В начале 1416 года он прибыл в Париж с нескрываемым намерением заключить мир между Англией и Францией. Партия Арманьяка, которая по-прежнему контролировала Карла VI, рассматривала Азенкур как временное поражение, ожидая со дня на день падения Гарфлера. Их раздражали претензии императора, но еще в большей степени были им ненавистны его неряшливость, беспробудное пьянство и увлечение женщинами; по одному поводу он пригласил к себе на обед 600 «дам». (Согласно легенде

шестнадцатого века, императора Священной Римской империи в аду бесконечно купают в раскаленной докрасна ванне и укладывают в раскаленную докрасна постель те дамы, которых он сбил с пути истинного при жизни.) Они не получали удовольствия от этого.

Проведя несколько дней в Париже, Сигизмунд решил продолжить свою миссию и отправиться в Англию. Французы поддержали его, надеясь, что, возможно, он сумеет содействовать освобождению вельмож, которые попали в плен при Азенкуре. В сопровождении 1500 рыцарей на 300 коряблях, данных ему Генрихом, он пересек Ла-Манш. Когда 1 мая 1416 года его флот вошел в Дувр, герцог Глостерский с большой свитой встретил их на конях с обнаженными мечами, они вошли в воду и не позволяли ему высадиться на берег до тех пор, пока он официально не заявил, что не собирается распространять свою власть над королевством. По дороге в Лондон, где бы он ни останавливался, его принимали с все возрастающим великолепием, пока, наконец, в миле от столицы его не встретил сам король во главе пятитысячной процессии из наиболее достойных людей Англии. После замечательной поездки по Сити «самый набожный и сверхзнаменитый принц» получил в качестве резиденции на время пребывания в Англии королевский дворец в Вестминстере. Его визит длился четыре месяца, в течение которых он получал всевозможные почести, которые были во власти Генриха. Парламент официально приветствовал императора от лица английского народа. (Это был не простой жест, каким мог показаться, поскольку теоретически Сигизмунд оставался светской силой христианства и абсолютным самодержцем. До 1964 года католические служебники содержали молитву за императора Священной

Римской империи, в которой не говорилось только разве что о том, что «империя пуста».) Король пожаловал ему собственное золотое ожерелье со знаком «S», которое носили все вельможи английского королевства, а также в Виндзоре присвоил ему титул рыцаря Подвязки. Это было тем более приятно, что Сигизмунд вручил часовне Ордена подлинное сердце Святого Георгия, которое он привез с собой. Ему были уготованы самые щедрые развлечения. Его обычно экономный хозяин своими тратами вогнал бы французов в краску. Сигизмунд поддался этим увещаниям и подписал в Кентербери договор о нападении и защите, где признавал права английского короля на престол Франции.

В течение сентября и октября Генрих, император и герцог Бургундский встречались в Кале, чтобы заключить взаимный альянс. Роль Сигизмунда была, в основном, церемониальной, поскольку английский монарх уже получил в его лице то общественное признание, в котором нуждался. Но с герцогом Бургундским дела обстояли по-другому. После изысканной церемонии и передачи герцога Глостерского в качестве заложника, герцог Бургундский «в тайном месте оставался с королем наедине до наступления вечерних сумерек», затем состоялся официальный прием. Автор «Деяний» написал о герцоге Жане, что тот, «в конце концов, как и все французы, окажется двурушником, одним человеком на публике и совсем другим наедине».³ Жан в тайном договоре согласился признать все притязания Генриха, обещая, что будет оказывать Генриху как своему суверену всяческое почтение, когда англичане завоюют нужные им территории, Несмотря на то, что нам неизвестно, отражал ли договор истинные намерения герцога Жана, тем не менее, он является свидетельством дип-

ломатического искусства английского короля, который сумел убедить бургундцев, что к нему следует относиться со всей серьезностью, не считая его всегонавсего солдатом.

Во Франции существовал довольно воинственный военный отряд, возглавляемый Бернаром, графом Арманьяком, только что назначенным на пост коннетабля и руководителя военными силами королевства. Граф-коннетабль, свирепый гасконец, перехитрил герцогов Анжуйского и Беррийского, которые горячо выступали за установление мира, и взял под свой контроль жалкого короля Карла, который снова утратил разум.* Оппозиция его была очень малочисленной. В декабре 1415 года умер дофин Людовик, а его брат наследник, Иоани, был пленником его тестя, герцога Бургундского. Арманьяк был достаточно силен, чтобы держать герцога Бургундского на привязи, в то время, как другие руководители его партии, герцоги Бурбонский и Орлеанский, были пленниками в Англии. Король Генрих V отказался от получения за них выкупа. Все свои помыслы он сосредоточил на том, чтобы вернуть Гарфлер. Командир тамошнего гарнизона, граф Дорсет (бывший сэр Томас Бофор), кормил своих людей тем, что позволял совершать им налеты на окрестные поселения, а они, причиняя значительный урон, порой доходили до ворот Руана. В марте 1416 года, увидев пламя, полыхавшее в разграбленных крестьянских хозяйствах,

* Карл VI (1380-1422 гг.), прозванный «Безумным». При этом слабом и психически больном короле Англия добилась наиболее решительных и впечатляющих успехов в ходе Столетней войны. В самой Франции разразилась междоусобная феодальная борьба, поставившая страну на грань потери независимости. (Прим. ред.)

что было бесспорным доказательством присутствия англичан, Арманьяк насторожился и перехватил Дорсета и его армию, застав их врасплох неожиданной атакой в Вальмонте с преследованием. Несмотря на то, что англичанам удалось не только уйти от преследования, но практически уничтожить своих преследователей, тем не менее, это стоило им большого труда и немалых жертв. После этого совершать рейды Дорсет больше не осмеливался и Гарфлер начал голодать. Арманьяк, наняв девять вооруженных купеческих судов и восемь галер из Генуи, чтобы блокировать порт, начал осаду города. Генуэзцы сделали большее, чем простая блокада: они опустошили Портленд Билль, совершили налет на остров Уайт и угрожали Портсмуту и Саутгемптону. Однако попытка поджечь королевские корабли в водах Саутгемптона была пресечена. Никто из английских купцов не осмеливался выйти в море, поскольку генуэзцы сделали зону Ла-Манша слишком опасной. Только одному-единственному кораблю с провизией под развевающимся стягом, украшенным лилиями, удалось проникнуть в город Гарфлер и облегчить положение защитников, но на очень короткий срок. У французов были все основания полагать, что в скором времени от голода те будут вынуждены сдаться. Он стал предметом английской национальной гордости; Палата общин «даже и мысли не допускала», чтобы использовать его в качестве разыгрываемой карты.

В августе 1416 года герцог Бедфорд с группой королевских кораблей отправился в плавание на выручку голодающему гарнизону К нему присоединился флот Пяти Портов. 16 августа герцог вступил в бой с франко-генуэзскими судами в устье Сены, напротив Гарфлера. Бой перерос в кровавую рукопашную схватку, ко-

рабли неслись планшир к планширу. Во время сражения Бедфорд получил тяжелое, но не смертельное ранение. Преимущество было не на стороне англичан, поскольку «купцы» со стороны носа и кормы были настоящими крепостями под парусами, откуда арбалетчики противника вели плотный обстрел, используя и горящую паклю, намереваясь поджечь суда англичан. Кроме того, они забрасывали им глаза негашеной известью. Англичане отвечали градом стрел и огнем из небольшой пушки. После пяти часов враг был уничтожен и англичане с триумфом вошли в Гарфлер. Когда утром они покидали город, было видно, что французы сняли блокаду.

Однако Генрих считал, что французская армия и ее генуэзские «купцы» были все еще реальной опасностью, и продолжал наращивать свой флот.⁴ К лету 1417 года у него было восемь двухмачтовых с прямыми парусами «купцов» (среди которых были и те, что Бедфорд захватил у генуэзцев). В то время это были наилучшие боевые корабли. Кроме того, его флот включал шесть меньших по размеру каравелл с прямыми парусами, девять незаменимых баллингеров и одну парусную баржу. У него также было три специально построенных нефа с прямыми парусами или «большие корабли»: «Иисус», «Королевская Троица» и «Святой дух». Большинство кораблей имели огромные размеры: «купцы» были водоизмещением по 500 тонн каждый, «Королевская Троица» и «Святой дух» — по 750 тонн и «Иисус» (недавно заложенный для короля в Смоллхите, в графстве Кент) — 1000 тонн. Всего королевский флот насчитывал 30 кораблей, некоторые, как, например, «Милость Божия», были даже больше «Иисуса». Описание этого судна было оставлено одним флорентийским мо-

ряком, который видел его в Саутгемптоне в 1430 году. Он говорит: «По правде, я никогда раньше не видел такого огромного и величественного сооружения. На верхней палубе для меня замерили мачту, оказалось, что она равнялась 21 футу в окружности и была 195,5 футов высотой. С галереи носа до воды было около пятидесяти футов и, говорят, что на воде над ней поднимается еще один коридор. В длину судно имело 176,5 футов и около 96 футов в ширину». Как видно, преимущество такой высоты во время сражения в средние века состояло в том, что позволяло лучникам и арбалетчикам пускать в противника стрелы, возвышаясь над ним. Подобные суда могли нести команду до 80 человек и не менее 250 воинов. Шкиперы оплачивались не слишком хорошо. Так, капитан «Иисуса» получал 10 марок (6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) в год, капитан баллингера — только 5 марок. Кораблям короля еще не раз предстояло доказать свою ценность. В июне 1417 года у мыса Шербурского полуострова граф Хандингтон вступил в бой, продолжавшийся весь день, с франко-генуэзским флотом, находившимся под командованием незаконного сына Бурбона Ла Хога (Hogue). Он одержал победу, захватив в плен 4 «купцов» и самого «Ублюдка», у которого было с собой жалование его людям за три месяца. Остальные вражеские корабли спаслись бегством, найдя укрытие в Бретонской гавани. Корабли Генриха продолжали контролировать пролив, но больше противодействия они не встречали. Море было не только очищено от пиратов (как французских, так и генуэзских, кастильских и шотландских), чтобы английские купцы могли спокойно торговать, но король также контролировал те морские пути,

которые могли понадобиться ему для предстоящего вторжения.

Когда в марте 1416 года парламент встретился на очередном заседании, канцлер Бофор произнес проповедь, которую можно было назвать только благословением вторжения. Пожаловавшись на «несправедливый» отказ французов признать притязания Генриха стать их правителем — «Почему эти несчастные и жесткосердые люди в этих ужасных божественных сентенциях не видят того, что обязаны повиноваться?» — он убедил собравшихся лордов помочь своему королю деньгами. Многие сделали пожертвования не только из-за того, что испытывали чувство негодования от перспективы, что Генрих будет лишен своих «прав», но из простого чувства национальной гордости.

Король без усталости следил за финансовым состоянием дел в государстве, получив с налогов 136000 фунтов, что было замечательным достижением. Также он продолжал по возможности увеличивать займы. Под залог своей лучшей короны он занял у Бофора 21000 марок (14000 фунтов) и еще одну большую сумму у банкиров Сити под залог драгоценного ожерелья. Другие, менее значительные, а порой очень мизерные суммы под залог всяческих ценностей из королевской казны — диадем, драгоценностей, реликвий и пожертвований алтарю были получены от прелатов, аббатов, вельмож и свайеров, от городских цехов и купцов. Этому искусству он научился во время войны с Уэльсом. Перед ним, как и прежде, стояли задачи по обеспечению провизией, амуницией и материально-техническим снабжением. В начале 1417 года шерифы получили указания вырвать у каждого гуся в их графстве по шесть перьев из крыльев и

прислать их на склады. Древки луков и стрел заказывались бочками.

Во время отсутствия короля Англия под регенством Джона, герцога Бедфорда, оставалась на удивление спокойной. Восстановленные Генрихом законность и правопорядок продолжали держаться, а после победы при Азенкуре его репутация гарантировала и дальнейшее их выживание. Такому герою уже нечего было бояться всяких там сторонников Ричарда и лоллардов, несмотря на то, что в Шотландии существовал некий псевдо-Ричард, а Джон Олдкасл все еще рыскал на уэльской границе. Регент шотландцев не намерен был рисковать, пока его король находился в плену у англичан, а Уэльс был запуганной и разбитой страной. Теперь ничто не мешало Генриху вернуть графу Нортумберленду все его почести и поместья. У него не было оснований для волнений и он спокойно мог оставить страну на попечение такого способного регента, как Бедфорд.

Тем не менее, в 1416 году произошел один инцидент, который, хотя и не представлял для короля опасности, тем не менее, пришлось ему совершенно не по вкусу. В апреле Суд королевской скамьи обвинил каноника Уэльского кафедрального собора Ричарда Брутона в изменнических настроениях. Одному из своих арендаторов он сказал, что Генрих был ненастоящим королем Англии и что прав на корону не было и у его отца. Еще Брутон говорил, что целиком и полностью оправдывал то, что пытался сделать Скруп со своими товарищами и что он сам был готов пожертвовать 6000 фунтов, чтобы только свергнуть Генриха. Следует, однако, заметить, что этот разговор имел место 14 октября 1415 года перед Азенкуром. Тем не менее, он явля-

ется неприятным напоминанием о том, что у многих англичан были сомнения относительно прав дома Ланкастеров на власть над ними.⁵

Первыми командующими Генриха были его братья, хотя их способности значительно различались. Агрессивный и пылкий Томас Кларенс был в команде Мюратом — стремительным всадником, идеально подходившим для атак или неожиданных бросков на территорию противника, но у него совершенно неправильным было понимание стратегии и тактики. Сфера его интересов, кроме военных действий и турниров, распространялась на геральдику, к которой у него была особая страсть. Герцог Бедфорд, крупный, массивный мужчина с огромным крючковатым носом, совершенно не похожий на красивого Кларенса, был куда более одаренным, но менее энергичным солдатом. Его пристрастие к деталям и твердость помогло ему выиграть не одно сражение на море и на суше. Кроме того, он был замечательным администратором такого высокого класса, что король без колебания назначал его регентом «домашнего фронта». Жан Фавьер особо подчеркивает, какую помощь и поддержку оказывал тот своему коронованному брату.⁶ Наиболее удивительной чертой этого необычно добродушного человека, которую не разделял Генрих, была его любовь к французам, которые отвечали ему тем же. Он не только любил, но и понимал их. Глостер, самый младший и наиболее умный из братьев, был самым бесполезным — тщеславный, чрезмерно самоуверенный и твердолобый, на него положиться можно было только в тех случаях, когда ему поручались конкретные и точные задания, выполняемые им под строгим контролем. В команду Генриха входил еще один член семьи — его дядя, герцог Эксетер (Томас Бофор, бывший граф

Дорсет, получивший титул герцога, не передаваемый по наследству, в 1416 году). Он, как доказал это при защите Гарфлера и в победе при Вальмонте, был превосходным воином. Будучи безотказной ломовой лошадью, он часто выполнял самые ответственные задания.

«Войны во Франции превратили высшую знать в профессиональных солдат», — говорит Дж. Л. Харрис.⁷ Среди этих дворян особо выделялись графы Солсбери, Уорвик и Хандингтон, а также лорд Тальбот. Томас Монтекью, граф Солсбери, бывший всего на год моложе короля, сын фаворита Ричарда II, был наиболее выдающимся полководцем за весь период Столетней войны, не считая, конечно, самого Генриха. Генрих мог положиться на него во всем, хотя у него могли быть основания сомневаться в нем, хотя бы из-за его родителей. Профессионал до мозга костей, граф совершал смелые рейды вглубь вражеской территории, выводя своих людей из самых опасных ситуаций. В то же время он был искусным артиллеристом (канониром), таким же специалистом в проведении осад, как и король. В неменьшей степени он разбирался в штабной работе и материально-техническом снабжении. Несмотря на строгие требования к дисциплине, он был популярен в войсках. Враг опасался его. Шекспир, вероятно, точно передает мнение о нем французов:

Солсбери — отчаянный рубака;

*Он дерется так, словно собственная жизнь
ему не дорога.*

Его отношение к пленным не вызывало восторга французов. Так, взяв замок Орсе в 1423 году, он привел его гарнизон в Париж с веревками на шеях.

Ричард Бошам, граф Уорвик, был старше Генриха на 5 лет. Вместе с ним он воевал еще против Глендоуэра. Это был алчный тип странствующего рыцаря с любовью к зрелищам. В 1408 году он совершил продолжительное окольное паломничество а Иерусалим, во время которого совершал заходы к королю Карлу VI в Париже, Венецианскому дожу и главному магистру (great master) тевтонских рыцарей в Пруссии. При этом он не упускал возможности сразиться в турнирах: наибольшую известность получил его жестокий поединок с Пандольфо Малатестой. В то же время на поле боя он был надежным и находчивым командиром и отличным администратором. Король с таким уважением относился к нему, что назначил Уорвика воспитателем и наставником своего сына. Однако у графа была одна чрезвычайно неприятная черта, сделавшая его жестоким, холодным и безжалостным солдатом и политиком. Он был тем человеком, который сжег на костре Жанну д'Арк.

Еще одним проверенным в боях полководцем, сражавшимся с Генрихом в Уэльсе, был Джильберт, лорд Тальбот. Он был на четыре года старше короля. Самым младшим в этой плеяде был Джон Холланд, сын пасынка Ричарда II, которому король в 1417 году вернул только графство его отца. Он обладал несомненным талантом военачальника, удивительным для его лет. Он, 1396 года рождения, отличился в военных кампаниях 1415 года, когда возглавил первый отряд, высадившийся в Гарфлере, и с выдающейся отвагой бился под Азенкуром.

Почти ничем этой четверке не уступали сэры Джон Корнуолл (будущий лорд Фанхуп), сэры Джильберт Умфравиль (титулованный граф Ким), сэры Джон Грей

(ставший вскоре графом Танкарвилем), сэр Уолтер Хунгерфорд (первый лорд Хунгерфорд) и лорд Уиллоуби д'Эресби. Корнуолл был представителем «левой» ветви Плантагенетов, являясь потомком внебрачной линии Ричарда, графа Корнуолла и короля римлян — брата Генриха III. Его третьей женой была сестра Генриха IV, Элизавета, влюбившаяся в него после головокружительного представления на турнире. (По своему второму браку он был также отчимом Хантингдона.) Специалист по проведению штурма, он вместе с Хантингдоном в Гарфлере высадился первым. Во время похода, завершившегося битвой при Азенкуре, где он тоже проявил восхитительную храбрость, Корнуолл был в числе первых, кто форсировал Сомму. Сейчас, несмотря на свои годы (ему было уже хорошо за сорок), он был одним из наиболее воинственных солдат Генриха. Умфравиль, житель Нортумберленда из Редсдейла, был еще одним исключительно способным командиром — молодой человек, бывший удивительно популярным среди солдат, он обладал таким личным обаянием, которое ощущалось и по прошествии веков. Сэр Джон Грей Хетонский (брат сэра Томаса, участника Саутгемптонского заговора) был еще одним лихим нортумберлендцем, солдатом от бога. Сэр Уолтер Хунгерфорд из рода Фарлейских Хундерфордов в Сомерсете, ставший впоследствии камергером королевского двора, был раньше членом парламента от Уилтшира и Сомерсета, спикером Палаты общин. Несмотря на то, что, по преданию, при Азенкуре самообладание изменило ему, он был прекрасным воином, который на военных трофеях и выкупах за период войны сколотил себе приличное состояние. Уиллоуби д'Эресби, которому к 1417 году исполнилось 32 года, хотя и не сражался при Азенкуре,

но всю свою жизнь он посвятил военным кампаниям во Франции, став еще одним преданным командиром.

Среди менее знатных дворян также имелись довольно талантливые воины. Многие, подобно Хунгерфорду, сумели разбогатеть за счет выкупов, полученных после Азенкура. Все они надеялись во Франции на удачу и новые трофеи. Даже если опасная и трудная служба за рубежом не прельщала их, каждый более или менее крупный землевладелец отлично сознавал, что отказом подчиниться королевской мобилизации он мог навлечь на себя неудовольствие короля. Кроме того, король нуждался в людях, которым на завоеванных землях он мог поручить административную работу. Это были люди типа сэра Джона Ассхетона (бывшего члена парламента от Ланкашира), сэра Томаса Ремпстона (рыцаря Подвязки и бывшего члена парламента от Ноттингемшира), сэра Роланда Лентхолла из Херфордшира, сэра Джона Радклиффа из Вэстморленда и других. Они стали воинами в солидном возрасте, приведя с собой собственных тяжеловооруженных воинов и лучников, хотя, как мы увидим, зачастую их ждали совсем другие дела. Для завоеваний за Ла-Маншем были мобилизованы не только пэры Англии, но все земельное дворянство, включая 30 членов парламента. Большая часть их участвовала в военных действиях в качестве простых тяжеловооруженных воинов.⁸ Они снискали себе славу наиболее воинственных помещиков Европы.

Генрих провел не только мобилизацию. Он заручился нейтралитетом герцога Бретанского. Бретань находилась в таких же отношениях с Францией, как Шотландия с Англией. Несмотря на то, что король Франции был теоретически господином герцога, между ними существовало древнее долговременное чувство разо-

бщенности, причиной которого служила разная национальная принадлежность. Правоведы Бретани утверждали, что «графство Бретань является отдельной, отличной от других земель страной». Их герцоги не только участвовали в церемонии коронации, проходившей в бретанской столице Рене, но у них существовал их собственный Орден Рыцарей Горностая, получивший свое наименование потому, что мех горностая был представлен на герцогском гербе и являлся знаменем Бретани.

В это время герцогом Бретани был Жан V (1399-1442), хитрый и не достойный доверия политик, у которого не было причин благоволить к Генриху, поскольку при Азенкуре был пленен его брат. Король тоже испытывал к нему страшную неприязнь. Он не забыл и не простил герцогу недавнего разгула на море его каперов. Тем не менее, герцог получил приглашение прибыть в Англию с визитом. По всей видимости, в Саутгемптоне он побывал в 1417 году. С тех пор англичане и бретанцы подписали пакет договоров, согласно которым они воздерживались от проведения военных действий друг против друга. Джон V сделал это скрепя сердце, однако неофициально немало бретонцев служило во французской армии. Несмотря ни на что, граф был реалистом. Хотя Плантагенетам он предпочел бы власть Валуа, тем не менее, он был преисполнен решимости оставаться на стороне победителей. Кроме того, по всей видимости, личность английского короля произвела на него сильное впечатление. Для Генриха жизненно важен был тот факт, что Бретань обязалась не принимать участия в конфликте и подписала мир. Это было значительное дипломатическое достижение.

В ноябре 1416 года автор «Деяний» записал: «Твердая решимость короля следующим летом отправиться за море, чтобы подчинить упрямец и сломить более, чем несокрушимое упорство французов, которое не могли смягчить ни нежное козлиное молоко, ни всепоглощающее вино мщения, ни даже самые радикальные переговоры». Он добавляет, что «целью Генриха было вернуть оба меча, французский и английский, в руки законного правительства, единого государя».⁹ Должно быть, он повторил собственные слова короля, который часто выражался такими терминами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ПАДЕНИЕ КАНА

«Вниз поползла стена и рухнула тогда на них!»

ИЗ РАБОТЫ ВЕГЕЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» (ПЕРЕВОД XV
ВЕКА)

*«Этот ураган Войны против нас был поднят
народом Англии»*

ЖАН ШАРТЬЕР «ХРОНИКА КАРЛА VII»

К марту 1417 года король начал собирать войска и корабли. Как и прежде, множество кораблей было зафрахтовано в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге. Кроме того, некоторое количество «купцов»* было получено от венецианцев, а также, несмотря на то, что генуэзцы в битве с англичанами потеряли изрядное число судов торгового флота, они, тем не менее, также снабдили Англию несколькими ботами. В конце апреля Генрих выехал из Лондона в Саутгемптон. Там велась такая же грандиозная подготовка, как и в 1415 году. Количество собранного там народа, голов скота, провизии, инструментов и оружия, по крайней мере, на один порядок превышало прежнее. В «Brut of England» («Ан-

* Имеются в виду торговые суда Генуи, которые были оснащены огнестрельным оружием, благодаря которому они могли принимать участие в морских сражениях. (Прим. ред.)

глия без прикрас») говорится об «орудиях, катапультах, всевозможных машинах, осадных укрытиях на колесах, защищенных против огня мокрыми кожами, осадных башнях, кожаных мостах, штурмовых лестницах, колотушках, лопатах, топорах, пиках, больших щитах на платформах для защиты во время стрельбы стрелков; луках со стрелами, лучных тетивах, копьях и бочках, набитых стрелами», что туда «приходили суда, груженные порохом».¹ Набрано было 12000 тяжеловооруженных воинов и лучников, а также, примерно, 30000 специалистов вспомогательного состава: саперов, механиков, оружейников, кузнецов, коновалов, канониров, камнетесов (для изготовления каменных ядер) и т. п. Флот, которому предстояло переправить их, насчитывал не менее 1500 единиц парусного флота. Вторжение было перенесено на конец лета, что было связано с действиями лорда Хантингдона по обеспечению безопасности со стороны генуэзских «купцов», которые состояли на службе во французском флоте. Но даже и после этого граф Марч получил приказ «прочесать море» и проверить, не грозит ли флоту какая другая опасность, хотя ничего опасного не предвиделось. Король с большим уважением относился к военным судам. Погрузка на корабли началась 23 июля. 30 июля его вторая армада вышла в море и направилась в сторону Франции. Его корабль отличался цветом главного паруса, сделанного из пурпурного шелка с изображением королевского герба.

Генрих намеревался не только вторгнуться в Нормандию, но и завоевать ее. Его интересовало только полное завоевание Нормандии. Герцогству предстояло стать второй Гиенью. Контроль над завоеванной территорией предполагалось осуществлять посредством ок-

купации городов, крепостей и замков, расположенных в стратегически важных местах. Количество занятых укреплений должно было быть максимальным, поскольку даже один малочисленный несдавшийся гарнизон на оккупированной территории, возглавляемый опытным командиром, мог перехватывать сообщения и провиант. Должно быть, у короля имелись карты местности, но до наших дней ни одна из них не дошла, иначе он никогда бы не смог с такой завидной точностью планировать предполагаемые операции. Говоря о воинских заслугах Генриха V, обычно вспоминают о его победе при Азенкуре, когда с помощью лучников ему удалось подавить конницу противника. Но он, в первую очередь, был артиллеристом, который выигрывал свои кампании во Франции, как и в Уэльсе, путем проведения осад. Его артиллерийский удар против французов сравним разве что с танковой атакой Гудериана 1940 года. После опустошительных походов Эдуарда III и Черного Принца города и селения по всей Северной Франции, бывшие в те времена в своем большинстве без крепостных укреплений, как и Кан, начали интенсивное строительство укреплений и крепостей, которые могли бы уберечь их от метаящих камни катапульт, саперов и штурмовых лестниц. В семидесятые годы XIV века во Франции англичанам не везло, вот тогда в артиллерии начались революционные преобразования. Раньше пушки могли стрелять только каменными или металлическими ядрами, максимальный вес которых не превышал 3 фунтов. Следовательно, при осаде их значение было невелико. Внезапно появилась возможность посылать снаряды весом более 800 фунтов. Новое смертоносное оружие англичане испытали в Уэльсе. В трактате о войне, посвященном лорду Беркли в 1408 году, гово-

рится о том, что «огромные пушки сегодняшнего дня способны стрелять камнями столь внушительных размеров, что никакая стена не в силах противостоять им, что было отлично продемонстрировано на севере страны и в Уэльсе». Применение таких орудий в осадной войне, правда, еще не было испытано во Франции, в чем Генрих был уверен почти наверняка. Можно было успешно уклониться от английских луков, что во время сражений с Черным Принцем в Аквитании продемонстрировал французский военачальник Бертран Дюгеклен, но против английских пушек защиты не было.

Если победа при Азенкуре ничуть не приблизила Генриха к трону Франции, то, во всяком случае, она дала ему уверенность в том, что французы никогда не осмелятся встретиться с ним в генеральном сражении. На этой уверенности он и построил свой план покорения Франции. Будучи стратегом от Бога, он, как никто другой, понимал значение времени и умение рассчитывать, как с максимальной отдачей использовать минимальную живую силу. По оценкам специалистов, количество боеспособных воинов в Англии в период правления Генриха V не превышало 15000 человек. Его метод состоял в том, чтобы как можно быстрее захватить линию укреплений, находящихся на рубежах, откуда можно было бы ожидать контратаки французов. Затем он мог заниматься захватом городов, крепостей и замков на территории, лежащей за линией укреплений. Поскольку французы не осмелятся проникнуть в обороняемые укрепления, то обстреливать, взрывать и осаждать города, вынуждая их сдаться, он мог без всякой спешки. Ему не было нужды проводить дорогостоящие штурмы. Операции обычно завершались расположением во взятом пункте небольшого английского

гарнизона, численность которого порой была весьма скромной. Дальнейшее покорение французской территории он продолжал, захватывая очередную линию французских оборонительных сооружений. Широко применялась Генрихом шпионская сеть, впервые используемая им, по всей видимости, при продвижении в направлении к Кале. Их задача состояла в том, чтобы следить за продвижением вражеских войск, раскрывать их цели. Все это сопровождалось нескончаемой дипломатической работой. По словам Жана Шарти, Генрих был «хитроумным завоевателем».²

Французы не могли не знать о военном приготвлении за Ла-Маншем и о скором прибытии армады. Они испытывали чрезвычайную тревогу, как и англичане в 1588 году, ожидая прибытия испанской армады. Но ввиду того, что Бедфорд и Хандингдон нанесли им поражение, кораблей, чтобы пойти на перехват флота вторжения, у них не было. По вполне понятным причинам, они ожидали, что высадка англичан произойдет в Гарфлере, хотя некоторые все же полагали, что противник может высадиться где-нибудь в районе Булони. Как и раньше, пункт назначения Генрих сохранял в тайне до самого последнего момента. Но вместо Гарфлера и Северного берега Сены, он причалил в устье маленькой речушки Тук (между современными курортами Довиль и Трувиль), высадившись на южном берегу. Небольшой отряд противника, насчитывавший всего 500 всадников, был стремительно отброшен назад. После высадки на берег король отслужил благодарственный молебен, посвятив в рыцари 46 человек и назначив Кларенса официальным главнокомандующим армией. Затем он разбил лагерь и поручил Хантингдону и Солсбери захватить крепости Бонвиль и Овильер, которые явля-

лись наиболее близкими оборонительными сооружениями неприятеля и которые сдались почти без боя. Затем он отправил разведывательный отряд вверх по течению реки Тук для проведения рекогносцировки. Ее стратегическая цель — захват Нижней Нормандии (Нормандию южнее Сены), а пока ему предстояло взять ее столицу Кан, второй по величине город герцогства. В течение первых трех дней после высадки на французский берег, Кларенс продвинулся вверх по течению Тука и взял город Лизьё, внушив такой ужас, что все его население обратилось в бегство, оставив в городке только двух престарелых калек. К 14 августу Кларенс оккупировал предместье Кана.

Основным достоверным источником информации относительно английского вторжения является Томас Базен. Нормандец, родившийся в 1412 году в Кодебеке, он во время английского вторжения учился в Париже и в 1442 году получил назначение на должность епископа в Лизье. Ему исполнилось почти сорок, когда он стал подданным французского короля, а до тех пор был английским чиновником. Он написал историю Карла VII, его сына и наследника престола, Людовика XI, получив от последнего задание изучить тяжелую обстановку в разоренных войной провинциях и внести предложения по преодолению ее. Он вспоминает о 1417 годе:

«Трудно выразить словами, какой ужас вызывало у населения [Нормандии] одно имя англичан; страх такой всеобъемлющий, что почти никто не знал о ином пути к спасению, кроме бегства. Если в большинстве городов и крепостей капитаны, у которых были гарнизоны, не запирали бы ворот и если бы население не удерживалось в узде силой и страхом, то можно ничуть не

сомневаться в том, что все они были бы полностью опустошены, что и случилось в некоторых местах. В самом деле, большинство людей, избалованные долгим периодом мира и правопорядка, по простоте душевной полагали, что англичане не были такими же людьми, как и все, а скорее походили на диких зверей, исполнских и свирепых, которые собирались наброситься на них и сожрать».³

Опыт Базена и его собственной семьи, пережитый ими в тот год, был разделен и другими жителями Нормандии, как богатыми, так и бедными. Отец Базена был преуспевающим горожанином Кодебека. При приближении англичан в 1417 году он с женой и детьми сбежал в Вернон, но голод и чума, занесенные потоком беженцев, прогнали их оттуда. После чего они искали спасения в Руане и Фале, а затем снова вернулись в Руан. Они сбежали оттуда, отправившись морем в Нант в Бретани, незадолго до того, как англичане отрезали доступы к городу. В 1419 году семья вернулась в Кодебек. Но к 1431 году обстановка стала настолько опасной, что старший Базен отправился искать спасения в Руане, где умер в нищете и бедности. Это постоянное бегство от врага с теми немногими пожитками, что люди могли увезти с собой, навьючив на лошадей (если повезло) или уложив на повозки, походило на ситуацию, которая возникла во Франции в 1940 году во время германской оккупации. Единственная разница заключалась в том, что опасность, грозившая населению от английских войск в пятнадцатом веке, была куда большей, чем от германских в двадцатом. Средневековое войско, не находившееся на поле битвы, не отличалось особой дисциплинированностью. Во всяком случае, несмотря на постоянно издаваемые Генри-

хом приказы о том, что женщины и священники не должны подвергаться никаким опасностям, он хотел усмирить нормандцев на первом же этапе своей кампании.

В недавнем прошлом нормандцам уже довелось испытать жестокость и зверства оккупантов. В 1403 году английские войска уже опустошали графство Ко, в 1410 сожгли Фекан и еще раз опустошили графство Ко в 1413. Со дня оккупации Гарфлера гарнизон его неоднократно осуществлял победоносные набеги на нормандские населенные пункты. Нормандские рыбаки и купцы жили в постоянном страхе от английских каперов, особенно после того, как «Корабль короля» взял воды пролива под свой контроль. Монах из Сен-Дени вторит Базену: «Люди не могли думать ни о чем другом, кроме укрытия где-нибудь в хорошо защищенном месте, словно пытались убежать от грозы с громом и молнией».⁴

Было известно, что новый дофин Карл пребывал в Руане, так что англичане на пути в Кан без усталости следили за ним, — предположительно, посредством шпионов и разведчиков. Тем не менее, дофин был сильно расстроен известием о том, что герцог Бургундский в конце июня захватил Труа и двигался теперь в направлении Парижа. Поскольку советники дофина и все эксперты считали Кан неприступным, он решил вернуться в столицу, чтобы оказаться там, где опасность представлялась наиболее реальной. По всей видимости, его военный совет был удивлен тем, что Генрих не начал немедленную осаду Руана, что было более логичным решением, хотя и не лишенным опасности для оккупантов.

Вместо этого король планировал пересечь Нормандию с севера на юг, разрезав ее тем самым на две

части, силой заставить графов Анжуйских принять нейтральную сторону, а затем, установив контроль над Сеной выше Руана, лишить город сообщения с Парижем, начать осаду нормандской столицы — Кан, главного города Западной Нормандии, который был ключевым пунктом первой стадии операции. Захват его обеспечил бы плацдарм для завоевания всей западной Нормандии и для осуществления второго этапа плана. Кроме того, в Кане имелся прекрасный порт, легко достигаемый из Англии. Несомненно, что эта операция была разработана Генрихом.

К 18 августа король встретился с авангардом Кларенса и окружил Кан. Это был богатый город, богатство которого достигалось за счет производства тканей и активной деятельности речного порта. Население его могло достигать 40000 человек. Он был знаменит своими замечательными храмами, их насчитывалось свыше сорока. В Нормандии его называли «городом церквей». (В результате сражения 1944 года от старого Кана почти ничего не уцелело, все погибло в пламени пожаров, разрушение было довершено современным развитием кошмарной индустриальной базы города, но все же уцелело несколько памятников средневековья.) Блокада города была полной. Как бы то ни было, но предположение советников дофина частично оправдалось: взять город оказалось делом нелегким. Нижняя часть его, или Новый город, была надежно защищена рекой Орн, имеющей множество ответвлений, что фактически превращало новый город в остров; в то время, как верхняя его часть, или Старый город, возвышался на крутом склоне холма за стенами мощного укрепления. Стены с многочисленными башнями, укрепленные рвами, утыканными кольями и с волчьими ямами,

были совершенно новыми и находились в прекрасном состоянии.

Но, к счастью, герцог Кларенс за две недели до этого побывал в предместьях города и захватил два ключевых опорных пункта до того, как их защитники смогли уничтожить их: женский и мужской монастыри. Сначала он решил не трогать их. Но когда он в доспехах, положив голову на камень, прилег отдохнуть на траву в маленьком садике, к нему ввели монаха, отчаянно желавшего спасти свой монастырь, он сообщил Кларенсу, что мужской монастырь собираются взрывать. Кларенс тотчас распорядился принести штурмовые лестницы и в ночной темноте монастырь был взят. Со вторым монастырем он поступил так же.

Тем временем население Кана, которое самонадеянно полагало, что их укрепления неприступны, вскоре убедилось, что их фортификационные сооружения уже устарели. Мужской монастырь (основанный Вильгельмом Завоевателем, который по иронии судьбы был похоронен на его территории) стоит еще и сегодня, в 600 ярдах к западу от городских стен. Свою штабквартиру и наиболее тяжелые орудия Генрих разместил за толстыми стенами аббатства. Отсюда последние вели обстрел крепостного вала тяжелыми пушечными ядрами, сосредоточив всю силу удара по одному месту фортификационного сооружения. Башни и крыши монастыря стали платформой для легких кульверин, которые при поддержке лучников могли обстреливать городскую зону внутри крепости. Женский монастырь, располагавшийся с восточной стороны города (основанный женой Вильгельма Завоевателя), служил еще одной площадкой для размещения орудий, расположенной еще ближе к городским стенам. С двух сторон пушки под

прикрытием земляных сооружений и деревянных щитов были размещены еще ближе. Ни днем, ни ночью не прекращался жестокий обстрел города. Английские пушки были настолько велики, что от первого выстрела окна в мужском монастыре растрескались. Монах из Сен-Дени слышал, что «они в страшных клубах черного дыма метали исполинские камни, производившие громopodobный шум, так что можно было подумать, что они извергают пламя преисподней». Он добавляет, что малые пушки обрушивали на них «град свинцовых шаров». ⁵ Обстрел этот велся с удивительной скоростью. Прimitивный патрон представлял собой коробку, наполненную порохом, поверх которого укладывалось небольшое ядро, и все это помещалось в казенную часть.

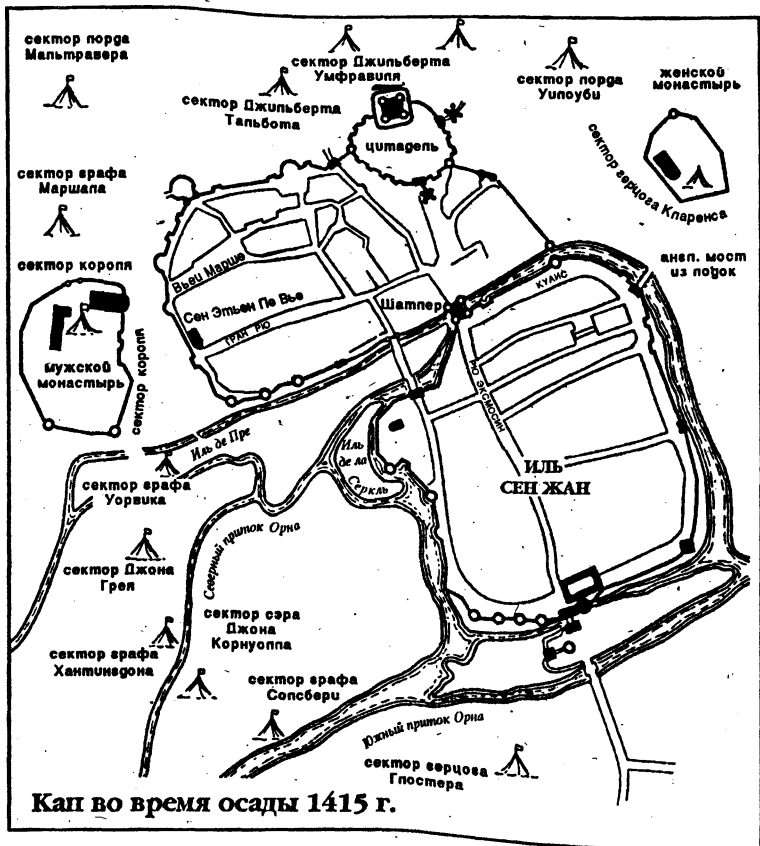
Затем обстрел сосредоточился на Новом городе, который мог отвечать бесполезным огнем из малых орудий, расположенных на стенах укрепления. Кроме каменных ядер, англичане использовали также полые чугунные шары, наполненные горячей паклей. Если первые разрушали каменные здания, разбрасывая вокруг себя смертоносные осколки (таким образом было уничтожено несколько цервей), то вторые подожгли немало деревянных построек. В дополнение англичане устраивали под стенами подкопы и взрывы, однако особого эффекта они не давали, поскольку защитники устанавливали на бастионах огромные бочки с водой, а также, обнаружив подкоп по колебаниям почвы, начинали рыть встречные тоннели, чтобы атаковать противника под землей.

Вскоре в стене образовалось уже несколько пробоин. В ночное время, когда не грозил град стрел, жители заделывали их камнями, балками, мешками с песком,

рыли позади них траншеи и устанавливали в них колья. Король призывал жителей сдаться, в противном случае помилования им не ожидать. На этот призыв город ответил открытым неповиновением.

В начале сентября с подкреплением прибыл граф Марч. Он высадился у Сен-Ваа, затем прошел маршем по богатому Котантену, убивая и грабя население, и оставляя после себя пепелища. С его прибытием король решил пойти на штурм города.

Утром 4 сентября, прослушав три мессы, король отдал приказ об общем наступлении на Нижнюю часть города. Ходили слухи, что его вдохновило видение горящего креста. Первый приступ был отбит, поскольку на атакующих обрушились потоки горящего масла и кипятка, тучи негашеной извести, а также град арбалетных стрел и камней. Один молодой англичанин, сэр Эдмунд Спрингхаус, свалившийся в траншею, был сожжен французами заживо, так как они сбросили на него горящую скирду соломы, чем привели его товарищей в неописуемую ярость. Генрих велел идти на штурм второму, затем и третьему отряду тяжеловооруженных воинов. Ворвавшись в бреши, они сходились с противником в рукопашном бою. Защитники внезапно услышали шум за своими спинами, испугались и сдали свои рубежи. Это Кларенс начал одновременную атаку с противоположной стороны нового города. Человек по имени Гарри Инглес, перебравшись через груды мусора, возглавил отряд воинов герцога, пробивавшихся к центру города. В центре произошло встреча царственных братьев и они, объединив усилия, стали крушить остатки обороны. Если верить хроникам, то победители затем стали сгонять всех из уцелевшего населения, кого могли найти, невзирая на пол или возраст, на рыноч-

ную площадь, где по приказу Генриха не менее 2000 человек были злодейски убиты. Кровь потоками устремилась по улицам. Король приказал прекратить расправу только тогда, когда увидел обезглавленное тело женщины, с припавшим к груди младенцем, который продолжал сосать грудь. Воскликнув «Навос!»* он отдал город на разграбление солдатам. (Все более или менее ценное надлежало, однако, сдавать командирам.) Толпы людей, когда Генрих проходил мимо, падали на колени и молили о пощаде. 5 сентября в Лондон ушло письмо, скрепленное его печатью, как всегда любезное, адресованное мэру и олдерменам. «В результате приступа с малыми потерями наших людей Бог своей высокой милостью ниспослал нам наш город Кан... мы и наше воинство пребываем в хорошем достатке и добром здравии». Один из наиболее крупных историков короля Вога (Waugh) написал: «Для нашего чувства гордости национальным героем унижительно слышать голос тех, кто пострадал от его тяжелой руки, так как, когда сломленный дух французов начал оживать, отвратительная резня в Кане была первой, о чем они вспомнили». (Это заявление со стороны Вога может быть вполне объективным, но оно в то же время является хорошим примером субъективности суждения в пользу Генриха, которой все еще подвержены английские историки.⁶⁾

Старый город и крепость сдались через 16 дней. Возможно, цитадель могла бы продержаться многие месяцы, но боевой дух ее защитников был подорван той граничащей с высокомерием легкостью, с которой воины Генриха взяли Старый город, укрепленные стены которого считались практически неприступными. По

* сигнал к мародерству и грабежу

всей видимости, слишком мала была возлагаемая ими надежда на способность справиться со столь страшным противником. Более того, с тонко продуманной сдержанностью он предложил им невероятно щедрые условия: мужчинам было разрешено покинуть город, взяв с собой оружие и до 2000 золотых крон, а женщинам сохранить драгоценности.

Слух о падении Кана и об учиненной там кровавой расправе над жителями быстро распространился. В Венеции Антонио Морозини получил письма, написанные защитником города, в которых сообщалось, что король «приказал своим подданным, баронам и рыцарям, и всем солдатам убивать и разрывать на куски всех, кого они смогут найти, начиная от двенадцатилетнего возраста, не щадя никого... никто никогда не слышал, чтобы раньше совершалось подобное бесчестие [pequicia]». ⁷ Генрих на Нормандию нагнал куда больше страха, чем рассчитывал. Монах из Сен-Дени сообщает, что «взятием города Кана король Англии внушил нормандцам такой ужас, что они потеряли все свое мужество». ⁸ Теперь у него был плацдарм, откуда он мог начать дальнейшее завоевание Нижней Нормандии, имея возможность получать быстрое подкрепление из Англии, поскольку корабли по Орну могли подниматься до самого Кана. Мраморные разработки Кана обеспечивали его прекрасным материалом для пушечных ядер. Как и в Гарфлере, он вел себя как завоеватель, в намерения которого входило остаться здесь навсегда. Цитадель — большая квадратная сторожевая башня из белого камня с четырьмя башенками по углам, очень похожая на лондонский Тауэр, стала одной из любимейших его личных резиденций. Будучи исключительно благочестивым, он немедленно устроил

в ней роскошно убранную королевскую часовню. В городе он вскоре конфисковал лучшее из домов, предназначив их для английских поселенцев. Не менее 500 горожан (предполагается, что цифра эта равнялась 2000) предпочли лучше покинуть насиженные места, чем остаться под владычеством англичан.

Французы, все еще катастрофически разобщенные на два враждующих лагеря — арманьяков и бургундцев, обескровленные бесконечной гражданской войной, были не в силах объединиться, чтобы лишить англичан преимущественной ситуации. Как бы то ни было, но бургундцы, похоже, стали одерживать верх. За успехами герцога Жана Генрих наблюдал с нарастающим беспокойством. Несмотря на то, что герцог Бургундский являлся союзником англичан, тем не менее, он был Валуа и француз. В случае своей удачи после взятия Парижа и обретения центральной власти, было очевидно, что он обратит свои силы против оккупантов.

Таким образом, король сосредоточил всё свое внимание на Западной Нормандии, стараясь, невзирая на приближение зимы, захватить как можно большую территорию. Несомненно, что нормандцы рассчитывали, что он станет дожидаться весны, как подсказывал былой опыт, а это даст им временную передышку. Но их ждал неприятный сюрприз. Генрих нанес удар в южном направлении, в сторону Руана. Его главнейшая цель состояла в том, чтобы отрезать от Франции сначала Нижнюю Нормандию, а затем и Верхнюю, лишив ее надежды на помощь как со стороны бургундцев, так и арманьяков.

В то время Хандингдон и Глостер были заняты тем, что прочесывали западную половину герцогства. С этим заданием они справлялись энергично и небезуспешно.

Остальные войска англичан, которые не могли быть слишком многочисленны, вторглись на юге в Мен и герцогство Алансон. Монах из Сен-Дени записал, что с собой они принесли «огонь и кровь, силой оружия, угрозами и страхом заставив всех подчиниться им», взяв приступом все замки.⁹ «Сопротивления им почти не оказывали, за исключением нескольких «бедных товарищей», что продержались в лесу»¹⁰, узнаем мы от Жювеналя дез Урсена. (Фраза «бедные товарищи» встречается довольно часто в записях Жювналя, по всей видимости, она означает сторонников дела арманьяка, а позже дофина.) Он сообщает нам о том, что «всякий раз, когда англичане ловили их, то некоторых отправляли в крепости, а других сбрасывали в реку». Должно быть, в реку сбрасывали людей связанными, смертная казнь через утопление была одним из излюбленных английских методов, применяемых ими с целью избавления от нежелательных пленных, кто не мог заплатить за себя выкуп. Такая казнь получила широкое распространение во время кампаний в Уэльсе. Временами и сам Генрих прибегал к этому способу.

В декабре король начал осаду Фалеза, родного города и любимой крепости своего предшественника — Вильгельма Завоевателя. Расположенная на огромном утесе над городом, цитадель была совершенно неприступной. Командовал ее гарнизоном один из самых выдающихся и достойных солдат — сир Оливье де Монти, знаменосец королевского знамени Карла VI и хранитель орифламмы, — боевого знамени Франции. Вскоре установилась жесткая, морозная погода. «Страшно холодный ветер печалил как людей, так и животных», — повествует «Первая жизнь». Но король распорядился, чтобы из бревен и дерна построили хижины, поскольку палатки от холода

не спасали. Он окружил их трапшеями и частоколом, «когда сооружения были готовы, они были ничуть не хуже того города, что скрывался за стенами». Как и при Кане, его артиллерия денно и нощно вела беспрестанный огонь, в результате которого были разрушены дома, церкви и башня с городскими часами. Рождество король встретил в импровизированном городке, содрогавшимся под ураганными ветрами. «Интересно, что жестокая зима оказалась одинаково тяжким испытанием для обеих сторон, поскольку вся вода в долине замерзла, застыв настолько, что казалась хрусталем или, скорее, другим твердым минералом, чем водой».¹¹ Применяя ядра, имевшие в диаметре 2 фута, Генрих 2 января, на восьмой день Рождества, наконец, пробил в стене брешь, в результате чего город сдался.

Но и в этих условиях цитадель Фалеза на высокой скале для пушек Генриха оставалась недосыгаемой. Подкопать под скалу, на которой она высилась, оказалось невозможно. Тогда он пошел другим путем, пустив в дело покрытые мокрой кожей мобильные укрытия, установив их у подножия крепостного вала со стороны города. Под их защитой к работе приступил отряд механиков. Качество осадной техники, привезенной Генрихом из Англии, еще раз подтвердило свою ценность. Находившиеся в укрытии механики с помощью ваг (аншпугов) сумели разрушить каменную кладку. 16 февраля 1418 года цитадель сдалась. Среди пленников оказался валлиец Эдуард Груффид, не простивший, как видно, англичанам, что они сделали в Уэльсе. Генрих велел повесить его, затем выпотрошить и четвертовать. Его останки были прибиты к воротам Кана, Лизьё, Вернейля и Алансона. Английский король сумел взять одну из наиболее сильных крепостей Франции, своего

рода Верден тех дней. Моральному духу нормандцев был нанесен действительно сокрушительный удар. Началась повсеместная сдача городов и замков на милость английских завоевателей. И дело было не только в том ужасе, который внушала воинская доблесть английского короля, как объясняет Пьер де Фенен, дворянин и близкий человек Карла VI, нормандцы «из-за существовавшей тогда распри между феодалами Франции не видели ни малейшей надежды на избавление».

Монах из Сен-Дени пишет, что его перо ни в силах передать, какое негодование среди французов вызывало «хвастовство» Генриха. Когда к Карлу VI временно вернулась ясность рассудка, он, «размышляя над причиной такой заносчивости врага, которая превосходила ту неукротимую ненависть, что расколола [французское] воинство, почувствовал себя болезненно уязвленным». Он сообщает нам, что многие хорошо укрепленные замки в Нормандии сдавались английскому королю «не в ответ на проявление одной силы, а прислушавшись к его посулам. Поскольку своим словом принца он гарантировал всем, кто сдастся, освобождение от налогов, свободу выбора занятия сельским хозяйством или торговлей, а также восстановление всех привилегий, которыми они пользовались во времена Людовика Святого, покойного короля Франции, при одном условии, что они станут носить на плечах красный крест Святого Георгия. В то же время он злоупотреблял правом королей наказывать непослушных. Каждый, кто отвергал его призывы [сдаться] и кто попадался ему с оружием в руках, предварительно замеченный в грабежах и мародёрстве, осуждался на смерть как виновный в оскорблении его величества. Если же среди виновных встречались слишком юные правонарушители, не способные еще носить ору-

жие, или слишком старые, их подвергали жестоким пыткам, после чего отправляли в изгнание. Даже матерям с детьми приходилось покидать родимый дом, исключение составляли только те женщины, кто соглашался сочетаться браком с англичанами». ¹²

Тем не менее, монах дает нам представление о том, каким был Генрих на самом деле. По всему видно, что тот, должно быть, обладал незаурядным обаянием. «Французские пленные, возвращавшиеся домой, чтобы организовать выплату выкупа, получившие в плену представление о характере короля, говорили, что этот принц, внешность и разговор которого свидетельствуют о чрезмерной гордости и который повсеместно считается очень мстительным, тем не менее, ведет себя достойно короля, и если по отношению к мятежникам он безжалостен, то к тем, кто подчинялся ему, он относился с исключительным тактом и старался изо всех сил, чтобы другие также проявляли к ним уважение и доброту. Он знал, что подобное поведение многим принцам позволило расширить свои владения». ¹³

Впечатление о достоинстве короля подтверждается также в изложении монахом сообщений о короле, сделанных французскими посланниками в следующем году. Они восхваляли его доброжелательность, учтивость и щедрость, упомянув также о том, какими дорогими подарками наградил он их. Они сказали монаху, что «он был принцем с замечательной внешностью и властной осанкой и несмотря на то, что все в его взгляде свидетельствовало о гордости, тем не менее, он считал долгом чести, невзирая на положение и звания, относиться с величайшей любезностью. Стараясь избегать длинный пустых речей, к которым люди обычно склонны, он всегда переходил прямо к делу, ограничи-

ваясь тем, что произносил: «Это невозможно» или «Это должно быть сделано». Когда он произносил такие простые слова, казалось, что он считает себя обязанным выполнить сказанное, так, как если бы он поклялся перед Христом или Его святыми. Дотошный поборник справедливости, он знал, как возвысить смиренных и унижить могущественных». ¹⁴

К весне 1418 года король достиг своей первой стратегической цели: захватил всю Нижнюю Нормандию от Эвре до Шербурга. Вся завоеванная территория находилась под административным управлением четырех байлифов: сэра Джона Радклиффа в Эврѐ, сэра Джона Попхема в Кане, сэра Роланда Лентхолла в Алансоне и сэра Джона Ассхетона в Шербуре. Административным центром был Кан, где пребывал английский канцлер Нормандского герцогства и где *chambre des comptes* (палата расчетов) получила английского правителя. Вскоре там, где планировалось устроить вторую столицу новой Гиени, предполагалось основать монетный двор. Генрих применял метод «кнута и пряника», который на его взгляд был особенно эффективен, в чем он имел возможность убедиться еще в Уэльсе. Приручить новых подданных он сумел, попеременно терроризируя и поощряя нормандцев. Любой, чей доход не превышал 60 фунтов в год, мог принести клятву верности королю-герцогу, вследствие чего получал (при оплате 10 пенсов) «свидетельство преданности».

По словам Тито Ливио из Форли, биографа Генриха V, жившего с ним почти в одно время, король почти весь Великий пост и Пасху провел в молитвах, постясь, раздавая милостыни и совершая ночные бдения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПАДЕНИЕ РУАНА

*«... даже железо не бьет
Так сильно, как волг, когда нет пищи».*

ИЗ РАБОТЫ ВЕГЕЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО»
(ПЕРЕВОД XV ВЕКА)

*«Французам день страшного суда
Не показался бы таким ужасным,
Каким его был Вид»*

ШЕКСПИР «КОРОЛЬ ГЕНРИХ V»

1 июня 1418 года Генрих вышел из Кана, чтобы начать завоевание Верхней Нормандии. Его главной целью была столица герцогства – Руан. Неделю спустя, он прибыл в Лувьер, небольшой, но хорошо укрепленный город, защищенный тройной стеной, большими бастионами и многочисленными башнями, на которых были установлены орудия всевозможных типов и размеров. Чтобы сделать подкоп под тройные стены, король применил хитроумную осадную машину, а для их разрушения он с привычным мастерством использовал собственную артиллерию. При этом он едва не погиб, что ему совсем не понравилось. Пока он совещался с графом Солсбери, находясь в шатре последнего, вылетевшее из-за городских стен ядро угодило в палатку и едва не погубило их. Несмотря на то, что Лувье имел

репутацию города с хорошими фортификационными сооружениями, через две недели он пал. Король довольно быстро схватил канониров, которые вели обстрел палатки Солсбери и повесил их на высоких виселицах.

Но еще до того, как Генрих подошел к стенам Лувье, его настигла тревожная весть о развитии событий в Париже, которые коренным образом изменили политическое положение во Франции. 29 мая капитан бургундцев Жан Вильер с острова Адам взял Париж. Ночью он вместе со своими людьми был тайно впущен в Париж сторонником бургундцев, торговцем скобяными и железными изделиями, который открыл им Сен-Жерменские ворота. Деспотичный Бернар Арманьяк вместе со своими приверженцами был брошен в темницу. Две недели спустя толпа бургундцев ворвалась в тюрьмы и выволокла узников на улицы, где была учинена кровавая расправа над тысячами людей, включая женщин и детей: нагое и безобразно изуродованное тело графа Бернара, подвергнутое осквернению, три дня провалялось в канаве. Настоятелю кафедрального собора Парижа, стороннику Арманьяка, Танги (Tappeguy) де Шастелю удалось бежать вместе с молодым дофином, чтобы присоединиться к арманьякам за пределами столицы. Но теперь Париж был в руках герцога Бургундского и тот был преисполнен решимости спасти его от англичан.

Герцог тотчас забыл о своих союзнических обещаниях королю Англии и занялся укреплением Понт-дел'Арша, крепости, служившей охраной Сене, как раз в том месте, где король намеревался перейти ее, чтобы направиться на Руан. Это была досадная неудача, поскольку Сена в других местах была глубокой и широкой. С южной стороны (откуда шел Генрих) мост с мощными фортификационными укреплениями охранял-

ся стеной и заполненным водой рвом. На северном берегу стояли надежные укрепления с обилием орудий. Защитниками на многие мили вокруг были уничтожены все лодки.

Река имела 400 ярдов в ширину и перейти ее вброд не представлялось возможным. Северный ее берег к тому же охранялся бургундскими войсками, присланными герцогом Жаном. Король отобрал лучших пловцов и приказал им попытаться достать потопленные лодки, но вражеский пушечный огонь и град стрел, пущенных из арбалетов, не позволил им сделать этого. Тогда Генрих распорядился соорудить квадратные лодки из кож и ивовых прутьев. Должно быть, эту идею ему подали рыбацьи плетеные лодки, обтянутые кожей, виденные им в Уэльсе. Между южным берегом и серединой реки были разбросаны крохотные островки, так что из шестов и кож можно было соорудить понтонные мосты и тем самым сократить расстояние вдвое. Незадолго до рассвета 14 июля сэр Жан Корнуолл с шестьюдесятью тяжеловооруженными воинами под прикрытием лучников пересек оставшийся отрезок пути на кожаных лодках. Позади них с двумя или тремя легкими пушками плыла лошадь. Корнуолл был в таком приподнятом настроении, что, оказавшись на другом берегу, возвел в рыцари своего тринадцатилетнего сына, которого взял с собой. Предместье было срочно укреплено и усилено. Тогда же на оказавшихся бесценными кожаных лодках был наведен полновесный мост, по которому на другую сторону переправились 5000 англичан, и герцог Кларенс вынудил форт сдаться». Самый благочестивый король... упал на колени и самозабвенно поблагодарил бессмертного Господа». 20 июля Понт-дел'Арш, которому ничего не оставалось делать, сдался.

Монстреле записал, что в Понт-де-л'Арш король оставил сильный гарнизон, «в страхе перед которым большая часть крестьянства побросала свое добро и обратилась в бегство». ¹ Теперь у Генриха не только был мост через Сену, но, поскольку он перекрывал реку и имел фортификационные сооружения, позволявшие контролировать речной транспорт, Руан в семи милях вниз по течению реки теперь был надежно отрезан от Парижа. Нормандская столица внезапно оказалась в полной изоляции, лишённая какой-либо надежды на помощь или материальное обеспечение. Король получил возможность начать неспешную осаду места, которое, как явствовало из его собственного описания, данного в письме, адресованном своим подданным в Лондоне, было «кроме Парижа самым замечательным местом во Франции».

Руан и в самом деле был замечателен, один из богатейших и красивейших французских городов с населением свыше 70000 человек. Его ткани и творения ювелиров, в обычные времена легко перевозимые в столицу по реке, были основными предметами торговли роскошных парижских лавок. Кроме красоты собора и множества богатых аббатств и монастырей, город мог похвастаться почти 70 церквями, которые находились внутри его стен. Дома состоятельных горожан, не жалевших денег на их строительство и обстановку, славились богатейшим убранством. Места собраний горожан по роскоши намного превосходили таковые в Англии.

Кроме того, что этот город был одним из богатейших и красивейших во Франции, он к тому же обладал мощными оборонительными сооружениями. В нем имелся 5000-ое войско тяжеловооруженных воинов, командовал которым капитан Руана Ги ле Бутейлер, норманд-

ский дворянин с большим опытом и недюжинными командирскими способностями. Здесь же находился 15000-й отряд милиции (народного ополчения), куда входила знаменитая группа отборных арбалетчиков под командованием Алена Бланшара, еще одного испытанного воина. Артиллерией; насчитывавшей большое количество пушек; командовал выдающийся канонир Жан Журден, под началом которого находилось 2000 человек. Все руанцы были совершенно уверены в надежности и неуязвимости высоких массивных городских стен, протянувшихся на 5 миль. Для защиты от пушечного огня они были укреплены земляными насыпями. Стена имела шестьдесят башенок и пять круглых выступающих башен, которые защищали пять огромных ворот. На всем протяжении были установлены пушки. Каждая башня имела по три орудия, направленные под разными углами. Между башнями на стене стояли хорошо утрамбованные земляные насыпи и готовые к бою по одной крупнокалиберной пушке. На стене, на равном расстоянии друг от друга, располагались мелкокалиберные орудия, позволявшие вести обстрел на дальнюю и ближнюю дистанцию. Кроме того, между башнями на парапете имелось восемь мелкокалиберных орудий для ведения ближнего боя. У каждого ворот стояли катапульты. (Эти подробности дает английский очевидец событий Джон Пейдж.)² Городской ров с трех сторон был углублен и заполнен волчьими ямами, так как не был прикрыт Сеной. Предместья города были безжалостно разрушены, даже храмы превратили в груды развалин. В городе было прекрасное обеспечение водой и у горожан имелось достаточно времени, чтобы обеспечить себя запасами продовольствия. Так велика была уверенность гарнизона в своей способности отбить любую атаку,

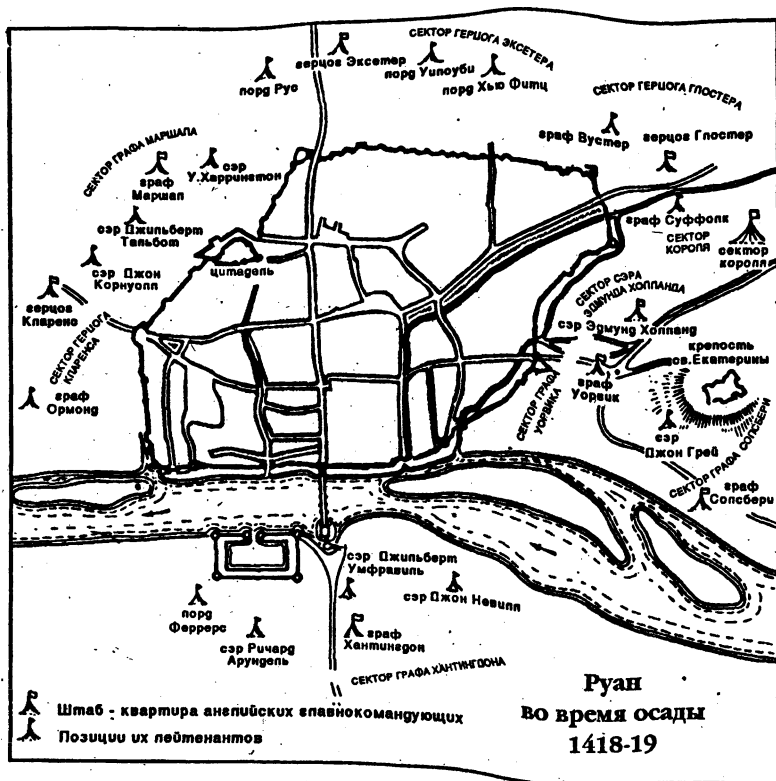
что город давал приют всем беженцам, откуда бы они ни прибыли. Но самым главным было то, что герцог Бургундский дал слово чести, что бы ни случилось, городу он придет на выручку.

Генрих со своей армией подошел к стенам Руана в полночь 31 июля. Утром, когда руанцы пробудились ото сна, то обнаружили, что со всех сторон окружены английскими войсками. Король отлично знал психологическую сторону ведения войны. Он разбил пять укрепленных лагерей, связанных между собой траншеями. Свою штаб-квартиру он расположил в Картезианском монастыре в 1200 ярдах от восточной стены. Кларенс разместился с западной стороны в частично разрушенном монастыре, Эксетер — на севере и Хундингдон — на юге, на дальнем берегу среди развалин того, что раньше было окрестностями Сен-Севра. Глостер остановился немного севернее Генриха. Обреченный город со стороны реки был изолирован тремя огромными цепными заграждениями, растянутыми поперек Сены с помощью нескольких военных кораблей, которые поставили на колеса и с распущенными парусами для облегчения передвижения доставили к месту по суше. Сухопутный путь был протяженностью свыше четырех миль. В пяти милях выше Руана через реку был построен деревянный мост, оказавшийся значительным достижением военной инженерии того времени. Англичане нарекли его «Мостом Св. Георгия». В дно реки были вбиты сваи, между ними натянуты цепи, на которых был сдлан деревянный настил. Сплошная линия осады нарушалась только укрепленным аббатством и фортом Святой Катерины на крутом склоне холма того же имени, что находились на востоке всего в нескольких сотнях ярдов южнее штаб-квартиры короля. Она была

частично защищена полоской болотистой земли и ее пушка полностью контролировала ведущую из Парижа дорогу, на которой с минуты на минуту мог появиться герцог Бургундский со своей армией. Еще одной занозой в боку англичан был Кодебек, городок, располагавшийся в нескольких милях вниз по течению, гарнизон и орудия которого представляли опасность для идущих вверх по течению кораблей, подвозивших англичанам провиант и пополнение. Но 2 сентября Солсбери штурмом взял холм Святой Катерины, а неделю спустя Уорвик с боями завладел Кодебеком.

Судя по той уверенности, которая прозвучала в письме Генриха, написанном 16 августа мэру и олдерменам, в котором он просил о проведении мероприятия, сродни эвакуации из Дюнкерка,* только наоборот, падения Кодебека король ожидал. В нем говорилось: «И молю вас о том, чтобы со всевозможной поспешностью вы вооружили так много мелких судов, сколько сможете, нагрузив их провиантом и особенно выпивкой, и отправили их в Гарфлер, откуда они могли бы подняться вверх по реке Сене в сторону Руана, имея на борту упомянутый провиант для придания сил нам и нашему воинству». Лондон с великодушием ответил. Вместе с письмом он прислал «тридцать больших бочек сладкого вина, десять тирского, десять рейнского, десять мальвазии, тысячу бочонков эля и пива с двумя тысячами пятьюстами кубками, из которых ваше воинство могло бы пить».³

* С 27 мая по 4 июня 1940 г. из Дюнкерка на 861 судне была переправлена в Англию англо-французская армия в количестве 338226 солдат. (см. К. Типпельскирх. История второй мировой войны. 1-й стр. 83) (Прим. ред.)

Суть его стратегии была проста. Поскольку от его пушечной канонады было мало толка, он решил умирить Руан голодом и вынудить его сдаться. Теперь, когда Кодебек пал, провиант для его солдат мог с легкостью доставляться из Англии.

Пока Генрих ждал, когда его блокада возымеет действие, он решил, тем временем, навести ужас на окрестности, что бы там не говорили английские историки о его желании вести политику примирения. Побочный сын графа Ормонда, брат Томас Батлер, приор Килменхема и член ирландского Ордена рыцарей-госпитальеров, прибыл с 1500 ирландскими кернами в шафрановых плащах — воинами на боевых пони, вооруженных ножами и дротиками, которых король видел в Ирландии, когда был мальчиком. Хорошо зная их нрав, он в поведении с местным населением предоставил им полную свободу действий. Они совершали налеты на селения, расположенные в глубине герцогства, возвращаясь назад с отрубленными головами и даже с ребятишками, перекинутыми через лошадиные шеи. По вполне понятным причинам, нормандское крестьянство перед этими дикарями с хлыстами и волынками испытывало дикий ужас. Даже Генриха шокировали сообщения об их зверствах, вследствие чего он приказывал некоторых из них высечь. Он посылал их на самые опасные участки, когда возникала хоть малейшая надежда на прибытие подкрепления, чтобы они могли нанести первый удар.

Гарнизон продолжал осуществлять вылазки за пределы городских стен и атаковал англичан. Иногда отряды французов насчитывали более 1000 человек. Осаждавшие отгоняли их назад, хотя и несли при этом некоторые потери. Французы устраивали ловушки и

засады, в которые они при отступлении заманивали своих преследователей. Когда Жан Блаунт, лейтенант Гарфлера, вызвал одного из капитанов Руана на поединок, тот выехал ему навстречу и сбросил противника с седла, после чего проткнул тело мечом, а затем, привязав его к конскому хвосту, вернулся в Руан. Чтобы вернуть тело товарища, друзьям Блаунта пришлось заплатить 400 золотых ноблей. Генрих перед стенами города возвел ряд виселиц, на которых вешал всех, кто попадал в плен. Ален Бланшар отплатил ему тем же, английских пленных он вздергивал на земляных укреплениях, привязав к их шеям собак, некоторых из них он вместе с собаками зашивал в мешки и сбрасывал в воды Сены. Единственное, в чем французы обыгрывали англичан, если можно так выразиться, так только в словесной войне. Вдохновенное отлучение от церкви английского короля, сделанное с городских стен главным викарием Руана, оказалось настолько выразительным, что вызвало у Генриха приступ ярости.

Нехватка еды стала ощущаться уже в середине августа, кроме того осаждавшим удалось отвести в сторону часть городского водоснабжения. Разразилась чума, и вскоре улицы города были усеяны горами мертвых тел. Но руанцы были уверены, что помощь придет. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем они начнут задумываться о возможности капитуляции.

У Генриха не было сомнений в том, что их вера небеспочвенна. Снова и снова до него доходили тревожные слухи о том, что бургундцы двигались в сторону Руана. Его солдаты бдительно несли караул, чтобы не пропустить их приближения. Однажды он даже приказал воинам лечь спать в доспехах. Руан сквозь

кордон англичан, мимо виселиц, умудрялся посылать своих отважных гонцов, которые молили герцога Бургундского прийти поскорее на помощь. Один престарелый руанский священник в присутствии короля Карла VI и герцога принялся кричать: «Наго!». Этот крик применялся нормандцами издревле как призыв прийти на помощь и спасти от грабителей. Герцог пообещал прийти с подмогой. В ноябре до ушей голодавших горожан дошла весть о том, что могучая армия герцога, готовая принести им избавление, была уже на марше и что ее прибытие ожидалось через четыре дня после Рождества. По этому поводу осажденные отправились в церкви, чтобы поблагодарить Господа и позвонить в колокола. Тем временем, герцог достиг Понтуаза, который располагался всего в 20 милях от Руана; но ближе не подходил. Его солдаты стали ссориться с войсками дофина, которые все были сторонниками Арманьяка. Тем временем, армейский провиант подошел к концу. В войске, пришедшем на выручку, продолжались ссоры, оно отступило до Бове, где распалось. Из гарнизона же все шли и шли умоляющие просьбы, молившие герцога Жана не оставлять их, но успеха они не возымели.

Джон Пейдж, ничем не прославивший себя солдат, который принимал участие в осаде, оставил нам волнующую повесть об осаде, изложенную в скверных стихах, написанных «грубо и не в рифму». Будучи убежденным в правоте дела короля и в том, что Генрих был «самым царственным из принцев христианского мира», он в то же время был жалостливым человеком, который от всей души сочувствовал несчастным руанцам. Он писал, что пришло время, когда у них не стало никакого другого мяса, кроме конины, а когда она подошла

к концу, им пришлось ограничиться кошками, собаками, крысами и мышами, а также любыми очистками овощей, которые они еще могли найти. Они даже ели корни щавеля.⁴ Хорошенькие девушки продавали себя за краюшку хлеба. Рассказы о несчестьях осажденных короля не трогали. Он продолжал производить масштабные земляные работы и строить блокгаузы, устанавливая на них пушки для пресечения любой попытки оказания помощи или поставки провизии.

В начале Рождественских праздников гарнизон выводил из города 12000 «беспольных ртов», надеясь, что им разрешат уйти. Но несмотря на то, что в группах изгнанников, выпущенных из каждаых ворот, были только старики и кормящие матери, король приказал своему войску согнать этот несчастный исход во рвы и оставить их там под зимним небом и бесконечными потоками льющегося с небес дожда умирать мучительной голодной смертью. Дождь не прекращался на протяжении всех недель их медленной смерти. Во рву, рассказывает нам Джон Пейдж, можно было встретить маленьких двух и трехлетних детей, просивших подаяние, поскольку их матери были мертвы. Эти несчастные люди лежали на раскисшей от влаги земле и молили подать им кусок хлеба. Некоторые из них находились на последнем изыхании, другие уже не могли открыть глаз и едва дышали. Они были высохшие, как прутья.

*Женщина, сжимавшая в руках
Мертвое дитя, ничем не прикрытая.
И младенцы, присосавшиеся к груди
На коленях мертвых женщин.*

На десять-двенадцать мертвецов во рву, что умерли тихо и без криков, словно во сне, приходилось не более

одного живого. Младенцев, что родились во рву, Генрих приказал собрать в корзины и покрестить, после чего также в корзинах их снова вернули матерям.

Благочестивый, как всегда, король отметил праздник Рождества временным перемирием, которое должно было продлиться 24 часа, т. е. весь день Рождества Христова. В ров он отправил двух священников и трех слуг с корзинами провианта. К капитану Руана Ги ле Бутейлеру он послал своих геральдов с предложением пищи для голодающих и с приглашением без опасения прийти в английский лагерь, чтобы получить ее. Капитан не поверил ему и не разрешил руанцам воспользоваться этим предложением. Те, кто находился во рву, помолились за Генриха, чтобы он «выиграл свое право», если можно верить Джону Пейджу, «потому что у англичан нежные сердца».

Как Джон Пейдж объясняет (а Вегеций учит), голод способен пробивать даже самые неприступные стены. В ночь, в канун нового 1419 года было слышно, как у ворот, ведущих на мост, какой-то французский рыцарь прокричал, что хочет поговорить с бароном или рыцарем из хорошего рода. Отозвался Джильберт Умфравиль, сказав, что он рыцарь, и назвал свое имя. (Свое происхождение он вел от нормандского рыцаря, который пришел в Англию с Вильгельмом Завоевателем.) Француз поблагодарил Бога за то, что «в твоих жилах течет древняя нормандская кровь». Умфравиль устроил так, чтобы могли прийти парламентарии из Руана и обсудить с королем возможность переговоров.

Утром они прибыли. Генрих, что очень похоже на него, заставил их ждать до тех пор, пока он не закончит слушать мессу. Наконец, когда он увидел их, лицо его

приняло грозное выражение. Один из парламентаров заметил, что Руан не был значимым городом, король гневно ответил: «Он мой, и я получу его!» Тогда они начали просить его о людях во рву, он ответил: «Приятели, кто их туда спровадил?» Переговоры о полной капитуляции начались на другой день. Они проходили в двух палатках в лагере Глостера. Когда снова была затронута тема рва, король холодно выслушал и отказался выпустить «бесполезные рты», снова спросив о том, кто поместил их туда. «Туда поместил их не я, а вы!» Он настаивал на том, что Руан принадлежит ему по праву, укорял парламентаров в том, что они «держали его город, являющийся его наследством». Он сел на своего любимого конька: «Руан — мое наследство». Согласно «Первой английской жизни» он потребовал: «Или, может быть, вы на себя возмете смелость судить о моем титуле? Разве вы не знаете, сколько замков, городов и других укреплений было нами приобретено и захвачено, и как часто с поля брани возвращались мы с победой, преследуя супостатов? Не это ли были знаки справедливости?»⁵ Он повторял слова о том, что Господь был на его стороне, что подтверждалось знаками божественного оправдания.

Переговоры прервались, и гонцы вернулись в Руан, тем не менее, городская беднота больше не намерена была терпеть, они назвали знать «фальшивыми предателями, убийцами и бандитами», грозя расправиться с ними, чтобы не умереть от голода. Парламентары вернулись, чтобы снова начать переговоры с английским королем. Они «совещались день, они совещались ночь при свете свечей и факелов». Затем не без посредничества архиепископа Кентерберийского и духовенства Руана они согласились сдать в течение 8 дней, к 19

января, если к полдню условленного дня не подоспеет помощь, выплатить контрибуцию в сумме 300000 золотых крон. Заложниками для гарантии уплаты выкупа было оставлено 80 человек, из них было 20 рыцарей или дворян и 60 горожан. По настоянию Генриха они также согласились выдать ему главного викария Руана, Робера де Ливе, чье отлучение от церкви король Англии нашел столь оскорбительным для себя, а также Алена Бланшара, капитана арбалетчиков. Ливе был передан и «тотчас закован в кандалы, из которых ему до конца его несчастных дней не выбраться», и Генрих заточил его в «мрачную темницу». Бланшара тотчас вздернули на виселице.

Во второй половине дня 19 января король в золотом парадном облачении на троне в своей штаб-квартире в картезианском монастыре получил, наконец, ключи от Руана. Затем он провозгласил герцога Эксетера капитаном города, приказав ему занять его той же ночью. На другой день в сопровождении четырех, облаченных в торжественные одежды прелатов и семи таких же аббатов, Генрих подъехал к главным воротам. Снаружи его встретила процессия из духовенства Руана, в руках которых было не менее 42 обрядовых крестов, каждый из которых он поочередно поцеловал. Затем, с привычным для него мрачным выражением лица, без помпы и труб, одетый во все черное, но с золотой цепью, спускавшейся до самой земли, на черном боевом коне, в черной попоне и сбруе он въехал в город Руан. Его сопровождал один-единственный сквайр с пикой, конец которой был украшен кисточкой из лисьего меха, что было любимым знаком отличия Ланкастеров. Он, прежде чем отправиться в замок, прошел в собор, чтобы прослушать хвалебную мессу.

Горожане, наблюдавшие за прибытием короля, были живыми скелетами, обтянутыми кожей, с провалившимися глазами и вытянувшимися носами. Они еле дышали и почти не могли разговаривать. (Хотя «Брут» — современная ему английская хроника утверждает, что «все они так громко, как только могли, выкрикивали слова рождественского гимна».)⁶ Кожа их была серой, как свинец, и все они были похожи на изображения мертвых королей, которые можно увидеть на гробницах. На улицах валялись горы трупов и толпились сотни голодных, выпрашивавших кусок хлеба. Король распорядился, чтобы в Руан была доставлена провизия, поскольку теперь они были его преданными подданными, но люди продолжали умирать на протяжении еще многих дней. Повозки не управлялись вывозить мертвые тела для захоронения.

Согласно условиям капитуляции, всем защитникам, за исключением тех, имена которых были оговорены особо, было разрешено покинуть город, если они того пожелают. Но на тот счет, как им следовало уходить, у Генриха были свои, основанные на бережливости соображения. «Гарнизону было приказано выходить через ворота, ведущие к Сене, — рассказывает нам Монстреле, — до конца моста Святого Георгия их сопровождал английский эскорт, после чего представители короля обыскивали их, отбирая все деньги и ценности, взамен давая по два су. Многих дворян даже раздевали, лишая их красивых камзолов, сшитых из меха куницы или разукрашенных золотом, или же заставляли их переодеваться в другие, менее ценные платья.»⁷ Конфискованное добро шло на пополнение королевских сундуков.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ – НАОБОРОТ

«Король покорил Всю Нормандию».

«ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ГЕНРИХА V»

«Если выражение «обескровить» когда-либо и имело буквальный смысл, то оно лучше всего подходило для описания состояния завоеванных провинций Франции во время английского правления».

К. Б. МАК-ФЕРЛЕЙН «ДВОРЯНСТВО АНГЛИИ ЭПОХИ
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

Когда весть о падении Руана разнеслась повсюду, вся остальная Нормандия сдалась довольно быстро. Порой одного появления перед городом или крепостью капитанов Генриха было достаточно для того, чтобы они заявили о своей капитуляции. К весне 1419 года почти все герцогство было в его руках. На востоке его владычество распространялось до Манта на Сене, который расположен всего в 35 милях от Парижа. Свою штаб-квартиру он расположил в Манте, поскольку быстрое пополнение могло быть доставлено по реке. На юге была образована такая же линия, откуда можно было начать завоевания Южного Мена и Анжу. Договоры с герцогами Бургундским, Бретонским и Алансон-

ским обещали, что беспокойств с их стороны у него не будет.

Король сразу приступил к превращению Нормандии в независимое государство, отделенное от всей остальной Франции. Были учреждены новые правительственные органы: нормандский суд, нормадское сенешалство (включавшее в себя всю гражданскую и военную администрацию), нормандское казначейство и нормандское адмиралтейство (ответственное за береговую оборону). Канцлером, главным административным лицом, стал Кемп, епископ Рочестерский, казначеем был назначен Уильям Алингтон, граф Суффолк — адмиралом. Существовало восемь бальи или окружных губернаторов, которые были англичанами.

Программа примирения Генриха, его гарантии собственности и привилегий, его уважение к местным учреждениям и строгое соблюдение законности английскими историками было несколько преувеличено. Но следует признать, что его подход во всем отличался незаурядным творчеством, невиданным в эпоху позднего средневековья, хотя завоеваний, подобных нормандскому, также не было. Тем не менее, причина, по которой нормандцы покорились тому, что монах из Сен-Дени назвал «ненавистным ярмом англичан», заключалась в том, что они уже видели несостоятельность французской монархии, которую никак не могли поделить между собой партии бургундцев и арманьяков, и желали избежать судьбы такого могущественного оплота, каким была столица герцогства.

Нет сомнений в том, что в Нормандском завоевании, наоборот, король сохранил нормандское устройство, пригласив в свою администрацию присягнувших на верность нормандских дворян, а также священников.

Покорились английскому королю и принесли клятву верности немногие вельможи, большая часть высшей знати отказалась сотрудничать, за что была лишена прав на собственность и изгнана. Их поместья Генрих роздал англичанам, точно так же поступил и Вильгельм Завоеватель, который жаловал земли саксов, конфискованные у тэнов,* своим сподвижникам.

Перераспределение земель и титулов началось почти сразу же. В течение 1418-1419 годов новых хозяев обрели шесть графств: герцог Эксетер получил Гарфлер вместе с его огромным укрепленным родовым поместьем Лильбонн; граф Солсбери стал графом Перш; граф Уорвик – графом Омалем; лорд Эдуард Холланд – графом Мортемом; сэр Джон Грей Хетонский – графом Танкарвиллем; сэр Уильям Буршьер – графом О. Герцог Кларенс получил три виконтства, занимавшие изрядную площадь. (Герцог Бедфорд в то время не получил ничего, но когда он умер «регентом Франции» в 1435 году, то был герцогом Анжуйским, графом Менским, графом Дре, если называть только самые важные из его титулов.) Лорду Уиллоуби вместе с другими поместьями было пожаловано владение Бомниль, сэр Уолтер Хунгерсфорд стал бароном Ле Гомме. Джильберт Умфравиль получил в собственность все поместья своего дальнего родственника, Пьера д'Амфревиля в Афревиль-сюр-Итон (откуда произошли родом все его предки), а также поместье сира д'Эстутвиля, бывшего командира гарнизона Гарфлера. Менее знатные дворяне тоже были пожалованы: так, сэр Джон Попхем из Южного Хардефорда в графстве Гемпшир стал лордом

* тэны – англосаксонская военная знать и крупные землевладельцы в IX-XI вв.

Ториньи, а сэр Кристофер Курвен Уоркингтонский из Кумберленда стал лордом Канским в Ко. В целом, у нормандского дворянства было конфисковано около 500 имений (фьефов).

Отрицательным моментом этих наград было то, что в обмен на них Генрих ожидал военной службы точно так же, как за 350 лет до него ожидал этого Вильгельм I от своих вассалов, получивших конфискованные поместья тэнов. Лица, пользовавшиеся дарами, должны были выполнять некоторые обязанности, как то: осуществлять материально-техническое обеспечение войск и городских гарнизонов или создавать из своих замков или владений нечто вроде крепостей или складов. Умфравилю полагалось обеспечить для королевской армии оружием и амуницией 12 тяжеловооруженных воинов и 24 стрелка. Хунгерфорду, королевскому камергеру, вменялось в обязанность ежегодно, на каждый праздник Возвеличивания святого креста, поставлять пику, украшенную лисьим хвостом, а также в случае надобности выставить 10 тяжеловооруженных воинов и 20 стрелков. Уиллоуби, кроме того, что в день летнего солнцестояния был обязан в Кане вручать королю золотую шпору, от него требовалось личное участие в военных действиях вместе с Генрихом на протяжении всей французской кампании, а также привести с собой трех тяжеловооруженных воинов и семь лучников. На более скромном уровне некоему Уильяму Ротлейну вменялось в обязанность найти охрану для части города Кутанс, а некоему Хью Спенсеру найти людей для охраны Гарфлера. Подобной мелкой сошке Генрих грозил смертной казнью в случае, если они осмелятся покинуть Нормандию.¹

Большая часть английских лордов этого Нормандского завоевания, наоборот, были именно мелкой со-

шкой, представители наименее знатного слоя дворянства или других слоев. Они не относились к числу знаменитых или влиятельных семейств Англии, не были землевладельцами. Такие приманки, как помещичий дом и усадьба с титулом впридачу, и доходная служба являлись достаточно привлекательной причиной, чтобы остаться и обосноваться в Нормандии. Они к тому же могли ожидать большего, а не только дохода от поместья или прибыли от службы. Каждый гарнизонный капитан получал одну треть военных трофеев своих солдат (еще одну треть вкуче с одной третью его собственной доли он отправлял в королевскую казну). Существовал также протекционный налог, которым облагали селян для обеспечения содержания местного английского гарнизона. Уровень английской колонизации колебался в зависимости от местности. Так, в Гарфлере с его 10000-ым населением англичан он мог создать второй Кале. В Шербуре и Кане, в меньшей степени в Руане, Баве и Кутансе, вдохновленный опытом Уэльса, где города замышлялись как чисто английские, но с сильной валлийской прослойкой, оставались верными короне благодаря значительному числу поселенцев. Довольно большое количество англичан, обосновавшихся в Нормандии, брали в жены француженок.

Король не забывал также о своей политике примирения — ему вовсе не хотелось, чтобы его новые подданные жили с ним в состоянии вечной вражды. Большую часть административных должностей, кроме самых важных и военных постов, по-прежнему занимали французы. Дворянам, присягнувшим королю в верности, были возвращены их земли, за которые им полагалось вносить феодальные подати в той же сумме, какую они платили французскому королю. Как всегда бывает при

оккупационном режиме, некоторые слои населения разбогатели, в частности, правоведы. Структура Ланкастерской Нормандии давала им новые возможности, поскольку судопроизводство велось независимо от Парижа, а бесконечные новые привилегии и должности давали обильную пищу для герцогских судов. В администрации также имелось немало доходных мест для бюрократов. Некоторым нормандцам английский порядок должен был даже понравиться по вкусу, хотя большинство не принимали его.

Многие представители нормандского дворянства, включая всю высшую знать и крупных феодалов, покинули Нормандию. Часть землевладельцев укрылась в лесах, возглавив отряды маки, совершавших вместе с крестьянами налеты на оккупантов, но из-за того, что оккупационный режим затягивался, их воодушевление истощилась. В конце концов, движение сопротивления стало состоять исключительно из отрядов, членов которых можно было в такой же степени назвать партизанами, как и бандитами. Королевство было настолько ослаблено борьбой между арманьяками и бургундцами, что едва ли они могли надеяться на успех.

Жювналь де Юрсен и монах из Сен-Дени повествуют о молодой даме из Ля Рош Гийон, Перетте де ля Ривьер, муж которой был убит при Азенкуре. Одна из наиболее знатных дам Нормандии, она в течение трех месяцев продержалась в своем огромном замке на отвесном берегу Сены, осаду которого вели Уорвик и Ги де Бутейлер, бывший капитан Руана, присягнувший Генриху в верности, один из немногих людей, занимавших высокое положение, кто так поступил. В конце концов, из пещер, располагавшихся под замком, англичане сумели сделать подкоп и подорвать его стены.

Вынужденная сдаться, Перетта от короля узнала, что может сохранить свои земли, если она либо принесет клятву верности, либо станет женой Ги де Бутейлера. Клясться в верности или выходить замуж за человека, являющегося в ее глазах предателем, она отказалась. Тем более, что согласно брачному контракту, земли ее и владения должен был унаследовать сын, рожденный от Ги, лишив тем самым наследства обоих сыновей от предыдущего брака. Благородная дама из де Ла Рош Гийон предпочла без средств отправиться со своими детьми на чужбину.²

В 19 веке романтически настроенные французские историки в каждом нормандском бандите с большой дороги или отщепенце видели героя «сопротивления». Несомненно, что хотя в укрывавшихся в лесах бандах было немало преступников, все же большая часть их членов были народными мстителями.³ Когда англичане ловили кого-нибудь в Нормандии, они позволяли ему уплатить за себя выкуп только в том случае, если пойманный был в состоянии доказать, что прибыл из той части Франции, которая еще не покорилась английскому королю, и мог, скажем, показать, что относился к одному из гарнизонов дофина. В противном случае, согласно недвусмысленному приказу Генриха, его считали «разбойником и нашим врагом» и вешали. Англичане умышленно отказывались делать какие-либо различия между партизанами и обычными преступниками. Одни и другие болтались бок о бок на одной перекладине.

Из указа, изданного Генрихом незадолго до смерти и разосланного по всем графствам Нормандии, видно, что он сам был убежден в том, что большая часть разбойников являлись дворянами. Он говорит, что «мно-

гие дворяне вместе с выходцами из простого народа» (*plures nobiles et alii populares*) либо вступили в ряды «наших врагов» (сторонников дофина), либо, как грабители, жили в лесах и пещерах, тем самым подразумевая, что те были скорее готовы вести несчастную жизнь загнанных людей, чем присягнуть ему на верность. Независимо от того, были ли разбойники маки или бандитами, Базен однозначно свидетельствует о том, что причиной такого их обилия была английская оккупация: «как только англичан прогнали из Нормандии и заставили вернуться домой, страна была освобождена от этой кары». Более того, епископ не сомневается в том, что многими «разбойниками», в первую очередь, двигало чувство ненависти к оккупационному режиму.

Он писал: «Существовало довольно значительное количество разоренных и отчаявшихся людей, которые в силу безделья, ненависти к англичанам, жажды наживы за счет добра других людей или по той причине, что длинная рука закона разыскивала их за то или иное преступление, покинули свои поля и жилища, а вместо того, чтобы поселиться в городах и замках, удерживаемых французами, ушли в лесные неприступные чащи и вели жизнь, подобную диким зверям или волкам. Доведенные до безумия, полупомешанные, они выходили по ночам, когда было темно, чтобы врваться в крестьянские дома, грабить добро, забирая их с собой в непроходимые лесные чащи в качестве пленников и там, посредством отвратительного обращения и всевозможных пыток они вынуждали своих пленников принести им в условленное время и место большие суммы денег (вместе с добром, незаменимым в таких условиях жизни) как выкуп за свою свободу. Отсутствие выкупа

означало, что те, кто был оставлен крестьянами в качестве заложников, подвергнуться самым бесчеловечным мучениям. Возможно, сами крестьяне, если грабители сумеют поймать их, будут злодейски убиты или их дома внезапно могут заняться ночью огнем и сгореть дотла... но, кроме этого, они нападали на англичан, безжалостно убивая их каждый раз, когда им предоставлялся такой шанс.»⁴

Нарисованная картина немного подозрительна, поскольку ее автор одно время был «коллорационистским» епископом Лизье, послушным орудием в руках англичан, и неприязнь его к подобным людям вполне объяснима. Можно также не сомневаться, что значительное число повешенных в качестве «разбойников» являлись партизанами, сторонниками дофина, которых укрывали и кормили крестьяне. Из записей Базена за 1470 год видно, что в одном, относительно мятежников, он был уверен наверняка, повторяя снова и снова, что они существовали только из-за присутствия англичан, «страна не может избавиться или очиститься от этого наказания до тех пор, пока кончится английское владычество, пока ее не вернут французам, ее подлинным хозяевам».

Однако, куда более разрушительной по своему воздействию на англичан, чем партизанская война, была эмиграция. Некоторые дворяне эмигрировали, чтобы спасти от оккупантов свои семьи, но большинство шли на это потому, что не желали присягать на верность английскому монарху. Значительное число духовенства, включая и двух архиепископов из Руана, отказались принести Генриху клятву верности. Только три нормандских епископа принесли обет. Многие эмигрировали, и их жалование, чтобы они не умерли от голода, получа-

ли их друзья. (Некоторые из оставшихся священников только делали вид, что принесли клятву верности.)

Однако большинство эмигрантов из тех, кого Нормандия меньше всего могла позволить себе потерять, составляли крестьяне в возрасте от двадцати до тридцати лет. Прочь их гнали военные поборы и жестокость обращения оккупационной армии. Часть из них нашла спасение в соседней Бретани, но были и такие, что бежали до самой Фландрии. Генрих и его чиновники настолько были обеспокоены этой потерей рабочих рук, что начали предпринимать серьезные меры, чтобы заманить людей домой.⁵

Постоянный исход крестьянства из Нормандии был чреват тяжелыми последствиями для ее сельского хозяйства.

Уезжали не только французы. Уже в 1416 году из гарнизона Гарфлера начали дезертировать солдаты, тайком переправляясь через Ла-Манш. К осени следующего года эта струйка дезертиров превратилась в поток, объединивший в себе ручьи со всех концов Нормандии. В сентябре 1418 года король написал письмо к шерифам Англии, в котором жаловался на солдат, что «они без нашего дозволения в больших количествах обманном, предательским путем уходят и возвращаются в наше королевство Англию». К 1418 году он приказывает гарнизонам Кале и Гарфлера вешать всех дезертиров, которых они сумеют отловить. Была введена система пропусков, а на сэра Ричарда Уолкстеда была возложена обязанность обыскивать все суда, отплывавшие из гавани Руана. Если эта мера и оказалась эффективной, чтобы покончить с переправой через пролив, то остановить дезертирство она была не в силах. Те, кого силой заставили остаться во Франции,

опасаясь быть повешенными, уходили подобно «разбойникам» в леса и промышляли грабежами.

Английские дезертиры были не единственными, кто еще более усложнял жизнь французского сельского люда, настоящим бичом для них стали солдаты, оставшиеся в гарнизонах. Не было власти, типа военной полиции, которая могла бы воспрепятствовать им. В феврале 1418 года Генрих всем гарнизонным капитанам приказал наказывать солдат, которые «угнетают и грабят людей». Теоретически дисциплина обеспечивалась герцогом Кларенсом и лордом Мобреем. Несмотря на то, что они назначили уполномоченных, в гарнизонах их влияния не ощущалось. Каждый капитан получил копию предписаний короля, с которыми он должен был ознакомить своих солдат. Их содержание было на удивление характерным, особенно относительно проституток, у которых надлежало конфисковывать все деньги и ломать руки. Относительно соблюдения санитарии: войска должны были «закапывать в землю свои отходы и испаржнения, освобождая жилища, чтобы в их жилищах не стояло зловоние». Не должно было быть грабежей, захватов провианта или домашнего скота.⁶

Но гарнизоны существовали исключительно за счет деревни. Их жалование, как всегда, запаздывало. Когда для обеспечения их питания был основан зачаточный уполномоченный орган, он оказался неэффективным. Значительную часть войск составляли получившие прощение преступники, кроме того, в войсках, скомплектованных из агрессивных необразованных молодых людей, оказавшихся в чужой стране, волей-неволей проявляется склонность к вандализму. Даже самые лучшие солдаты склонны к грабежам и мародерству, случаи которого встречались во время Второй мировой

войны среди английских и американских солдат, не говоря уже о Вермахте. Случайное убийство товарища было не слишком хорошей предпосылкой для достойного обращения с местным населением. Поскольку эпидемия чумы, которая последовала за Черной Смертью*, сильно проредили ряды крестьян, оккупация также не способствовала улучшению условий для ухода за почвой; хорошие сельскохозяйственные угодья стали зарастать лесами. Землевладельцы ощутили катастрофическое падение своих доходов. К тому же на торговых отношениях отрицательно сказался разрыв связей со всей остальной Францией.

Английские историки выражают удивление по поводу того факта, что территорию Нормандии контролировало такое малое количество войск, что, по их мнению, является свидетельством принятия английского правления. Ответ заключается в мобильности широко разбросанных, но строго расположенных гарнизонов, состоявших порой из дюжины стрелков. Поскольку все они имели лошадей, то за короткий промежуток времени по отличным дорогам Нормандии, находившихся куда в лучшем состоянии по сравнению с дорогами Англии, могли быстро преодолеть огромные расстояния, чтобы оказать помощь соседям или с помощью тонко продуманных жестокостей добиться послушания.

* Черная смерть — так называлась эпидемия чумы в Европе в 1348 году, которая унесла в могилы треть населения Западной Европы. После этой эпидемии остро встал вопрос о рабочих руках в хозяйствах феодалов. Сохранение заработной платы на прежнем уровне плюс дороговизна вследствие роста цен привели к массовым выступлениям крестьян во Франции и Англии. (Прим. ред.)

Тем временем, Генрих никогда не упускал случая, чтобы заявить о божественном благоволении. Его безжалостная ортодоксальность и пуританизм производили должное впечатление на многих священников. Одним из таких представителей духовенства был член Ордена испанских доминиканцев Винсент Феррер. Проповедник «геены огненной», Винсент много путешествовал, сопровождаемый повсюду свитой из кающихся грешников, среди которых были и флагелланы с окровавленными спинами. Миссия его состояла в обличении порока и испорченности. Когда во время мессы он проводил освящение Святым духом, то так заразительно всхлипывал, что вскоре вся церковь сотрясалась от плача. В мае 1419 года он прибыл в Кан и читал проповедь в присутствии короля и его двора, публично обвинив его в убийстве огромного числа христиан, мужчин и женщин, не причинивших ему никакого зла. Генрих слушал его бесстрастно. Затем он велел доставить Винсента к себе. Первыми его словами были: «Я — бич Божий, пришедший для того, чтобы наказывать людей Господа за их грехи». Когда Винсент вышел, проведя с королем наедине три часа, простой нищенствующий монах сказал ожидавшим его придворным: «Сегодня утром до того, как я пришел сюда, я верил, что король, господин ваш, был величайшим тираном среди всех христианских государей, но сейчас я проникся противоположным чувством, ибо уверяю вас в том, что он есть самый совершенный и самый богоугодный среди них всех, что здравствуют на сей день и его тяжба так справедлива и правдива, что Бог, несомненно, во всех этих войнах будет на его стороне». (Можно предполагать, что Генрих вновь утверждал, что его назначение заключается в том, чтобы установить во

Франции хорошее правление.) Этот случай описан послушной, но, возможно, чрезмерно хвалебной рукой графа Ормонда. Он иллюстрирует как силу влияния личности короля, так и его убежденность в том, что Бог был на его стороне.⁷

Он заявил, что собирается утвердиться с помощью средства, которое имеет наибольшее распространение — денежное обращение. За период с января по сентябрь 1419 года он выпустил золотые и серебряные монеты, отчеканенные, возможно, в Руане. На золотых деньгах были выбиты буквы HFRX, что означало *Henricus Francorum Rex**, а надпись на оборотной стороне гласила: «*Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat.* («Христос побеждает, Христос царствует, Христос — император»). На грошах имелась надпись *Sit nomine Domini benedictum* («Да будет имя Господне благословенно»). Ясно, что свои победы, как в Уэльсе, так и при Азенкуре, король приписывал Божескому благоволению.

Но не все разделяли веру Генриха в то, что дело Англии было правым. Диалог между Францией и Правдой, написанный неизвестным французским моралистом в 1419 году, дает нам другую точку зрения. «Война, которую они развязали и продолжают до сих пор вести, несправедливая, вероломная и проклятая, и они являются проклятой (ред. ударение на первом слоге) расой, противопоставившей себя всему хорошему и благоразумному, бешеными волками, заносчивыми лицемерами, обманщиками без всякой совести, тиранами и преследователями христиан, людьми, что пьют и купаются в человеческой крови, с повадками хищных птиц, людьми, что живут за счет нагрябленного».

* Генрих — французский король.

От Монстреле мы узнаем, что «к этому времени границы Нормандии до Понтуаза, Клермона, Бове, Мондидье, Бретейя, Абвиля, Амьена и Сен-Валери подвергались набегам англичан и лежали теперь, опустошенные мечом и огнем; во время налетов они уносили с собой много трофеев... бедняки оставались беззащитными, ничего не имея за душой, кроме молитв и жалоб, обращенных к Богу».

Находившийся в заточении в лодонском Тауэре герцог Орлеанский писал, что короли, герцоги, графы, бароны и рыцари, купцы и простой люд – все должны молиться во Франции о мире, «потому что злые люди покорили благородную кровь», которая больше не в силах защищать своих крестьян:

*«Молись, народ, страдающий в неволе,
Ведь ваши господа утратили былую мощь,
Не могут вас они избавить от юдоли,
И горю вашему великому помочь».*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ УБИЙСТВО ЖАНА БЕССТРАШНОГО

«... солдаты вошли во Францию, чтобы чинить кровавые убийства»

ЕПИСКОП РЕДЖИНАЛЬД ПЕКОК

«Враг порази Францию в самое сердце и обогатился».

ЖЮВЕНАЛЬ ДЕ ЮРСЕН

Генрих не собирался удовлетвориться одной Нормандией. Он хотел заполучить всю Францию. Он знал, что для завоевания всей страны у него не было достаточно материальных ресурсов. Тогда он решил посмотреть, что может получиться, если пустить в ход дипломатию. В течение первых недель проведения осады Руана он провел переговоры с покойным коннетаблем — графом Арманьяком, пытаясь использовать его в игре против герцога Бургундского. Когда граф был убит, король увидел, что его партия в состоянии пережить смерть своего лидера, поскольку имела еще одного лидера в лице герцога Орлеанского. Но после попытки встретиться с дофином, закончившейся для нового лидера арманьяков в 1419 году неудачей, Генрих принялся обхаживать бургундцев.

Весной и в начале лета между королем и герцогом Жаном произошло несколько встреч. На их первой

встрече «герцог в знак приветствия королю слегка согнул колено и наклонил голову, — записывает Монстреле. — Но король взял его за руку, обнял и обращался с ним с величайшим уважением». ¹ Казалось, что появилась реальная возможность установления союза, даже если герцог вел тайные переговоры с дофином. В начале июня в Мелёне состоялась еще одна встреча, на которой были не только Генрих, Кларенс, Глостер и герцог Бургундский, но также королева Изабелла и принцесса Екатерина. Король, по-видимому, расстроенный своим добровольным безбрачием, был очарован девушкой. Ее, если можно верить современникам, он рассматривал как единственно возможную для себя невесту. Условия его были следующими: Екатерина с полностью суверенными Нормандией и Аквитанией.

Но он запросил слишком много. Если герцог Жан и королева Изабелла искренне желали мирного урегулирования отношений с Генрихом, но они не посмели согласиться на суверенитет. Разделить королевство Франции таким образом означало бы разрушить собственный престиж и подорвать доверие к себе. Но на меньшее Генрих был не согласен. Прежде, чем уехать из Мелена, он сказал герцогу: «Милый кузен, хочу, чтобы вы знали, что мы либо получим дочь короля, либо изгоним его из королевства вместе с вами». «Сир, — ответил Жан, — возможно, вам такие слова легко произнести, но прежде, чем вы сможете изгнать из этого королевства моего господина и меня, я ничуть не сомневаюсь в том, что вы уже порядком подустанете». ² План Генриха не удался. Он не мог бороться против союза арманьяков с бургундцами. Вскоре стало совершенно очевидным, что герцог Жан задумал заключить с арманьяками перемирие.

Имя «Jean sans Peur»*, присвоенное герцогу Жану, имело ироническую подоплеку. На самом деле, «Бесстрашный Жан» был параноиком, который в Париже спал в специально построенной башне, в которой была единственная, хорошо обороняемая спальня и ванная комната. (Тур д'Артуа все еще стоит на улице Этьен Марсель, последний уцелевший фрагмент давным-давно исчезнувшего дворца герцогов Бургундских.) Выходил он только в сопровождении хорошо вооруженных телохранителей. Для страха у него были все основания. Он не только погубил герцога Орлеанского и других, арманьяки обвиняли его также в кровавой резне в Париже, когда нескольких их товарищей заставили прыгнуть с зубчатой стены Шатле на копья поджидавшей их внизу толпы. Он публично признался в том, что на убийство герцога Орлеанского его толкнул Дьявол, вследствие чего был заподозрен в колдовстве. Получило широкое распространение письмо, понуждавшее его к дальнейшим злодейским деяниям, которое начиналось следующими словами:

«Люцифер, император глубокого Ашерона, король Ада, герцог Эребуса и Хаоса, принц Тьмы, Маркиз Бездны и Плутония, граф Гиены, мастер, регент, защитник и владыка всех дьяволов Ада и тех смертных людей, которые еще пребывают в мире и кто желает противостоять воле и власти нашего противника Иисуса Христа, предпочтя нашего дражайшего и почитаемого лейтенанта и главного надзирателя на Западе, Жана Бургундского.³

Но еще больше, чем арманьяков, герцог боялся Генриха.

* Жан Бесстрашный

Король возобновил наступление. Во тьме раннего утра 31 июля граф Хантингдон и капитан де Буш поскакали в Понтуаэ. Имевшийся там гарнизон под командованием маршала де л'Исль Адам насчитывал 1200 человек и считался достаточно безопасным, так что туда время от времени наведывался двор короля Карла VI. Под прикрытием темноты отряд капитана, минуя виноградники, пробрался к городскому рву и затаился там, ожидая сигнала, чтобы люди Хантингдона заняли боевую позицию. В 4 часа утра они с помощью штурмовых лестниц вскарабкались на стены и, несмотря на яростное сопротивление гарнизона, так разворотили ворота, что Хантингдон без всяких помех сумел проскакать сквозь них. Город был страшно разграблен, жители его лишились всего, что имели, не говоря уже о тех насилиях, каким подверглись его женщины. Англичане «увезли богатую добычу, поскольку ценностей в нем было не счесть», — говорит Монстреле. Услышав эту новость, король спел в Манте «Te Deum». Он прискакал неделю спустя, написав в Лондон мэру и олерменам, что их трофеи превзошли все предыдущие приобретения. Он не только получил огромный военный склад, набитый оружием и припасами, стоимость которых равнялась двум миллионам крон, но теперь он владел плацдармом на реке Уазе, откуда мог угрожать Парижу, находившемуся всего в 12 милях. Несмотря на то, что он теперь находился на опасном удалении от основных баз и его пути сообщений опасно увеличились, но он доказал, что был серьезен, когда угрожал герцогу в Мелене.

Сегодня Понтуаэ является частью большого Парижа. Но даже сегодня, посетив его, начинаешь понимать, почему в 1419 году он имел такое жизненно важное

значение. На могучем уступе (возле современного железнодорожного вокзала), всего в 150 ярдах от берега реки Уазы, возвышались укрепления цитадели, так что канониры, лучники и арбалетчики могли вести обстрел важнейшей водной магистрали, по которой и сегодня баржами доставляются продукты для парижан. Более того, Уаза — узкая река, которая может быть без труда заблокирована лодочным мостом или боном. Английский гарнизон мог не только лишить Париж поставки продовольствия, но и спокойно совершать на столицу набеги.

Страх, который испытывали перед англичанами жители Парижа, наглядно отображен одним из горожан, анонимным хронистом, который жил в столице в те мрачные годы. Вероятно, он был каноником собора Парижской Богоматери. Он сообщает нам, что примерно в десять часов утра в праздник Святого Жермена:

«через ворота Сен-Дени в Париж вошло двадцать или тридцать человек, все они пребывали в таком состоянии ужаса, словно только что избежали смерти, что и в самом деле соответствовало действительности: некоторые были ранены, другие полумертвы от страха, холода и голода, все они, скорее, походили на мертвецов, чем на живых. Когда их остановили в воротах и спросили, что с ними случилось, они начали плакать и сказали, что «мы из Понтуаза, который сегодня утром наверняка захватили англичане; они убивали каждого, кто подворачивался на их пути; мы считаем себя счастливыми, потому что нам удалось спастись от них, ибо даже сарацины не причиняли христианам такого зла». Пока они говорили, охрана ворот увидела, что приближается громадная толпа мужчин, женщин, детей. Некоторые из них были ранены, некоторые были разде-

ты; один из пришедших пришел искать убежища, неся в корзине подмышкой двух младенцев; многие женщины были с непокрытыми головами, а некоторые только в корсажах или сорочках... всего их было три или четыре сотни людей, что оплакивали свои страдания, потерю добра и друзей, потому что среди них немного было таких, кто не потерял бы в Понтуазе родственника или товарища. Но стоило им подумать о тех, кто остался в руках английских тиранов, как их страдания становились почти непереносимыми, слишком слабы они были из-за отсутствия еды и питья. Во время их бегства несколько беременных женщин разродились, но вскоре после этого умерли. И не было такого человека, кто мог бы взирать на их несчастья без слез. Они продолжали прибывать из Понтуаза и его окрестностей на протяжении всей следующей недели. В Париж они приходили в некое оцепенении, больше походя на стада овец».⁴

Горожанин продолжает рассказывать нам, что после захвата Понтуаза англичане наводили ужас на всю округу, но попыток напасть на Париж не предпринимали. Они ограничивались тем, что «мародерствовали, убивали, грабили, захватывали пленных, которых отпускали только после уплаты выкупа». Он продолжает: «В те дни можно было услышать только известия о том, как англичане лютуют во Франции, каждый день они брали города и замки, повергая в руины все большие области королевства, отправляя награбленное добро и пленников в Англию».⁵

«Получение трофеев было одной из основных военных целей, никто: ни рыцарь, ни чиновник, ни крестьянин, ни горожанин не был застрахован от потерь, что несли ему неприятельские рейды,» – говорит Мак-Фар-

лейн. Гражданские лица считались такой же честной добычей, как и военные... Очевидно, что награбленное во Франции добро составляло солидную сумму, не менее очевидно также и то, что англичане получали куда больше, чем тратили. Сражаясь большую часть времени на чужой земле, там, где проходили маршруты их передвижений, они не оставляли камня на камне». ⁶ Особенно порочна была традиция похищения детей, которых отправляли через Ла-Манш, чтобы продать в Англии в качестве слуг.

Англичане всех классов, как и валлийцы, несомненно, были поражены богатством французских больших и малых городов, плодородием французских сельскохозяйственных угодий. Лондон по своим размерам в два раза уступал Парижу (в котором проживало не менее 200000 человек) и ни один из английских городов не мог сравниться с Руаном. Большая часть Англии по-прежнему была страной, где занимались разведением овец и практически не было удобных равнин для выращивания зерновых. Виноградная лоза была почти неизвестна (за исключением нескольких редкостных виноградников в монастырях, что изготавливали тонкие и странные на вкус напитки). Английские войска, которые порой напивались до бессознательного состояния, вызывая неслыханное раздражение Генриха и его командиров, удивляло уже одно количество вин во Франции, в то время производимого даже в окрестностях Парижа. Для мародеров это и в самом деле был благодатный край. Сначала уговорить людей остаться и обосноваться на новом месте не представляло особого труда.

Не следует забывать, что завоевания Генриха в северо-западной Франции включали и часть земель Мена. Используя в качестве платцдарма Алансон, его войс-

ка заняли участок территории, простиравшийся в южном направлении до Бомон-ле-Виконт и даже чуть дальше, откуда совершали постоянные набеги в направлении Анжера. Эти южные завоевания были очень нестабильными, фортификационные сооружения постоянно переходили из рук в руки. В 1417 году английские войска совершили набег на огромный замок Лассе (между Майенном и Алансоном) и существенно разрушили его; в 1422 году сторонники дофина в ответ на непрекращавшиеся набеги довели разрушение до предела, чтобы не дать англичанам возможности использовать его в качестве своей военной базы. Они обнесли стеной небольшой городок Сен-Сюзанн, раскинувшийся южнее, притулившийся у подножия мрачного замка двенадцатого века, возвышавшегося на высокой скале, создав тем самым нечто похожее на укрепленный гасконский пограничный город. Угроза вторжения англичан изменила весь пейзаж северо-западной Франции, деревни, монастыри и церкви которой превращались в крепости.

Король также воодушевлял своих капитанов на проведение рейдов в глубь вражеской территории, лежавшей за пределами неточно определенной границы. Понять, к чему это привело, можно взглянув на часто цитируемую записку, адресованную королевскому совету одним из младших командиров, ветераном Азенкурской кампании, ставшим впоследствии одним из самых знаменитых солдат Столетней войны — сэром Джоном Фастольфом. Несмотря на то, что она была написана почти тридцать лет спустя после смерти Генриха, тем не менее в ней довольно обстоятельно и точно изложено, какие операции довольно часто проводились его воинами. По мнению Фастольфа, наиболее эффективными против французов были небольшие от-

ряды в 750 копьеносцев, совершавшие рейды в глубь их территории с июня по ноябрь, «сжигая и уничтожая все, что попадалось на их пути: дома, зерно, виноградники и деревья, на которых произрастали съедобные для человека плоды», а поголовье скота, «которое нельзя было угнать... истреблялось». О цели этих операций сэр Джон говорит без обиняков – довести противника до крайнего голода. Несомненно, что он всего лишь повторял Вегеция, но вряд ли это могло служить каким-либо утешением крестьянам, которые попадались на их пути и которым удалось спастись бегством.⁷

Из отчетов главного казначея Нормандии Уильяма Элингтона известно, что много денег расходовалось на осуществление шпионажа. У капитана Кале были свои шпионы, предшественники шестого отдела военной разведки, которые предупреждали его о любых опасностях, угрожавших изолированному городу. Генрих также использовал их для того, чтобы выведывать цели французов и раскрывать дислокацию их войск в Пикардии. Совершенно очевидно, что таким образом шпионы служили капитанам и в других гарнизонах. Они следили за передвижением вражеских войск на границе, а внутри страны для раскрытия заговоров. Нам также известно о существовании одной английской пары, мистера и миссис Пикетов, которым в 1420 году пришлось спешно покинуть Анжер и переправиться в Ла-Рошель, поскольку дофин прислал солдат, чтобы арестовать их за то, что они собирали информацию для сэра Жана Асхетона, балыи Котантена.

Герцог Жан был глубоко встревожен провалом июньских переговоров в Мелене и неподкупностью английского короля. Но, вероятно, еще в большей степени он страшился самого короля. Не будучи идеалистом, гер-

цог хорошо понимал, что Францию может спасти только военный союз бургундцев с арманьяками или хотя бы между бургундцами и дофинистами; если бы он смог подчинить себе слабого и бесцветного молодого наследника трона, то сумел бы избавить его от сильного влияния его друзей-арманьяков. Договор между герцогом и дофином был подписан 11 июля 1419 года в Пуиль-ле-Фор. В нем говорилось, что оба они будут противостоять «проклятой агрессии англичан, наших исконных врагов», которые подвергают почти все в королевстве Франции «самой жестокой тирании, стремясь полностью уничтожить его». Парижане обезумели от радости и танцевали на улицах Парижа, где накрыли столы, чтобы отметить этот праздник. Их радость была оправданной, новый альянс стал последней надеждой Франции.

В течение первой половины июля герцог трижды без всяких происшествий встречался с дофином Карлом. Страх перед английским королем заставил герцога забыть о враждебности непримиримых арманьяков, которые составляли большую часть свиты будущего Карла VII, жаждущих отомстить за своих подло убитых предводителя и товарищей. Еще больший шок испытал Жан после того, как Генрих захватил Понтуаэ. Ситуация становилась отчаянной, а подписанный в Пуиль-ле-Форе договор не сделал военное сотрудничество против англичан более тесным. Тем не менее, он, по-видимому, решил, что ему нужно обязательно снова повидаться с шестнадцатилетним дофином и постараться внушить ему всю серьезность назревавшего кризиса.

10 сентября оба представителя рода Валуа встретились по предварительной договоренности для проведения дальнейших переговоров. Место встречи находи-

лось в сорока милях от Парижа на укрепленном мосту Монтре через Сену в том месте, где в нее впадает Ионна. С обеих сторон моста были выполнены заграждения, между которыми образовалась площадка, где они, каждый в сопровождении десяти выбранных ими самими советников, могли встретиться, не опасаясь, что их может схватить кто-то из лагеря противника. Но самым кошмарным ожиданиям герцога было суждено осуществиться. Оказывается, это был тщательно разработанный план Арманьяка схватить его и «казнить». Никто никогда наверняка не узнает, что же произошло на самом деле. Известно только то, что, когда герцог опустился перед дофином на одно колено, тот поднял его и между ними произошел короткий разговор, затем последовала короткая стычка, и Жан упал замертво. Предполагается, что кто-то, возможно, Танги дю Шатель, неукротимый бретонский разбойник и бывший оруженосец Людовика Орлеанского, внезапно ударил герцога по лицу боевой секирой, отрубив ему часть подбородка, отчего герцог лишился чувств. Потом, когда он уже лежал поверженный на земле, кто-то еще приподнял его доспехи и поразил его мечом в живот, таким образом, прикончив его. Он не был убит в результате самообороны, как хотели все представить арманьяки. Можно не сомневаться, что дофин имел к этому самое непосредственное отношение, так как впоследствии никто не был наказан за это преступление, а Танги, однозначно имевший отношение к убийству, был удостоен всяческих почестей. Картезианский монах, в шестнадцатом веке показавший Франциску I череп герцога, кратко заметил, что через это отверстие в голове герцога Жана англичане и вошли во Францию.⁸

Партия арманьяков, вставшая на сторону сына

Карла VI, не только нанесла себе непоправимый ущерб в глазах общественного мнения французов, они едва не погубили дело дофина. У них теперь не было ни малейших шансов на сближение с бургундцами. Но по-настоящему проиграли от этого Франция и французский народ, брошенный на милость оккупантов. Наш Горожанин, который представляется нам открытым сторонником бургундцев, справедливо обвиняет, что они и так причинили Франции уже немало несчастий. «Нормандия и сегодня была бы французской, а благородной крови Франции не пришлось бы проливаться, и знатнейшим вельможам не нужно было бы отправляться в изгнание, и битва не была бы проиграна, и в тот жуткий день Азенкура не погибло бы столько хороших людей, где король [Франции] потерял столько самых лучших и наипреданнейших друзей, если бы не гордость этого проклятого рода Арманьяка». Неуважение к арманьякам распространялось и на дофина, поскольку все знали, что тот был марионеткой в их руках. Более того, если французы оставались разьединенными, то англичане были объединены тем делом, которое, безусловно, было их национальной войной.

Услышав известие об убийстве отца, новый герцог Бургундский, Филипп «Добрый», слег в постель, метался, скрежетал зубами и закатывал глаза. Хотя все это скорее было выражением гнева, чем горя. (Говорят, что во время этих пароксизмов гнева он даже посинел лицом.) Он увидел, как отплатили герцогу Жану за его желание спасти Францию и свое чувство родовой преданности. Ни о чем другом, кроме мести, он и думать не мог. На встрече, что произошла в Аррасе спустя месяц после «моста Монтре», собралась вся партия бургундцев, включая и их парижских сторонников. Все они

настоятельно просили его о союзе с Генрихом. Получивший воспитание во Фландрии, он «слишком хорошо знал, как хотелось его фламандским гражданам установить хорошие отношения со своими коллегами-предпринимателями из Англии. Альянс с англичанами означал для него приобретение изрядного куска Северной Франции. Во всяком случае, особого выбора у него не было.

Реакция Генриха была предсказуемой. Громко и цинично оплакал он смерть «славного и верного рыцаря и достойного господина» (описание в стиле слегка черного юмора), хотя, судя по записям, оставленным в более или менее современных ему хрониках, было совершенно ясно, что он хорошо понимал, что теперь то мог получить почти все, что пожелает. Из записей Ворена явствует, что он поклялся заполучить принцессу Екатерину даже в том случае, если все французы до одного ответят ему отказом. Десять дней спустя после убийства, он получил письмо от королевы Изабеллы, в котором она призывала его отомстить за герцога Жана. Одновременно она просила герцога Филиппа защитить ее от собственного сына. Она знала, чего Генрих хочет, была готова пойти ему навстречу. Переговоры между англичанами и бургундцами начались в Манте в конце октября. Посланникам герцога Генрих сказал, что, если их хозяин попытается захватить французскую корону, то он будет драться с ним не на жизнь, а на смерть. Он собирался жениться на Екатерине и унаследовать от короля Карла корону, которому он оставлял ее о конца его дней, а королеве Изабелле ее поместья. Таковы были условия договора в Труа, которому в апреле 1420 года суждено было быть подписанным и который фактически делал его «наследником и регентом Франции».

Тем временем в Манте, согласно Тито Ливио, король «не позволял себе ни отдыха, ни праздности, но с замечательным упорством и прилежанием трудился, не покладая рук. Не проходило и дня, чтобы он не навещал в какой-нибудь городишко, крепость или замок. Он доставлял им все, в чем они нуждались. Все места он укрепил достаточным количеством живой силы для удержания обороны, обеспечил их продовольствием, отремонтировал их крепости, башни и стены. Он вычистил их рвы».⁹ Он не мог оставить Лондон в неведении о происходящем и 5 августа 1419 года, скрепленное его печатью, ушло письмо, адресованное мэру и олдерменам, в котором говорилось, что враг не собирается идти на мировую, поэтому ему придется продолжить войну.

На новой встрече бургундцев в Аррасе герцог Филипп был предупрежден, если он вступит в союз с англичанами, то возникнет опасность, что Генрих не только изгонит из Франции короля и королеву, но также многих знатных французов, заменив их своими английскими лордами, рыцарями и священниками. Несомненно, это предупреждение отражает те впечатления, которые произвели известия о происходящем в Нормандии. С другой стороны, большинство из подданных Филиппа верили в вину дофина и желали, чтобы герцог отомстил за смерть отца. Филипп тоже был из рода Валуа, он был правнуком короля Иоанна II, который при Пуатье потерпел поражение. Можно задать справедливый вопрос: почему он сам не стал претендовать на престол Франции, вместо того, чтобы позволить англичанам взять его. Но Филипп не мог одновременно сражаться с арманьяками и англичанами. Тем более, что за последними утвердилась слава практически не-

победимых. Заключив с Генрихом союз, он удваивал свою территорию и преграждал путь к трону ненавистной группировке, члены которой так вероломно расправились с его отцом.

Власть короля над значительными по площади областями Франции в результате его союза с Бургундией и вражды бургундцев с арманьяками должна была стать крепче. Каждый француз, который недолюбливал англичан; но боялся арманьяков, был вынужден поддерживать его. Особенно это касалось самой столицы, где в памяти парижан еще свежи были воспоминания о кровавых бойнях последних лет и у которых были веские причины опасаться возвращения дофина, поддерживаемого арманьяками, которые, в свою очередь, непременно воспользуются возможностью, чтобы свести старые счета, пролив как можно больше крови. Наш Горожанин из Парижа с содроганием вспоминает, как в городе витали слухи о жестокостях арманьяков. С величайшим ужасом воспринималось каждое известие о том, что отряды дофина появились в окрестностях Парижа.

Генрих в своем настоятельном желании видеть трон Франции как нечто, принадлежащее ему по праву наследования, был упрямо последовательным. Все же, руководствуясь опытом уэльских кампаний и той безумной радостью, что вызвали в английских подданных его победы, он ни на минуту не забывал о силе национализма. Иногда, разговаривая с французами, он часто вставлял «по-нашему» и «по-вашему». Но, с другой стороны, в чем он на века опередил свою эпоху, так это в том, что спор за французский престол он представил как борьбу двух личностей. Ни один из современных политиков, боровшихся за лидерство в своей партии или президентский пост, не мог бы разрекламировать

себя с большей обстоятельностью. Он предлагал себя как опытного, проверенного руководителя, превосходного солдата и талантливое администратора, способного обеспечить разумное правление, безусловно справедливое правосудие и, самое главное, мир. В то же время он, противопоставляя облик своего соперника, рисовал его как недоразвитого недоумка, убийцу, от которого отреклись даже собственные родители, проклятого законами своей страны, послушное орудие в руках порочных и мстительных хозяев.

Король Англии понимал, что теперь он был самым влиятельным человеком Франции, осмелиться противостать которому с надеждой на успех не мог никто. Генрих был на вершине триумфа своей дипломатии. Он безжалостно продолжал прокладывать себе путь в Париж, расправляясь с нормандскими укреплениями, которые все еще продолжали стоять за короля Франции. 6 августа он перенес свою штаб-квартиру из Манта в Понтуаэ, когда Кларенс подобрался к самым воротам Парижа. 23 сентября 1419 года ему покорились самая восточная точка Нормандии — Жизор (Gisors), а вскоре, вслед за ним, и Сен-Жермен. Жизор представлял угрозу для бургундской границы, а Сен-Жермен — Парижу. Несмотря на то, что бургундцы все еще удерживали столицу, они не сомневались, что Генрих непременно возьмет ее и что с Парижем они утратят свое влияние над весьма шатким символом призрачной власти, именуемой бедным, безумным Карлом VI. Им волей-неволей пришлось согласиться, что иного пути, кроме как отомстить за смерть герцога Жана и пойти на союз с англичанами, какие бы отрицательные чувства они к ним не питали, у бургундцев не было. Английский король знал, что у бургундцев он мог потребовать

всего, чего желал: их молчаливого согласия не только на завоевание основных территорий Франции, но и на саму корону Франции. В начале сентября его войска, наконец, добились капитуляции замка Гайяр на огромном скалистом уступе над Сеной. Повсеместно читалось, что это была самая неприступная крепость во всем королевстве.

Конструктивные переговоры начались 26 октября, как только представители бургундцев прибыли в Мант. Несмотря на то, что они были встречены «очень доброжелательно и торжественно», Генрих повторил им то, что уже говорил отцу Филиппа: если их господин не согласится на его условия, то Францию он завоюет один. На этот раз он дал герцогу конкретный срок — Мартынов день, 11 ноября. Еще раз он твердо очертил круг своих интересов — такого опытного политика-практика история еще не знала. Он требовал руки Екатерины Французской и признания себя в качестве наследника французского престола при условии, что корона Франции останется за Карлом VI до конца его дней, но во время его приступов помутнения рассудка Генрих должен был становиться регентом королевства, а герцог Бургундский после его коронации должен был признать в Генрихе своего соверена. Английскому королю казалось совершенно очевидным, что от такого соглашения Филипп должен был только выиграть. Во-первых, он расширял свою территорию, во-вторых, был защищен от дофина и арманьяков. Если некоторые сторонники бургундцев боялись, что англичане могут монополизировать все структуры власти во Франции, то Генрих V не мог допустить развития столь опасной ситуации. Договор был подписан герцогом Филиппом в день Рождества 1419 года. Оставалось только убедить

французского короля и королеву лишить своего сына прав на престолонаследование.

Дофин был обвинен в убийстве герцога Жана на мосту Монтеро. Это обвинение послужило предлогом, ставшим основанием для лишения его престолонаследия. Даже, если бы его предали суду, который признал бы его вину, тем не менее, не было такого закона или прецедента, согласно которому его могли лишить права наследовать трон, в то время, как пресловутое безумие французского короля служило для него препятствием дать сыну отставку, придав ей хоть какую-нибудь маломальски убедительную законность. Тем не менее, жажда мести разъяренных бургундцев за смерть герцога Жана помогла Генриху использовать обвинение в качестве основания для узурпации прав юноши, принадлежавших ему по праву рождения.

Английский король полагал, что создавая двойственную монархию, при которой правление в каждом из королевств будет осуществляться в соответствии с его собственными законами, он закреплял за собой то, что принадлежало ему по праву. Генрих верил, что только он был способен на организацию хорошего правительства во Франции, как он уже добился этого в Англии. Вся его политическая программа строилась на этих двух твердых убеждениях. Он неустанно трудился, чтобы окружить Францию кольцом дипломатических союзов, включая и династические. Были достигнуты отличные, хотя, может быть, и не во всем выгодные отношения с императором Сигизмундом. Трое важных курфюрста-архиепископа Кёльна, Трира и Майнца* получили ан-

*курфюрст — титул в священной Римской империи, член коллегии из семи князей (четырёх светских и трех духовных), избиравших императора.

глийские субсидии. Прошли переговоры с Генуей относительно заключения торгового договора.

Король также предпринял попытку, хотя и безуспешную, женить своего брата Хэмфри Глостера на дочери Карла III Наварского, королевство которого соседствовало с Гиенью. Но наиболее тщеславным его стремлением по установлению династических связей стало желание, чтобы его брат Джон Бедфорд был усыновлен королевой Неаполитанской. С этой целью для выяснения обстановки в 1419 году он отправил в Неаполь Джона Фиттона и Агостино де Ланте. В это время Бедфорду было тридцать, а Жанне II, вдове, отвергнувшей второго мужа, сорок четыре года. Детей у нее не было, поскольку она, во всей видимости, была бесплодной. Неразборчивая в своих связях, она имела чрезвычайно дурную репутацию. Первый шаг в переговорах сделала она сама, предложив сделать Бедфорда герцогом Калабрии, титул, обычно даваемый наследникам неаполитанского трона; она захотела признать его своим официальным преемником, а также передать в его распоряжение все цитадели и замки, находившиеся в ее владениях. Вероятно, к счастью для Бедфорда, из этой экзотической затеи ничего не вышло.

Отношения Англии со Скандинавией стали наиболее близкими, чем когда-либо, начиная с XI века. Сестра Генриха, Филиппа, стала женой короля Швеции, Дании и Норвегии, Эрика XIII. У истоков создания тройного королевства стояла двоюродная бабка ее мужа, Св. Бригитта, пребывавшая теперь в состоянии хронического беспокойства. Благодаря этим связям, в Твикенгеме был основан монастырь ордена Св. Бригитты, первыми его монахами и монашками стали шведы из Вадстена. Вероятно, именно по этой причине Генрих

задействовал датчанина, сэра Гартунга фон Клуksа (которого возвел в рыцари Подвязки) в таком количестве должностей. Гартунг возглавлял посольство к императору Сигизмунду, а также участвовал в сражениях во Франции. В 1417 году для оккупационной армии он дал четырех тяжеловооруженных воинов, девять лучников и, что было совсем неожиданно, двух арбалетчиков. В тот же год он был назначен капитаном Крейли и стал одним из первых людей, кто получил нормандское владение.

Дипломатия Генриха достигла даже земель Тевтонского ордена в Балтии. Необычная страна, протянувшаяся от Ноймарка в Бранденбурге до Финского залива, находилась под владычеством германских рыцарей, давших обет безбрачия, которые вели войны против последних язычников Европы, змеепоклонников-литовцев, а также с меньшим удовольствием против католиков-поляков. В 1410 году последние нанесли им сокрушительное поражение, убив их «хохмайстера» (магистра). Но Орден оставался богатым и мощным со столицей в Мариенбурге и торговым центром в Данциге, он имел жизненно важное значение в торговых отношениях Балтии и обладал значительным международным влиянием. В 1407 году герцог Бургундский попытался вовлечь его хохмайстера в войну против Англии. Каждый год в Англию из Данцига отплывала флотилия, по пути присоединявшаяся к флотилии Ганзы, нагруженная прусскими товарами — зерном, серебром, мехами, соколами и янтарем. Назад они везли английские ткани, которые пользовались большим успехом по всей Польше и в Западной Руси. Для англичан было важно сохранять с рыцарями дружеские отношения. В 1419 году брат Неттер возглавил прибывшее к ним посоль-

ство, а также к королю Владиславу Ягайло, с которым Орден все еще находился в состоянии войны.

Человека, которого король наиболее часто привлекал для участия в дипломатических миссиях, звали сэра Джон Типтофт, который прежде был спикером и казначеем. Он сыграл важнейшую роль в изоляции Франции перед началом кампании 1417 года, посетив императора и многочисленных германских курфюрстов, королей Арагона, Кастилии и республику Геную. Он находился также среди уполномоченных, цель которых состояла в том, чтобы заставить Францию согласиться на условия Генриха в 1419 году. В течение всего этого периода он был также сенешалем Гиени, получив назначение на самую важную в герцогстве должность в 1415 году, незадолго до отплытия Генриха в экспедицию, направлявшуюся в Гарфлер.

Король никогда не располагал временем, чтобы посетить Гиень, однако с каждым разом он требовал от нее все больше и больше денег. Но герцогству, тем не менее, он уделял самое пристальное внимание, о чем свидетельствует назначение на важный пост Типтофта, а также сэра Джона Радклиффа — на должность сенешаля Бордо. В обращении с гражданами Бордо он проявлял максимальную тактичность, регулярно писал письма мэру и горожанам, в которых рассказывал о своем прогрессе и просил сообщать новости о себе. Гасконь была связана с Англией самым тесным образом, частично помня, что та покупала изрядную часть ее вина, поэтому они радовались успехам своего короля-герцога на севере. Король привлекал к военным действиям гасконские войска, одним из его самых стойких капитанов был капитан де Буш, возведенный им в рыцари Подвязки. Все же и в Гиене были свои проблемы, она

подвергалась налетам дофинистов и бандитов. Вопросом первостепенной важности становился вопрос, связанный с благонадежностью двух важных вельмож, владения которых граничили с герцогством, — графами Фуа и Альбре. Это требовало от Генриха дипломатической изворотливости и значительных денежных затрат.

Тито Ливио сообщает нам, что наиболее благочестивый король Англии вернулся в 1419 году в Руан, чтобы отметить Рождество Христово. Но если сам Генрих в это святое время года самозабвенно предавался религиозным отправлениям, то по его распоряжению капитаны продолжали завоевание просторов Франции. Английские войска, «которых не страшила смерть во имя восстановления права их короля... оставались на поле боя победителями и обращали супостатов в бегство, из которых многих они перебили и многих покалечили». А Генрих тем временем «в городе Руане упорно и честно возносил хвалу единственному создателю и искупителю мира». ¹⁰

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ «НАСЛЕДНИК И РЕГЕНТ ФРАНЦИИ»

*«Пускай лишусь я английского трона, Коль не надену
Франции корону».*

ШЕКСПИР «КОРОЛЬ ГЕНРИХ V»

*«Стоит ли мне рассказывать о руинах Шартро, Ле
Мана, Понтуаза, когда-то самого замечательного
и процветающего места, — Санса, Эвре и многих
других, которые обманом, Вероломством и
хитростью брались не раз, не два, а больше и были
преданы на растерзание?»*

ТОМАС БАЗЕН «ЖИЗНЬ КАРЛА VII И ЛЮДОВИКА XI»

В феврале 1420 года герцог Филипп Бургундский обнародовал договор, который заключил с королем Англии на Рождество. Совместные англо-бургундские военные операции уже начались. В то время, как бургундцы из партии бургундцев ничего не имели против захвата и проведения осад крепостей арманьяков на севере Франции, им, как французам, страшно не нравилась практика жестоких расправ англичан над арманьяками, которые сдавались в плен только после того, как бургундцы обещали им жизнь и достойное обращение. Все же этот не слишком благородный альянс продолжал существовать и даже благоденствовать. Две армии захватили множество больших и малых

городов, среди них был Реймс, город, в котором традиционно проводилась церемония коронации французских королей.

Для Генриха и Филиппа было важно добиться поддержки жены Карла, Изабеллы Баварской, претендовавшей на регентство Франции. Толстая, крупного телосложения, она родилась в 1379 году. При своем дворе в Труа она окружила себя (как, впрочем, делала это всегда) жонглерами и бродячими зверинцами, в которых были леопарды, кошки, собаки, обезьяны, лебеди, совы и черепаховые голуби. Своему мужу она родила двенадцать детей и славилась своими беспорядочными связями. Священники открыто упрекали ее, что она сделала из своего двора «обитель Венеры». После Азенкура английский король сказал Карлу Орлеанскому, чтобы тот не удивлялся своему поражению, поскольку во Франции царили сладострастие и порок. Здесь звучал намек на двор королевы Изабеллы. Одна из ее любовных связей стала причиной ее лютой и неизличимой ненависти к арманьякам. В 1417 году к королю Карлу на короткий период вернулся разум, тогда же покойный граф Бернар Арманьяк сообщил ему, что его царственная половина спала с молодым дворянином Луи Буабурдоном; король тотчас велел арестовать Буабурдона, подверг его зверским пыткам, а потом приказал зашить в мешок и сбросить в Сену, а свою оступившуюся супругу заточил в Туре. Если раньше она благоволила арманьякам, отдавая им предпочтение перед бургундцами, то теперь ей пришлось изменить свое мнение. В ответ на ее жалостливые просьбы герцог Жан прислал 800 вооруженных солдат, чтобы выручить королеву из унижительного плена, после чего помог ей основать свой двор в Труа. Этот инцидент также на-

строил ее против дофина Карла, который, воспользовавшись удобным моментом, присвоил себе матушкины драгоценности. Изабелла была ненадежной и злобной женщиной, страдавшей от приступов подагры и англофобии. Не интересуясь политикой в целом, она, тем не менее, обладала хорошо развитым чувством самосохранения.

Вызывавший беспокойство английский король-воин был способен обеспечить ее безопасность и роскошную жизнь. Естественно, любое сравнение с дофином Карлом превращало последнего в ее глазах обреченным на неудачу слабаком. Когда выбранные дофином друзья убили на мосту Монтеро герцога Жана, они поставили на нем несмываемую печать убийцы, как бы он не твердил о своей невинности. Кроме того, лишив мать денег и драгоценностей, он, тем самым, отстранил ее от власти. Но даже и в этом случае она еще пыталась найти с ним общий язык, но бургундцы искусно пресекли ее попытки. Они дали ей понять косвенным путем, что денег у нее было маловато. Дофин был слишком наивен, чтобы предложить ей финансовую поддержку, и через посредничество матери герцога Филиппа (ее тетка по баварской линии) пообещали ей, что, если она сделает то, что ей скажут, то получит все, что пожелает. Кроме того, король Генрих прислал к ней своего личного посла, сэра Льюиса Робсара, натурализовавшегося англичанина, чьим родным языком был французский, в задачу которого входило убедить, что ее предполагаемый зять даст ей все, что заблагорассудится. Уже в январе 1420 года Изабелла издала указ, в котором публично осудила своего сына Карла и его поступки, признав Генриха и герцога Филиппа официальными союзниками ее мужа.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Юный Генрих V. Репродукция копии шестнадцатого века, сделанная с утраченного оригинала. (Коллекция Мэнселлов)
2. Коленопреклоненный Джон, герцог Бедфорд, перед Св.Георгием, раздвоенная борода которого придает ему несомненное портретное сходство с Генрихом V. (Британская библиотека)
3. Тесть Генриха V, король Франции Карл VI со своими советниками. (Коллекция Мэнселлов)
4. Брат жены Генриха V, дофин, когда с королем Карлом VII, изображенный в виде одного из Трех Волхвов. Репродукция с миниатюры Жана Фуке. (Жиродон)
5. (*вверху*) Комната, хорошо известная Генриху V, — развалины обеденного зала Кенилуортского Замка в Уорикшире. (Джон Кук)
6. (*внизу*) Замок Лассайе в Мене. Разрушенный в 1417 году, он перестал использоваться англичанами в качестве своей базы. В 1458 году он был восстановлен и обнесен выпуклыми стенами, которые могли противостоять осадной артиллерии, используемой во времена Генри V. (С. Монгарре)
7. Охотничья сцена эпохи Генриха V. На заднем плане видна его любимая французская резиденция, замок Буа-де-Винсенн. Репродукция из «Tres Riches Heures du duc de Berry» (Жиродон)
8. Официальная парижская резиденция Генриха V, Лувр, так как выглядела она в эпоху его правления. Репродукция из «Tres Riches Heures du duc de Berry». (Жиродон)

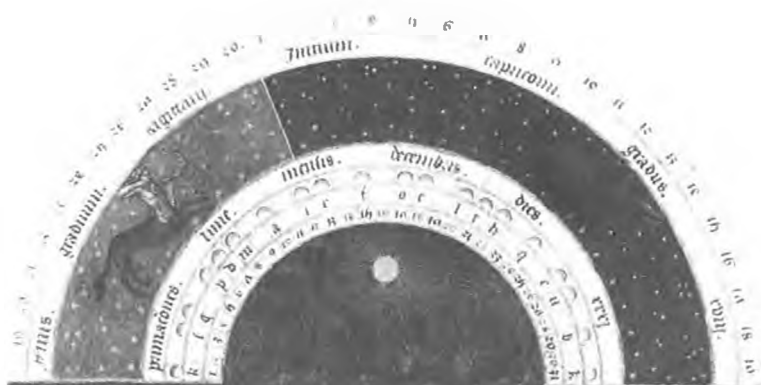

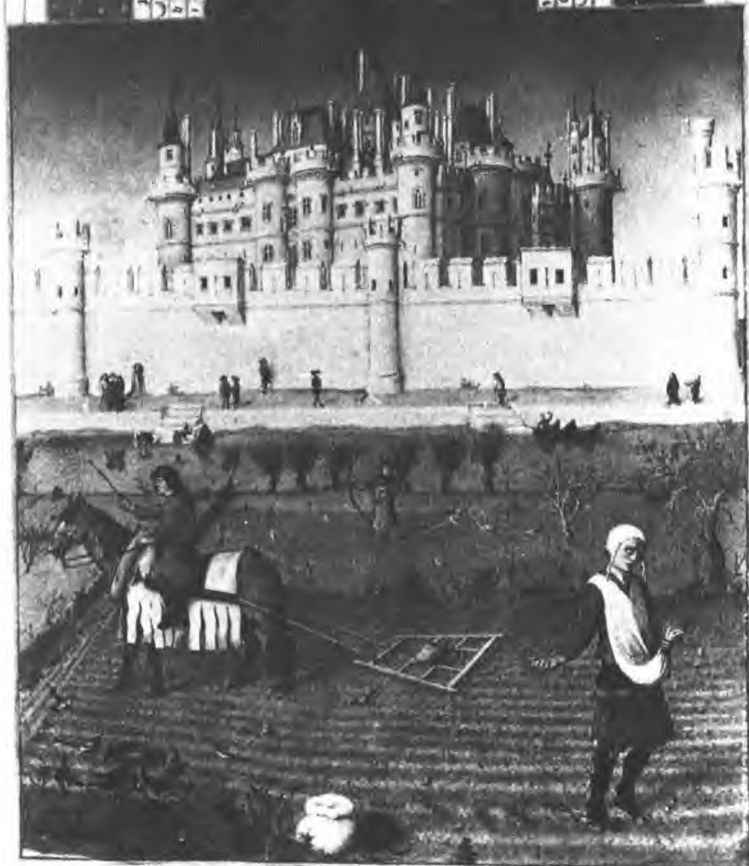

5

6

Вскоре распространился ложный слух, что она, якобы, призналась, что Карл VI не был отцом дофина Карла; в то же время было хорошо известно, что у нее было довольно много любовников, следовательно, дофин вполне мог оказаться прижитым ребенком. Однако маловероятно, что в таком факте она могла признаться. (Известно, что в середине двадцатых годов ее сына действительно очень волновал вопрос относительно его отца.) Скорее всего, распространением истории о незаконности своего рождения дофин был обязан агентам Генриха. В марте 1420 года король Генрих прошелся по вражеской территории в Труа и Шампани, где вместе со своим кузеном герцогом Филиппом его ожидали король Карл VI, королева Изабелла и их дочь Екатерина. Генриха сопровождали Кларенс и Глостер, поскольку оплоты врагов, хорошо укрепленные крепости, находились на опасно близком расстоянии, протянувшись цепью от южной оконечности Парижа вдоль берегов Сены и Ионны. Генрих отправился дорогой, ведущей через Сен-Дени, где он остановился и вознес молитвы, мимо стен Парижа, жители которого с городских стен радостно приветствовали его, полагая, очевидно, что он несет им мир, а не в знак выражения своей любви к нему. Когда армия его вошла в Шампань, он издал приказ, чтобы ни один солдат не пил местное вино, «такое знаменитое и крепкое» (слегка завистливое описание из «Первой английской жизни»), не разбавляя его. На некотором удалении от Труа его встретил герцог Бургундский в сопровождении конного бургундского эскорта и под их охраной они поскакали в город. Филипп и его армия были в черных доспехах, конская сбруя тоже была черного цвета. Попона лошади герцога свисала до самой земли. Над их головами развевались

черные знамена, полотница которых достигали семи ярдов в длину.

В Труа перед безумным французским королем, сидевшим на троне, Генрих преклонил колени. Сначала Карл VI никак не мог понять, кто был Генрих, но потом все же пробормотал: «Ах, это вы! Раз это вы, мы вам очень рады. Поздоровайтесь с дамами». Английский король приветствовал поцелуем королеву Изабеллу и, наконец, Екатерину Французскую. Очевидцы утверждают, что поцелуй «доставил ему большое удовольствие».

На другой день в торжественной обстановке в соборе Труа в присутствии короля Генриха и королевы Изабеллы (короля Карла VI не было) договор был ратифицирован, а его условия зачитаны перед собравшимися. Пока король Франции был жив, корона оставалась за ним, но после его смерти она навечно переходила Генриху и его наследникам. С этих пор Генрих становился «наследником Франции», а также регентом королевства по рекомендации французских владений; он пообещал добиться послушания тех областей Франции, которые еще находились во власти «самозванного дофина Вьеннского». Далее, «учитывая ужасные и невероятные злодеяния», совершенные последним, Карл VI, Генрих и герцог Филипп условились никогда не вступать с дофином в сепаратные переговоры. Английскому королю предстояло взять в жены принцессу Екатерину, которая вместо того, чтобы отдать свое приданое, должна была получить приданое английской королевы, равнявшееся 40000 французских крон в год, сумма должна была выплачиваться английским казначейством. Королева Изабелла оставалась королевой пожизненно. Каждый бургундец, чьи земли были экспропрированы во время английского вторжения, дол-

жен был получить компенсацию в виде земель, которые предстояло отвоевать у дофина.

Генрих также торжественно пообещал гарантировать соблюдение французской законности и сохранить традиционное французское устройство с назначением на государственные должности французов. Между Англией и Францией должен был воцариться вечный мир, а после смерти Карла VI их сувереном должен был стать один человек. Мир должен был привести к созданию альянса, направленного на оборону, и открыть путь к свободной торговле. «Всем распрям, которые могли иметь место между Францией и Англией, должен быть положен конец, чтобы на смену им могла прийти взаимная любовь и дружба». Более того, король пообещал, что в отношении к королю Карлу и королеве Изабелле «Мы будем почитать их как нашего батюшку и матушку и жаловать их так, как подобает столь достойных государя и государыню, особенно перед лицом всех других смертных владык мира сего». (Его вопиющее нежелание соблюдать это пункт вызвал искреннее негодование даже среди бургундцев.)

В январе следующего года дофин и его советники вынуждены были издать манифест против «проклятого договора, которого добился Генрих, король Английский». В нем утверждалось, что «честь флер-де-лиль* и право на корону Франции не может быть передано чужеземцам, особенно тем, кто является нашими исконными врагами». В более завуалированной форме в нем также говорилось, что этот договор ввергает духовенство, знать и простой люд Франции в «позорное рабство». Это замечание было сделано с той целью, чтобы развенчать

* цветок лилии — герб Валуа.

тщательно просчитанную Генрихом кампанию, целью которой было убедить французов, что ничего не будет изменено в их законах, обычаях и привилегиях, из-за этого он, собственно, и отказался от старых претензий Плантагенетов на трон Франции, в обмен на признание Карлом VI его своим наследником.

В соборе в Труа тот же день, когда был подписан договор, новый «наследник и регент Франции» был помолвлен с Екатериной, затем последовали пиршества, длившиеся на протяжении 12 дней и венчание, состоявшееся 2 июня. Его невеста родилась в 1401 году, она была младшей дочерью Карла VI и Изабеллы Баварской и сестрой младшей королевы Изабеллы, жены Ричарда II. Следовательно, наполовину она была немкой. Впечатление сильной личности она не производит. Учитывая восторг, который вызвал у Генриха ее изображение на портрете, присланном ему ее матерью, (не дошедшего до наших дней) можно заключить, что она была привлекательной. Монстреле уверяет нас, что она была «очень хороша». Мы не знаем, унаследовала ли она от матери ее легендарную чувственность, но точно известно, что шизофрению своего отца она передала единственному сыну, прижитому ею от Генриха V. После смерти короля она до безумия влюбилась в застенчивого дворянина из свиты, родом из Англии, Оуэна Тюдора, ее камергера, отцом которого был епископ Бангорский. (От него, очевидно, после тайного бракосочетания, она родила четверых детей, один из которых был отцом Генриха VII.) Как мы увидим дальше, подлинных чувств к ней король не испытывал, ограничиваясь чисто династическими соображениями.

Народная песня «Английский брак» запечатлела воспоминания об этом событии. В ней говорится о том,

как Екатерина молила своих братьев, чтобы не разрешили Генриху увозить ее: «Я бы предпочла французского солдата, но только не английского короля», что во всем Париже не сыскать было дамы, которая бы не оплакивала судьбу дочери французского короля, увозимую англичанином. Слушая серенаду, исполняемую ей музыкантами короля, она с презрением воскликнула, что «проклятые англичане» никогда не будут звучать, как «гобой короля Франции». За ужином она сказала королю, попытавшемуся поухаживать за ней: «Когда я смотрю на тебя, то не могу ни пить, ни есть». Когда английские дамы хотели помочь ей раздеться, она приказала «ненавистным англичанкам» оставить ее: «У меня хватает людей в моей стране, которые могли бы прислуживать мне». Но когда наступила полночь, она все еще не спала и отдалась своему мужу.

Печать королевы Екатерины

*Вернись, англичанин мой,
И обними меня, мой дорогой!
Раз нас Господь решил соединить,
Должны друг друга мы любить.¹*

Возможно, «Английский брак» и в самом деле отражает истинные чувства, испытываемые Екатериной Валуа к Генриху. Во всяком случае, она дает нам ключ к пониманию того, как относились к нему французы. Вот что сказал о нем монах из Сен-Дени: «Если он сильнейший, ладно, пусть будет он нашим господином так долго, пока мы сможем жить в мире, безопасности и изобилии».² Песня и хроники передают нам ощущение безысходности, вызываемое нескончаемой гражданской войной. Но Ланкастерская монархия ничего такого не дала королевству Франции. Генрих обещал «хорошее правление», обещал покончить с коррупцией и вымогательством. Но, как оказалось, против власти бургундского чиновничества, управлявшего королевством, он оказался бессилён. Не смог он также и прекратить набеги сторонников дофина, которые часто угрожали самому Парижу.

Проведя всего два дня своего медового месяца, Генрих оставил Труа и вместе с герцогом Филиппом отправился в поход против города Санса, который быстро капитулировал. Англо-бургундская армия начала осаду Монтре, где почти год назад был злодейски убит отец герцога. 24 июня англичане вместе с бургундцами, жаждавшими мщения, пошли на штурм города. Губернатор, сир де Гитри, вместе с большей частью гарнизона нашел укрытие в хорошо укрепленной крепости, расположенной по соседству с городом. Одиннадцать человек все же были пойманы. Монстреле рассказывает о том, что же произошло дальше:

«Под усиленной охраной король Англии отправил пленников, захваченных в городе, переговорить изо рва с людьми, укрывшимися в крепости, чтобы те убедили губернатора сдаться. Когда они оказались в пределах слышимости, то повалились на колени и стали жалостливо умолять его сдаться, потому что только этим он мог спасти их жизни, тем более, что против такой большой силы он не сможет продержаться долго. Губернатор ответил, чтобы те сами позаботились о себе, поскольку он сдаваться не собирается. Оставив всякие надежды сохранить жизнь, пленные попросили разрешения поговорить со своими женами, друзьями и родственниками, которые прятались в замке. Со слезами на глазах и причитаниями они распрощались. Когда их вернули в расположение войск, по распоряжению английского короля были уже возведены виселицы. Несчастных он повесил так, чтобы с крепости они были видны. Король также повесил своего лакея, который всегда выезжал вместе с королем, ведя под узцы его лошадь. Человек этот был большим любимцем короля, однако, за то, что убил в ссоре рыцаря, он был наказан.³

Тот факт, что рыцарь был убит случайно, не имело для Генриха никакого значения. Тем временем, герцог Филипп выкопал из могилы тело своего отца и его глазам предстал «печальный вид, поскольку тот был все еще в своем стеганном камзоле и подштанниках». После того, как тело соответствующим образом обрядили, поместили в свинцовый гроб, обложили солью и благовониями, его отправили для перезахоронения в родовую усыпальницу герцогов Бургундских в Дижон. 1 июля сир Гитри на заранее оговоренных условиях сдался, выйдя из крепости вместе с гарнизоном.

Англо-бургундская армия, боевая мощь которой составляла 20000 человек, двинулась в раскинувшийся неподалеку Мелен. Здесь силы защитников и нападавших оказались равными. Городской центр вместе с цитаделью располагался на маленьком островке на Сене. С обеими берегами его соединяли укрепленные мосты, каждый из которых представлял собой независимо фортификационное сооружение. Капитан Мелена, сир Арно Гильом де Барбазан, был не просто гасконцем, в жилах которого текла горячая кровь, но был лидером, обладавшим необыкновенной притягательностью и заражавшим своих солдат энтузиазмом. Его гарнизон насчитывал 700 человек (которые были «тщательно отобранны»), энергичную помощь им оказывали вооруженные горожане. Свой лагерь Генрих разбил на западном берегу реки, герцог Филипп — на восточном. Король через Сену построил понтонный мост, спрятал свои пушки за земляными валами и балочными заграждениями. Линию обороны от вражеских лазутчиков он защитил траншеями. Как обычно, его артиллерия вела обстрел и дено, и ночью. Среди орудий была особенно крупная пушка, подарок Сити, названная по этой причине «Лондон». Она прибыла совершенно неожиданно. Но для стен Мелена английская артиллерия оказалась слишком маломощной. Бургундцы, которым надоело ждать, несмотря на предупреждение со стороны Генриха, предприняли самостоятельную атаку. В результате они, неся большие потери, были отброшены и напустились на своих союзников. Герцог Оранский в знак презрения увел свой контингент. Герцог Бургундский остался; большая часть его основных сторонников страстно желала сражаться на стороне английского короля, поскольку

в нем заключалась их единственная надежда вернуть себе имения, отобранные арманьяками.

Генрих и бургундцы решили попробовать сделать подкоп. Миниатюры с изображением средневековых осад в иллюстрированных манускриптах показывают канониров в сияющих доспехах, с изяществом одетых лучников, грациозно обстреливающих сказочные замки. Их командиры наблюдают за происходящим из великолепных шелковых шатров. Реальность была не столь элегантна. Обычно, как и при Мелене, произвести подкоп нужно было для того, чтобы помочь артиллерии пробить в обороне брешь. Подкоп под основание крепости начинали вести зачастую издалека, затем тоннель укрепляли стойками, поджигали опоры, вместе с которыми рушилась и опиравшаяся на них стена. В Мелене грунт для этого оказался неподходящим. Из-за близости реки саперам приходилось работать по колено в грязи и воде. Защитники, чтобы в тоннеле атаковать осаждавших, начали вести встречный подкоп. Такие отчаянные рукопашные схватки в зловонной темноте, озаренной мерцающим пламенем факелов между полуголыми, часто падавшими на скользкой земле мужчинами были, должно быть, неопишимо жестокими, совершенно непохожими на рыцарские сражения, описываемые в хрониках. Даже король спускался в тоннель, чтобы принять участие в схватке. Однажды он скрестил меч за деревянным ограждением в смутно освещенном тоннеле с особо стойким противником, который оказался Барбазаном, вражеским командиром. Когда Барбазан узнал, с кем сражается, он приказал отступить.

Свою жену Генрих поместил поблизости, в Корбейле, в специально построенном для этого случая доме

возле своей штаб-квартиры. Каждый день на рассвете его менестрели устраивали для нее часовые серенады, которые повторялись затем на заходе. В своем лагере он держал Карла VI и Якова I, плененного корля шотландцев. Первого он заставил призвать гарнизон сдать-ся, на что те откликнулись, что пока они чтут французского короля, на колени перед английским не встанут. Такая же просьба, исходившая на этот раз от Якова и обращенная к шотландцам, сражавшимся в гарнизоне, получила аналогичный ответ.

После четырех месяцев осады у англичан появились все основания встревожиться, несмотря на то, что стены теперь превратились в груды развалин. В рядах бургундцев было все больше и больше дезертиров (хотя герцог все еще мог получить подкрепление). У англичан началась дизентерия. Более того, стало известно, что сторонники дофина для оказания помощи осажденным собирают силы. Даже если они не смогли бы спасти Мелен, то разделить сильно поредевшие ряды англо-бургундской армии они были в силах. Из Англии, где разразилась эпидемия, поступали тревожные новости. Венецианец Антонио Морозини записал в своем дневнике, что он получил письмо из Лондона, датированное 8 сентября 1420 года, в котором сообщалось, что там всюю свирепствовала чума, унося ежедневно до 400 жизней.

На протяжении трех месяцев защитники города вынуждены были питаться кониной, но когда почти неделю они просуществовали без мяса и питья, Барбазан оставил всякую надежду на помощь и 18 ноября сдался. Осажденные были помилованы, но солдатам и гражданским лицам пришлось оставаться в плену до тех пор, пока за них не будут уплачены выкупы. Все,

кого подозревали в причастности к убийству в Мотеро, были вздернуты на перекладине. Все, что было в Мелене ценного, стало добычей победителей. Капитаном города был назначен Умфравиль.

Но в выполнении условий Генриху, определенно, не хватило великодушия. Героизм защитников не впечатлил его, а явился скорее раздражающим фактором. Лодки, груженные наиболее ценными пленниками, в количестве 600 человек, были отправлены по Сене в Париж. Многие, кто не смог вовремя организовать внесение выкупа, умерли в неволе.⁴ Генрих хотел казнить Барбазана, но того спасло лишь то, что он напомнил королю о законах рыцарства, сказав ему, что раз он скрестил с ним в тоннеле мечи, то они стали братьями по оружию. Генрих удовлетворился тем, что приговорил Барбазана к пожизненному заключению и поместил его в железную клетку сначала в Бастилии, а затем перевез в замок Геллар (где тот оставался на протяжении многих лет). Казнено было большое количество людей из партии арманьяков на том основании, что они имели касательство к убийству на мосту Мотеро, хотя доказательств тому не было. Король также повесил двадцать шотландцев под еще более благовидным предлогом за то, что они не повиновались призывам своего плененного монарха сложить оружие. Он также казнил двух монахов из гарнизона за то, что те доставляли туда сообщения.

Генрих вызывал «страх и ужас как у высшей знати, рыцарей и капитанов, так и у людей всех рангов и сословий, сообщает нам Варен, потому что он безжалостно предавал смерти всех тех, кто отказывался подчиняться его приказам или нарушал его распоряжения».⁵ Особенно ярко проявилась его не знавшая жа-

лости жестокость в отношении выполнения буквы закона в Мелене. Вскоре после этого события пострадал француз Бертран Шомон, выходец из Северной Франции, сражавшийся на стороне короля еще при Азенкуре и с тех пор служивший ему при дворе верой и правдой. Он был обвинен и признан виновным в том, что якобы устроил друзьям-арманьякам побег из гарнизона. Арманьякам, находившимся в Монтеро во время убийства герцога Жана, даже если они были непричастны к его гибели, грозила верная смерть, если они попадались в руки короля. За Бертрана вступился герцог Кларенс и умолял короля помиловать его. «Клянусь Святым Георгием, любезный брат, даже если бы на его месте были вы, Мы поступили бы точно так же», — ответил король и велел немедленно обезглавить Бертрана. Жювеналь де Юрсен, описавший казнь человека, казненного без суда и следствия, замечает: «Но Генрих был англичанином».⁶

О пленниках Жювеналь де Юрсен говорит нам следующее: «Заложники и все остальные их пленные были доставлены в Париж на лодках. Некоторые были помещены в Бастилию*, другие в Пале, Шатле, Тампль и другие тюрьмы... Некоторых сажали в глубокие ямы, особенно в Шатле и оставляли там умирать голодной смертью. А когда те просили подать им еды и плакали от голода, люди швыряли им солому и называли собаками. Все это было большим бесчестием для короля Англии».⁷

* Бастилия — знаменитая крепость-тюрьма, разрушенная восставшим народом 14 июля 1789 г. в начале Французской революции. Была расположена в начале Сент-Антуанского предместья.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПАДЕНИЕ ПАРИЖА В 1420 ГОДУ

«Пойдем! С нами увидишь ты короля!»

ИЗ РАБОТЫ ВЕГЕЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО»
(ПЕРЕВОД XV ВЕКА)

«Увы, бедная Франция, бедный город Париж».

ЖЮВЕНАЛЬ ДЕ ЮРСЕН

Англо-бургундская армия, пришедшая в Корбейль за королем Карлом, вернулась в Париж. Генрих во главе сверкающей кавалькады скакал рядом со своим изумленным тестем, а позади них ехали герцоги Бургундский, Кларенс и Бедфорд. Но ее сияние омрачалось несколькими темными пятнами: оруженосец короля со странным символом в виде лисьего хвоста на конце пики, герцог Филипп и его рыцари были в черном. Наследник и регент тотчас отправились в Нотр-Дам, чтобы прежде, чем основаться в Лувре, помолиться у высокого алтаря. В течение нескольких часов после их прибытия английские войска завладели всеми укреплениями французской столицы, которой предстояло пребыть в оккупации на протяжении семнадцати лет. Незамысловатым маневром захватили они Бастилию: один рыцарь занял бургундского кастеляна (смотрителя) беседой, а солдаты тем временем тайком поднялись наверх и опустили подъемный мост. Возглавляемые

духовенством, преподавателями университета и правоведами из суда*, парижане приветствовали прибывших с кажущейся радостью и распевали *Te Deum*, приободренные вином, которое било в общественных фонтанах, о чем расчетливо позаботились отцы города, чтобы смягчить их настроение. Пусть и чужой, но этот ужасный заморский король, похоже, способен дать им мир и избавить от кошмара нескончаемой гражданской войны и кровопролития. На следующий день в своих носилках прибыли Изабелла и Екатерина. Фонтаны на этот раз, кроме вина, изливали также розовую воду.

Но вскоре у парижан появился хороший предлог, чтобы проклинать наследника и регента. Средневековая валюта строилась на биметаллизме и удивительно сложной структуре расчетных денег – фунт стерлингов, фунт шотландцев, фунт *tournois*, фунт *borgdelais* и фунт *parisis*, курс обмена этих валют колебался в зависимости от места. На протяжении века количество золота и серебра, используемое в чеканке монет, постепенно уменьшалось с одновременным ростом ценности обоих металлов. Слишком велико было искушение для правительств уменьшать вес монет и изменять обменный курс в свою пользу. Почти сразу, как только Генрих завладел Парижем, он изменил обменный курс в ущерб фунту *parisis*, чем вызвал растущую инфляцию. Всего за неделю его пребывания в Париже цены на продукты удвоились. В результате разорительной внутренней войны экономика сельского хозяйства находилась в состоянии неустойчивого равновесия, при котором достаточно было небольшой засухи или внезапных холодов, не говоря уже о потоке беженцев, чтобы находившееся и без того в катастрофическом положении снаб-

* парижский парламент – верховный суд Франции (Ю. И.)

жение Парижа продуктами стало угрожающим. Вскоре зерно, мука и хлеб стали вне досягаемости покупательной способности бедноты.¹

Из «Парижского горожанина» мы узнаем, что в росте цен на продукты парижане винили новый обменный курс, установленный в Руане. Его дневник можно назвать хроникой питания, хотя вернее было бы сказать — его нехватки. К Рождеству Париж находился в состоянии самого настоящего голода. Повсюду можно было услышать плач маленьких детей: «Умираю от голода». Мальчики и девочки, собиравшиеся в группы по двадцать-тридцать человек, копались на городских свалках в поисках чего-нибудь съестного. Они гибли от холода и голода. Тем же, кто испытывал к детям жалость, дать бедняжкам было нечего. Не было ни зерна, ни дров, ни угля, а наступившая зима была самой холодной за последние сорок лет. Люди ели пороссячи хвосты и капустные кочерыжки, даже рубцы мертвых собак. Умирали тысячами, волки заплывали в Сену, чтобы пожирать валявшиеся на улицах трупы.²

Тем временем, Генрих и Карл участвовали в работе Генеральных Штатов, на котором Труаский договор был признан обязательным к исполнению и на котором было принято решение изъять из обращения настоящую валюту и отчеканить новую. В результате появился красивый англо-гальский золотой salut, на котором были изображены гербы Франции и Англии, поддерживаемые ангелом и Святой Девой. С одной стороны имелась надпись *Henricus Dei Gratia Rex Angliae, Heres Franciae**, с другой — самонадеянное «*Christus Vincit*».**

* Генрих — Божьей милостью король Англии, наследник Франции.

** Христос побеждает.

(Эта новая девальвация только усугубила голод.) Позже, благодаря проведению Карлом VI заседания суда справедливости в гостинном дворе Сен-Пол, сыновнее желание мести герцога Бургундского было частично утолено. «Наследник Франции» сидел рядом с ним на больших подушках и слушал, как Парламент Парижа признал дофина и его главных приверженцев виновными в убийстве герцога Жана. Их вызвали в Париж, где им предстояло пройти искупление вины (*amende honorable*), после чего с факелами в руках их должны были провезти в телеге по всему Парижу. Когда, хотя в этом не было ничего удивительного, в течение трех дней дофин с приятелями не появился, он был изгнан из королевства Франции и из-за своих «ужасных, страшных преступлений» лишен прав на корону:

Несмотря на то, что годы нескончаемой резни и голода сделали парижан смиренными, безынициативными, они все же не могли подавить своей неприязни к англичанам и их холодному высокомерию, и к английскому королю, которому суждено было после смерти Карла VI занять его престол. По воспоминаниям «Парижского Горожанина», простые люди Парижа, «*le menu peuple*», которые в день его смерти в слезах толпились на улицах, внезапно воспылали к французскому королю любовью. Им совсем не нравилось, что их город был заполнен чужеземцами. Хотя некоторые современные английские историки утверждают, что говорить о «национальных» чувствах в тот период анахронично, у нас имеются свидетельства, по крайней мере, одного очевидца, рассказавшего о том, что испытывали французы относительно присутствия англичан в их городе.

Несмотря на то, что Жорж Шателен, родившийся в 1405 году в Генте, был дворянином фламандского про-

исхождения, он считал себя «преданным французом» и всегда писал свои стихи и исторические заметки по-французски. По всей видимости, модный в ту пору пессимизм не был ему чужд. «Я, человек печали, родившийся во мраке затмения, среди густых туманов скорби», — такими словами предвещает он свою хронику. Несмотря на это и кажущуюся беспорядочность и неточность, его повествование отличается глубоким проникновением в суть происходившего. Оруженосец герцога Филиппа Доброго, глашатай Ордена Золотого Руна, он был знаком со всеми знаменитыми людьми своего времени и был очень хорошо информирован. В 1420 году он писал:

«Город Париж, древнее средоточие королевского величия Франции, как будто изменил и имя, и место, ибо этот король и его великий английский народ сделали из него новый Лондон благодаря не только своей грубой и заносчивой манере разговаривать, но и своим языком, распространившимся по всем уголкам города, в котором они ведут себя как настоящие хозяева. Они ходят, высоко задрав головы, как олени, надменно взирая по сторонам и упиваясь стыдом и несчастьем французов, чьей крови они столько пролили при Азенкуре и других местах, чьим наследием завладели силой...

Поскольку он [Генрих V] и его английские лорды, пребывавшие здесь в такой великолепии и высокомерии, которое и представить себе нельзя, без малейшего почтения относились к присутствовавшим французским вельможам, так что можно было подумать, что английские лорды и рыцари считают, что все наследие французов принадлежит им и что последних, нравится им это или нет, следовало бы лишить и власти, и владений. Так что в действительности, начиная с того

времени, самым королевством и его делами управлял английский король, по своему усмотрению он изменил должности и посты, прогнав даже тех людей, что были посажены двумя герцогами Бургундскими, отцом и сыном, назначив вместо них англичан и других выходцев той земли, чужеземцев, не соответствовавших природе нашей страны...

Изменения постов и должностей, что со своим приходом в Париж произвел король Англии, тяжело поразили парижан в самое сердце, хотя показать это они, увы, не смели! Глядя на того [Генриха], кто вошел в Париж, они кричали: «Noel! Noel!» и радовались, ибо надеялись на мир. Но познали они только несчастье и рабство. Я часто вспоминаю, как люди пришли в Иерусалим и похитили ковчег Завета, агсам foederis и надругались над храмами и святыми местами, и с какой жестокостью и цинизмом обращались с тамошними людьми, поправ всю их былую славу и счастье, обратив все в позор и несчастье. То же можно сказать и об английском короле и французах. Для них всякий путь вел к печали, а он от того, что содеял такое, испытал великую радость».³

Кроме свидетельства Шателена, имеются и другие заметки.

Для бургундских аристократов, большая часть которых были французами, холодность Генриха и его чопорное высокомерие были отвратительны. Он укорял Жана де л'Иль Адама, доблестного маршала Франции в том, что тот в его присутствии появился в грубом сером камзоле и, объясняя причину этого, посмел смотреть королю прямо в лицо. (л'Иль Адам был командиром гарнизона Понтуаза, когда в 1419 году англичане внезапно напали на него и захватили.) Королю не доставил

удовольствия гордый ответ маршала, когда тот заметил, что французы считают, что не по-мужски опускать глаза, когда разговариваешь с кем бы то ни было, каким бы высоким не было положение собеседника. «У нас так не принято!» – сердито отозвался он.⁴ Даже тогда манеры англичан казались французам холодными и неестественными, что им особенно претило в оккупантах. Все же в то время, когда арманьяки и бургундцы ненавидели друг друга больше, чем англичан, французы ничего не могли сделать, чтобы выразить снедавшее их негодование.

Чтобы встретить королеву Екатерину и заодно разделить военную добычу вассалов, супруги пэров пересекли Ла-Манш. Как записал анонимный хронист: «Король Англии встретил Рождество в Париже в гостинном дворе де Турнейль; там же находились и английские дамы, прибывшие к королеве, среди них были герцогини Кларенс и Йорк, графиня Марч, жена маршала, и некоторые другие знатные дамы королевства Англии».⁵

Парижане стыдились того контраста, который существовал между великолепием покоев в Турнейле короля Англии и жалкими условиями существования короля Карла VI в Сен-Поле. К своему сумасшедшему монарху они питали странную преданность, которая, вероятно, частично была своеобразным выражением их антианглийских настроений и частично была вызвана жалостью к его безумию. Гостинный двор де Сен-Поль был вполне благопристойным местом, но французский король в состоянии безумия, грязный, как никогда, со стороны малочисленного и убогого персонала получал «жалкое и скупое» обслуживание, как записал Монстреле, заметив, как «отвратительно это должно быть для всех настоящих и преданных французов».⁶ Короле-

ва Изабелла, к ее величайшей ярости, была вынуждена оставаться подле него, в то время, как все представители высшей французской знати были либо с герцогом Бургундским, либо с дофином, либо оказывали почтение «наследнику и регенту» в гостинице де Турнейль. Несомненно, что многие французские придворные цинично полагали, что в скором времени, учитывая возраст Карла, кто-нибудь гораздо моложе англичанина должен будет войти в его «наследство».

Все же, несмотря на все способности Генриха, все это было ничем иным, как узурпацией. В 1435 году правовой совет Болоньи провозгласил, что право наследования трона дофином Карлом гарантировано присвоением ему в 1417 году титула дофина и что Карл VI не имел права лишать его короны, ссылаясь на убийство герцога Жана, что король в то время был не в своем уме, кроме того, он, как отец, не мог быть ни судьей, ни обвинителем. Но в Англии Дом Ланкастеров уже показал, что не только знает, как узурпировать корону, но и как удержать ее.

У поклонников Жанны д'Арк, познакомившихся с ней посредством ее биографов или Бернарда Шоу, о шурине Генриха, должно быть, сложилось впечатление как о слабом создании, отставшем несколько в развитии. Даже Эдуард Перруа разделял это мнение. «По своему физическому и моральному развитию Карл был хилым, неприятным недоумком,» — написал он. «Тщедушный и тонкий, с большим длинным носом на лице, лишенном выражения, на котором прятались испуганные глазки, казавшиеся хитрыми, когда не были сонными... Мрачно скитаясь по дворцам, молчаливый, коварный, суеверный, этот задержавшийся в своем развитии подросток должен был получить от судьбы еще более

жестокий удар, чтобы, наконец, смог проявить себя и доказать, что способен быть королем». ⁷ Такой портрет граничит с карикатурой. Нельзя не согласиться с тем, что рядом с такой колоритной фигурой, как Филипп Бургундский, не так-то легко получить сильное впечатление от личности дофина даже спустя столько столетий. Его неприметные внешние данные и страх, перераставший в паранойю, не являются вымыслом. Покровитель астрологов и всего оккультного, он был одиноким человеком, воспитанным на книгах, которому претили сражения, охота, турниры и прочие нормальные развлечения аристократии пятнадцатого века. Последыш Изабеллы, два старших брата которого умерли в молодом возрасте, он никогда не претендовал на трон. Однако, имеются свидетельства о том, что повзрослел он скорее рано, чем поздно. Шателен, искренне почитавший его, замечает, что «недостаток храбрости, которой ему не хватало от природы, он возмещал пронизательностью».

Как и Генрих V, будущий Карл VII рано стал взрослым. 1403 года рождения, уже в 1417 году, в возрасте 13 лет, он стал председательствовать на королевских советах. Год спустя он получил титул наместника Франции, что в старой Франции соответствовало званию регента, став тотчас надежной опорой оппозиции еще слабо очерченного англо-бургундского правления. Он привлекал к себе чрезвычайно выдающихся и способных последователей. Несмотря на скрытный характер, он умел очаровывать. Говорят, что дофин обладал приятным голосом. Шателен характеризует его как необычайно утонченного. Несмотря на отсутствие интереса к войне, тем не менее, своим соучастием в убийстве герцога Жана на мосту в Монтеро он показал, что может быть и безжалостным, и жестоким.

Несмотря на неуверенность в себе и заторможенность, этот циничный, высоко образованный молодой человек был по-своему тверд. Как бы то ни было, но в ранние годы слишком много политической власти он доверил некомпетентным фаворитам и его приверженцы оставались опасно неуправляемыми; именно по этой причине у него возникли трудности в преодолении зловещных интриг двора в Бурже. У него не было постоянной армии и не было денег, чтобы платить ей, хотя по определению специалистов, предполагаемые доходы с его практически целых территорий, по крайней мере, в три раза превосходили доходы Ланкастерской Франции. Деньги либо не взымались, либо растрачивались. Но наступил день, когда его чиновники стали добросовестно собирать налоги и он смог создать собственную армию. А пока ему предстояло сразиться с двумя гениальными противниками — Генрихом и впоследствии с Бедфордом. Так что не стоит совершать ошибку и недооценивать дофина Карла.⁸

Его сторонники пользовались любой возможностью, чтобы опорочить правомерность наследования английского престола Генрихом, чем, по всей видимости, как следует разъярили короля. (Даже в 1435 году Жювеналь дез Юрсен все еще упоминал об узурпации.) Весной 1421 года Генрих получил неприятное напоминание о том, что оппозиция Дому Ланкастеров в Англии была еще жива. По подозрению в государственной измене был арестован и отправлен в Тауэр близкий родственник графа Марча, сэр Джон Мортимер. Должно быть, речь шла о заговоре, цель которого состояла в том, чтобы утвердить на троне его кузена. Опасность была так серьезно воспринята, что его заточили в глубоком подземелье. В начале 1422 года сэру Джону

удалось бежать, но вскоре он снова был пойман и водворен в Тауэр. В 1424 году ему удалось бежать во второй раз, но был снова пойман и предан смерти: повешен, выпотрошен и четвертован. Официальным благовидным предлогом казни послужило признание побега «изменой». На протяжении всего царствования Генриха Дом Ланкастеров каждый раз проявлял беспокойство, когда внимание общественности привлекалось к праву Марча на престол.

Известия из дома, требовавшие его незамедлительного присутствия в Англии после трех лет отлучки, убедили Генриха в том, что, несмотря на святое для него время, Рождество, он должен был вернуться. По пути он мог провести инспекцию своего Нормандского герцогства. 27 декабря он выехал из Парижа в Руан, оставив Францию на попечение герцога Кларенса, поручив свой новый город Париж Эксетеру. В распоряжении каждого из них была поддержка его лучших полководцев. По дороге в Нормандию он нагнал королеву Екатерину и сопровождавших ее дам, отбывших несколькими днями раньше. Прощание Екатерины с отцом глубоко тронуло очевидцев. Вместе с ними скакал герцог Бедфорд, графы Марч и Уорвик, а также их пленник, король шотландцев.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ ЛАНКАСТЕРСКАЯ НОРМАНДИЯ

«*une longue calamite*»*

ROBERT BLONDEL, COMPLANCTUS BONORUM GALLORUM

«*les poves compaignons des frontieres*»**

ЖЮВЕНАЛЬ ДЕ ЮРСЕН

Герцог и герцогиня Нормандские отмечали праздник Крещения, в честь которого устраивали пир в своем красивом новом замке-дворце в Руане. Здание это было не только символом английской оккупации, оно стало также символом обнищания горожан, поскольку на фоне всего остального города его блистательное великолепие бросалось в глаза.

На протяжении всего периода английской оккупации нормандская столица оставалась лежать в руинах. Ее предместья, а также постройки вне основных стен города, такие, как аббатства и церкви, которые можно было бы использовать для военных действий, были разрушены самими руанцами еще в 1418 году до начала осады. Другие же, внутри стен, были разрушены во время огневого обстрела города из пушек в период осады. Некоторые из зданий были реквизированы ан-

* длительное несчастье

** бедные спутники границ

гличанами, но так и не были восстановлены. Среди таких зданий было сильно разрушенное аббатство Сен-Уан, большая часть построек которого использовалась под казармы. Финансовое положение горожан пошатнулось, так как Генрих наложил на них непосильный выкуп, который до сих пор еще взимался. Но даже он понимал, что им негде было найти 300000 золотых крон сразу. После жарких споров относительно стоимости одной кроны стороны пришли к соглашению, что выкуп должен был выплачиваться ежегодно в сумме 80000 крон. Спустя 11 лет, несмотря на захват заложников, было получено всего 260000 крон. Граф Уорвик, принимавший участие в переговорах, был безжалостен в преследовании тех, кто пытался избежать уплаты своей доли, скрываясь в соседних городах, без устали «заключал их в темницы, продавал или иным способом использовал их добро, чтобы их долг королю был выплачен». Обнищание и опустошение соседних районов, а также других нормандских городов и деревень не могло способствовать процветанию. Кроме того, скудность существования в оккупированном Париже (так наглядно описанное бургундцами) лишала Руан былого рынка сбыта предметов роскоши.¹

Генрих возглавил съезд, созванный им в Руане, куда были приглашены представители трех нормандских сословий: дворян, духовенства и горожан. Кроме того, туда прибыли также представители и других «завоеванных земель», территорий, которые были покорены до подписания договора в Труа. Однако нам неизвестно, сколько человек принимали участие в съезде. Король-герцог призвал их к полному соблюдению договора, заявив, что знает о плачевном состоянии монетного двора и попросил совета относительно его улучше-

ния. Предполагается, что именно по их совету он ввел налог на серебро, чтобы чеканить монету лучшего качества. Он объявил также о введении в Нормандии столь необходимого стандарта весов и мер, приняв руанский стандарт за один гран. Граф Солсбери как владелец графства Перш и вассал короля принял перед ним торжественное обязательство, напомнив остальным о введении новой социальной иерархии.

Военная администрация сверху донизу была чисто английской. Все капитаны и лейтенанты (командиры и их заместители) гарнизонов были также исключительно англичане. Кроме городов, имелось не менее шестидесяти замков, укомплектованных гарнизованами. Похоже, что во время прибытия Генриха в герцогство в Северной Франции было, вероятно, около 5000 английских солдат (среди простых солдат — французов насчитывалась лишь небольшая горстка). 1600 человек из общего количества были размещены на новой южной границе государства от Авранша до Вернейля, еще 1600 — на восточной границе, протянувшейся от Понтуза до О и еще 950 — в долине реки Сены, остальные 1400 были разбросаны по замкам английских феодалов и, примерно, чуть более 150 были расставлены вдоль дороги, ведущей из Шербура в Эвре через Кан. В тот момент командование над ними возглавлял Кларенс, энергичный наместник короля.

Значительное число гарнизонов располагалось в городах и замках по берегам рек. Они были жизненно важными не только для обороны, но их баржи являлись основным транспортным средством на реке для передвижения и транспортировки продуктов и товаров. Роль Сены и Уазы, которую они играли в Северной Франции, сравнима разве только со значением Миссури и Мис-

сисипи для старого Юга Америки. Чрезвычайно важно было не упустить контроль над ними. Расположенные вдоль их берегов замки, особенно те, что стояли на перепутьях, были заняты англичанами, которые строго проверяли пропуска и грузы проходивших мимо судов и взымали пошлины. Одновременно эти же многофункциональные суда, баллингеры, патрулировали реки, высматривая противника по берегам и на воде. В случае вражеской атаки силы подкрепления могли быть доставлены довольно быстро к любой из крепостей. Это имело основополагающее значение для столь малочисленной армии, воины которой были рассеяны небольшими группками. В среднем, малые гарнизоны насчитывали трех тяжеловооруженных солдат и девять стрелков. Хотя в маленьком замке Пон-д'У, охранявшем подступы к мосту через реку Вир под командованием капитана в 1421 году, служило всего 8 человек. Гарнизоны замков, находившихся в частном владении, насчитывали еще меньшее количество солдат.

Что касается гражданской жизни, то все существовавшие до завоевания должности были сохранены, включая даже самые незначительные, также, как и привилегии. Генрих стремился к установлению хороших отношений с беднейшими сословиями, бедными горожанами и крестьянами. В 1419 году он издал указ, согласно которому все владельцы небогатых домов могли вернуться на свои прежние места обитания. Он снизил ненавистный всеми налог на соли. С другой стороны, отношение к дворянам, покинувшим герцогство, оставляло желать лучшего. Король приказал своим бальи* выявить имена

* бальи – губернатор, королевский чиновник, ответственный за осуществление правосудия и взимание налогов в своем судебном округе или районе.

тех дворян, которые присоединились к арманьякам или «бандитам»; оказалось, что многие, передав свои замки и поместья женам, сражались тем временем против англичан. Когда это обнаружилось, то их поместья были конфискованы. В герцогстве было настолько неспокойно, что за период с мая 1421 года по сентябрь 1422 было поймано и повешено 386 разбойников. Вероятно, вследствие такого положения Генриху пришлось пересмотреть свое отношение к непокорному дворянству Нормандии; в конце 1421 года людям всех классов и сословий он предложил полное прощение при условии, что они вернутся до Сретения 1422 года (2 февраля) и в присутствии бальи или командира ближайшего к границе гарнизона принесут ему клятву верности. Во всяком случае, за период его пребывания в Нормандии в начале 1421 года все отсутствовавшие нормандские дворяне считались мятежниками, а их «самовольная отлучка» рассматривалась как мятеж против короля-герцога. Генрих продолжал широко использовать этот предлог для конфискации их земель, которые передавал в качестве награды английским поселенцам.

Судьба дворян, отправленных в изгнание, как нам известно из записей Робера Блонделя, была печальной. Будучи еще в молодом возрасте (он родился в 1390 году), Блондель в 1418 году покинул родной Котантен, где его дед, землевладелец Гильом Блондель, был сеньором Равенвиля возле Валанса. Укрытие он нашел в Париже, где учился и стал священником. Он написал три книги, в которых осудил английское завоевание Нормандии. Все они особенно интересны тем, что рассказывают о судьбах беженцев. В написанной в 1420 году работе «Боль всех добрых французов» Блондель сетует на то, как «плененная Нормандия стонет под

ярмом леопарда [Англии]. Некоторые обременены оковами, другие же умирают от пыток. Есть среди них и такие, что пали от меча, есть и такие, что покинули землю своих отцов, есть и такие, что умерли от отчаяния, скрежеща зубами под гнетом тирании. Несчастные изгнанники лишены всего, им даже негде искать для себя спасения».² Оглянувшись назад в 1449 году, он записал, что «уж скоро тридцать пять лет будет с тех пор», и жалуется далее:

«До войны мы были знатными, богатыми и сильными. Сегодня, разбитые и уничтоженные нуждой, мы живем на подаянии. Многие из нас, благородных кровей, вынуждены братья за самую черную работу; некоторые работают в услужении у портных, другие на постоянных дворах, в то время, как английские скотники и мужланы из самых низов с важным видом топчут нашу землю, богатеют на нашем наследии и щеголяют ворованными титулами герцогов, графов, баронов и рыцарей».³

Вот что он пишет о «невероятном разорении моей страны».

Несомненно, во времена Генриха разорение имело место. В декабре 1421 года в провинции де Ко он издал указ для охотников на волков:

«До Нашего слуха дошло, что с тех пор, как начались эти доселе длящиеся войны и по их причине в Нашем герцогстве значительно выросло количество волков, волчиц и других хищных зверей, особенно это касается судебного округа Ко, и волки эти, к сожалению, разорвали несколько человек, а посему наши верноподанные по своей простоте душевной так напуганы, что не осмеливаются оставаться в домах своих, в необнесенных оградой городах и селениях или остав-

лять детей и не выходят на работу; так что упомянутые злобные звери уже значительно сократили поголовье скота и количество сельскохозяйственной продукции этой земли, оставшейся почти безлюдной».

Аналогичные послания были отправлены охотникам на волков в Карантане, Шербуре, Бейе, Жизоре и других нормандских городах.

Но причиной разорения были, скорее всего, английские гарнизоны, нежели волки, поскольку войскам, бальи, капитанам, тяжеловооруженным воинам, а также скромным лучникам жалование выплачивалось очень нерегулярно. Мы знаем, что граф Суффолк и сэр Томас Рокби в 1417 году получили для своих солдат шестимесячное жалование, а потом до середины 1418 года ничего не получали, и то выплаченных денег могло хватить только на квартал. В январе 1418 года сэр Джон Пелхем написал из Кана: «Я здесь сижу без жалования». В письме за тот же год один солдат, участвовавший в осаде Шербура, пожаловался: «Мы здесь так давно находимся, такие большие затраты приходится нам нести при каждой осаде, которые мы проводим, а с тех пор, как мы прибыли из Англии, жалование нам не выплачивалось, а посему умоляю тебя всем сердцем прислать мне 20 фунтов». В конце 1419 года сэр Джильберт Холсейл, капитан Эвре, пожаловался, что с Михайлова дня не получал ни жалования, ни провизии и предупредил о том, что люди его начнут дезертировать. Предупреждение свое он повторил в 1420 году, но только в середине лета они кое-что получили.⁴ Волей-неволей войскам, чтобы продержаться, приходилось грабить крестьян.

Генрих, чтобы облегчить положение, прилагал нечеловеческие усилия. Он самолично посылал приказы

военному казначею об уплате жалования тому или иному гарнизону. Поначалу деньги приходили от английского казначества, но позже эта обязанность была возложена, в основном, на нормандское казначейство. Система эта, однако, не слишком хорошо работала по той простой причине, что королю часто не хватало наличных денег; жалование такому жизненно важному гарнизону, каким был Кале, опаздывало на несколько лет, несмотря на пожелание короля, чтобы оно выплачивалась ежемесячно. Образовав специальные комиссариаты, которым вменялось в обязанность кормить гарнизон, он пытался остановить обирание крестьян, ноша эта на оккупированной территории оказалась бы непосильной и Наполеону. Снабжение армии взяли на себя нормандские виконты,* принявшись поставлять крупнорогатый скот, овец, а также вино и сидр. В 1420 году под началом главного казначея Нормандии были введены две должности королевских поставщиков, в обязанность которых вменялось поставлять провизию, ввозимую кораблями из Англии, в гарнизоны. Но то ли в виду амбициозности операции, то ли в результате коррупции или неэффективности ее проведения, но она с решением проблемы не справилась. Генрих хорошо понимал опасность возникшей ситуации. Совет его заявил, что солдат «следует заставить платить за продукты в деревне, с нуждой которой должно покончить, иначе Нормандия, так и не поднявшись на ноги, будет для него потеряна».

В декабре 1418 года людям, которые понесли физический урон или потерпели материальные убытки от

* виконт — административный чиновник, равный по чину младшему барону.

английских гарнизонов, было сказано, что для возмещения ущерба они могут обратиться к суду виконтов. В апреле 1419 года Генрих отдал строгий приказ, согласно которому солдаты или чиновники ничего не могли брать у крестьян, не заплатив положенной цены. В августе он распорядился о написании строгого кодекса поведения гарнизона. В январе 1421 года, во время визита в Руан вместе с королевой Екатериной, он издал показательный «декрет»:

«Король, прослышав о том, что некоторые английские подданные осуществляют несправедливые реквизиции, подвергая бедных людей насилию, вследствие чего существует опасность, что купцы бросят свой промысел, а крестьяне перестанут трудиться, запрещает у людей с равнин взимать подати у ворот и мостов городов и крепостей, отнимать лошадей и других тягловых животных без согласия их владельцев, брать без уплаты должной цены крупнорогатый скот, продукты питания, вино и изделия».

За все это налагалось наказание в виде штрафов и тюремного заключения. Все же в апреле 1421 года Генриху еще раз пришлось запретить воровство и неофициальное налогообложение пастбищ. В следующем месяце был отправлен в поездку по герцогству, с целью проверки соблюдения указов короля капитанами гарнизонов и его подчиненными, сэр Джон Радклифф. В декабре того же года Генрих издает новый декрет, в котором сердито сетует на своих солдат, которые продолжают грабить и обирать крестьянство; он грозит им заточением в случае, если они будут уличены в нарушении его распоряжений, повешением в случае поимки за то же прегрешение вторично.⁵

Кроме жестоких дисциплинарных мер, у короля не

было иных эффективных средств контроля за поведением своих солдат на расстоянии. Базен, проведший много лет в Нормандии и Париже в период их оккупации англичанами, говорит о «наглой и недисциплинированной английской армии». Средневековым армиям, обычно, всегда не хватало дисциплинированности, они часто промышляли грабежами и разбоем. Генрих, очаянно стремившийся завоевать расположение простых французов, был одним из немногих полководцев, кто пытался хоть как-то пресечь это. Он назначал специальных уполномоченных, которые осуществляли инспекцию гарнизонов. Была снова введена должность сенешаля Нормандии. В обязанности лица, занимавшего это место, входил контроль за поведением гарнизонов. Но особого эффекта это не дало. Неповиновение оказывали как низшие, так и высшие чины. В 1420 году население Манта пожаловалось королю на вымогательство со стороны графа Марча. Затем начались дезертирства; в августе 1422 года Генрих поручил капитану Понт-де-Л'Арша арестовать «некоего бродячего англичанина, скитавшегося по разным местам, промышлявшего грабежами и подбивавшего солдат на дезертирство».⁶ Но он понимал, что одним средством всего положения не исправить. Добиться регулярной выплаты жалования было мало. Даже его административный гений не видел альтернативы заработной плате.

Его запрет на взимание пошлин не был лишен определенной иронии. Похоже, что было запрещено проводить неофициальные поборы. Монстреле пишет, что никому не разрешалось входить или покидать города, оккупированные англичанами, без дорогого разрешения стоимостью в четыре су — «обычной статьи королевского дохода», — комментирует хронист. Гнев Генри-

ха, вызванный взиманием пошлин, был направлен в армии только против тех, кто делал это без его санкции. С пастбищ, с дворов, за охранные грамоты, billets и таможенные пропуска об уплате акциза он получал существенный доход, взимаемый в качестве налогов именем короля.⁷ Скорее всего, платить налоги официально французам нравилось ничуть не больше, чем платить неофициальные подати. С такой же уверенностью можно сказать, что английские войска, взимавшие их, не слишком церемонились.

Вскоре попытка сделать из Гарфлера второй Кале путем заселения его англичанами была признана неудавшейся, несмотря на то, что многие купцы заняли предложенные короной дома. (Эта практика продолжалась еще и в 1419 году, когда лейтенант, сэр Хью Латтерелл, получил полномочия жаловать жилища всем англичанам, кто только обратится с подобной просьбой.) Английское присутствие в Гарфлере было чисто военным, поскольку город являлся морским портом, охранявшим устье Сены. Примерно в 1417 году Генрих изменил решение и оставил идею массовой колонизации, отдав предпочтение небольшим поселениям, которые могли со временем слиться с соседними общинами. Заселение Кана началось сразу после капитуляции города и умышленно велось в куда меньших масштабах, чем в Гарфлере. Английские поселенцы жили бок о бок с французами. Кан был столицей западной Нормандии и центром финансовой администрации нового режима; к началу 1418 года в городе обосновалось Нормандское казначейство и расчетная палата. Возникла срочная потребность в английских солдатах, купцах и чиновниках. На купцов возлагались надежды по оживлению экономики и былого благоденствия города после на-

сильственного и добровольного изгнания 500 его граждан, отправившихся в Анжу. Гарнизон Кана насчитывал 15 тяжеловооруженных воинов и сорок пять стрелков. Один из последних, Жан Милсент, ставший впоследствии тяжеловооруженным воином, который называл себя «гражданин Кана», в 1421 году получил не меньше пяти домов в городе (с обязательством выставлять людей для ночного караула четыре ночи в году). Особенно большая потребность возникла в чиновниках. В 1419 году в качестве контролеров расчетная палата наняла Роджера Уолтхема, Жана Бринкли и Уильяма Уимингтона (который был женат на француженке); на другой год к их числу присоединился Джон Чепсто, бухгалтер из священнослужителей. Несколько купцов, в том числе и торговец мануфактурными товарами из Лондона Николас Бредкирк, стали чиновниками по налогообложению.⁸

Но английская власть в герцогстве постоянно находилась в опасности. Время от времени, против англичан выступали два изгнанных нормандских вельможных сеньора во главе своих отрядов, выходцев из знаменитого рода Аркуров. Это были сам граф Аркур и граф Омаль, оба их графства были отняты у них королем Англии. Первый из них, Жак д'Аркур, переключившийся в 1422. году с союза с бургундцами на союз с дофинистами, возглавлял небольшой отряд нормандских изгнанников, обосновавшийся в Пикардии и иногда совершавший налеты на приграничные районы герцогства. Его кузен Дан д'Аркур, поселившийся в Анжу, водил отряд, примерно, такой же численности вглубь Нормандии. В мае 1422 года Омаль и виконт де Нарбонн с 2000 солдат захватили Берней, убив 700 англичан. Генрих приказал разрушить все замки, которые

нельзя было снабдить гарнизонами, чтобы они не стали плацдармами для разбойников.

Опасность порой угрожала даже столице герцогства. В июле 1419 года граф Уорвик был поспешно отправлен королем в Руан для расследования недавно раскрытого заговора, целью которого, очевидно, была передача города в руки дофинистов. Аналогичный заговор был раскрыт в 1422 году, во главе его стоял казненный впоследствии Робер Алорж, самый богатый ювелир Руана. В декабре 1421 года капитаны стоявших вдоль реки замков получили предупреждение о том, что столице грозит опасность. Весь двигавшийся по Сене транспорт подлежал тщательным проверкам, задержанные в неположенных местах суда затоплялись.

Но самые большие беспокойства в Нормандии, несмотря на то, что Генрих предпринимал все меры, чтобы наладить с нормандцами хорошие отношения, возникали из-за того, что он был вынужден ввести новый разорительный для них налог. Королю-герцогу требовались средства для поддержания в порядке своих городов, замков и гарнизонов, а также деньги для продолжения ведения военных действий, поскольку в его намерение входило подчинение своему правлению и всей остальной территории Франции. Он понимал, что Англия не могла и не станет больше субсидировать его планы, на что парламент уже начинал неоднократно указывать ему. Таким образом, ему ничего другого не оставалось, как облагать жестокими налогами завоеванные земли. Поскольку Нормандия была единственной страной, находившейся в полном подчинении англичан, то ей предстояло стать их основной дойной коровой. Представители нормандских сосло-

вий получили представление о том, что ждало их впереди после встречи с Генрихом, происшедшей в начале 1421 года.

Всем сословиям без исключения, даже наиболее знатным, придется отныне платить еще более тяжелые подати, чем раньше. Но оккупация уже и без того причинила экономике Нормандии бесчисленные бедствия. Пребывали в упадке сельское хозяйство, рынки и финансы. Надежд на их оживление, ввиду общей нестабильности, было мало. Торговый флот каждого порта реквизировался для поставки из-за Ла-Манша провианта английским войскам. Тысячный поток эмигрантов разорил находившуюся и без того в упадке торговлю полотном в Кане; покинувшие город ткачи устанавливали свои станки в Бретани и составляли конкуренцию тем, кто остался дома. По всей Франции можно было встретить изгнанных из Нормандии ремесленников, а некоторые из литейщиков герцогства нашли приют в Германии.⁹ Деморализующим фактором для горожан было также и то, что их зачастую сгоняли часто в одно место и отправляли в качестве заложников в Англию. Кроме того, они часто становились объектами репрессий после раскрытия очередного заговора или налета, так как подозревались в причастности к нему. Тяжелые налоги обескуражили всех. В период правления Бедфорда, который оказался более гибким и гуманным руководителем, чем его брат, ситуации было суждено немного улучшиться. Кроме того, этому также способствовало обеспечение большей безопасности пролива, что открывало новые возможности для нормандских портов. Регенство Бедфорда, по сравнению с периодом царствования его брата, стало для Нормандии периодом истинного процветания.¹⁰

Нормандцы относились к Генриху со страхом и ужасом, в то время, как Бедфорда позже они, похоже, по-настоящему любили. Английские историки, как правило, не относят на счет Генриха замечания (относительно изнашивания англичан из Нормандии) Робера Блонделя ввиду того, что они были написаны спустя много времени после смерти короля. Однако Блондель был всего на три года моложе короля и является вполне благонадежным источником информации с хорошей памятью. Он характеризует Генриха как «жестокоего и свирепого короля», как «тирана» и «мучителя».

Отношение к английской оккупации меняется в зависимости от сословия. Положение знати осложнялось тем фактом, что браки и родственные отношения связывали их с другими благородными семействами по всей Франции, тесно переплетая их узы с группами кузенов, составлявших ядро партий дофинистов и бургундцев. Нормандская знать, связанная родством с бургундцами, колебалась, не зная, что делать: то ли поддерживать режим, то ли бороться с ним; у всех имелись родственники, кто убил или был убит дофинистами, а сторонники дофина, если верить одному из бургундских источников, совершали преступления еще более страшные, чем сам дьявол. Инстинкты горожан, как деловых людей, толкали их на «сотрудничество» с оккупантами и вызывали отказ от сопротивления: ситуация нам знакомая из опыта Второй мировой войны. Интересы их, в первую очередь, были связаны с безопасностью торговли и коммерции, кроме того, у них была возможность подзаработать в качестве платных воспитателей детей. (Их вполне устроило бы сравнительное благополучие, которого они достигли в резуль-

тате пронизательного и тактичного правления Бедфорда, тем более, что новый администратор и его меры показались им куда более симпатичными, чем его брата.) Но больше всего невзлюбили англичан простые люди, которые больше всего страдали от чрезмерного внимания солдатни и были вынуждены тащить на своих плечах основной груз новых налогов.

Вскоре английские поселенцы почувствовали, что в Нормандии их не ждали. В тавернах, когда напитки разжигали чувства, часто можно было услышать восклицания: «Сын англичанина!», что считалось наивысшим оскорблением, эквивалентом выражению «сукин сын!»¹¹ Некоторые представители духовенства отказывались публично молиться за короля Генриха. Нормандские крестьяне и торговцы продавали зерно за границей герцогства дофинистским гарнизонам. Все крестьянство было враждебно настроено. Во время путешествий, особенно при пересечении лесистой местности, английским войскам приходилось быть начеку. В цитаделях, в крепостях английские гарнизоны ни на мгновение не осмеливались ослабить бдительность. Особую угрозу таила *bosage*, холмистая, поросшая рощами местность; большая часть территорий графства Аркур, отданного герцогу Эксетеру, представляла собой именно такой ландшафт и его чиновники были слишком напуганы, чтобы собирать налоги за аренду. Опасностью веяло отовсюду — опасны были партизаны-дофинисты, опасны были разбойники. Массовые казни и взятие заложников не решало проблемы в целом. Режим держался, но был нестабильным.

Нет ничего удивительного в том, что большая часть поселенцев в скором времени стали испытывать но-

стальгию по Англии. Конфискованные земли, которыми они здесь владели, были зачастую ничуть не лучше пустошей, потому что не хватало рабочих рук, чтобы обрабатывать их. Местное население считало их самозванцами и врагами. Несмотря на жестокие меры пресечения, они в больших количествах предпринимали попытки пересечь пролив и вернуться в Англию. В апреле 1421 года Генрих капитанам Гонфлера и Дьеппа, лейтенантам Гарфлера, Кана и Шербура разослал приказ задерживать людей любой национальности («включая и лиц английского происхождения»), независимо от положения или пола людей, не давая им уехать «без нашего специального разрешения». Каждый, кто попытался бы покинуть Ланкастерскую Нормандию без пропуска, подвергался смертной казни и конфискации имущества. Но даже эти драконовские меры не стали панацеей. К тому времени, когда французы восстановили свое владычество в Гарфлере в 1435 году, от колонии англичан, насчитывавшей когда-то 10000 человек, осталась всего небольшая горстка. После смерти короля регент Бедфорд, разрешив поселенцам возвращаться домой, показал, что попытки брата колонизировать страну считает серьезным просчетом.

Генрих и Екатерина выехали из столицы Нормандии 19 января. Их сопровождали герцог Бедфорд, граф Маршал, графы Марч и Уорвик, многочисленные рыцари и дворяне, а также несколько высокопоставленных дам и король Яков. Их военный эскорт состоял из отборнейших тяжеловооруженных воинов и стрелков. Во время пересечения Амьена и других городов, встречавшихся на пути в Кале, их встречали официальными приветствиями и церемониальными подарками. Королю особенно понравилось то внимание и комплементы,

которые расточались французскими подданными его царственной супруге. Но по всей видимости, это было вызвано не ее красотой, а тем фактом, что Екатерина была дочерью их законного суверена Валуа. Жителями Кале им был оказан самый горячий и (в чем можно не сомневаться) искренний прием, за которым последовало их отплытие в Англию.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
«ОБИРАЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В
КОРОЛЕВСТВЕ»

«Осады... потребляли значительную часть его финансов, как в Англии, так и во Франции, и в Нормандии»

СЭР ДЖОН ФАСТОЛЬФ

*«И тот король, чьи непомерные расходы,
Превосходящие плоды трудов его земли,
Быть должен свергнут».*

THOMAS HOCCKLEVE «THE REGEMENT OF PRINCES»

Король со своей свитой высадился в Дувре 1 февраля 1421 года. Чтобы приветствовать их, на берегу собралась огромная толпа. Бароны пяти портов по мелководью доставили короля и королеву на землю на своих плечах. Подданные Генриха приняли его, по словам Монстреле, так, как если бы он был «одним из ангелов Господних». С женой, под одобрительные возгласы толпы, он тотчас отправился в Кентербери, чтобы поклониться гробнице Святого Фомы и встретиться с архиепископом Чайчелом. После чего он выехал в Лондон, чтобы организовать прием Екатерины, она следовала позади него на носилках. В Элтеме 21 февраля они встретились, а оттуда в тот же день въехали в Лондон.

В Блекхите королевскую чету ожидали, чтобы сопровождать далее, облаченные в лучшие одежды мэр, Уил Кембридж, олдермены, шерифы, официальные лица из гильдий Сити, а также целая армия лондонцев. На этот раз устроенные для них пышные зрелища и разыгрываемые спектакли были столь же великолепными, как и те, которыми приветствовали короля после победы у Азенкура. Как и в 1415 году, Генрих, отправляясь в собор Святого Павла, снова был одет во все пурпурное, цвет Страстей Христовых, чем еще раз продемонстрировал крепость своей веры.

Два дня спустя Екатерина, облаченная в белые одежды, была коронована и помазана на царствие в Вестминстерском аббатстве архиепископом Кентерберийским. После чего она в короне возглавила коронационный пир, даваемый в Вестминстер-Холле, а Генрих, как полагалось в соответствии с традицией, отсутствовал. Поскольку был пост, пиршественное меню состояло исключительно из рыбных блюд и сладких пудингов. Разнообразие первых поражало, подавались осетры, лососи, камбалы, морские угри и морские свиньи. Королевские повара превзошли самих себя, создавая самые утонченные кушанья в виде живописных картин из теста, которые появлялись между сменами яств. Но вот изображение тигрицы, которую вел за собой на цепи Святой Георгий, могло быть неверно истолковано. Во время пира королеве, преклонив колена, прислуживали ее девери, Бедфорд и Глостер.¹

После трех лет войны Генрих уже не был тем юнцом с гладким лицом, изображение которого можно увидеть в Национальной галерее. Его образ с короной на голове предстает перед нами на каменной стелле в Йоркском соборе, работы 1425 года. Недавно было

засвидетельствовано, что это изображение обладает портретным сходством. Неожиданно для нас у короля мы видим маленькую раздвоенную бородку, какая была у Ричарда II. Из-под густой шапки тщательно завитых волос на нас взирает красивое властное лицо, хранящее следы напряженности и озабоченности.² Борода (изображенная также на лицевой стороне Большой Печати) дает нам ключ к разгадке еще одного неожиданного сходства. Миниатюра, на которой представлен Святой Георгий в «Часовне Бедфорда», не только рисует облик святого в золоченых доспехах, плаще рыцаря Подвязки и стриженной под горшок шевелюрой, но и с маленькой раздвоенной бородкой. По мнению автора, это также портрет Генриха.

В течение всего периода отсутствия короля его режим в Англии держался превосходно, частично благодаря усилиям регента Бедфорда, частично благодаря гордости, которую испытывали подданные по поводу его триумфального шествия по Франции. Лолларды, вернее, то, что от них осталось, уже не вызывали беспокойства. Сэр Джон Олдкасл был пойман в 1417 году и, подвешенный в цепях к перекладине, был заживо сожжен на костре. Приверженцы короля Ричарда II и графа Марча отказались от дальнейшей борьбы (несмотря на то, что родственник Марча, сэр Жан Мортимер, все еще строил козни). Валлийцы оставались лояльными, а «Грязный поход» шотландцев под предводительством герцога Олбани и графа Дугласа имел известный для всех шотландских вторжений конец: в самом начале был без труда пресечен герцогом Эксетером. За исключением нескольких случаев насилия на севере Англии и на границе с Уэльсом по всей стране сохранились восстановленные Генрихом законность и правопорядок. Но ничего удивительного

тельного в этом не было, поскольку те районы были известны своей нестабильностью. Прибрежному и морскому плаванию опасность со стороны каперов, как это было на протяжении десятилетий до прихода Генриха к власти, больше не угрожала. Были искоренены не только французские каперы, но также и кастильские, поскольку были ликвидированы их базы во французских портах, контролируемых теперь английскими войсками, оккупировавшими Нормандию, а также союзниками — Бургундской Фландрией и Бретанью. К тому же «Королевские корабли» надежно и эффективно осуществляли патрулирование прибрежных вод.

Тем не менее, в атмосфере ощущалась некоторая напряженность. Не все сумели обогатиться на «трофеях, привезенных из Франции», слишком велико было количество людей, для которых война ассоциировалась с повышением налогообложения. В 1416-1418 годах архиепископ Чайчел неоднократно обращался к духовенству, которое все с меньшим рвением молилось об успехах короля; платить налоги духовенству нравилось ничуть не меньше, чем всем остальным, поэтому они заметно стали охладевать к бесконечным военным кампаниям, выкачивавшим из их карманов деньги. Парламент 1419 года проголосовал за выделение для войны еще меньшей суммы. В декабре 1420 года, непосредственно перед возвращением Генриха, он выразил недовольство по поводу того, что все свои петиции вынужден был отправлять за границу королю на рассмотрение (невзирая на то, что тот регулярно и своевременно отвечал на них даже в самых опасных для себя ситуациях) и проявил полнейшее нежелание голосовать за дальнейшее несение военных расходов, так что от своих требований Генрих был вынужден отказаться.

Как указывал Мак Ферлейн: «Генрих, похоже, не слишком загружал свою голову беспокойствами относительно финансовой целесообразности своего предприятия; бесспорно, в деньгах он нуждался, но его совершенно не волновало то, каким образом он их получит... Современные оценки, построенные на неточном понимании бухгалтерского учета средневековья, к сожалению, не дают нам представления о истинной тяжести положения».³

Не было ни одного правительственного департамента, который не погряз бы в долгах. Было очевидно, что, если война в скором времени не прекратится, монархия неминуемо придет к банкротству. План короля оплачивать свои военные расходы за счет поборов, взимаемых с покоренных французских земель, просто не работал. Известно, что в последний год его правления сумма нормандских доходов составила всего 10000 фунтов, и это в условиях возрастающего налогообложения. Платить по счету приходилось его английским поданным и они это воспринимали с все более нарастающим раздражением.

К 1421 году финансовое положение Генриха стало отчаянным. Почти 40000 фунтов составлял невыплаченный долг его отца и его собственный. К тому же он еще не возместил существенные расходы своих старших командиров, которые те понесли в кампании 1415 года, он задолжал жалование большинству, если не всем капитанам английских гарнизонов во Франции. Жалование гарнизону в Кале, запаздывавшее на несколько лет, достигало 28710 фунтов. (В 1423 году гарнизон взбунтуется.) Дома за охрану и оборону восточного участка шотландской границы он должен был 7000 фунтов (10000 марок) графу Нортумберленду. Общий заем, одобренный

парламентом в 1419 году, составлял смехотворную сумму, да короля и не было в Англии, чтобы воспользоваться им. Лондонский Сити, ссудивший в 1415 году 6000 фунтов, теперь для нужд новой кампании ассигновал только 2000 фунтов. Парламент, похоже, не был готов пойти на дополнительное взимание налогов, а Генрих не осмелился давить на него.

Тогда король с целью сбора денег решил предпринять поездку по Англии. Благоприятным предлогом для королевского турне послужило, якобы, желание показать королеве ее страну и посетить святые гробницы. За ним следом должны были ехать специальные уполномоченные, на плечи которых возлагалась обязанность какими угодно средствами выбить субсидии из дворянства, землевладельцев, духовенства и горожан, а также йоменов и ремесленников. Пусть даже суммы, полученные от последних, не могли превышать нескольких пенсов.

Мысли о Франции ни на минуту не отпускали Генриха. 27 февраля 1421 года своим чиновникам, находившимся за Ла-Маншем, он написал:

«Из вашего письма к Нам мы поняли, что вы интересуетесь, не нужно ли вам отписать каменщиков и плотников для производства ремонтных работ в нашем замке Понторсоне. Посему мы обязываем вас позаботиться о том, чтобы он был отремонтирован и приведен в порядок, а также две башни на мосту... и мы уведомили нашего кузена Суффолка в том, что возложили на вас это обязательство. Также упомянутому кузену мы поручили улучшить правление в Авранше и прилегающих землях.»⁴

Прежде, чем отправиться в поездку, Генрих посетил сначала Бристоль, а затем Шрусбери, чтобы озна-

комиться с рапортами относительно беспорядков на границе с Уэльсом. После чего он присоединился в Лейстере к Екатерине, где они и встретили Пасху. О маршруте их путешествия нам известно из хроник Джона Стреча, каноника из Кенилуорта, который увековечил историю о теннисных мячах, присланных дофином. Сначала они посетили Ноттингем, затем отправились в Понтефракт, а оттуда в Йорк. По дороге король не забыл навестить гробницы своих двух любимых йоркширских святых, Джона Бридлингтона и Джона Беверли. Кости последнего, что умер в 721 году, были перенесены (торжественно перезахоронены) в соборе Беверли 25 октября 1037 года. Поскольку сражение при Азенкуре состоялось 25 октября, свою победу Генрих приписывал заступничеству Джона. В связи с этим он заставил церковь Англии изменить день празднования галло-романского Crispin и Crispinian в Саруме и Йорке на день, согласно толкованию англосаксонского епископа. Затем они проследовали в Линкольн на церемонию посвящения в сан нового епископа.

В Линкольне он получил известия из Франции. Его брат Кларенс после успешного похода на Мен и Анжу, во время которого взял приступом множество замков, потерпел поражение и был убит в Буже возле Анжера. Против него выступили объединенные силы французов и шотландцев. Вместе с ним погибли «маршал Франции» (Джилльберт Умфравиль), «граф Танкарвиль» (Джон Грей) и лорд Рус, а графы Хантингдон и Сомерсет, лорд Фицуолтер и сэр Эдмунд Бофор были взяты в плен. В полночь два шотландских графа Бухан и Дуглас написали о своей победе на поле боя дофину. Вместе с письмом отправили они и знамя Кларенса. На минуту показалось, что опасность угрожала всему английскому

завоеванию во Франции. Содержимое депеши король не сообщал своим гонцам до следующего дня. Его выдержка поразила их.

Причиной потери Буже послужило глупое упрямство Кларенса, пожелавшего сразиться с 5000 вражеской армией, противопоставив ей 150 тяжеловооруженных воинов. Умфравиль и Хантингдон пытались отговорить его, но ему нужна была победа, достойная Азенкура. Англичане были разбиты. Один из современников записал: «потому, что не взяли с собой стрелков, потому что думали, что сумеют справиться с французами сами, без них. И все же, когда он был сражен, пришли лучники и спасли тело герцога... господи, упокой его душу, он был храбрый человек».

Солсбери, который привел с собой стрелков, с огромным трудом удалось вывести с поля боя оставшиеся силы англичан. Чтобы пересечь Луару, ему пришлось соорудить мост из повозок и изгородей. А через реку Сарта он перекинул мост еще более замысловатым способом. Заставив своих людей надеть белые кресты, как у дофинистов, он смог убедить нескольких местных крестьян, что он был француз, и приказал им построить для них мост. Как только они переправились, он велел предать крестьян смерти.⁵

Французы лишили английское правительство во Франции их главы — наследника престола Англии, — убив к тому же немало лучших командующих короля. Если бы им удалось поймать Солсбери, то французы смогли бы прогнать англичан на тридцать лет раньше, чем это случилось. Несмотря на то, что ему удалось спастись, боевой дух французов значительно окреп. По всей Франции разнеслись дикие слухи, поговаривали даже о том, что был убит сам Генрих. Осторожный

астролог, к которому за помощью обратился Джон Стюарт Дарнли, предсказал, что английский король и Карл VI умрут в самом ближайшем будущем.

Известно, что Генрих ранее отдал приказ, чтобы без поддержки стрелков в бой никогда не вступать. Он отлично понимал причины поражения и гибели своего брата. Базен говорит, что по словам короля, если бы Кларенсу удалось спастись, то за нарушение приказа он был бы предан смерти. Тем не менее, для Генриха это был страшный удар и не только потому, что он потерял брата. (Между ним и Кларенсом никогда не существовало тесных отношений даже несмотря на то, что конец их соперничеству положило провозглашение Кларенса наследником трона. Стоит упомянуть, что он исключил герцога из своего завещания 1415 года.) Это бесславное поражение выявило лживость его громко распропагандированного заявления, что действовал он с Божеского благославление и что Бог был на его стороне.

В Лондон он выехал один, путем Кингс-Линн, Уолсингем, где он останавливался, чтобы помолиться у алтаря Девы, в Норидж и другие города Западной Англии. Королева Екатерина отправилась другой дорогой, проходившей через Лестер, Стаффорд, Хантингдон, Кембридж и Колчестер. С мужем она должна была встретиться в столице. Похоже, что уполномоченные сборщики ссуды следовали за ними. Стреч сообщает нам, что «в городах, которые они посетили, король и королева получили от горожан и прелатов ценные подарки золотом и серебром... Более того, от более могущественных людей королевства, таких как купцы, аббаты и приоры, король требовал и получал большие денежные суммы». ⁶ Всего, включая и сборы, проведенные в Лондоне, поездка принесла 9000 фунтов, что

для операции такого рода было невероятно огромной суммой.

Так, «обирая каждого человека в королевстве, будь он богат или беден», (как описывает пополнение казны Адам из Уска) нельзя было сделать войну популярной. Адам добавляет, что постоянное требование королем денег для проведения своих кампаний уже стало раздражать его подданных, «тяжелейшее налогообложение населения, ставшее невыносимым, сопровождалось приглушенными проклятьями». Восхищаясь и глубоко почитая короля, англичане все более беспокоились относительно его заморских амбиций.⁷

Когда в мае парламент собрался на очередное заседание, Палата общин вежливо, но с большой долей негодования пожаловалась на нищету и страдания подданных короля и, вероятно, отклонила, хотя определенных доказательств на этот счет нет, перманентное налогообложение, которое было единственной надеждой остановить постоянно растущий дефицит королевского бюджета, дефицит, который ежегодно увеличивался с угрожающей быстротой. Депутаты Палаты общин могли пожаловать субсидию, равную только одной пятнадцатой части требуемой, что было самой маленькой за последнее время. С еще большей неохотой духовенство даровало одну десятую часть от своих доходов.

Напрашивался только один вывод: для англичан заключенный в Труа договор послужил опасным предвестником; не без основания они ожидали продолжения военных кампаний, для проведения которых Генрих будет требовать все больше и больше денег. Свое сопротивление дальнейшим поборам такого рода они построили на конституционном истолковании договора; по их мнению, ведущаяся война была теперь войной

между французской монархией в лице «наследника Франции» и мятежными подданными его тестя, следовательно, нельзя допустить, чтобы расплачивались за нее англичане. Несмотря на то, что подобное заявление пришлось королю не по вкусу, он был слишком проницательным политиком, чтобы спорить против такого, выдвинутого напрямик аргумента. Судя по его реакции, он ожидал этого. Он уже не просил о введении нового налогообложения парламент, собравшийся в декабре 1420 года. 1421 год стал первым годом его правления, когда не взимались новые налоги. Эту недостачу он с легкостью мог возместить за счет проведения частных поборов по всей стране, что он уже и начал делать. Но вторую просьбу Палаты общин, навеянную договором в Труа и опасением, что король надолго застрянет за границей, Генрих отклонил. Суть ее состояла в том, чтобы на подаваемые парламентом ходатайства (петиции) отвечал наместник короля в Англии. Но Генрих намеревался и впредь рассматривать петиции сам, даже во время военных кампаний, когда у него для этого будет время. Несмотря на весь свой энтузиазм и гордость, которую они испытывали от причиненного их исконному врагу унижения, англичане однозначно уже стали уставать от того, что их героический король находился в постоянной отлучке. Идея создания двойной монархии с Францией как равноправным членом нравилась англичанам еще в меньшей степени, чем просто поход за военными трофеями и другой добычей. Но критиковать вслух заморские амбиции Генриха никто не решался.

Всю серьезность финансовых проблем короля подтверждает тот факт, что после его смерти правительство столкнулось с дефицитом бюджета в 30000 фунтов,

к которому следовало приплюсовать долги в сумме еще 20000 фунтов. А годовой доход, едва превышавший цифру в 56000 фунтов, был недостаточен даже для расходов короны в мирный период, не говоря уже о военном времени. Оплачивать расходы на проведение своих кампаний Генрих мог, только закрыв глаза на то, что живет не по средствам и не думая о будущих расчетах.

Генрих не упускал ни малейшей возможности сбора денег. Он даже эксплуатировал популярное верование в магию, поправ интересы собственной семьи. В колдунов и ведьм верили все. Из «Тройской книги» Джона Лидгейта (написанной между 1412 и 1420 годом) он знал, что колдуны могут предсказывать будущее с помощью астрологии, хотя чаще с этой целью они используют некромантию или вызывают демонов, могут изменить погоду, устроив грозу, снежную бурю с градом, холодом и обледенением. (Ходили слухи, что Оуэн как раз и сотворил такое.) Считалось, что ведьма даже могла превращать стариков в молодых людей, а также делать еще всякие другие малоприятные вещи.

25 сентября 1419 года архиепископ Кентерберийский писал своим епископам, что король желает, чтобы они направили свои молитвы на то, чтобы защитить его от сверхъестественных сил и деятельности некромантов, стремившихся, якобы, погубить его. (Некромантами считались колдуны, которые могли вдыхать в мертвые тела жизнь, чтобы те вызвали для них силы зла.) Ничего необычного в той просьбе не содержалось. Страшно было другое: через четыре дня последовал арест Жанны, вдовствующей королевы, обвиненной в таких деяниях. Как явствует из судебных протоколов, ее исповедник, брат Рандольф, францисканец из Шрус-

бери, обвинил ее «в том, что замыслила самую предательскую и ужасную смерть и погибель, какую только можно придумать для нашего господина и короля». «Лондонские хроники» более обстоятельны на сей счет: она «колдовством и некромантией» пыталась «погубить нашего короля». Брат Рандольф был арестован в Гвернси и доставлен в полевую штаб-квартиру Генриха в Манте. Король самолично допросил его, а затем велел отправить в Лондон и заточить в Тауэре. Были арестованы еще два члена из челяди вдовствующей королевы — придворный грум по имени Роджер Коллес и служанка по имени Перонелл Брокарт. Но о их дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Следует заметить, что отец Жанны Наваррской, король Карл Злой Наваррский, к несчастью, имел репутацию (и не без оснований) колдуна. Об этом многие должны были помнить. Правда и то, что сыном ее от первого брака был герцог Жан Бретонский, которого англичане очень недолюбливали; другой из ее сыновей, Артю де Ришмон, в сражении при Азенкуре получил ранение в лицо, которое настолько обезобразило его, что он стал похож на жабу, после чего он попал в плен и до сих пор томился в заточении в Англии. (Довольно странно, но впоследствии распространился слух, что Ришмон тоже занимался колдовством.) Все же у Жанны после заключения ее брака с отцом Генриха в 1402 году были самые лучшие отношения с ним и со всеми остальными ее пасынками. С приятной внешностью, дружелюбная, элегантная, она была как будто всеобщей любимицей. И у нее не было никакой видимой причины желать королю смерти. Суду она так и не была предана, в то время, как монах, который обвинил ее, оставался в Тауэре до тех пор, пока не был убит в

драке с сумасшедшим священником. (За исключением короткого промежутка времени, когда после смерти Генриха он был вызволен оттуда своим литературным покровителем герцогом Глостером.) Тем не менее, спустя четыре дня после ареста, Жанна была лишена своей собственности и доходов и провела в заточении почти три года. Любопытно, что, оставаясь в тюрьме, которой ей служил Лидский замок в Кенте, устроена она была довольно комфортно. У нее было девятнадцать придворных и семь пажей, а также все, что нужно для роскошной жизни, так что она могла даже принимать у себя герцога Глостера и архиепископа Кентерберийского, которые частенько навещали ее на обед; по нескольку дней гостили у нее также епископ Бофор и лорд Камойз.

По всей видимости, объяснением этого странного происшествия, наиболее близким к истине, является предположение покойного А. Р. Майерса. Этот эпизод показывает нам, насколько безжалостным мог быть Генрих V даже к самым безобидным членам своей собственной семьи. Заговор, должно быть, существовал только в голове брата Рандольфа, несомненно, ненормального, что было признано самим королем. Но вдовствующей королеве полагалось содержание, равное 6000 фунтов в год, что тяжелым бременем ложилось на плечи правительства, годовой доход которого едва превышал 56000 фунтов; во время ее заточения расходы на содержание Жанны никогда не превышали 1000 фунтов в год. Естественно, что увеличение дохода на 5000 фунтов не могло не играть существенную роль в бюджете правителя, который в финансовом смысле еле держался на плаву. По этой причине ее и не привлекли к суду. В противном случае, она была бы признана

виновной, а значит, лишила бы правительство своего приданого. На смертном одре Генрих приказал освободить ее, вернув ей ее собственность и содержание, сказав, что «иначе это бременем ляжет на нашу совесть», что послужило недвусмысленным признанием, что дело было сфабриковано. До конца ее дней, а она умерла в 1437 году, к Жанне относились с большим почитанием и предупредительностью. Ясно, что мало кто верил, что в королевской семье могла быть ведьма.

Но Майерс упускает один момент: сыном Жанны был герцог Бретонский. Жан V не встречался с ней много лет и был, по всей вероятности, человеком со слабо развитым семейным чувством. Однако герцог ощутил бы себя весьма неловко, если бы его мать была публично признана ведьмой, но узнать об этом он не мог, поскольку не представлялся случай, хотя однажды он все же поинтересовался, что было с ней. Жан заигрывал с дофинистами, а позже он и вовсе откажет-ся от союза с англичанами, и Генрих мог без угрызения совести использовать против него этот козырь.

Другой родственник был еще более выгодным. Немного было английских прелатов, даже кардинал Уолси не относился к их числу, — кто был бы столь откровенно алчен, как дядя короля епископ Генрих Бофор. В 1417 году он оставил пост канцлера Англии и отправился в Констанцу, где церковный собор решил положить конец религиозным распрям. Когда был, наконец, избран новый папа, Мартин V, он стал перед ним заискивать. Мартин надеялся аннулировать статут о кандидатах на получение бенефиция, который не позволял папе выдвигать кандидатов на английские бенефиции; тогда он назначил Бофора папским легатом в Англии и предложил ему шапочку кардинала. В 1419

году от своего разгневанного племянника, который конфисковал у него папскую буллу, удостоверившую его назначение легатом папы, он получил предупреждение, что тот преступил статут о кандидатах на получение бенефиция и рискует теперь лишиться своего добра и сана. Но Бофор, что было с его стороны весьма неумно, попытался заполучить новую буллу. Генрих через кузена епископа, своего доверенного лица, Томаса Чосера, тайно состоявшего у короля на денежном содержании, информировал его, что того ждали серьезные неприятности. Пример Жанны Наваррской не пропал даром. Бофор настолько испугался, что в 1421 году одолжил своему племяннику 17000 фунтов, доведя, таким образом, общую сумму ссуды до баснословной цифры в 38000 фунтов.

Представленный Генрихом в мае 1421 года финансовый отчет показал ему, что он находился на грани финансового краха, о чем он в любом случае сам должен был догадываться. Но деньги не давали ему покоя. Из одного недатированного письма нам известно, что несмотря на все трудности, в период своего правления он располагал определенным резервом, который держал в Гарфлере и который равнялся 30000 фунтов в монетах золотой чеканки, 2000 фунтов в монетах серебряной чеканки и серебряных слитках весом до полутонны.⁸ Эти цифры он не гнушался проверять собственноручно. В начале 1421 года он изучил отчеты бывшего хранителя большого гардероба, который четыре года, как умер. Рано или поздно этим отчетам суждено было попасть на проверку в казначейство, там он пометил пункты, по которым желал получить разъяснение. Это не значит, правда, что он был скрягой. Этот факт свидетельствует только о том, что

он во что бы то ни стало хотел изыскать ресурсы, которые позволили бы ему осуществить завоевание Франции, ресурсы, которые существовали еще только в его воображении.⁹

Его отчаяние на тот период вполне понятно. Парламент отказался давать ему деньги в тот момент, когда из Франции продолжали приходиться тревожные вести. Моральный и боевой дух сторонников дофина после Буже заметно поднялся, чего нельзя сказать о состоянии духа англичан. Последние после стольких лет (с 1415 года) больше не казались непобедимыми, что имело жизненное значение для малочисленных сил, разбросанных на большой территории, которые к тому же обороняли протяженные границы.

Солсбери, новый наместник короля, собрал свежее войско. Повсюду он разослал своих разведчиков, которые должны были узнать о дислокации различных сил дофинистов, собиравшихся вторгнуться на территорию Нормандии. Солсбери намеревался атаковать каждый из отрядов противника по отдельности и заставить дофина отказаться от осады Алансона и мысли о вторжении в Нормандию. Граф совершал рейды в глубокий тыл расположения противника. После набега на Анжу он сообщил Генриху, что «мы доставили домой самый дорогой и большой животный трофей», подразумевая под этим угнанные у несчастных крестьян целые стада лошадей, крупнорогатого скота, овец и свиней, что теперь его люди передохнули и были готовы нанести новый удар.¹⁰ Солсбери страшно повезло, что противник, численность армии которого значительно превосходила маленькое войско англичан, не объединил свои военные силы для вторжения

в Нормандию. Вместо этого они повернули на запад и начали осаду Шартра.

Однако такое изменение направления дофином было довольно тревожным, поскольку он взял Монмирай и угрожал Парижу. Теперь столица была со всех сторон обложена его сторонниками, с которыми парижанам придется смириться также, как в прошлом им пришлось смириться с бургундцами. Герцог Эксетер со своим крохотным гарнизоном оказался отрезанным от внешнего мира. К счастью для англичан, у дофина были плохие советники и он не сконцентрировал все свои войска в одном месте. Сложившаяся ситуация грозила Генриху потерей Парижа.

Вдобавок начались беспорядки в Пикардии. Там Жак д'Аркур (чье графство Танкарвиль в Нормандии было конфисковано Генрихом и пожаловано покойному сэру Джону Грею) с видимым успехом совершал нападения на отдельно стоявшие крепости бургундцев и англичан. Естественно, что такое оживление противника не могло серьезно не встревожить как граждан Кале, так и герцога Филиппа. По словам короля, Пикардия нуждалась в «лучшем правлении».

В самый разгар этих срочных приготовлений к войне Генрих, тем не менее, каким-то образом умудрился найти время для своих благочестивых устремлений. Он обратил особое внимание на бенедиктинцев, которые, на его взгляд, остро нуждались в реформировании. Возможно, он руководствовался политическими мотивами, или же на его решение оказали воспоминания о бывших политических симпатиях этих монахов. Община в Вестминстере включала несколько сильных и горластых приверженцев Ричарда II. Монахи же из Шрусбери

и Венлока потворствовали побегу сэра Джона Олдкасла, невзирая на его еретические взгляды, по всей видимости, исключительно из чувства ненависти к узурпировавшим трон Ланкастерам. «Старые английские черные монахи» были известны своей агрессивностью; архидьякон монашеского ордена в Вестминстере иногда облачался в боевые доспехи. Люди, которые были не согласны, что Бог вдохновил Ланкастеров на захват власти, по всей вероятности, обладали нездоровыми духовными и политическими воззрениями. Однако причина вмешательства короля в их дела, осуществляемая им в почти Тюдоровском стиле, коренилась в его решимости навязать королевскую волю во всех сферах церковной жизни. Жалоба «некоего фальшивого брата» на то, что бенедиктинцы перестали придерживаться своих правил, была выслушана королем с большим участием. На предмет того, что делать, он даже проконсультировался у приора монастыря Маунт Грейс в Йоркшире, Дэна Роберта Лейтона (который и сам прежде был черным монахом); картезианцы, «которые никогда не подвергались реформированию ввиду того, что никогда не сходили с правильного пути», благодаря своему суровому аскетизму и неподдельной святости, были в то время самым уважаемым религиозным братством, однако, являясь пустынножителями, они едва ли могли быть подходящими советниками для монахов, живших коммунами.¹¹

5 мая 1421 года король обратился с речью к особому собранию бенедиктинцев, которое проходило в здании монашеского капитула в Вестминстере, на котором присутствовало почти 400 монахов, призывая их к исправлению. Он напомнил им о том, как щедры и терпимы к ним были его предшественники и что эта щедрость основывалась на потребности в их молитвах,

однако какое воздействие могут оказывать эти молитвы, если братство сбилось с пути истинного и не соблюдает своих правил. Он зачитал критические замечания приора Лейтона и его предложения. Был назначен специальный, состоявший из монахов комитет, в обязанности которого вменялось докладывать об их проблемах. Но Генриху в скором времени пришлось вернуться во Францию, и монахи аккуратно уложили дело в долгий ящик. Если бы король прожил еще с десяток лет, им пришлось бы воплощать в жизнь его драконовские предложения.

В намерения Генриха никогда не входило оставлять Францию надолго. Подготовку нового войска для введения во Францию он начал сразу же, как только вернулся в Англию. В него входило 900 тяжеловооруженных воинов, 3300 стрелков — это было все, на что король мог рассчитывать. Правда, следует сказать, что эту армию поддерживал значительный отряд второстепенных специалистов, таких как канониры, саперы и механики. Все эти люди были сосредоточены в Дувре и готовились к отплытию на континент в конце мая, что для материально-технического обеспечения того времени было настоящим подвигом. Решение Генриха высадиться в Кале, вместо того, чтобы следовать до Гарфлера, который был ближайшим к Англии нормандским платцдармом, где не все было спокойно, подвергалось серьезной критике, однако оно вполне обосновано. Слишком велика была опасность, угрожавшая Пикардии, кроме того, важно было укрепить боевой дух герцога Филиппа и бургундцев. К тому же морское путешествие из Дувра до Кале могло занять всего несколько часов при условии, что правильно рассчитаны приливы, а плавание из Саутгемптона до Гарфлера занимало несколько дней.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ПАДЕНИЕ МО

«От этого оружия есть средство – Нам жало голода дарует смерть».

ИЗ РАБОТЫ ВЕГЕЦИЯ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» (ПЕРЕВОД XV
ВЕКА)

*«В год 1422 Видел я, как чужестранный король
снискал себе славу на нашем позоре и бесчестии,
разжирел на награбленной у нас добыче, с презрением
взирая на наши подвиги и нашу доблесть».*

ALAIN CHARTIER «LE QUADRILOGUS INFECTIF»

Генрих вышел из Кале почти сразу после высадки на берег. Было это в начале июня 1421 года. Первое, что он сделал, – послал подмогу на выручку отрезанному от внешнего мира герцогу Эксетеру в Париже. Значительно уменьшившуюся вследствие этого армию он повел в Монтрейль, который находился в 25 милях к югу, где намеревался провести совещание с герцогом Филиппом. Там король большую часть своих сил согласился направить в Шартр, чтобы облегчить положение осажденных бургундцев. Сам же он с горсткой воинов двинулся на Париж. Герцог Филипп верхом сопровождал его до Абвиля. По дороге, чтобы передохнуть и расслабиться, они устроили охоту на вепря. Можно не сомневаться, что это предложение исходило от герцога.

Эта идея не могла бы прийти Генриху во время военной кампании.

В Париж он вошел поздно вечером 4 июля. Он обнаружил, что герцог Эксетер более или менее владел ситуацией, однако был очень рад видеть его. Столице угрожал не только враг, находившийся вне ее пределов, внутри городских стен тоже не все было спокойно.

Много волнений причинял л'Иль Адам. Шателен (наверняка встречавшийся с маршалом) рассказывает нам, что после секретных инструкций, оставленных Генрихом перед отъездом из Парижа в декабре предыдущего года, Эксетер внезапно распорядился арестовать его и под усиленным караулом отправил в Бастилию, в которой в тот момент размещалась английская штаб-квартира. Как пишет Шателен, «когда по городу распространился слух о том, что был схвачен Л'Иль Адам, большая толпа черни, вооружившись топорами и кувалдами, бросилась ему на помощь, намереваясь вырвать его из рук англичан, но были остановлены 120 английскими стрелками, которые встретили их натянутыми луками, готовясь выпустить в них град стрел... И его продержали в Бастилии до тех пор, пока был жив его враг король, который, не питая он страха и благосклонности к герцогу Бургундскому, его хозяину, непременно велел бы снести ему голову».¹

Появление Генриха оказало на парижан успокаивающее воздействие, поскольку о волнениях такого рода мы больше не слышали. Он нашел время, чтобы навесить в Отеле де Сен-Поль своих тестя с тещей, Карла VI и королеву Изабеллу, а также прослушать обедню в соборе Парижской богородицы. Но, проведя во французской столице всего четыре дня, он оставил ее.

Оттуда король направился в свою старую штаб-квартиру, расположенную в Манте. Прежде, чем начать операцию по спасению Шартра, он снова еще раз проконсультировался с герцогом Бургундским. Однако на подступах к городу он получил информацию, что дофин уже снял осаду и теперь под неубедительным предлогом отсутствия съестных припасов и плохой погоды он поспешно отступал в южном направлении в Турень. Однако истинной причиной такого поведения было известие о возвращении его врага и притеснителя Генриха и он не осмелился рисковать сражаться с ним. Король Генрих двинулся на Дрё, расположенный в пятидесяти милях к западу от Парижа. Это был последний оплот сторонников дофина, оставшийся по эту сторону столицы, на границе между Нормандией и Ильде-Франс. 18 июня крепость была взята в кольцо. Проведение осады было доверено герцогу Глостеру и королю шотландцев. Несмотря на доблестную оборону гарнизона и городских жителей, 20 августа Дрё сдался. Это известие положило начало сдаче англичанам целой цепи менее важных оплотов дофина, протянувшихся с севера и запада от Шартра.

Вскоре король перенес силу своих ударов на Луару, надеясь вызвать противника на открытый бой, но, как указывается в «Первой жизни», «против него не вышел ни один человек, враг не стал ждать его приближения». Он прослышал, что в районе Божанси на северном берегу Луары дофин собирает большую армию и, примерно, 8 сентября пошел на штурм Божанси (хотя цитадель его выстояла). Потом он направил графа Суффолка с небольшим отрядом воинов через реку, чтобы те выявили дислокацию вражеских сил и, вызывая как можно больше разрушений, попытались навя-

зять противнику сражение. Однако выманить дофина не удалось. Тогда Генрих вдоль северного берега Луары двинулся к лежащему по соседству Орлеану. В окрестностях города его армия смогла разжиться столь необходимым провиантом, после чего подохла его. Под стенами Орлеана Генрих разбил свой лагерь, однако его силы, насчитывавшие всего 3000 человек, были так малочисленны, что рассчитывать на успех осады такого большого города он не мог. Дав людям трехдневный отдых, он снялся с места и направился на северо-восток в сторону Жуаньи.

Солдаты его подверглись, по выражению Жювнала, «чудесному наказанию живота – кровавому поносу». Генрих раздобыл столько повозок, сколько смог для тех, кто не мог идти. Однако «мертвых солдат находили вдоль дорог... а других [что были еще живы] перебили местные жители, которые уходили скрываться от них в орлеанские леса».²

Вдобавок, о чем можно догадаться из «Нормандских хроник», Генрих потерял во время этого марша не только много своих солдат, которые падали от болезней и от голода, но также ему пришлось проститься с большим количеством лошадей, повозок и вьючных мулов, так как кормить их было нечем. Сам он стойко держался, не уважать такого предводителя было невозможно.

18 сентября он захватил Немур, а 22 сентября – Вильнев-ле-Руа на реке Йонне, который препятствовал поступлению в Париж продовольствия, направляемого из Дижона. Он взял приступом еще один оплот дофинистов, Ружмон. Операцию эту он провел с такой скоростью, что его сонные защитники не успели и опомниться. Разъяренный, что во время штурма был

убит один-единственный английский солдат, король, тем не менее, велел предать город огню, а его гарнизон поочередно утопить в Йонне, включая и тех, кому сначала удалось бежать, но кто позже был пойман; всего жертвами его стали 60 человек. Жан Шартьер указывает, что Генрих был очень жестким блюстителем правосудия.³ В глазах короля это было «справедливостью», поскольку защитники крепости, взятой приступом, согласно военному кодексу того времени, не имели права оставаться в живых.

Описывая осаду Ружмона, Шателен, который наверняка встречался со многими участниками событий, сражавшимися как против короля, так и на его стороне, дает нам представление, каким он был. «Английский король начал против них яростный штурм, нанося смертельные удары со всех сторон, не давая ни на минуту покоя и послабления, едва позволяя им перевести дух, он загонял их до смерти».⁴ Полковник Берн полагает, что секрет успеха Генриха опирался на «двойное основание, слагаемое из дисциплины и энтузиазма», — необычайной дисциплины для действующих армий того времени, вкупе с его способностью источать воинствующую уверенность в своей правоте. (Эта характеристика отсутствовала в английской армии до появления армии «нового образца» Кромвеля.) К тому же Берн считает, что немаловажную роль в успехе играла его скрупулезная подготовка, предшествовавшая сражению; в преддверии своей последней кампании, до которой он не дожил, на жителей Амьена он возложил обязанность по обеспечению армии провиантом, установив при этом даже фиксированные цены.⁵ Кроме того, несомненно, он был прирожденным военным лидером, заражавшим солдат своим яростным ди-

намизмом и упрямой решимостью. Трудно поверить, что он отличался отменным здоровьем, хотя достоверных сведений на этот счет у нас нет; однако ни одна важная встреча не откладывалась из-за того, что он был нездоров (в том числе и такая важная, как встреча с королевой Изабеллой в июне 1419 года). От Уолсингема нам известно, что болезнь, убившая его, имела давнее течение.⁶ Однако ничто не могло остановить его. Если в моменты своего триумфа он и мог показаться человеком мрачным, то обвинить его в пессимизме на поле брани было нельзя. Как указывает монах из Сен-Дени, как во время неудач, так и во время триумфов от него веяло необычным хладнокровием. Войскам, потерпевшим поражение, он любил говорить: «Знаете, военная удача изменчива. Если вы хотите победить, пусть ваша храбрость остается неизменной, невзирая на то, что происходит».⁷

Монах также говорит нам, что Генрих насаждал строжайшую дисциплину. Как и во время кампании при Азенкуре, он отваживал «порочных проституток» заниматься своим промыслом в английском лагере, как они это практиковали во французских лагерях, под страхом жестоких наказаний. По этому поводу король нравоучительно замечал: «Удовольствия Венеры слишком часто расслабляют победоносного Марса».⁸ Следует также упомянуть, что, вопреки распространенному мнению, венерические болезни уже существовали и в пятнадцатом веке. Эти запреты вместе с ограничениями на употребление вина способствовали высокому проценту дезертирств из его армии. (Как замечает Бейкон: «Не знаю почему, но военные люди падки на любовь. Но я думаю, что точно так же они падки и на вино, потому что люди обычно желают, чтобы за опасности с ними

рассчитывались удовольствиями»). В своем письме домой один из солдат Генриха мечтает поскорее выйти «из этой, лишенной удовольствий солдатской жизни, чтобы окунуться в жизнь Англии».

Очистив долину реки Йонны, король быстрым маршем, насколько позволяла его крохотная армия, прошел на северо-запад, чтобы погасить и другие очаги сопротивления. С собой они несли опустошение и несчастья. Свое воинство он разделил на три колонны, первая предназначалась для пересечения Сены на востоке у Понт-сюр-сен, вторая — на западе у Ножан-ле-Руа, а третья должна была продолжать движение вдоль Йонны.

Солдатам пришлось перенести немало трудностей. Все три колонны измотанных английских солдат воссоединились в Мо, скрыв, таким образом, тот факт, что этот город был истинной целью Генриха. Жювналь сообщает нам, что его жители оказались настолько неразумными, что отправили королю в Париж своих послов с жалобой, что он вел против них настоящую войну, предав окрестности Мо мечу и огню. «На это он им ответил, что сделано это было умышленно, чтобы начать их осаду и захватить их, а что касается пожаров, которые он, по их словам, устроил в окрестностях, так это соответствовало традициям ведения войны, а война без пожаров то же, что колбаса без горчицы».⁹

Город Мо был самым крупным оплотом дофина вблизи столицы. Расположенный на петле Марна, он был разделен рекой на две части, старый город и рынок, защищенный с трех сторон рекой, а с четвертой — каналом.

Вдобавок, защитники Мо были необычно стойкими. Капитаном их был Гишар Шиссе, храбрый и находчи-

вый командир, обладавший отличными лейтенантами в лице Людовика де Гаста и своего кузена Дени, бастарда* Ворию. Гарнизон представлял собой разношерстное собрание разбойников и дезертиров, среди которых были и англичане, и ирландцы, которые хорошо знали, что милости им не видать, попадись они в руки короля. Самым отчаянным головорезом из них был бастард Ворию, почти ничем не отличавшийся от предводителя разбойников, известный своей жестокостью. За городом рос вяз, получивший имя «дерево Ворию», на котором тот вешал свои жертвы. В 1421 году на нем болталось восемьдесят трупов. Однажды он привязал к нему на ночь беременную женщину. Она разродилась, тогда пришли волки и съели и мать, и дитя.¹⁰

К 6 октября Генрих обложил город. Хотя он знал, что осада может быть долгой, тем не менее, как всегда, нарушил заповедь средневекового воина отправиться на зимние квартиры. Слишком лакомым куском был для него Мо. С его падением будет не только искоренена угроза для Парижа и получат удовлетворение бургундцы, но он ожидал последующих сдач без боя многочисленных, менее важных дофинистских оплотов. Его не могла остановить малочисленность его армии, насчитывавшей теперь не более 2500 человек. По крайней мере, у него было два отличных капитана, герцог Эксетер и граф Уорвик.

Не ведавший жалости король приступил к покорению города. Свою армию он разделил на четыре части и разместил их на востоке, западе, севере и юге Мо. Уорвик командовал отрядом, расположенным на юге, на

* имя это давалось старшему незаконнорожденному сыну дворянина, признанного отцом.

дальнем берегу Марны. На реке Генрих соорудил понтонный мост. Штаб-квартира короля была устроена в одной миле от городских стен, в аббатстве Сен-Фаро. Чтобы защитить своих солдат от зимних холодов, он построил хижины и землянки, от вылазок вражеского гарнизона их предохраняли траншеи. Орудия, осадные машины, амуниция и провизия доставлялись на кораблях из Парижа. Всю мощь артиллерийского обстрела он сосредоточил на тщательно выбранных участках стен и воротах.

На протяжении месяцев осада как будто ничуть не продвинулась. Англичанам очень мешали невыносимые погодные условия. Весь декабрь, не переставая, лили дожди, Марна вздулась и вышла из берегов, снеся понтонный мост и отрезав Уорвика, против которого осажденные совершали вылазки на лодках, от остальных частей армии. Река также затопила хижины и землянки солдат, лишив лошадей фуража и сделав грунт непригодным для проведения подкопов. Несчастных, замерзших и промокших англичан поразила дизентерия и другие болезни. Поставки провизии прекратились. Участились случаи дезертирства. По подсчетам специалистов, армия Генриха к Рождеству уменьшилась на 20 процентов.

Королю удавалось сохранять дисциплину только благодаря своей изобретательности. Когда сторонники дофина устроили засаду и разбили по частям английский фуражный отряд, одному человеку удалось спастись бегством. Когда король узнал об этом, он велел выкопать глубокую шахту и заживо похоронил в ней дезертира.¹¹

Автор, известный под именем «Лже-Элмхем», донес до нас слух, возникший, вероятно, тогда, что армия

короля никогда еще не переживала такие беды, как во время той осады. Вдобавок к эпидемиям и другим трудностям, защитники, к неудовольствию англичан, сражались слишком хорошо. Несгибаемый дядя Генриха, сэр Джон Корнуэлл был отправлен домой в состоянии шока. Это случилось после того, как пушечное ядро начисто снесло с плеч голову его многообещавшего семнадцатилетнего сына. Он поклялся, что никогда больше не будет биться с христианами. Король тоже заболел и даже был приглашен лекарь, но Генрих вскоре поправился. (Подробности о заболевании нам не известны.) Некоторые капитаны предложили ему прекратить осаду. Несомненно, король был обеспокоен. В декабре он начал подумывать, чтобы нанять португальских и германских наемников. Ничто не могло поколебать решимости. Только сила его личности могла воспрепятствовать падению морального духа воинов и заставить солдат продержаться до тех пор, пока не улучшится погода и не пойдут на убыль эпидемии. Нехватка продуктов стала ощущаться и внутри Мо.

Страдали не только те, кто непосредственно участвовал в осаде, осаждавшие и осажденные. Одна из записей «Парижского Горожанина» гласит:

«Рождество и Крещение король Англии встретил во время осады Мо; его солдаты разорили весь Бри и, как бы люди не старались, никто не смог сжать свой урожай... большинство из тех, кто обрабатывал землю, оставили это занятие, бросив жен и детей, они в отчаянии бежали, вопрошая друг друга: «А что мы можем поделаться? Пусть все катится к черту! Плевать, что будет с нами. Лучше творить зло, чем добро и поступать как сарацины, а не христиане, так что давайте вредить так, как только можно. Им остается только

поймать и убить нас! Из-за того, что нами правят предатели, нам пришлось оставить жен и семьи и бежать в леса, подобно преследуемым охотниками зверям». ¹²

Горожанин жалуется, что в Париже «одному только Богу известно, сколько бедняков страдают от холода и голода!» Он рассказывает, что в столице повсюду слышались крики: «Увы! Увы!» Всемиловитый Боже, когда же ты, наконец, положишь конец нашим несчастьям, этому жалкому существованию, этой проклятой войне?» ¹³

Все же сердце Генриха было преисполнено великой радостью и, как указывает Ворен, «во всем королевстве [Англии] царил такое веселье, которого давно здесь не знали». ¹⁴ Причиной была весть о том, что королева Екатерина в Виндзоре родила в декабре сына. Теперь у двойной монархии Англии и Франции имелся кровный наследник. Несомненно, испытывая гордость отца и обманывая себя, что его судьба несет на себе отпечаток длани Господней, он ни на минуту не задумывался о будущем Генриха VI, рожденного от нездоровой ветви Валуа, которому могло быть уготовано нечто иное, кроме славы великого короля. Но должно было пройти еще столетие, прежде чем стала ходить история о том, как он предрек: «Генрих, рожденный в Монмуте, будет мало править, но достигнет многого, Генрих, рожденный в Винзоре, будет править долго, но все потеряет, но пусть свершится то, что Богу угодно».

Как бы то ни было, защитники Мо не сдавались, держась только за счет собственного отчаяния. Однажды, в самом начале 1422 года, кто-то из них притащил на городскую стену осла и начал жестоко избивать его, пока тот не зашелся пронзительным криком. Тогда

избивавшие его крикнули англичанам, что это был их король. Об этом им потом пришлось жестоко пожалеть. Ничто не могло сломить решимости Генриха: ни проявление боевого духа гарнизона, ни тяжелые потери, ни дезертирства, ни плохая погода, ни болезни, ни нехватка еды, ни даже соленая рыба, на которую англичане перешли с приходом Великого поста. Несмотря на то, что сам король обосновался в миле от Мо, ночуя то в аббатстве Сен-Фаро, то в замке Рутиль, тем не менее, он был слишком образцовым воином, чтобы не проводить достаточно времени на передней линии со своими солдатами в их залитых водой траншеях и землянках, командуя обстрелами.

На этот раз в его распоряжении было гораздо больше пушек, чем раньше, — бомбарды, кулеврины и серпантины.* Каждый день прибывали все новые орудия самых разнообразных размеров и конфигураций. Некоторые из них и сегодня можно увидеть в Военном музее в доме Инвалидов в Париже. В его распоряжении также имелись рибодекины, представлявшие собой боевые повозки с установленными на них близко друг к другу небольшими пушками, которые вели одновременный огонь и предназначались для обстрела с ограниченных площадей. Не так-то легко было транспортировать более мощные орудия, некоторые из них были просто громадными. Большая часть прибыла на кораблях из Руана, а затем к месту осады они доставлялись на запряженных волами телегах. Там их устанавливали на специальные деревянные подставки, с которых они и вели обстрел. Грубые трубы, называемые стволами, редко когда бывали, если такое вообще было возмож-

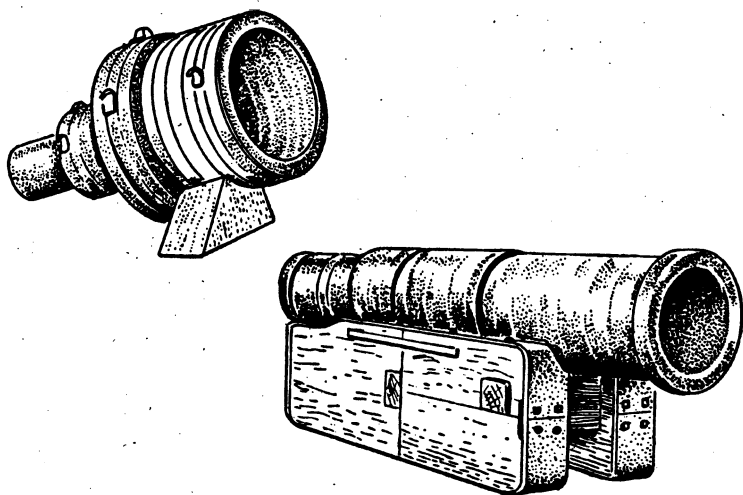
* полуфунтовые пушки

ным, прямыми. Так что точность попадания не гарантировалась. Порох также смешивался на глаз и был ненадежным. Большое мастерство требовалось, чтобы зарядить их. Канониры засыпали зарядное устройство на три пятых порохом, одна пятая оставлялась для создания воздушного кармана и последняя пятая часть предназначалась для деревянного вкладыша, сделанного из вяза, на который укладывали ядро, причем на часть пороха должно было приходиться девять частей камня. После каждого выстрела ствол надлежало самым тщательным образом очистить. Определить траекторию выстрела такого орудия было чрезвычайно трудно. Однако на малых расстояниях огневой вал пушечных ядер мог вызвать страшные разрушения, пробивая крепостные сооружения, стены и крыши домов внутри города, значительно деморализуя противника. Бомбардировки, несмотря на огромные затраты, продолжались беспрестанно и дено, и ночно, как это бывало во время проводимых Генрихом V осад, оказываемый ими эффект был страшным. Страсть короля к артиллерии, появившаяся у него после первого ее применения в Абериствуте против валлийцев, никогда не угасала.¹⁵

По мере того, как осада продолжалась, защитники поняли, что у них было бы больше шансов на спасение, если бы обороной руководил более опытный и образованный командир. С этой целью они обратились к знаменитому капитану Ги де Неслю, сьеру д'Офремону, который согласился взять командование на себя. 9 марта в сопровождении 100 тяжеловооруженных воинов он в темноте пробрался через расположение спавших англичан на заранее подготовленную площадку перед укреплением. Здесь на перекинутые через ров с водой доски гарнизон спустил для них вниз лестницы. Человек,

поднимавшийся по лестнице впереди Ги, выронил ящик с соленой селёдкой, который он держал в руках. Ящик свалился на Ги и сбил его с лестницы прямо в ров с водой. Ему тотчас протянули две пики, и он ухватился за них. Однако, облаченный, по-видимому, в полные пластинчатые доспехи, он был слишком тяжел, и вытащить его не смогли. Его суетливое барахтанье в воде встревожило английских часовых, и Ги был взят в плен.

Падение Ги привело французский гарнизон в такое отчаяние, что он в тот же день оставил город и перешел на рынок, оборонять который, по их мнению, было легче. Они разрушили мост через канал, связывавший

Два типа бомбард. Их эффективность была куда более мощной, чем принято считать. Эти пушки выстреливали ядрами весом до 1000 фунтов (1 фунт = 453,59 г) каждое. Они не только вызвали разрушения строений, но при ударе раскалывались на множество смертельно опасных осколков, так называемую «каменную шрапнель».

его с городом, забрали все съестные припасы; им бы их могло хватить значительно дольше, если бы не нужно было кормить тех, кто не сражался. Тотчас в город въехал Генрих. И еще до захода солнца его пушки принялись обстреливать рынок. Затем, чтобы занять провал, который отделял их от защитников, он применил передвижной перекидной мост, смонтированный на осадной башне. И для того, чтобы солдаты сэра Вустера смогли перейти по нему и начать штурм укрепленных башен мельницы, он открыл по ним из пушек предварительный огонь. Атака была проведена успешно несмотря на то, что погиб кузен сэра Уорвика, граф Уорстер. С зубчатой башни ему на голову был сброшен камень. Теперь на острове у англичан имелся небольшой платцдарм, а гарнизон лишился возможности перемалывать зерно на муку.

Все это время Генрих продолжал с прежним прилежанием работать с бумагами. В период осады Мо, оказавшийся самым мрачным опытом в его жизни, из-под его пера выходил нескончаемый поток указов, распоряжений и писем, включая ответы на петиции, присланные из Англии. Даже в самые тяжелые месяцы он не прекращал ни на минуту рассылать указы и инструкции, справляясь одновременно с невероятно большим кругом дел. Наиболее важное место среди всех остальных дел занимали поставки амуниции и продовольствия. 18 марта 1422 года он писал своим чиновникам: «Мы обязываем вас со всей возможной поспешностью прислать нашему казначею в Руане все пушечные ядра, которые имеются в городах Кан и Гарфлер, а также всю имеющуюся в Гарфлере селитру, уголь и самородную серу».¹⁶ В этом письме также содержался приказ на поставку железа, этот приказ звучал наиболее часто в

его корреспонденции. В его штаб-квартире была введена новая должность клерка, отвечавшего за артиллерийско-техническое и вещевое снабжение. Ему вменялось в обязанность осуществлять связь между складами артиллерии в Кане и королевским арсеналом в Руане; Генрих возложил на нормандскую администрацию осуществление некоторых военных функций, гражданские виконты должны были снабжать гарнизоны пушками. Король всегда настаивал на обязательном исполнении распоряжения, письма его, как правило, заканчивались фразой: «исполнить любой ценой».

Проблема материально-технического снабжения не давала ему покоя. Покупка стрел была одним из многочисленных забот. В Англии в 1418 году он закупил 150000 стрел, к 1421 году эта цифра выросла до полутора миллиона и это при учете, что арсенал в Руане тоже изготавливал их. В 1420 году он отдал распоряжение специальным уполномоченным привлекать к бесплатной работе мастеров по изготовлению луков. Еще одним важным вопросом материально-технического снабжения был вопрос о достаточном количестве тягловых лошадей (резерва), который он решил путем создания огромного королевского конезавода. В апреле 1421 года на Джона Лонга было возложено специальное поручение, суть которого сводилась к поискам «боевых коней, рысаков и других лошадей, подходящих для королевской конюшни» с оплатой и услугами.¹⁷ Оружие, транспорт, провизия, финансы, военная дисциплина, законность и правопорядок, дипломатия, внутренние дела в Англии — всем этим вопросам Генрих уделял самое пристальное внимание.

Тем временем в Мо, на крохотном островке, на реке Марне англичане установили пушку, защитили ее

земляными укреплениями и щитами из тяжелых балок. Отсюда, с близкого расстояния, они вели безжалостную бомбардировку располагавшегося по соседству рынка. На крохотной полоске суши между его стенами и водой Уорвик исхитрился соорудить «свинью» (подвижное укрытие, обложенное мокрыми шкурами, на колесах), которую он использовал для захвата внешних фортификационных сооружений, где он устроил передовую огневую позицию. По другую сторону Хангерфорд построил деревянные мосты, чтобы подтащить орудия поближе к стенам рынка. Высадившиеся на берег саперы начали вести подкоп. На Пасху Генрих пошел на временное прекращение огня, но тотчас после нее предпринял генеральное наступление. Однако успехом оно не увенчалось. Но силы защитников уже подходили к концу. Окончательный подрыв их боевого духа произошел после того, как они увидели плывущую осадную башню. Она транспортировалась на двух баржах. Ее конструкция позволяла атаковать верх укреплений со стороны Марны за подъемным мостом. (Хотя применить ее не удалось, тем не менее, король, будучи профессионалом до мозга костей, апробировал ее уже после падения крепости.) В конце апреля гарнизон выслал парламентаров, чтобы обговорить условия сдачи.

10 мая, после семи месяцев упорного сопротивления, Мо капитулировал. Он пал исключительно благодаря гениальному осадному мастерству Генриха и техническому искусству, поскольку проведенная осада была настоящим шедевром, о чем часто упоминают. После того, как город сдался, король оказался точен в соблюдении средневековых правил ведения военных действий и сохранил жизни защитникам крепости, но ничего иного. По условиям сдачи двадцать человек были ис-

ключены из общего списка помилованных. Бастарду Вору и его кузену отрубили правые кисти и провезли на телеге по уцелевшим улицам города Мо, после чего обезглавили и повесили на их печально знаменитом дереве; голова бастарда была выставлена на пике, воткнутой возле него, тело лежало внизу, а его знамя было брошено сверху, что было геральдическим символом крайнего осмеяния. Трубач по имени Орас, «тот, кто во время осады трубил в горн», был отправлен в Париж для мучительной публичной казни, это было ему наказанием за нанесение королю оскорблений, суть которых до наших дней не дошла. Луи де Гаст также был отвезен в Париж, где был казнен. Головы их, насаженные на пики, были выставлены на обозрение.

Почти сразу же Генрих отправил в Лувр сто пленников, представлявших наибольшую ценность. Связанных по четыре человека, их предполагалось водным путем доставить в Нормандию, а затем в Англию, чтобы впоследствии получить выкуп. Через несколько дней туда же он переслал еще 150 человек. Как записал «Парижский Горожанин», вероятно, ставший очевидцем событий, они были скованы кандалами по двое, с ними «обращались, как со свиньями» и содержали на воде и черном хлебе.¹⁸ От Жювеналея мы знаем, что всех их разбросали по разным тюрьмам Парижа, включая и Шатле, место с дурной славой и страшными воспоминаниями об Арманьяках. Специальной службы, которая бы взяла на себя их питание, не было и, по словам Жювеналея, многие из них умерли голодной смертью, некоторые прежде, чем умереть самим, зубами рвали мясо с тел своих товарищей. По всей видимости, стояли они немного.¹⁹ С епископом Мо до отправки его в Англию обошлись немного лучше. Но

выкупа за него не дождался, поскольку епископ умер. Всего из тех, кто сдался, через Ла-манш было транспортировано 800 человек. Очевидно, что большинство из них так никогда не вернулись во Францию и закончили свои дни в полурабском существовании бесправных слуг. «Все м горожанам и тем, кто находился на рынке, надлежало отдать все ценности, которыми они владели,» — говорит Жювеналь. С теми, кто ослушался, поступили по всей жестокости и все было передано в пользу короля Генриха. Но этого ему показалось мало. После того, как горожане потеряли все, что имели, многих из них вынудили выкупить свои же собственные дома. С помощью таких конфискаций король изъям у населения огромные суммы денег. «Слитки драгоценных металлов, украшения и другие всевозможные ценности, включая целую библиотеку, были на время размещены в специальных хранилищах в Мо. Там же были складированы доспехи, оружие и другая амуниция, которым предстояло ждать своего часа, когда пожалует монарх, пожелавший извлечь барыш из произведений изящных искусств».

Один пленник оказался настоящим счастливымчиком, когда ему удалось унести ноги. Звали его дон Филипп де Гамаш, аббат из Сен-Фаро, монастыря, который на протяжении всего времени осады служил Генриху штаб-квартирой. Филипп, бывший монах из Сен-Дени, вместе с тремя другими монахами из своего аббатства облачились в доспехи, вооружились мечами и отправились сражаться с англичанами. Монах-хронист из Сен-Дени, который вполне мог знать их, рассказывает нам, что епископ Бове дал им свое благословение «сражаться за свою страну». Епископом этим был не кто иной, как Жювеналь дез Юрсен. К счастью для Филиппа, его

брат был капитаном Компьеня из партии дофинистов; он выкупил жизнь брата, которого Генрих намеревался утопить, сдав город англичанам.²⁰

Буже был отомщен. Вслед за этим началась капитуляция целой серии дофинистских крепостей, включая Креи-ан-Валуа и Оффремон, замок Ги де Несля, того самого, что свалился в ров с водой во время осады Мо. Генрих лично объезжал окрестности и сам принимал капитуляцию каждого города, подавляя малейшие проявления сопротивления.

Свою победу он отпраздновал поездкой в Париж, где ему предстояла встреча с королевой. Монстреле описывает, что он с братьями приветствовал Екатерину так, словно она была «ангелом, явившимся с небес». Сын и наследник, ставший причиной многочисленных поздравлений, был оставлен в Англии. Встреча происходила в большом замке Буа-дю-Венсен, в предместье Парижа.

Сегодня Венсен может показаться мрачным, бездушным и неудобным местом. Он хранит не слишком счастливые воспоминания. В 1804 году здесь, в его рву, был расстрелян герцог Энгиенский, в 1917 – Мата Хари. В июне 1940 года он служил штаб-квартирой генерала Гамлена, после этого четыре года был оккупирован иностранными войсками. Однако равнодушие Генриха к Венсену вполне объяснимо. Первоначально замок был охотничьим домом. Расположенный в лесах, он идеально подходил для любимого отдыха короля, конечно, если для этого он располагал временем. Строительство сторожевой башни замка было завершено в семидесятые годы XIV века дедом Екатерины, великим королем Карлом V. Это место выбрал Генрих в качестве своей резиденции. Его спальня сохранилась до наших

дней. Замок был оснащен тремя мощными постройками, оборонявшими ворота, а также шестью высокими башнями. Все строения были связаны между собой стенами, в которых размещались добротные жилища высших командиров Генриха. На охотничьей сценке, изображенной в «Tres Riches Heures du duc de Berry» (Очень счастливые времена герцога Беррийского), на заднем плане виднеется крепость-дворец. Должно быть, именно так она и выглядела в то время. Становится понятным, почему монах из Сен-Дени называет эту крепость «самым восхитительным из всех замков короля Франции».²¹ Кроме того, Венсен располагался всего в трех милях от Парижа, достаточно близко, чтобы в случае необходимости держать город в благоговейном страхе, но достаточно далеко, чтобы избежать непредвиденных неприятностей со стороны толпы или заговоров сторонников дофина.

В Лувре, как свидетельствует «Первая английская жизнь», повторяя хронику Монстреле, «точно в Троицын день король Англии и королева сидели вместе за столом в открытом зале за обедом. Головы их украшали великолепные, помпезно роскошные драгоценные диадемы. Здесь же присутствовали герцоги, церковные прелаты и другие знатные лица Англии и Франции, рассаженные в соответствии с занимаемым положением в этом же зале, где находились король и королева. Пиршество было замечательно богатым и изобиловало мясными деликатесами и напитками».²² К сожалению, его великолепие несколько омрачалось тем фактом, что еда и питье не были предложены толпам зрителей, как того требовал существовавший доселе обычай среди монархов Валуа.

«Брут Англии» с удовольствием пишет: «Что до ко-

роля Франции, то у него больше не было государства и нечем было править, он остался совсем один».²³ Карл VI в одиночестве пребывал в Отеле де Сен-пол, брошенный своими придворными, поскольку, как указывает Монстреле, «с ним обращались так, как было угодно королю Англии... что вызывало печаль в сердцах всех преданных французов». Шателен с негодованием замечает, что Генрих, этот «король-тиран», несмотря на данные обещания почитать тестя, короля Франции до конца его дней, превратил его в идола, ничего не значащий ноль». Еще Шателен добавляет, что от этого зрелища на глаза парижан наворачивались слезы.²⁴

Два дня в начале июня Генрих провел в отеле де Несль, где он просмотрел цикл мистерий о мученичестве своего покровителя Святого Георгия. Пьесы были поставлены парижанами, которые этим надеялись снизить расположение наследника и регента Франции, их будущего суверена. Вскоре после этого он вместе с Екатериной, а также королем Карлом и королевой Изабеллой выехал в Санлис.

Неделю спустя был раскрыт заговор, подготовленный бывшим парижским оружейником, который был когда-то личным оружейником Карла VI, его женой и их соседом, булочником. Они намеревались впустить в Париж сторонников дофина. Сильная вражеская армия стояла в боевой готовности, ожидая сигнала, возле Компьеня. Власти города обезглавили оружейника и булочника, а женщину утопили.²⁵

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЛАНКАСТЕРСКАЯ ФРАНЦИЯ

«Дьявольское королевство»

ЖЮВЕНАЛЬ ДЕ ЮРСЕН

«Три Франции». Вот так просто эта формулировка знаменует собой один из самых печальных моментов национальной истории».

ЖАН ФАВЬЕР «СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА»

Отныне существовало три Франции: та, которой управлял наследник и регент, та, которой управлял герцог Бургундский, и та, что оставалась еще в руках дофина. Как выразился Шастелен, Генрих V «пришел во Францию во время разделения и в самый разгар его своим мечом еще больше отдалил друг от друга тех, кто и так был разделен».

В 1422 году положение Генриха во Франции было самым запоминающимся. «Вся страна за Луарой погружена в черноту и неясность, ибо они отдали себя в руки англичан,» — жалуется Жювеналь, непобедимый в бою командир, перед которым не могла устоять ни одна крепость. Король властвовал над одной третью страны, включая и столицу. В самом деле, казалось, что наступит такой день, когда он будет коронован и помазан в Реймсе елейным маслом как король Франции. Из работ некоторых современных английских историков явству-

ет, что в тот период Франция, поделенная местными сепаратистами, была лишена чувства национализма и что обитатели Ланкастерской Франции ничего не имели против существовавшего режима, а франко-английская монархия могла выжить. Конечно, немало французов были «коллабрационистами», но заявить, как это сделал один выдающийся английский историк двадцатого века, что руанцы «безропотно устроились под властью выходца из их древнего герцогского рода», было бы искажением фактов.¹ Так называемая политика умиротворения Генриха сопровождалась, по словам Эдварда Перруа, «режимом террора».² Когда Перруа написал это, он сам скрывался от гестапо.

Говоря о Ланкастерской Франции, следует сделать различие между герцогством Нормандским (и соседней с ним территории, которая была завоевана до подписания договора в Труа) и небольшой областью, куда входил и Париж, которая и являлась формально «королевством Франции» Генриха. Герцогство было фактически оккупированной страной, в то время, как королевство являлось марионеточным государством. В последнем все должности, за исключением военных, занимали французы. Большинство из них были родом из Бургундии и свое назначение получили благодаря влиянию герцога Филиппа, хотя бывали исключения, время от времени возникали недовольства при смещении того или иного бургундского ставленника. Английское население «оккупированного» Парижа редко превышало 300 человек; было время (после смерти Генриха), когда гарнизон Бастилии состоял из восьми тяжеловооруженных воинов и 17 стрелков. Место чиновника, представлявшего французскую полицию, занимал француз, то же касалось и председателя Верховного апелля-

ционного суда. Столь мизерное количество англичан едва ли могло играть сколько-нибудь заметную роль в жизни такого крупного города, население которого, несмотря на голод и массовый исход, никогда не падало ниже 100000 человек. Жан Фавьер пишет, что их можно было встретить в тавернах, они были завсегдатаями протитутков Глатиньи или Тиронского борделя.³

Однако сравнительную свободу парижан от английского правления нельзя воспринимать в отрыве от контекста. «Завоеванные земли» располагались всего в десяти милях от столицы, которая, в свою очередь, была окружена плотным кольцом крепостей с английскими гарнизонами; самая ближайшая — Буа-де-Венсен, располагалась всего в трех милях от города. Крепость Понтуаз насчитывала 240 человек, причем подкрепление по реке могло быть переброшено в Париж мгновенно. При случае и малочисленный гарнизон Бастилии мог показать, что его сил также было достаточно, чтобы усмирить парижан. Его стрелки могли появиться на улицах и открыть беспорядочную стрельбу по горожанам и по окнам их жилищ. Кроме того, им в помощь из самих горожан были набраны большие отряды народных ополчений. Среди них были арбалетчики и копьеносцы, которых можно было поставить сражаться против дофинистов, их боялись еще больше англичан. Бывшим арманьякам, называвшим этих ополченцев «faux français» («фальшивыми французами»), было отчего мстить, они еще не забыли о кровавых бойнях. Их налеты на окрестности по своей жестокости даже превосходили зверства англичан. Относительная свобода и угроза со стороны сторонников дофина вовсе не свидетельствовали о том, что парижане отдавали свое предпочтение армии Генриха. Непокколебимый бургундец,

«Парижский Горожанин», выражал сочувствие узникам короля, городские тюрьмы были почти до отказа набиты его пленниками.

Даже английский хронист Уолсингем вынужден был признаться, что Генрих в Париже был очень непопулярной фигурой и что для контроля над людьми в ход часто приходилось пускать силу.⁴ Некоторые представители духовенства были открытыми сторонниками дофина. В декабре 1420 года собрание капитула собора Парижской Богоматери епископом Парижа избрало Жана Курткуитса — человека, чья жизнь была достойна подражания, но который являлся ярким дофинистом. Попытки Генриха заставить церковников остановиться на ставленнике бургундцев не увенчалась успехом. Однажды Эксетеру, военному губернатору города, даже пришлось двоих из них заключить под домашний арест. Собрание капитула отвергло также предложение взять на себя часть расходов, связанных с содержанием отряда ополченцев, которых столица была вынуждена снарядить во время осады Мо. Посещая Нотр Дам*, Генрих сделал смехотворный взнос (для короля) в два нобля (нобль в ту пору был равен одной трети фунта). В конце концов, ему удалось убедить папу перевести Курткуиса в другой приход.

Достаточно имеется примеров того, что французское население горько сетовало на присутствие англичан как в королевстве, так и в герцогстве. Они негодовали по поводу того, что те, воспользовавшись гражданской войной, завоевали и покорили их. Азенкур стал настоящей национальной катастрофой, в которой были повинны в равной степени и бургундцы, и арманьяки.

* Нотр Дам — собор Парижской Богоматери.

Память о нем никогда не оставит их. Последние в своих страданиях обвиняли англичан в большей степени, чем даже бургундцев. «Этот ураган несчастий свалился на наши головы благодаря англичанам», — говорит хронист Жан Шартье.⁵

Епископ Базен рисует ужасные картины той жизни, которую, должно быть, вели в Ланкастерской Франции английские поселенцы. Хотя он говорит конкретно о перемирии в Мене и Анжу в сороковых годах пятнадцатого века, тем не менее, такие условия должны были существовать повсюду с самого начала. Его записи являются свидетельством очевидца, прожившего в условиях английской оккупации почти до сорока лет:

«Запертые на многие годы внутри стен городов, замков и крепостей, жившие в вечном страхе и опасности, словно приговоренные к пожизненному заключению, они невероятно радовались при одной только мысли о выходе из своего длительного и страшного заточения. Им было приятно избежать все опасности и тревоги, которые подстерегали их с самого детства до седин или же глубокой старости».⁶

Более того, мы знаем, что после восьми лет английской оккупации, население Нормандии уменьшилось наполовину. Повинен в этом был частично голод, но основной причиной явилась массовая эмиграция всех сословий — лишенных собственности феодалов, разоренных горожан, голодающих крестьян или потерявших надежду нищих. Следует, однако, заметить, что ответственность за все несчастья, от которых они пытались спастись, разделяли также совершавшие регулярные налеты отряды дофина и разбойники. Но ничего бы этого не было, если бы не вторжение Генриха.

Большинство жителей Нормандии, Пикардии и Шампани эмигрировали только из-за социального и экономического кризиса.⁷ Присутствие в стране 60 гарнизонов для большинства крестьян означало разорение их хозяйств. Ввиду нерегулярных выплат жалования, отсутствия уполномоченных комитетов по обеспечению провизией, несмотря на все усилия Генриха, гарнизонам ничего не оставалось делать, как жить за счет крестьян, отбирая у них продукты, питье, фураж и все, что они могли еще найти. Они резали незаменимых в хозяйстве быков, используемых для вспашки земли, вводили лошадей и угоняли повозки. Большие першеронские лошади, несомненно, служили как вьючные животные для тяжеловооруженных воинов. Кроме того, большим бременем для крестьян были налоги и поборы, которые они были вынуждены платить, чтобы не трогали их женщин и не совершали иное зло, неотъемлемо сопровождающее любую оккупацию. В Нормандии, где английское присутствие было особенно многочисленным (и в которой вторжению англичан предшествовали неурожайные годы), сельское хозяйство пребывало в полнейшем упадке. Как уже было сказано, король не мог удержать свои войска в руках. Но самым худшим было то, что многие солдаты смотрели на крестьянское население, которое составляло большинство французов, как на свою естественную военную добычу. Снова Базен описывает то, чему сам был свидетелем:

«Войска обеих сторон постоянно совершали налеты на территории противника, уводя в свои замки и крепости крестьян, там их помещали в зловонные темницы или бросали на дно глубоких погребов, подвергая их всем мыслимым и немыслимым мукам, пытаясь заставить уплатить невозможные выкупы, которых требова-

ли от них. В подвалах и склепах под замками всегда можно было найти бедных крестьян, угнанных с полей, число которых доходило до сотни, а то и двух, иногда даже превышая и эту цифру, в зависимости от количества похитителей. Очень часто многие, кто не мог уплатить требуемую сумму, не получали от похитителей милости и погибали от голода, слабости и паразитов».⁸

Некоторые предприимчивые английские солдаты даже не удосуживались сажать своих пленников под замок, как, например, лучник из алансонского гарнизона, который просто ходил по ближайшим деревням и сам прибирал к рукам крестьянское добро для уплаты «выкупа», а потом требовал от них заплатить за свою же собственность, чтобы получить ее обратно, пока однажды, доведенные до отчаяния, крестьяне не забили его до смерти.⁹

Епархия Жювеналя Бове располагалась на захваченной англичанами территории. Письмом, датированным 1440 годом, он обратился ко всем основным сословиям, где перечислил все те несчастья, которые довелось пережить его людям за все эти годы: «Бедняков убивали, брали в плен, мучали, обирали, грабили, тиранили, они потеряли свой домашний скот и птицу, земли их пришли в негодность и опустели, в дома их и церкви вторгались, сжигали и разоряли, оставляя от них только руины; многих из моих людей они убили в тюрьмах или погубили иным способом». Несмотря на то, что все эти несчастья — «жестокие, проклятые и отвратительные злодеяния» он относит на счет разбойников и французских войск, тем не менее, ответственность за все он возлагает на плечи англичан: «Они совершали такие преступления и зверства, на которые способны враги». Он сетует, что «маленьких детей уводили в

плен, и одному только Богу известно, как им живется в Англии среди тех, кто мучает и тиранит их». (В Англии был рынок для детей, где ими торговали как «слугами», это слово было завуалированным обозначением раба.) Он продолжает: «Многие юные девушки, девственницы и хорошего происхождения, увозились насильно либо обманным путем, их превращали в горничных и проституток, которые обслуживали похотливых юнцов, воров, убийц и бродяг». Епископ рассказывает, как в Сен-Мендаре, возле Нойона в Пикардии, англичане «нашли церковь, которая была незначительно укреплена, чтобы служить укрытием для бедных трудяг; они взяли ее приступом, подожгли и перебили две или три сотни людей. Монстреле вторит ему, говоря, что «свыше 300 человек или даже больше» сгорели заживо. Нет ничего удивительного в том, что смерть Генриха V Жювеналь воспринял как «одно из чудес, сотворенное Богом».¹⁰

Многие крестьяне убежали в города, чтобы не умереть с голоду в обезлюдевших домах. Было подсчитано, что даже в наиболее благоприятные времена одна треть населения средневековых городов относилась к разряду нуждающихся. В любом случае, как объясняет Жювеналь, горожане и сами были в отчаянном положении, потому что «большая часть морских портов и портов, расположенных по берегам рек, были разрушены и торговля остановилась».¹¹ К тому же, девальвация валюты, проведенная Генрихом вкуче с новыми налогами, только добавляли серьезные проблемы. В конце 1421 года Генрих на всей покоренной им территории ввел налог на серебро, который должны были платить все слои населения (как пишет Монстреле): «церковники, рыцари, землевладельцы, дамы и девицы, горожане и

все те, кто предположительно мог платить его, по мнению и к удовольствию сборщиков налогов». Можно не говорить о том, «сколькo толков и неудовольствия» это вызвало. В октябре уже были девальвированы золотые кроны королевства, ценность которых уменьшилась с 19 до 18 солов*. Когда Генрих пустил в оборот новые монеты серебряной чеканки, содержание серебра в них было настолько мало, что они практически потеряли свою ценность, как утверждает Шателен. Купцы в такой же степени, как и крестьяне, страдали от грабежей и хищений. (В ноябре 1424 года была пожалована индульгенция некоему Ангеррану де Монстреле, «капитану французского замка», освобождавшая его от штрафов на сумму от 400 до 500 крон, которые он может на себя навлечь, если выследит и ограбит купцов.)¹²

Духовенство страдало, как и все остальные, сан не спасал. Церкви, монастыри и богадельни подвергались разорению и грабежу, часто при этом проливалась кровь. Поскольку единственным источником помощи, на которую могли рассчитывать бедняки в пятнадцатом веке, была церковь, обеспечивающая их минимальными социальными благами, то ее разорение, в первую очередь, сказывалось на армии нищих, заполонивших улицы после потери жилища в результате войны. Исследуя ходатайства об оказании помощи церковному имуществу, пострадавшему в это время, Анри Де'нифль был поражен тем, что «король Англии и герцог Бедфорд, которые ни минуты не колеблясь, были готовы попросить папу о благосклонности к своему народу, и в то

* монета из серебра или неблагородного металла, позже получившая название су, делилась на 12 динариев.

же время никогда не просили оказать помощь несчастной французской церкви. Хотя большое количество церквей по вине англичан были превращены в руины!»¹³ На основании этого он решил, что они умышленно не делали этого, не желая делать вклад, хоть и косвенный, в дело Карла VI и дофина.

Жювеналь в своем письме сообщает, что случилось с церковниками, которые поддерживали дофина:

«А что до бедных священников, церковников, монахов и бедных людей, которые остались верны вам, их хватали и заключали под стражу, надевали на них кандалы и сажали в клетки, бросали в ямы и прочие отвратительные места, кишашие паразитами, там их оставили умирать голодной смертью, что со многими и приключилось. И только Богу известно, что еще вытворяли с ними; некоторых жгли огнем, другим вырывали зубы, третьих секли розгами; но их никогда не освобождали до тех пор, пока они не выплатят больше денег, чем стоили все их пожитки. А если их и отпускали, то они были так сильно покалечены, что уже никогда не становились здоровыми».¹⁴

Как мы уже видели, сам Генрих никогда не гнушался, чтобы схватить даже прелата, приверженца дофина, и заставить его уплатить выкуп. Даже те священники, которые присягнули ему в верности, и то не были абсолютно защищены. В 1422 году каноники Руана официально подали жалобу, что они на дорогах Нормандии подвергались нападениям со стороны английских солдат. Несомненно, что в большей степени духовенство страдало от разбойников, но Жювеналь дал нам ясно понять, что последние не развелись бы в таком количестве, если бы не имело место английское вторжение.

Отношение Генриха к церкви не отличалось постоянством. «Что сказать мне о твоём богохульстве, о жестокий король Генрих, повелитель богохульников!» — восклицает Робер Блондель.¹⁵ Но «божий гнев мало волновал короля, — говорит нам монах из Сен-Дени. — И когда его солдаты своими богохульными руками разорвали церкви, посвященные Богу, и награбленные реликвии отправляли в Англию». ¹⁶ Все это в значительной степени отличалось от показного благопристойного поведения во время кампании при Азенкуре. Возможно, он пришел к выводу, что такие вещи неизбежны. В защиту Генриха и его солдат можно сказать, что взгляды на духовенство и церковную собственность были искажены из-за папского раскола, конец которому был положен сравнительно недавно. Раньше к раскольникам относились хуже, чем к неверным, а французы и англичане поддерживали разных пап.

Особым расположением у высшей знати пользовались крестьяне, что было довольно странно для общества, основанного на иерархиях. Жалость можно было скорее ожидать от модных поэтов, которые писали для правящих классов, хотя теоретически долг рыцаря состоял в том, чтобы защищать слабых. Ален Шартьер, нормандец по происхождению, родившийся в 1388 году, брат хрониста Жана Шартье, служил секретарем сначала у Карла VI, затем у дофина. (Подпись Алена можно часто увидеть ниже подписи дофина внизу его писем.) Он находился вблизи властимущих, которые его в свое время сравнивали с Петраркой. В «*Quadri-logus Invectif*», написанном, очевидно, в конце 1422 года, он без обиняков обвиняет французскую знать в том, что те мало защищали крестьянство, хотя в то же время он считает, что в бедах и несчастьях Франции

повинен весь французский народ без исключения. Он сокрушается по поводу увиденного в 1422 году, как «чужестранный король снискал себе славу на нашем позоре и бесчестии, разжирел на награбленной у нас добыче, с презрением взирая на наши подвиги и нашу доблесть, и считает, что «в том была рука Господа и его гнев вызвал эту напасть и преследования», что, несомненно, является указанием на Генриха V.¹⁷ В самом деле, больше всего от амбиций английского короля за тридцатилетний период пострадали крестьяне.

Ланкастерская Франция и пограничные с ней земли за время оккупации и войны превратились в нечто подобное пустыне. Стоит еще раз процитировать епископа Базена:

«От Луары до Сены, а от нее до Соммы крестьяне были либо убиты, либо сбежали, так что на длительное время, точнее сказать, на многие годы поля оставались не только невозделанными, но даже не было людей, кто мог бы вспахать их, были обработаны лишь редкие клочки земли... Мы собственными глазами видели, как необъятные равнины Шампани, Боса, Бри, Гатине, Шартра, Дрё, Мена и Перша, Вексена (как французского, так и нормандского), Бовези, равнины Ко от Сены в районе Амьена и Абвиля, окрестностей Санлиса, Суассона и Валуа до Лана и дальше до Гэноля были совершенно пустынно, необработаны, заброшены, лишены обитателей, покрыты кустарником, а в тех местах, где произрастают густые леса, стали уже покрываться плотными зарослями деревьев... В этих районах люди смогли обрабатывать только те участки, что расположены внутри или тесно примыкали к городам, крепостям и замкам, так как за ними можно было бы присматривать с башни или иного наблюдательного

пункта, чтобы увидеть приближение налетчиков, ударить в колокол, подать сигнал горна или любого другого инструмента, способного предупредить всех, кто работает на полях и виноградниках, что нужно вернуться за стены.

Это было настолько широко распространено и стало таким обыденным, что быки и рабочие лошади сразу после того, как их освобождали от повозок, услышав сигнал, диким галопом без понуканий неслись к тому месту, где были бы в безопасности. Ту же привычку приобрели овцы и свиньи. Однако на территории упомянутых провинций не так-то много оставалось городов и фортификационных сооружений, поскольку большая их часть была сожжена врагом, разорена или превращена в руины и по этой причине оставалась безлюдной. А те участки земли, которые были обработаны в укромных местах вблизи крепостей, казались такими крохотными, что ни в какое сравнение не шли с необъятными просторами тех полей, что лежали совершенно опустошенные и где не было ни единой души, которая бы могла позаботиться о них».¹⁸

Эти несчастья и разруху Генрих относил на счет французов, отказавшим ему в его «праве». В любом случае, как он сказал Венсену Ферреру, он был «бичом Божиим, посланным Богом людям в наказание за их грехи». Бичом его называют многие французские авторы, современники Генриха, в том числе и Ален Шартьер, хотя английское упоминание этого термина встречается только в «Первой английской жизни».¹⁹ Его отношения с бургундцами тоже были не из простых. Английское присутствие во Франции им было не по нраву. Из хроник Жоржа Шателена мы знаем, что англичан бургундцы терпеть не могли. К ним относи-

лись не только подданные герцога Бургундского и его сторонники, но и все те, кому были ненавистны арманьяки. А арманьяки составляли стержень партии дофина. Большинство людей, в том числе и Горожанин Парижский, всех дофинистов называли «арманьяками» или «ерминаками», как их переименовали англичане. Но выдворить его (Генриха V) не было никакой возможности до тех пор, пока он оставался союзником герцога Филиппа. Поэтому у жителей покоренных территорий до тех пор, пока герцог Бургундский не изменит своего мнения относительно английского присутствия во Франции, не было иного выбора, кроме как присягнуть иноземному королю, если они собирались оставаться на месте, а не искать укрытия в лесах. Хотя в бургундских хрониках имеются факты, свидетельствующие об уважительном отношении к суровой справедливости англичанина, восхищении им как солдатом, другие аспекты его характера не являются столь привлекательными. Не доставляло бургундцам удовольствия его жестокость по отношению к французам других партий и жестокое обращение с пленными людьми дофина.

Шателен дает наглядное представление о том, что бургундцы, в частности, те, кто были приближены к герцогу, думали о Генрихе. Несмотря на занудство и напыщенность его тяжеловесной прозы, этот поэт, герольд, солдат и придворный был писателем с пронзительным, горячим и независимым умом, реалистом с глубоким психологическим проникновением в суть проблемы:

«Он [Генрих] был врагом для каждого смелого и отважного человека в королевстве, поэтому хотел бы искоренить их всех на бранном поле или с помощью более изощренных средств под предлогом совершения

правосудия. Даже тех, кто сейчас сражался с ним бок о бок и через кого он управлял и держал в повиновении всю Францию, бургундцев, он желал бы потеснить и подчинить себе; он хотел истребить само имя и расу, чтобы жить здесь одному со своими англичанами, чтобы получить возможность овладеть всей землей [Франции] и заселить ее своим народом. И нетрудно постичь то притворство, с каким он демонстрирует свое подобие любви к молодому господину, Филиппу, который, как тому известно, является человеком высокой, достойной гордости и доблести, могущественным землями и владениями, человеком достаточно смелым, чтобы противостоять величайшему из королей, который способен сказать ему: «Я делаю только то, что мне нравится делать». ... ему [Генриху] никогда не нравился его отец, герцог Жан, ибо тот был гордым человеком и оказал ему сопротивление, так что он не смог склонить его к своей воле, как ему того очень хотелось, ибо он был единственным человеком, кто мог помешать его замыслам и чья смерть не могла доставить ему большей радости».²⁰

Тот же хорошо информированный, уравновешенный наблюдатель добавляет: «Хвала Господу! Королевство это избавлено от сурового гонителя... древнего врага... жестокого человека». Далее он характеризует его как «тирана и гонителя». Показательно, что Шателен вспоминает, «что его рука, хоть и под прикрытием бича Божьего, пролила, к сожалению, так много благородной крови при Азенкуре».²¹ Поэтому не так-то легко забыть, что бургундцев погибло тогда ничуть не меньше, чем арманьяков, в том числе были убиты два дяди герцога Филиппа.

Вероятно, и в общении между англичанами и бур-

гундцами существовали проблемы. Часть английской знати и духовенства говорила и даже писала по-французски, но он уже перестал быть основным языком правящего класса, хотя еще и употреблялся в составлении государственных документов и в судопроизводстве. Можно не сомневаться, что, проведя несколько месяцев во Франции, англичане должны были поднабраться новых слов, таких, на котором говорили во Франции Томми*. Но почти никто из французов не владел даже ломаным английским языком, за исключением тех, кто вернулся из плена или подданных Генриха из Гиени. Поэт пятнадцатого века Жан Реньер описывает, что он был свидетелем, как несчастный английский пленник, окруженный толпой болтавших без умолку французов, не мог им ничего объяснить и ничего понять сам, а только без конца в ужасе повторял: «Гоподи и Пресвятая Дева, помогите мне!»²²

Бургундцы, вероятно, с тяжелым сердцем узнали бы о той дурной славе, которой пользовались король и его подданные, отличавшиеся большой злобностью. Еще в предыдущем веке Фруассар считал, что «под солнцем нет более опасной и жестокой расы, чем английская». В 1411 году Жан де Монтрей утверждал, что за сотню лет они «перебили больше христиан, чем какой-либо другой народ».²³ Вот как описывал их Робине, переводчик-современник нормандского беженца, Блонделя, автора «Жалобы всех добрых французов»: «... с глазами, светившимися дьявольским вероломством, с пеной на губах, как у дикого вепря во время полевой охоты». Он добавляет, что пролить кровь им не составляло труда,

* прозвище английского солдата времен Первой Мировой войны, что было увековечено в «Мадмуазель из Армантьера».

где бы они не находились.²⁴ В конце пятнадцатого века даже такой сдержанный наблюдатель, как Филипп де Коммин,* и то говорит, что англичане обладали чрезвычайно крутым нравом, особенно те, кто никогда не выезжал за пределы Англии.²⁵

И опять англичанам, как всегда, дела не было до того, что о них думали иностранцы. В любом случае, в отличие от французов, война не имела непосредственного влияния на их повседневную жизнь дома. Современный историк написал: «даже невнимательное чтение писем Пастонов может показать, как далеко это было от сознания английского высшего общества пятнадцатого века, как Наполеоновские войны или Индия девятнадцатого века в романах Джейн Остин».²⁶

Тем не менее, почти у всех у них имелись соседи, которые служили во Франции, и уж во всяком случае все они восхищались своим королем-героем, наверное, ничуть не меньше, чем их потомки восхищались Нельсоном или Веллингтоном.

Однако у короля было много дел, которые требовали его безотлагательного внимания. Сторонники дофина на реке Уазе грозились перекрыть одно из основных звеньев, связующих Фландрию с Парижем. Жак д'Аркур, лишенный своего достоинства нормандский вельможа, через Пикардию устремился в сторону Нормандии. Герцог Бретонский сильно запаздывал с ратификацией договора в Труа и признания Генриха своим верховным

* Филипп де Коммин (1447-1511), политический деятель Франции, историк, мыслитель, писатель, написавший «Мемуары», приобретшие необыкновенную популярность в XVI-XVII вв, были переведены на все языки Европы и к нынешнему времени выдержали более 120 изданий. У нас в стране опубликованы в 1986 г. в издательстве «Наука».

правителем. В районе Пиренеев граф Фуа, выпросивший деньги для защиты границ Гиеня от сторонников Карла, теперь вместо того, чтобы заняться охраной, увиливал от решительных действий. Император Сигизмунд был слишком поглощен борьбой с реальной угрозой со стороны армии гуситов, лоллардов на славянский лад. Теперь он не мог прислать Генриху на помощь войска, как обещал ранее, и ответил ему вежливым, но окончательным отказом.

Более того, несмотря на блестяще проведенную операцию по взятию Мо, это ровным счетом ничего не меняло. Да, конечно, он имел исключительно хорошие укрепления, сильный гарнизон. Никто не отрицает, что там была одержана существенная моральная победа. Нет сомнений и в том, что благодаря его капитуляции последовали капитуляции целого ряда крепостей дофина. Однако обладание ими не играло решающей роли. Наследник и регент Франции столкнулся с перспективой бесконечной серии подобных осад в будущем, что могло растянуться на всю его жизнь, если он не остановится в желании усмирить своих упрямых и враждебно настроенных новых подданных.

Добиться повиновения было невозможно. Удивительно, что до сих пор некоторые современные английские историки считают, что Ланкастерская Франция могла бы стать долговременным явлением, если бы Генрих пожил подольше. Все же почти 150 лет назад Пьер-Адольф-Шеруэль, один из представителей так часто хулимой «патриотической» школы французских историков, опубликовал историю Руана времен английской оккупации. В ней было помещено следующее письмо:

«Из шумных и жалостливых протестов мы узнали о том, что внутри герцогства Нормандского многие из

тех, кто именует себя нашими чиновниками, бальи, капитанами и т. п. творили и творят большие правонарушения, идут на крайности и оскорбления. Они поступают так, пользуясь своим положением в ущерб общественному благосостоянию, а именно: врываются в церкви, похищают церковное добро; хватают и насилюют женщин, замужних и незамужних, жестоко избивают бедняков, уводят их лошадей и рабочую скотину, забирают посевное зерно; занимают дома священников, знати и других людей без их на то согласия, требуют большие выкупы деньгами и товарами у городских ворот, для охраны которых поставлены; вымогают взятки в виде продуктов у городов и приходов с законопослушных граждан; заставляют мужчин чаще, чем они обязаны, нести охранную повинность городов и крепостей, а в случае отказа вынуждают их платить огромные суммы; хватают наших бедных подданных, избивают их, расправляются с ними без суда и следствия, заключают их под стражу в тюрьмах или их собственных домах, обирают их, лишая собственности, или хватают все без уплаты денег, или устанавливают свою цену. Более того, говорят, что бальи и капитаны не содержат свои гарнизоны, как следовало бы, что бальи, которые зачастую бывают одновременно и капитанами [опорных] пунктов в своих округах, передоверяют свою канцелярскую работу, печати и лейтенантские звания другим, недостойным людям, распоряжаются провизией и другими товарами по собственному усмотрению и для собственного удовлетворения по произвольным ценам».²⁷

Это письмо не является подделкой Шеруэля. Оно было написано Джоном, герцогом Бедфордом, новым «регентом Франции» 21 января 1423 года, спустя каких-нибудь пять месяцев после смерти брата. Пусть

армии дофина или бургундцев тоже грабили, они хоть изъяснялись на том же языке. Жители Ланкастерской Франции хотели, чтобы англичане убралась домой.

Орудие Генриха, его войска, стали непреодолимым барьером между ним и его новыми «подданными». С самого начала его режим был обречен и в этом повинна была армия. Он понимал, что отношения с побежденным населением должны быть улучшены. И даже большинство наиболее «патриотично настроенных» французских историков девятнадцатого века признавали, что его попытки не были такими уж невероятными. Но все оказалось напрасным. И если выражение «обескровить» когда-либо имело дословное значение, то как нельзя точнее могло бы охарактеризовать тогдашнее состояние покоренных провинций Франции, стонавших под игом английских гарнизонов, как указывает Мак-Ферлейн.²⁸

Но даже после смерти Генриха, когда его тело было перевезено для похорон в Англию, один французский аристократ горько пошутил (это слышал Монстреле), что король оставил свои сапоги.²⁹ После его смерти границы Ланкастерской Франции на протяжении еще нескольких лет продолжали расширяться. В конце 1433 года, когда события приняли иной оборот и повернулись против них, епископ Жювеналь де Юрсен смог сказать в одном мрачном письме, что англичане «ведут яростную войну, завоеывая все больше и больше территорий, когда ни один человек не может оставаться в стороне или делать вид, что это его не касается, кроме бедных жителей границ, коим дорога честь».³⁰ Удивительно, но Ланкастерской Франции понадобилось очень много времени, чтобы погибнуть, она пережила своего создателя почти на тридцать лет.

У Шателена есть странная история, «рассказанная ему знатным, благородным бароном, сеньором де ла Тремойлем», о святом старце, который как-то навестил Генриха в 1421 году. Он был пустынноиком из Сент-Клода во Фландрии, звали его Жан Гентский, и он был знаменит своим даром ясновидения. (Впоследствии он предсказал рождение Людовика XI.) Он предупредил короля, чтобы тот изменил свой образ действий, поскольку его обращение с христианами Франции становилось Богу все более негодным, ибо «их крики под ударами твоего бича возбудили в нем сострадание». Он объяснил, что Генрих снискал Божеское благословение за то, что, когда был принцем Уэльским, с таким жаром преследовал еретиков, но если он будет продолжать в том же духе, жизнь его вскоре оборвется. Вначале Генрих испытал нечто вроде потрясения, затем рассмеялся.³¹

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ СМЕРТЬ

*«Слава, как круг на воде,
Что никогда не прекращает расширяться,
Пока, простершись вширь, он не прекратит
свое существованье.*

Так завершила Генриха смерть английский круг.»

ШЕКСПИР, ЖАННА ДА ПУЦЕЛЛА В «КОРОЛЕ ГЕНРИХ VI»,

ЧАСТЬ I, АКТ I, СЦЕНА 2

*«Ты лжешь, ты лжешь, мой удел быть с Господом
Иисусом Христом!»*

ГЕНРИХ V НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

7 июля 1422 года в Париже состоялись публичные моления о здоровье короля Генриха, наследника и регента Франции. Ворен пишет: «Мне было доподлинно известно... что это было воспаление, поразившее его ягодицы, которое называлось болезнью Святого Антония». ¹ («Огонь Святого Антония» является рожистым воспалением.) От «Парижского Горожанина» нам известно, что в столице и ее окрестностях бушевала оспа, ее подхватили многие видные англичане, некоторые считали, что в их числе был и король Англии. Один из хронистов замечает, что у Генриха в желудке не задерживалась еда, что могло свидетельствовать о язве две-

надцатиперстной кишки. Базен рассказывает нам, что «многие говорили о том, что болезнь поразила его потому, что он приказал или же позволил своим войскам разграбить и опустошить часовню Святого Фиакра и принадлежавшие ей земли возле Мо. Его недуг, от которого безобразно раздулся живот и ноги, часто называли «злом Святого Фиакра».² Ясно, что это была какая-то внутренняя болезнь, скорее всего, дизентерия, — бич, который убил немало его воинов во время осады Мо, — заканчивающаяся, как правило, фатальным внутренним кровотечением. Это не была проказа, как полагали его современники-французы. Как бы то ни было, но прошло еще некоторое время прежде, чем королю пришлось признать, что он был серьезно и опасно болен.

Тогда же бургундцы внезапно поняли, что им грозит совершенно неожиданное наступление дофинистов. Город герцога Филиппа Косн в верховье Луары, в пятидесяти милях от Орлеана, был взят в осаду такими превосходящими силами врага, что его гарнизон согласился сдаться, если до 12 августа не прибудет подкрепление. Если бы Косн сдался на милость людей дофина, то они бы смогли через Невер нанести удар Дижону, бургундской столице. Филипп отправил в Косн все силы, которые были в его распоряжении и обратился за помощью к Генриху, моля его дать стрелков. Король не только согласился помочь, но пообещал принять в этом личное участие.

Генрих отправился в Косн, но вскоре ему пришлось сменить коня на носилки. Достигнув Корбея, расположенного всего в пятидесяти милях от Парижа, он слег в постель и передал командование Бедфорду. В Корбее он был вынужден провести две недели. Узнав, что

сторонники дофина поспешно отступили от Косна, он решил вернуться в Париж. Несмотря на то, что чувствовал себя гораздо лучше, Генрих учел совет своего лекаря и отправился на барке вниз по Сене. В Шарантоне он высадился на берег и пересел на коня, но потерял сознание. Его снова перенесли на барку и отправили в замок Буа-де-Венсен, куда он прибыл 10 августа.

К этому времени король, должно быть, уже понял, что умирает. Его окружали самые надежные люди: брат Джон, герцог Бедфорд, дядя Томас, герцог Эксетер, самый близкий его лейтенант Ричард Бошамп, граф Уорвик, его знаменосец сэр Льюис Робсарт и его духовник, которому он исповедовался на протяжении последних полутора лет, брат Томас Неттер. Из его ближайших соратников отсутствовал только Солсбери, не дававший покоя французам.

Самым странным, однако, было отсутствие королевы Екатерины. Тем более, что она находилась в непосредственной близости от Венсена, в Париже, всего в трех милях от мужа. Когда в эпоху средневековья умирал король, то обычай требовал присутствия его жены подле мужа. Отсутствие ее нельзя было объяснить тем, что она не могла оставить ребенка, ибо она уже поступала так, когда оставляла наследника в Англии. Если бы муж призвал ее, то она была бы рядом с ним. По всей видимости, он этого не сделал. Поэтому напрашивается вывод, что его чувства к ей не были столь романтичными, как изобразил Шекспир. И он на самом деле не считал, что губы ее обладали «колдовством». По всей вероятности, к Генриху можно было бы отнести ироничное замечание Наполеона, сделанное относительно своего династического брака: «Я венчаюсь с лоном».

«Я призываю вас продолжить эти войны до тех пор, пока не добьетесь мира», — сказал он собравшимся у его постели. Затем он продолжил в хорошо всем знакомом тоне, что его вторжение во Францию было справедливым. «Это не было властолюбивым стремлением похвастаться, не было пустым тщеславием и никакие иные причины не подвигнули меня на эти войны, кроме удовлетворения моего права, в результате я смогу добиться мира и своих собственных прав.» Человек, лишивший права наследования наследников Ричарда II и Карла VI добавил: «До того, как войны были начаты, святейшие люди величайшего ума заверили меня в том, что я должен и могу начать войны, не опасаясь за свою душу». Тем не менее, он попросил прощения у своей мачехи, Жанны Наваррской за плохое обращение с ней, а также у детей лорда Скроупа за то, что незаконно конфисковал причитавшиеся им земли.

Он со свойственной ему скрупулезностью дал указания относительно управления двумя королевствами. Лордом-протектором Англии предстояло стать герцогу Глостеру, но только при полном подчинении герцогу Бедфорду, который должен был стать главным официальным опекуном будущего Генриха VI, другими его опекунами назначались епископ Бофор, герцог Эксетер и граф Уорвик. Бедфорд, кому также предстояло взять на себя управление Нормандией, должен был предложить герцогу Бургундскому стать регентом Франции, чтобы более тесным образом связать его с укреплением династии Ланкастеров на земле, на которой царствовали его предки. В случае отказа Филиппа, стать регентом предстояло самому Бедфорду, но в любом случае он должен был сохранить союз с Бургундией. Если ситуации суждено было измениться не в пользу

англичан, в задачу Бедфорда входило бы сконцентрировать все усилия на спасении Нормандии. Никто из вельможных пленников в Англии освобождению не подлежал, особенно это касалось герцога Орлеанского, дабы воспрепятствовать организации оппозиции против английского завоевания.

Самый последний из французских исследователей Столетней войны, Жан Февьер, комментируя распоряжения Генриха, отданные Бедфорду относительно спасения Нормандии, считает, что тем самым тот признавался в праве дофина унаследовать французский престол.³ Безусловно, странно было слышать подобный совет из уст того, кто всегда заявлял, что сам Бог поддерживал его притязания на трон Франции. Но, возможно, это было сделано им вследствие потери самообладания, обусловленной физической слабостью.

Согласно рыцарской легенде, рассказанной Шастеллену М. де ла Тремойлем, к ложу короля неожиданно подошел отшельник Жан Гентский. Генриха при виде святого старца обуяла радость. И он спросил у того, суждено ли ему подняться. «Сир, — ответил пустынный, — вы подошли к концу своего жизненного пути.» Тогда Генрих спросил, будет ли править Францией вместо него его сын. «Никогда, никогда не будет он править и не рассчитывайте на это», — прозвучало в ответ.⁴ Какой бы фантастичной не показалась эта история, тем не менее, она свидетельствует, что умирающий король начал терять уверенность в будущем Ланкастерской Франции.

Его кровать стояла в покоях за большим залом сторожевой башни, построенной Карлом V сорок лет назад. Высокий сводчатый потолок поддерживала одна-единственная элегантная колонна. В средневековье

королю полагалось умирать на людях при стечении народа. Комната была заполнена придворными, хотя, возможно, что ложе короля было скрыто от любопытных глаз ширмами, поставленными вокруг.

Поздно вечером 20 августа Генрих, перкратив успокоительные речи о том, что Господь еще может вылечить его, спросил докторов, сколько ему еще осталось жить. Тогда они сказали ему правду. «Сир, подумайте о вашей душе. Все в руках Господа, но мы считаем, что вам осталось не более двух часов». Услышав это, он призвал своего духовника, брата Неттера и вдвоем они прочитали семь покаянных псалмов и литургию. Закончив псалом «*Miserere mei, Deus*» (Помилуй меня, Господи), он добавил: «Господи Всемилостивый, тебе известно, что будь на то твоя воля, и если бы я дожид до глубокой старости, моим намерением и целью после надежного мира в этом королевстве было бы отправиться в Иерусалим и отстроить его стены, и изгнать из него еретиков, твоих противников [турок]».

Король получил святое причастие и был помазан. В самом конце его железная самоуверенность изменила ему и на мгновение он испугался за свою душу. Вдруг он воскликнул, словно отвечая какому-то злему духу: «Ты лжешь, ты лжешь, мой удел быть с Господом Иисусом Христом!» Не заподозрил ли он, что как узурпатор, который настаивал на своем праве быть наследником Англии и Франции, совершил преступление против Святого Духа и что постоянному его отрицанию известной правды не было прощения? Все же он умер с миром на руках Неттера по завершению тех двух часов, что были отпущены ему докторами. Случилось это незадолго до полуночи. Его последними словами были: «*in manus tuas, Domine ipsum terminum redemis-*

ti».* Ему еще не исполнилось и тридцати пяти лет. Если бы он прожил еще шесть недель, то пережил бы Карла VI и унаследовал бы корону Франции.

Затем последовали жуткие процедуры, которые неотвратимо сопровождали смерть короля в эпоху средневековья. Внутренности его были вынуты и захоронены в церкви Сен-Мор-де-Фосс в Венсене, (где в начале восьмидесятых годов нашего столетия они были обнаружены), затем тело его расчленили и варили в кухне замка до тех пор, пока мясо не отделилось от костей, затем одно и другое было забальзамировано и запечатано в свинцовый гроб. В сентябре траурная колесница, запряженная четверкой боевых коней, начала путь в Англию. «Поверх его мертвой плоти [в саркофагах] они водрузили фигуру, сделанную из вареных шкур или кожи, которая символизировала его самого в образе живого человека, на голову фигуры была надета императорская диадема из золота, украшенная драгоценными камнями, в правой руке она сжимала королевский скипетр, в левой шар [державу] из золота. Убранная таким образом фигура лежала на колеснице лицом, обращенным к небу.» Рядом с колесницей шествовали плакальщики в белом с горящими факелами, позади них шли люди из его прислуги, одетые во все черное, за ними верхом на лошади ехали герцог Бедфорд и король шотландцев, часть пути вместе с ними проехал герцог Бургундский; за правителями следовал отряд из 500 тяжеловооруженных воинов на черных лошадях; их черные пики были обращены назад. Позади всех шла королева Екатерина в белом траурном одеянии супруги

* «в твои руки, Господи, в самый последний момент отдаю себя».

царственной персоны. Каждый раз, когда кортеж проходил через значительный город «самые почитаемые люди несли над колесницей полог замечательной ценности, какой обычно несут над Святым Причастием в День Тела Христова».

Кортеж достиг Лондона только 5 ноября. Путь его проходил через Сен-Дени (место погребения королей Франции, где изображение Генриха V было выставлено для прощания), Руан, Авбиль, Монтрейль, Булонь, Кале, Дувр, Кентербери, Рочестер и Дартфорд. И, наконец, в Лондоне он был встречен мэром, олдерменами и представителями гильдий в Блекхите. Оттуда кортеж направился в собор Святого Павла. У каждого дома, мимо которого они проходили, стоял человек с зажженным факелом. Два дня останки короля были выставлены для прощания, затем их перенесли в Вестминстерское Аббатство, где были захоронены с пышностью, необычной даже для средневековья.

Строительство его великолепной гробницы в аббатстве и заупокойной часовни, в которой расположена гробница, было закончено к 1440 году. Поверх гробницы была установлена его серебряная с позолотой фигура, руки и голова которой отлиты из чистого серебра. Над всем этим повесили его боевой шлем, меч и седло.

Карл VI умер 11 октября, пережив короля Англии только для того, чтобы лишить древнего врага Франции своего трона. Жан Шартье записал, что только несколько приспособленцев ликовали по поводу того, что Генрих VI, которому исполнился всего год, был провозглашен «королем Франции и Англии». Он добавляет: «Но более искренние рыдали и оплакивали великую доброту, которая была свойственна упомянутому королю Франции [Карлу VI], прозванному Любимым, думая о

тех бедствиях, которые ожидали их ввиду смены законного господина и как в упомянутом владении будут править чужеземцы и чуждые обычаи, что было и есть противно разуму и праву, и приведет к полной гибели народа и королевства французского». ⁵ Несомненно, что Шартье как историограф дофина не мог не проявить предвзятости. В то же время «Парижский Горожанин», который также был очевидцем того, как траурный кортеж старого сумасшедшего короля проходил по улицам Парижа, оставляет нам, несомненно, правдивое свидетельство, как простые люди Парижа плакали и стонали: «Самый, самый дорогой повелитель! Никогда не будет у нас господина столь доброго! Никогда нам не видеть тебя снова! Будь проклята смерть! Теперь, когда ты нас оставил, нам ничего не остается, только война. Ты обретешь покой, а мы будем влачить существование в горе и несчастьи. Ибо мы обречены быть узниками, как дети Израилевы, когда их вывели из Вавилона». Горожанин добавляет, что люди на улицах и в домах рыдали и причитали так, словно оплакивали потерю самого любимого человека. ⁶ Это было не слишком многообещающее начало для встречи Францией первого короля из дома Ланкастеров.

В это же время в Англии, как замечает Ворен, не было такого человека, который не горевал бы и не проливал слез по поводу смерти английского короля. В королевстве царил печаль. Он вместе с Монстреле вспоминал в середине сороковых годов о Генрихе V, «что даже сейчас его могиле так поклоняются и воздают такие почести, словно он был святым на небесах». ⁷ В «Бруте Англии» от 1422 года имеется запись, что «в тот же год в Англии погибли почти все лавровые деревья». ⁸

Даже французские авторы тех дней, включая и наиболее враждебно настроенных, признают, что Генрих, хотя и являлся их врагом, все же и в самом деле был великим королем. Вот что говорит о нем Ворен: «умнейший человек и большой знаток любого дела, за которое не брался бы». ⁹ А вот мнение Жана Шартье: «хитрый завоеватель и искусный воин». ¹⁰ Даже Шастелен проявил на этот счет великодушие: «В моих записках нет намерения отнять или преуменьшить честь или славу доблестного повелителя, короля Англии, в котором доблесть и храбрость сияли так ярко, как и подобает могущественному завоевателю... и пусть об этом короле Англии, невзирая на то, что он был врагом Франции, слагают благородные и славные легенды». ¹¹

Никто не может отрицать, что Генрих V был великим воином и великим королем. К тому же ему посчастливилось умереть в молодом возрасте. Ко времени его смерти, завоевать еще нужно было две трети Франции. Если бы он пожил дольше, то неминуемо измотал бы себя в бесконечных осадах, для проведения которых становилось бы все труднее и труднее находить деньги. Он все еще не понимал, во что ввязался и куда могли завести его замечательные таланты солдата и дипломата. Но даже, будь у англичан Генрих V и не родись Жанна д'Арк, англичане никогда бы не добились успеха. Бургундцы не могли не повернуться против них. Король в основе своей был оппортунистом, хотя и гениальным. Как пишет Е. Ф. Джекобс, один из его самых больших почитателей среди современных историков: «Судя по последним данным, он был скорее авантюристом, нежели государственным деятелем: риск, на который он пошел ради создания двойственной монархии, был слишком велик и зависел от многих неоп-

ределенностей и основывался на совершенно неверном представлении о Франции». ¹² Вот еще один почитатель, пытающийся быть объективным, хотя ему это не всегда удается, вынужден согласиться с тем, что: «свою волю он, несомненно, сконцентрировал на целях, которые были недостойны великого или добропорядочного человека». ¹³ Мак Ферлейн, самый его пылкий почитатель, замечает: «Трагедия его правления состоит в том, что национальным устремлениям он давал неверные направления, которые ему приходилось самому стимулировать, и что свой народ он повел в погоню за химерой чужестранных завоеваний». ¹⁴ Французским историкам не нужно было прилагать невероятных усилий, чтобы прийти к аналогичному выводу.

Может возникнуть вопрос, почему у Ланкастерской Франции не было надежды просуществовать так долго, как Нормандское Завоевание. Дело в том, что англо-саксонская Англия была куда более мелким государством, с гораздо меньшим населением на более раннем этапе исторического развития. К тому же у Вильгельма не было сколько-нибудь серьезного противника после Гастингса. Генрих, в свою очередь, завоевал всего одну треть страны, причем произошло это только потому, что королевство временно было поделено между двумя могущественными партиями, каждая из которых имела свою собственную армию. К тому же формирование французского чувства национального самосознания обрело его двойственную монархию на провал.

Что касается жестокости короля, то не так-то просто ответить на вопрос, была ли она результатом средневековой традиции ведения войны или проистекала из необычайно сурового характера короля. Однако ничуть не подлежит сомнению его чрезмерная жестокость к

французам. От вторжения англичан они пострадали больше, чем от нападения викингов или нацистской оккупации.

Трудно судить о Генрихе как о человеке. Существует общепринятое мнение, что его репутация основывается скорее на восхищении, чем на любви. Он безжалостно подчинял свои чувства стремлениям. И он говорил чистую правду, когда сказал, что останься герцог Кларенс в результате сражения под Боже жив, то был бы казнен за нарушение приказа. Нельзя, правда, отрицать и того, что все люди, которые с ним сотрудничали (за исключением лорда Скроупа), оставались преданными и королю, и его памяти. Но можно не сомневаться в том, что Генрих-полководец всегда брал верх над Генрихом-человеком.

Почитатели Генриха (а таковым является почти все англоговорящее население земного шара) все недостатки его характера приписывают тому, что он был «человеком позднего средневековья», а люди той эпохи были склонны к суеверию и насилию. Однако у этого аргумента имеется слабое место, поскольку существовал другой «человек позднего средневековья», ставший идеальным мерилom поступков короля. Речь идет о его последователе, правителе Ланкастерской Франции — его брате Бедфорде, который являлся регентом Руана и Парижа с 1422 до самой своей смерти в 1435 году. Он тоже «к сожалению, проливал кровь французов» и имел свой собственный Азенкур; в Вернейле в 1424 году он наголову разбил франко-шотландскую армию. Противник только убитыми потерял 7000 человек, 1000 из которых были людьми дофина. «Смелый, человечный и справедливый, — так сказал о нем Базен, — настолько, что его любили и французы, и нормандцы, жившие в

его части королевства». ¹⁵ «Парижский Горожанин» рачточает ему не меньше комплементов: «Характер его был совсем не английский, ибо он вовсе не желал идти войной на кого бы то ни было, в то время, как англичане всегда жаждут воевать со своими соседями. По этой причине все они гибнут ужасной смертью». ¹⁶ Ни один из современных Генриху авторов не сказал того же о нем самом. Несомненно, новые его подданные, ставшие таковыми против собственного желания, боялись его и любви к нему, безусловно, не питали.

По циничному определению самого Генриха, «война без пожаров все равно, что колбаса без горчицы». Его вторжение и завоевательные походы были ненавистны не только зарождавшемуся французскому чувству самосознания, но и французскому населению. Ужас, который он внушал, был не только непростителен, но и незабываем. Ни один рассказ не в состоянии передать всей полноты душераздирающей истории о тех несчастьях и страданиях, которым он подверг французский народ. Несмотря на то, что Шекспир обожает свой героический персонаж, тем не менее, он видит бессердечную жестокость короля:

*«Моя я ль вина, коль ярая война
В уборе пламени, как тьмы владыка,
С лицом в крови, неистовства вершит,
Что связаны с борьбой и разрушеньем?»* ¹⁷
(пер. Е. Бируковой)

Даже Шекспир пошел на поводу у легенды. Но он не мог знать, что произошло во Франции.

ЭПИЛОГ

«На протяжении Всего Времени Войны, Ведущейся между Англией и Францией в течение этих сорока лет, едва я мог найти трех-четыре человек, мнение которых совпадало бы в описании, как пал во Франции тот или иной город, та или иная крепость, как была выиграна та или иная битва».

ЕПИСКОП РЕДЖИНАЛЬД ПЕКОВ¹

«Ибо ни один король не может завоевать Великое королевство продолжительными осадами».

СЭР ДЖОН ФАСТОЛЬФ²

15 апреля 1450 года в Форминьи, шесть месяцев спустя после взятия Руана французами под командованием одного из ветеранов Азенкура, английская армия была уничтожена. В отчаянной попытке спасти осажденные в Нормандии гарнизоны, она только что пересекла Ла-Манш; по иронии судьбы английские стрелки были выстроены в том же боевом порядке, как и при Азенкуре. В июне пал Кан. В августе Уильям Пастон написал: «В ту же среду поступило сообщение, что мы потеряли Шербур, теперь во всей Нормандии у нас не осталось ни пяди земли». Солдаты короля Карла двинулись на завоевание Гиени. Эта операция завершилась к осени 1451 года. Бордо капитулировал в июне. Последняя попытка англичан вернуть герцогство закончилась

позорным поражением при Кастильоне в 1453 году Единственной французской территорией, которая еще оставалась в руках англичан, был Кале и Нормандские острова.

Ненависть к заморским оккупантам объединила французские провинции, заставив их забыть о своих местных распрях. Возрождение французского духа началось с Жанны д'Арк, после молниеносного взлета которой англичане уже не смогли осуществить ни одного завоевания. В 1435 году союз с ними разорвал Филипп Бургундский, признавший королем Франции и своим верховным правителем Карла VII. С тех пор последовали военные и дипломатические неудачи англичан. Их оккупационный режим, несмотря на то, что объединенной Франции потребовалось еще пятнадцать лет, чтобы изгнать их, был обречен. Их поражению также способствовала полевая артиллерия Франции, включая их пушки и ружья, которые были примитивными, но все же превосходили английские луки.

Однако причиной их поражения стала не только военная техника. Сломало их по-настоящему отсутствие денег. Общий доход Генриха VI в тот период составлял всего 30000 фунтов стерлингов, в то время, как содержание только его двора обходилось в 24000 фунтов в год. Пагубная практика его отца одалживать деньги была продолжена, вследствие чего долг короны возрос до 400000 фунтов. Естественно, что наличных денег на ведение военных операций не было. Нечем было платить даже небольшим полевым частям, не на что было содержать гарнизоны. Задержки с выплатой служили причиной мятежей, дезертирств, дальнейших грабежей французского населения. Корабли королевского флота были распроданы, а те, что уцелели, догнивали на

своих стоянках. Большинство английских крепостей на французской территории пришли в такой упадок, что защищать их стало невозможно. Все это произошло вследствие того, что программа заморского вторжения и иноземных завоеваний была предпринята без соответствующей финансовой поддержки, а расходы на ее осуществление вышли за пределы английских ресурсов.

Когда французская собственность была утрачена, в Англии начались громкие протесты, сводившиеся к тому, чтобы продолжать рассматривать Нормандию в качестве английской территории, а город Руан в качестве такого же английского города, как и Бордо. Трое главных министров Генриха VI были растерзаны толпой. Королевство охватила разнузданная анархия. Во время войны во Франции высокородные вельможи, а также мелкопоместное нетитулованное дворянство стали высоко профессиональными воинами. Вернувшись домой, они, в случае необходимости, были готовы применить опасное, отточенное за границей мастерство в своей стране, а если надо, то и друг против друга. События, получившие впоследствии название Войны Роз, начались в 1455 году. Теперь уже английские ветераны сражались не против французов, а друг с другом. В 1461 году Генрих VI был свергнут и десять лет спустя злодейски убит, всего менее, чем на три недели пережив своего единственного сына, убитого в Тьюксбери. Так закончилась узурпация Ланкастеров.

Все же Дом Ланкастеров мог бы пережить несостоятельность своего последнего короля, даже несмотря на его безумие, передавшееся ему по горькой иронии судьбы от деда Валуа, если бы не завещательный наказ «Ланкастерской Франции». Несмотря на гениальность,

амбиции Генриха V закончились полным провалом и дискредитацией его сына, гибелью своей династии.

Оглядываясь назад, на конец пятнадцатого века, Филипп де Коммин (не француз, а уроженец Фландрии) несмотря на то, что называет «короля Генриха умным, красивым и очень смелым», все же считает, что падение Дома Ланкастеров явилось результатом Божьего наказания за то, что тот сделал с Францией. Описывая судьбу династии, включая ее кузенов в лице Бофоров, Холландов, а также йоркских родственников, он говорит:

«Все были убиты в баталиях. Их отцы и последователи грабили и обирали королевство Франции, владели большей его частью на протяжении многих лет. Но все они перебили друг друга... И все же люди говорят: «Бог не наказывает людей так, как делал это во времена детей Израилевых, и терпимо относится к порочным правителям и людям!» ... В конечном итоге, не существует владения, во всяком случае, достаточно сильного, где земля не оставалась бы в руках своего собственного народа. Как видно на примере Франции, где англичане на протяжении 400 лет удерживали значительную часть территории, но сейчас владеют только Кале да двумя небольшими замками, на содержание которых им требуется довольно много денег. Все остальное они растеряли быстрее, чем завоевывали, в день они теряли больше, чем приобретали за год».¹

Ясно, что у него не было никаких сомнений относительно того, что Ланкастерская Франция была обречена с самого начала.

В 1475 году из Кале во главе 12-тысячного отряда выехал Эдуард IV. Его сопровождали все английские пэры, которые были еще в состоянии вскарабкаться в

седло. Имевший когда-то титул графа Марча, он родился в Руане, где его отец служил наместником короля в Ланкастерской Франции. Английская армия уверенно продвигалась в направлении реки Соммы. По дороге, как и подобало традиции, они грабили, жгли и убивали. Но в отличие от Генриха V, Эдуард хорошо понимал, что не может себе позволить вести долгую завоевательную кампанию, кроме того, он, начавший полнеть, большой любитель женщин, был не в состоянии вынести продолжительную войну. Он позволил Людовику XI откупиться, получив с него 75000 золотых крон и годовые отчисления в сумме 50000. По мнению Коммина, никому не стоит удивляться, что Людовик согласился платить такие деньги, «вспомнив о тех неисчислимых бедствиях, которые англичане причинили этому королевству в недалеком прошлом». Как оказалось, это было последнее английское масштабное вторжение во Францию. Тем не менее, Коммин сообщает нам, что даже в девяностые годы пятнадцатого века французы все еще рассматривали своих соседей за Ла-Маншем как потенциальную угрозу:

«Вся английская знать, простолюдины и духовенство под предлогом вымышленных притязаний к этому королевству в любой момент готовы пойти против него войной, питая надежду поднажиться, ибо Бог уже позволял их предкам несколько раз одерживать здесь великие победы... они увезли в Англию огромную добычу и большое богатство, полученное как с бедняков, так и с господ Франции, которых они во множестве бросали в заточение».²

В 1525 году, когда Франциск I потерпел поражение при Павии, Генрих VIII решил, что настал подходящий момент, чтобы заполучить назад Ланкастерс-

кую Францию. Кале был утрачен англичанами только в 1558 году.

На протяжении веков праздновала Франция изгнание англичан. До 1735 года освобождение Парижа в 1436 году отмечалось ежегодно. Этот праздник назывался «Процессия англичан». Ежегодно до 1792 года в Fête des Anglais (Празднование победы над англичанами) по городу Монтею с триумфом проносили захваченный здесь в 1427 году штандарт графа Марча. Говорят, что дважды в год, вплоть до Французской революции, в каждой крупной церкви Франции служились благодарственные мессы в честь освобождения Шербура, произошедшего в 1450 году, и конца оккупации Нормандии. Говорят, что эта традиция сохранялась в некоторых приходах Котантена еще и девятнадцатом веке. Даже сегодня память о днях оккупации еще жива. В Мене, возле Лассая, фермеры еще упоминают о «времени англичан» (или, во всяком случае, делали это еще несколько лет назад). Дальше на запад, на памяти еще живущего населения, местные жители, переходя границу бывшего нормандского завоевания, говорили «пойти в Англию».

После Ватерлоо в 1815 году и после Седана в 1870, когда пришлось сдать Эльзас-Лотарингию, французы снова оказались в условиях иностранной оккупации. Это освежило древнюю, но не ставшую по прошествии веков менее горькой народную память о том, что пришлось пережить французскому населению под игом англичан. Культ Жанны д'Арк еще более способствовал увековечиванию былых страданий их предков в людских умах. Несомненно, что две мировые войны заставили как следует подзабыть Столетнюю войну. Но все же не будет большим преувеличением сказать, что, развя-

зав войну, Генрих V вырыл между Англией и Францией глубокую пропасть, которая по прошествии веков стала еще глубже.

Настоящим и самым долговечным памятником, оставленным после себя Генрихом V, является не та прекрасная часовня в Вестминстерском Аббатстве и не пьеса Шекспира, не легенда об Азенкуре и День Крестина (Crispin), не война Роз. После себя он оставил ту неприязнь и недоверие, что, к сожалению, слишком многие французы испытывают по отношению к тем, чьим родным языком является английский. Это наследие короля досталось нам, живущим в конце двадцатого столетия. Эту неприязнь усугубили другие люди и другие войны, но он был истинным ее основоположником.

ПРИМЕЧАНИЯ

(See Bibliography for full details of sources)

ВВЕДЕНИЕ

1. Kingsford (ed.), *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 131
2. Harriss (ed.), *Henry V*, pp. 209-10
3. Perroy, *La Guerre de Cent Ans*, pp. 204-5

ЧАСТЬ I. УЗУРПАТОРЫ

1. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 17
2. *Franche dague, dit un Anglais/Vous ne faites que boire vin*.
3. Froissart, cit. Ascoli, *La Grande Bretagne devant l'Opinion Francaise*, p. 33
4. Hardyng, *Chronicle*, p. 353
5. Adam of Usk picked it up, *Chronicon Adae de Usk*, p. 119

ЧАСТЬ II. ПРИНЦ ГЕНРИХ И ПРИНЦ ОУЭН

1. Adam of Usk, op. cit., p. 42
2. Wylie, *History of England under Henry IV*, p. 107
3. Adam of Usk, op. cit., p. 57
4. Capgrave, *The Chronicle of England*, p. 279
5. Hingeston (ed.), op. cit., Vol. I, p. 149
6. «В тот раз причинили они много других неудобств». (Capgrave, op.cit, p. 279).
7. Подробно о жизни Типтопта см. «*Complete Peerage*», «*Dictionary of National Biography*».

ЧАСТЬ III. «ОН МОГ БЫ УЗУРПИРОВАТЬ КОРОНУ»

1. Taylor, Roskell, «*Gesta Henrici Quinti*», с. 19: «почти первое доверенное лицо короля».

2. Capgrave, *op.cit.*, p. 291.
3. Juvénal, in Denifle, *La Desolation des eglises, monastires et hopitaux en France pendant la Guerre de Cent Ans*, Vol. I, p. 505.
4. Jean de Montreuil, cit. Lewls, *Essays in Later Medieval French History*, p. 194.
5. «*The First English Life of King Henry the Fifth*» содержит странную легенду о том, что на принце был фантастический камзол, символический смысл которого ко второй встрече забылся», сс. 11-12
6. Taylor and Roskell (eds), *op.cit.*, p. 13
7. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 17
8. McFrlane, *Cambridge Medieval History*, Vol. VIII, p. 379
9. Foxe, *Book of Maryrs in The Acts and Monuments*, Vol. III, pp. 235-9

ЧАСТЬ IV. «НИКАКОГО ПРАВА»

1. *Chronique du Réligieux de Saint-denys*, Vol. IV, p. 770
2. Vita et Gesta Henrici Quinti, p. 24
3. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 17
4. Huizinga, *The Waning of the Middle Ages*, p. 96; Taylor and Roskell (eds), *op.cit.*, p. 181, содержится мольба о том, что под властью единого правителя Англия и Франция могут «как можно быстрее повернуться против проклятых непокорных язычников».
5. «его историческая репутация всегда основывалась не на любви, а на восхищении». Allmand, 'Henry V the Soldier, and the War in France', in *Henry V*, (ed. Harriss) p. 132
6. Livius de Frulovisis (Tito Livio), *Vita Henrici Quinti*, p. 5; *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 17
7. Jacob, *The Fifteenth Centuiry*, p. 480
8. О Неттере, см. 8. Dictionary of National Biography; Wylie and Waugh, *The Reign of Henry V*. Vol. 1, pp. 239-41; Knowles, *The Religious Orders in England*, Vol. II, pp. 145-48
9. Knowles, *op.cit.*, Vol. II, pp. 175-82
10. о лоллардах см Knowles, *op.cit.*, Vol. II, *passim*; McFarlane, *Wycliffe and the Beginnings' of English Non-conformity*
11. McFarlane, *Lancastrian Kings and Lollard Knights*
12. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, pp. 10-11
13. *ibid.*, p. 7

14. Catto, 'Religious Change under Henry V' in *Henry V* (ed. Harriss), p. 97
15. *ibid.*, p. 115
16. Самая последняя и наиболее обстоятельная работа — Powell, 'The Restoration of Law and Order' in *Henry V* (ed. Harriss), pp. 53-74
17. Catto, 'The King's Servants' in *Henry V* (ed. Harriss), pp. 82-3
18. Rymer, *Foedera, Conventiones*, Vol. IX, pp. 300-1
19. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, p. 19
20. Capgrave, *The Chronicle of England*, p. 309

ЧАСТЬ V. АНГЛИЙСКАЯ АРМАДА

1. Wylie and Waugh, *op.cit.*, Vol. I, pp. 447-8
2. J. Palmer, 'The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace' in *The Hundred Years War* (ed. Fowler), pp. 66-70
3. Strecche, *Chronicle*, pp. 150-1
4. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, pp. 17-19
5. Wylie and Waugh, *op.cit.*, Vol. I, pp. 113-4
6. Harriss (ed.), *Henry V*, p. 40
7. McFarlane, *Nobility of Later Medieval England; and Postan, Economic History Review*
8. Hewitt, 'The Organisation of War' in *Henry V* (ed. Harriss), pp. 82-3
9. Richmond, 'The War at Sea', in *The Hundred Years War* (ed. Fowler), pp. 96-121
10. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, p. 21

ЧАСТЬ VI. «НАШ ГОРОД ГАРФЛЕР»

1. Jacob, *Henry V and the Invasion of France*, p. 85
2. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, p. 39
3. Capgrave, *op.cit.*, p. 311
4. *ibid.*, p. 13
5. Allmand, *Lancastrian Normandy*, p. 51

ЧАСТЬ VII. «ТОТ ЖУТКИЙ ДЕНЬ АЗЕНКУРА»

1. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, p. 67
2. Livius de Frulovisis (Tito Livio), *op.cit.*, p. 14
3. Taylor and Roskell (eds.), *op.cit.*, p. 77

4. Monstrelet, *Chroniques d'Enguerran de Monstrelet*, Vol. III, p. 102
5. Waurin, *Receuil des croniques, et anchiennes istories de la Grant Bretagne a present nomme Engleterre, 1399-1422*, Vol. II, p. 208
6. Taylor and Roskell (eds.), op.cit., pp. 85-7
7. Livius de Frulovis (Tito Livio), op.cit., pp. 19-20
8. Halle, *The Union of Two Noble and Illustre Families of Lancastre and Yorke*, p. 70
9. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 64

ЧАСТЬ VIII. «НАУЧИТЬ ФРАНЦУЗОВ УЧТИВОСТИ»

1. Taylor and Roskell (eds.), op.cit., App. IV (высказывание, ранее приписываемое Джону Лидгейту)
2. ibid., p. 113
3. ibid., p. 175
4. Wylie and Waugh, op.cit., Vol. II, Ch. 45, 'The Navy'
5. Taylor and Roskell (eds.) op.cit., App. III, pp. 189-90
6. «Он мог быть отличным помощником своему брату Жану, герцогу Бедфорду». Favier, *Guerre de Cent Ans*, p. 437
7. Harriss (ed.) op.cit., p. 45
8. Powicke, 'Lancastrian Captains', *Essays in Medieval History*, op.cit.
9. Taylor and Roskell (eds.), op.cit., p. 151.

ЧАСТЬ IX. ПАДЕНИЕ КАНА

1. *The Brut of England*, p. 382
2. Chartier, *Chronique de Charles VII, roi de France*, Vol. I, p. 6
3. 'Propter horrorem nominis Anglorum... ferocissime belue quam homines.' Basin, *Histoire de Charles VII*, pp. 62-4
4. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 100
5. ibid., Vol. VI, p. 104
6. Wylie and Waugh, op.cit., Vol. III, p. 61
7. Morosini, *Chronique d'Antonio Morosini: Extrails relatius à l'histoire de France, 1414-1428*, Vol. II, pp. 146-9
8. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 134
9. ibid., Vol. VI, p. 161
10. Juvénal, *Histoire de Charles VI*, p. 539
11. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 102

12. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 165
13. *ibid.*, Vol. VI, p. 165
14. *ibid.*, Vol. VI, p. 381

ЧАСТЬ X. ПАДЕНИЕ РУАНА

1. Monstrelet, *op.cit.*, Vol. III, p. 278
2. Page, 'The Siege of Rouen' in *The Historical Collections of a Citizen of London*, pp. 4-5
3. Riley (ed.), *Memorials of London and Lower Life in the XIIIth, XIVth and XVth Centuries*.
4. Page, *op.cit.*, p. 18
5. *The First English Life of King Henry V*, pp. 134, 135
6. *The Brut of England*, p. 422
7. Monstrelet, *op.cit.*, Vol. III, p. 308

ЧАСТЬ XI. НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ — НАОБОРОТ

1. Allmand, *Lancastrian Normandy*, pp. 52-3
2. Juvénal, *Histoire de Charles VI*, p. 545; *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, pp. 311-13
3. Jouet, *La Resistance a l'Occupation anglaise*, p. 18: «На самом деле англичане старое слово «разбойник» (brigand) стали однозначно использовать в новом значении «партизан». Ловкий прием...»
4. Basin, *Histoire de Charles VII*, Vol. I, pp. 166-8
5. «Английские власти были так встревожены, что предприняли попытку сначала ограничить, а затем пресечь поток эмигрантов, а позже старались вернуть их назад путем уменьшения ренты и налоговых уступок». Fowler, *Hundred Years War*, p. 14
6. Newhall, *The English Conquest of Normandy*, p. 226
7. *The First English Life of King Henry the Fifth*, pp. 132-4

ЧАСТЬ XII. УБИЙСТВО ЖАНА БЕССТРАШНОГО

1. Monstrelet, *op.cit.*, Vol. III, p. 320
2. *ibid.*, Vol. III, pp. 321 ff
3. Vaughan, *John the Fearless*, p. 230
4. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, pp. 126-7
5. *ibid.*, p. 129
6. McFarlane, *Nobility of Later Medieval England*, p. 33

7. Stevenson (ed.), *Letters and Papers*, Vol. II, pp. 579-81
8. Bora (Vaughan) приводит довольно убедительные аргументы относительно того, что дофин был осведомлен о ловушке. *John the Fearless*, pp. 274-86
9. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 153
10. Hearne (ed.), op. cit., pp. 80,81

ЧАСТЬ XIII. «НАСЛЕДНИК И РЕГЕНТ ФРАНЦИИ»

1. Ascoli, op. cit., pp. 12-13, который в свою очередь позаимствовал это у Doncieux «*Romancero populaire de France*» относит отрывок к браку Екатерины и Генриха V, а не Анриетты-Марии и Карла I.
2. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 163
3. Monstrelet, op. cit., Vol. III, p. 406
4. Juvenal, op. cit., p. 561
5. Waurin, op. cit., Vol. II, p. 429
6. Juvénal, op. cit., p. 561
7. ibid., p. 561

ЧАСТЬ XIV. ПАДЕНИЕ ПАРИЖА В 1420 ГОДУ

1. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 145
2. ibid., pp. 146,156
3. Chastellain, *Oeuvres*, Vol. I, pp. 198-200
4. Monstrelet, op. cit., Vol. IV, pp. 9-10; Chastellain, op. cit., Vol. I, p. 179
5. Monstrelet, op. cit., Vol. IV, p. 17; Tutuey (ed.), op. cit., p. 145
6. Monstrelet, op. cit., Vol. II, p. 305
7. Perroy, op. cit., pp. 232-3
8. В своем прекрасном «*Charles VII*» Vale по достоинству, хотя и с некоторым опозданием, оценил его, изменив традиционное представление.

ЧАСТЬ XV. ЛАНКАСЕРСКАЯ НОРМАНДИЯ

1. Le Cacheux, *Rouen au temps de Jeanne d'Arc et pendant l'occupation anglais (1419-1449)*
2. Blondel, *Complanctorum bonorum Gallorum*, ch. xix
3. Blondel, *Oratio Historialis*, ch. iii
4. Newhall, op. cit., pp. 240-2
5. Rymer, op. cit., Vol. X, pp. 160-1

6. Newhall, op. cit., p. 236
7. Согласно договору, заключенному в Труа, англичане согласились покончить с указанными налогами в Нормандии, Анжу, Мен и Перше, а также в Манте и Ле-Кроте.
8. Allmand, op. cit., p. 30
9. Puiseux, *L'Emigration Normande et la colonisation anglaise en Normandie au XVe Siècle*, pp. 56-7
10. Favier, "La "I"ourment" in *Histoire de la Normandie* (ed. Boïlard), pp. 233-4
11. Favier, *Guerre de Cent Ans*, p. 467. В 1430 году церковники выпустили постановление, согласно которому фраза «сын англичанина» приравнивалась к оскорблению «сукин сын».

ЧАСТЬ XVI. «ОБИРАЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В КОРОЛЕВСТВЕ»

1. Wylie and Waugh, op. cit., Vol. III
2. Harvey, "Architectural History from 1291 to 1558" in *A History of York Minster*, pp. 181-6.
3. McFarlane, *Cambridge Medieval History*, Vol. VIII, p. 387
4. Newhall, op. cit., p. 266
5. Juvènal, op. cit., p. 565
6. Strecche, *Chronicle*, p. 278
7. Adam of Usk, op. cit., p. 133
8. Harriss (ed.), op. cit., p. 177
9. Newhall, op. cit., p. 150-1, and Jacob, op. cit., pp. 204-10
10. Rymer, op. cit., Vol. X, p. 131
11. Knowles, op. cit., Vol. II, pp. 182-4

ЧАСТЬ XVII. ПАДЕНИЕ МО

1. Chastellain, op. cit., Vol. I, p. 220
2. Juvenal, op. cit., p. 566
3. Chartier, op. cit., Vol. I, p. 6
4. Chastellain, op. cit., Vol. I, p. 282
5. Burne, *The Agincourt War*, p. 179
6. Walsingham, op. cit., Vol. II, p. 343
7. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 381
8. *ibid.*, Vol. VI, p. 381
9. Juvènal, op. cit., p. 561
10. *Jornal d'un Bourgeois de Paris*, p. 171 ff

11. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 450
12. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 178
13. *ibid.*, p. 163
14. Waurin, *op. cit.*, Vol. II, p. 361
15. Clephan, 'The Ordnance of the Fourteenth and Fifteenth Centuries', *Archaeological Journal*, pp. 49-84
16. Letter in *Bib. Nat. fr.* 26044, no. 5712-cit. Newhall, *op. cit.*, p. 264
17. *Calendar of Patent Rolls, Henry V* (8 April, 1421), p. 384
18. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 170
19. Juvéнал, *op. cit.*, p. 563
20. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 563
21. '*ac hospitalus fuit in castro delectabilissimo du boys de Vincennes per Seneam distance*', *ibid.*, p. 466
22. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 178
23. *The Brut of England*, Vol. II, p. 493
24. Chastellain, *op. cit.*, Vol. I, p. 313
25. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 174 ff

ЧАСТЬ XVIII. ЛАНКАСТЕРСКАЯ ФРАНЦИЯ

1. Wylie and Waugh, *op. cit.*, Vol. III, p. 143
2. Perroy, *op. cit.*, p. 219. «Генрих V поступал жестоко, без угрызений совести нанося ущерб интересам страны. Изгнания, конфискации, штрафы, — все это послужило для создания режима террора».
3. Favier, *op. cit.*, p. 463
4. Walsingham, *Historia Anglicana*, Vol. II, p. 336
5. Chartier, *op. cit.*, Vol. I, p. 13
6. Basin, *op. cit.*, Vol. II, pp. 9-10
7. Puiseux, *op. cit.*, Allmand, *Lancastrian Normandy*
8. Basin, *op. cit.*, Vol. I, pp. 106-7
9. Le Cacheux, *Actes de la Chancellerie de Henri VI*, Vol. I, pp. 253-5
10. Juvéнал, in *Dénifle*, *op. cit.*, Vol. I, pp. 502-12
11. *ibid.*, p. 511
12. Stevenson (ed.), *Letters and Papers*, Vol. I, pp. 10-19
13. *Dénifle*, *op. cit.*, Vol. I, xvi
14. Juvéнал, in *Dénifle*, *op. cit.*, Vol. I, p. 506
15. Blondel, 'De Reductione Normanniae', in *Narratives of the Expulsion of the English from Normandy*, p. 179, "Quid de tuis

sacrilegiis, Henric, rex irmanissimo, omnium sacrilegorum princeps.”

16. *Chronique du Religieux de Saint-Denys*, Vol. VI, p. 165
17. Chartier, op. cit., p. 4
18. Basin, op. cit., Vol. I, pp. 86-8. Крупный ланкастерский правед сэр Джон Фортеस्कью, находившийся во Франции в конце шестидесятих годов пятнадцатого века, сообщает: «Никогда еще люди в этом краю не были беднее, чем были в наше время простолюдины в графстве Ко, в котором даже некому было обрабатывать землю». (Округ Ко когда-то был житницей восточной Нормандии.)
19. *The First English Life of King Henry the Fifth*, p. 131
20. Chastellain, op. cit., Vol. I, p. 221
21. ibid., Vol. I, pp. 221-22, 308
22. cit. Ascoli, op. cit., p. 18
23. cit. Lewis, *Essays in Later French Medieval History*, p. 194
24. Robinet, cit. Ascoli, op. cit., p. 43
25. Commynes, *Mémoires*, Vol. II, p. 37
26. Fowler, *The Hundred Years War*, p. 23
27. Cheruel, *Histoire de Rouen sous la domination anglaise au quinzième siècle*, pp. 86-8
28. McFarlane, *The Nobility of Later Medieval England*, p. 35
29. Monstrelet, op. cit., Vol. IV, p. 117. Этим аристократом был «Мессир Сарасен д'Эйли, дядя видама (наместника епископа) Амона».
30. Juvéнал, in *Dénifle*, op. cit., Vol. I, p. 500
31. Chastellain, op. cit., Vol. I, pp. 337-9

ЧАСТЬ XIX. СМЕРТЬ

1. Waurin, op. cit., Vol. II, p. 426
2. Basin, op. cit., Vol. I, p. 79
3. Favier, op. cit., p. 455. «Будучи в конечном счете реалистом, Генрих V подспудно признавал законность притязаний Карла VII»
4. Chastellain, op. cit., Vol. I, pp. 339-40
5. Chartier, op. cit., Vol. I, p. 28
6. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 178
7. Waurin, op. cit., Vol. II, p. 428; Monstrelet, op. cit., Vol. IV, p. 116
8. *The Brut of England*, Vol. II, p. 430
9. Waurin, op. cit., Vol. II, p. 429

10. Chartier, op. cit., Vol. I, p. 6
11. Chastellain, op. cit., Vol. I, p. 312
12. Jacob, op. cit., p. 202
13. Wylie and Waugh, op. cit., Vol. III, p. 426
14. McFarlane, *Cambridge Medieval History*, Vol. VIII, pp. 384-5
15. Basin, op. cit., Vol. I, p. 89
16. *Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 320
17. Shakespeare, *King Henry V*, Act III, scene iii

ЭПИЛОГ

1. Commynes, op. cit., Vol. II, p. 256
2. *ibid.*, Vol. II, p. 240

SELECT BIBLIOGRAPHY

CHRONICLES AND OTHER CONTEMPORARY SOURCES

- Adam of Usk, *Chronicon Adae de Usk* (ed. E. M. Thompson), London, 1904.
- Basin, Thomas, *Histoire de Charles VII* (transl. C. Samaran), Paris, 1964-65.
- Blondel, Robert, *Oeuvres*, Rouen 1891.
- Blondel, Robert, 'De reductions Normanniae' in *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France* (ed. J. Stevenson), see below.
- Bouvier, Gilles Le, *Histoire Chronologique du roy Charles VII*, Paris, 1658.
- The Brut; or the Chronicles of England*, (ed. F. Brie), Early English Text Society, 1906-08.
- Cagny, Perceval de, *Chroniques de Perceval de Cagny*, (ed. H. Moranville), Paris, 1902.
- Calendar of Patent Rolls, Henry V*, London, 1910-11.
- Calendar of Signet Letters of Henry IV and Henry V*, London, 1978.
- Capgrave, John, *The Chronicle of England* (ed. F. C. Hingeston), London, 1858.
- Chartier, Alain, *L'Histoire mémorable des grands troubles de ce royaume sous le roy Charles VII*, Nevers, 1594.
- Chartier, Alain, *Le Quadrilogue invectif*, Paris, 1923.
- Chartier, Jean, *Chronique de Charles VII, roi de France* (ed. V. de Viriville), Paris, 1858.

- Chastellain, Georges, *Oeuvres* (ed. Kervyn de Lettenhove), Brussels, 1863-66.
- A Chronicle of London 1189-1483* (ed. N. H. Nicolas), London, 1827.
- Chronique du Religieux de Saint-Denys (1380-1422)* (ed. F. Bellaquet), Paris, 1839-54.
- Commynes, Philippe de, *Mémoires* (eds. J. Calmette and G. Durville), Paris, 1924-25.
- Croniques de Normandie* (ed. A. Hellot), Rouen, 1881.
- Fauquembergue, Clément de, *Journal de Clément de Fauquembergues, greffier du Parlement de Paris, 1417-1435* (ed. A. Tuetey), Paris, 1881.
- Fenin, Pierre de, *Mémoires*, Paris, 1837.
- The First English Life of King Henry the Fifth* (ed. C. L. Kingsford), Oxford, 1911.
- Fortescue, Sir John, *The Governance of England* (ed. C. Plummer), Oxford, 1885.
- Froissart, Jear, *Oeuvres: Chroniques* (ed. Kervyn de Lettenhove), Brussels, 1867-77.
- Gesta Henrici Quinti: The Deeds of Heniy the Fifth* (trans. and ed. F. Taylor and J. S. Roskell), Oxford, 1975.
- Halle, Edward, *The Union of the two Noble and Illustre Families of Lancastre and Yorke*, London, 1809.
- Hardyng, John, *Chronicle* (ed. H. Ellis), London, 1812.
- Historical Poems of the XIVth and XVth Centuries* (ed. R. H. Robbins), New York, 1959.
- Hoccleve, Thomas, *The Regement of Princes* (ed. F. J. Furnivall), Early English Text Society, London, 1897.
- Journal d'un Bourgeois de Paris, 1405-1449* (ed. A. Tuetuey), Paris, 1881.
- Juvénal des Ursins, Jean, *Histoire de Charles VI* (ed. J. A. C. Buchon), Paris, 1836.
- Juvénal des Ursins, Jean, *Ecrits politiques de Jean Juvenal des Ursins* (ed. P. S. Lewis), Paris, 1978.
- Lannoy, Guillebert de, *Oeuvres* (ed. C. Potvin), Louvain, 1878.
- Le Fèvre, Jean, Seigneur de St Remy, *Chronique* (ed. F. Morand), Paris, 1876-81.
- Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England* (ed. J. Stevenson), London, 1861-81.

- Lettres des rois, reines et autres personnages des cours de France et d'Angleterre* (ed. J. J. Champollion-Figeac), Paris, 1839-47.
- Libelle of Englyshe Polycye* (ed. G. Warner), Oxford, 1926.
- Liber Metricus: Elmham liber metricus de Henrico quinto in Memorials of Heniy the Fifth, king of England* (ed. C. A. Cole), London, 1858.
- Livius de Frulovis, Titus, *Vita Henrici Quinti* (ed. T. Hearne), London, 1716.
- Monstrelet, Enguerrand de, *Chroniques d'Enguerran de Monstrelet* (ed. L. Douet d'Arcq), Paris, 1857-62.
- Morosini, Antonio, *Chronique d'Antonio Morosini: Extraits relatifs à l'histoire de France, 1414-1428* (ed. G. Lefevre-Pontalis and L. Dorez), Paris, 1899.
- Narratives of the Expulsion of the English from Normandy MCCCCXLIXMCCCCL* (ed. J. Stevenson), London, 1863.
- Original Letters illustrative of English History* (ed. H. Ellis), London, 1824-46.
- Otterbourne, Thomas, *Chronica Regum Angliae* (ed. T. Hearne), Oxford, 1732.
- Page, John, 'The Siege of Rouen' in *The Historical Collections of a Citizen of London*, Camden Society, 1876.
- Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV*, (ed. H. C. Hingeston), London, 1860.
- Rouen au temps de Jeanne d'Arc pendant l'occupation anglaise (1419-1449)* (ed. P. Le Cacheux), Rouen and Paris, 1931.
- Rymer, Thomas, *Foedera, Conventiones*, The Hague, 1739-45.
- St Albans Chronicle, 1406-1420* (ed. V. H. Galbraith), Oxford, 1937.
- Strecche, John, *The Chronicle of John Strecche for the reign of Henry V (1414-22)* (ed. F. Taylor), Manchester, 1932.
- Upton, Nicholas, *The Essential Portions of Nicholas Upton's De Studio Militari before 1446* (ed. F. P. Barnard), Oxford, 1931.
- Vegetius, *Knughthode and Batile: A XVth Century Verse Paraphrase of Flavius Vegetius Renatus 'Treatise 'De Re Militari'* (ed. R. Dyboski and Z. M. Arend), Early English Text Society, 1935.
- Vita et Gesta Henrici Quinti* (ed. T. Hearne), London, 1727.
- Walsingham, Thomas, *Historia Anglicana* (ed. H. T. Riley), London, 1863-64.
- Waurin, Lean de, *Receuil des croniques et anchiennes istories de la Grant Bretagne a present nomme Engleterre, 1399-1422* (ed. W. Hardy), London, 1868.

SECONDARY WORKS

- Allmand, C. T., *Lancastrian Normandy: The History of a Medieval Occupation*, Oxford, 1983.
- Allmand, C. T., 'The Lancastrian Land Settlement in Normandy, 1417-50', *Economic History Review*, Second series, XXI (1968).
- Allmand, C. T., (ed.), *Society at War: The Experience of England and France during the Hundred Years War*, Edinburgh, 1973.
- Allmand, C. T., (ed.), *War, Literature and Politics in the Late Middle Ages*, Liverpool, 1976.
- Ascoli, G., *La Grande Bretagne devant l'opinion française*, Paris, 1927.
- Aylmer, G. E. and Cant, R. (eds.), *A History of York Minster*, Oxford, 1977.
- Beaucourt, G. du Fresne de, *Histoire de Charles VII*, Paris, 1881-91.
- Beaurepaire, C. de Robillard de, 'Les Etats de Normandie sous la domination anglaise', *Travaux de la Société d'Agriculture de l'Eure*, 3me serie V, Evreux, 1859.
- Boüard, M. de, *Histoire de la Normandie*, Toulouse, 1970.
- Burne, A. H., *The Agincourt War: A Military History of the latter part of the Hundred Years War from 1369 to 1453*, London, 1956.
- Calmette, J., *Les grands ducs de Bourgogne*, Paris, 1949.
- Cheruel, P-A, *Histoire de Rouen sous la domination anglaise au quinzième siècle*, Rouen, 1840.
- Clephan, R. C., 'The Ordnance of the Fourteenth and Fifteenth Centuries' *Archaeological Journal*, 2nd Series, 18, London, 1911.
- The Complete Peerage* (eds. G. E. Cockayne and V. Gibbs), London, 1910-59.
- Contamine, P., *La Guerre de Cent Ans*, Paris, 1968.
- Contamine, P., *La Vie Quotidienne pendant la Guerre de Cent Ans*, Paris, 1976.
- Contamine, P., *Agincourt*, Paris, 1964.
- Contamine, P., *La Guerre au moyen age*, Paris, 1980.
- Coville, A., *Récherches sur la misere en Normandie au temps de Charles VI*, Caen, 1886.
- Coville, A., 'Les Premiers Valois et la Guerre de Cent Ans 1328-1422' in *Histoire de France* (ed. Lavissee), Tom. IV (i), Paris, 1902.
- Denifle, H., *La désolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la Guerre de Cent Ans*, Paris, 1897-99.
- Desert, G., *Histoire de Caen*, Toulouse, 1981.

- Favier, J., "La Tourmente" in *Histoire de la Normandie*, (ed. M. de Bouard), Toulouse, 1870.
- Favier, J., *Nouvelle histoire de Paris. Paris au XVe siècle, 1380-1500*, Paris, 1974.
- Favier, J., *La Guerre de Cent Ans*, Paris, 1980.
- Fowler, K. E., *The Age of Plantagenet and Valois*, Elek, 1967.
- Fowler, K. E. (ed.), *The Hundred Years War*, London, 1971.
- Foxe, J., *The Acts and Monuments*, New York, 1965.
- Harriss, G. L. (ed.), *Henry V*, Oxford, 1985.
- Huizinga, J., *The Waning of the Middle Ages*, London, 1965.
- Jacob, E. F., *Henry V and the Invasion of France*, London, 1947.
- Jacob, E. F., *The Fifteenth Century*, Oxford, 1961.
- Jouet, R., *La Résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418-1450)*, Caen, 1969.
- Keegan, John, *The Face of Battle*, London, 1976.
- Kingsford, C. L., *Henry V*, New York, 1901.
- Kingsford, C. L., *English Historical Literature in the Fifteenth Century*, Oxford, 1913.
- Le Cacheux, P., *Acies de la Chancellerie d'Henri VI concernant la Normandie sous la domination anglaise*, Rouen, 1907.
- Lewis, P. S., *Later Medieval France: The Polity*, London, 1968.
- Lewis, P. S., (ed.), *The Recovery of France in the Fifteenth Century*, London, 1971.
- Lewis, P. S., *Essays in Later Medieval French History*, London and Ronceverte, 1985.
- Lewis, P. S., 'War Propaganda and Historiography in Fifteenth Century France', *Transactions of the Royal Historical Society*, Fifth Series, 15, 1965.
- McFarlane, K. B., *The Nobility of Later Medieval England*, Oxford, 1973.
- McFarlane, K. B., *Lancastrian Kings and Lollard Knights*, Oxford, 1972.
- McFarlane, K. B., 'England: the Lancastrian Kings, 1399-1461' in *Cambridge Medieval History*, Vol. VIII, Cambridge, 1936.
- McFarlane, K. B., *John Wycliffe and the Beginnings of English Non-conformity*, London, 1952.
- Myers, A. R., 'The Captivity of a Royal Witch', *Bulletin of the John Rylands Library*, Manchester, 1940.
- Newhall, R. A., *The English Conquest of Normandy*, New Haven, 1924.

- Newhall, R. A., 'Discipline in an English Army of the Fifteenth Century', *The Military Historian and Economist*, ii, 1917.
- Newhall, R. A., 'Henry V's Policy of Conciliation in Normandy, 1417-1422', *Anniversau Essays in Medieval History of Students of C. H. Haskins* (ed. C. H. Taylor), Boston, 1929.
- Nicolas, N. H., *History of the Battle of Agincourt and of the Expedition of King Henry the Fifth in France in 1415*, London, 1832.
- Palmer, J. J. N., *England, France and Christendom, 1377-99*, London, 1972.
- Perroy, E., *La Guerre de Cent Ans*, Paris, 1945.
- Postan, M. M., 'Some Social Consequences of the Hundred Years War', *Economic History Review*, First Series, xii, 1942.
- Postan, M. M., 'The Costs of the Hundred Years War', *Past and Present*, 27, 1964.
- Powicke, M. R., 'Lancastrian Captains', *Essays in Medieval History presented to Bertie Wilkinson* (eds. T. A. Sandquist and M. R. Powicke), Toronto, 1969.
- Pulseux, L., 'Prise de Caen par les Anglais en 1417', *Mémoires de la société des antiquaires de Normandie*, 3me. sér., xxii, 1858.
- Pulseux, L., *L'Emigration normande et la colonisation anglaise en Normandie au X^ve siècle*, Caen, 1866.
- Pulseux, L., *Caen en 1421. Appendice au siège de Caen par les Anglais en 1417*, Caen, 1860.
- Pulseux, L., 'Des insurrections populaires en Normandie pendant l'occupation Anglaise au X^v siècle', *Mémoires de la société des antiquaires de Normandie*, 2me, ser., ix, 1851.
- Roskell, J. S., *The Commons and their Speakers in English Parliaments*, Manchester, 1965.
- Rowe, B. J. H., 'Discipline in the Norman Garrisons under Bedford, 1422-35', *English Historical Review*, xlvii, 1931.
- Rowe, B. J. H., 'John, Duke of Bedford, and the Norman «Brigands»', *English Historical Review*, xlvii, 1932.
- Sarrazin, A., *Jeanne d'Arc et la Normandie au quinzième siècle*, Rouen, 1896.
- Steel, A. B., *Richard II*, Cambridge, 1941.
- Vale, M. G. A., *English Gascony, 1399-1453. A Study of War, Government, and Politics during the later stages of the Hundred Years War*, Oxford, 1970.
- Vale, M. G. A., *Charles VII*, London, 1974.

- Vaughan, R., *John the Fearless*, London, 1966.
- Vaughan, R., *Philip the Good*, London, 1970.
- Vickers, K. H., *Humphrey, Duke of Gloucester*, London, 1907.
- Wedgwood, J. C., *History of Parliament, Biographies of Members of the Commons House, 1439-1509*, London, 1936.
- Wylie, J. H., *History of England under Henry IV*, London, 1884-98.
- Wylie, J. H. and Waugh, W. T., *The Reign of Henry the Fifth*, Cambridge, 1914-29.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	5
ХРОНОЛОГИЯ	11
ВВЕДЕНИЕ	13
УЗУРПАТОРЫ	20
ПРИНЦ ГЕНРИХ И ПРИНЦ ОУЭН	40
«ОН МОГ БЫ УЗУРПИРОВАТЬ КОРОНУ»	64
«НИКАКОГО ПРАВА»	78
АНГЛИЙСКАЯ АРМАДА	102
«НАШ ГОРОД ГАРФЛЕР»	125
«ТОТ ЖУТКИЙ ДЕНЬ АЗЕНКУРА»	134
«НАУЧИТЬ ФРАНЦУЗОВ УЧТИВОСТИ»	157
ПАДЕНИЕ КАНА	180
ПАДЕНИЕ РУАНА	201
НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ – НАОБОРОТ	217
УБИЙСТВО ЖАНА БЕССТРАШНОГО	232
«НАСЛЕДНИК И РЕГЕНТ ФРАНЦИИ»	254
ПАДЕНИЕ ПАРИЖА В 1420 ГОДУ	269
ЛАНКАСТЕРСКАЯ НОРМАНДИЯ	280
«ОБИРАЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В КОРОЛЕВСТВЕ»	298
ПАДЕНИЕ МО	318
ЛАНКАСТЕРСКАЯ ФРАНЦИЯ	340
СМЕРТЬ	361
ЭПИЛОГ	374
ПРИМЕЧАНИЯ	381
SELECT BIBLIOGRAPHY	391

Научно-популярное издание

Сьюард Десмонд
ГЕНРИХ V

Технический редактор Е. В. Михалкина

Корректор Л. Л. Тубен

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.96. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Antiqua». Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 21,42. Усл. кр.-отт. 21,42. Тираж 5000 экз. Заказ 191.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.